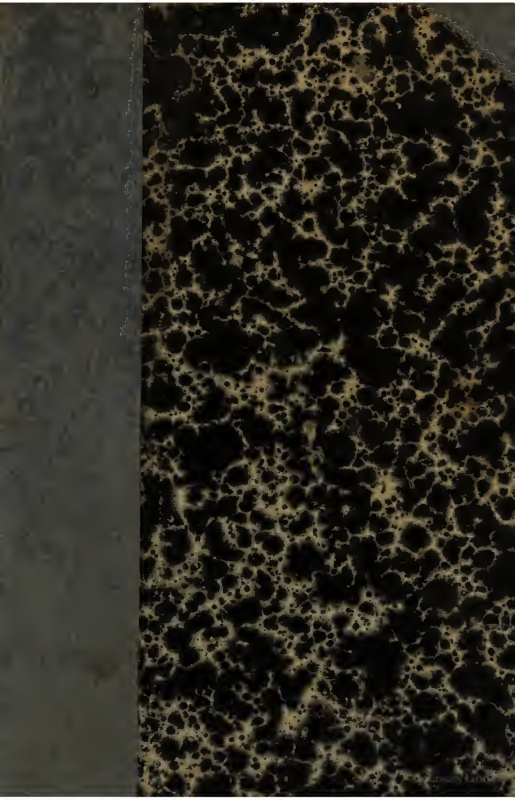

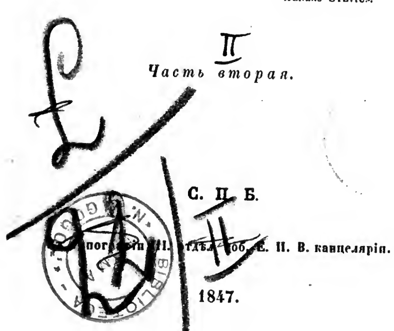
Римскія Письма.

РИМСКІЯ

ПИСЬМА.

Oblectat me, Roma, tuas spectare ruinas,
AENEAS SYLVIUS.

II
Часть вторая.

С. П. Б.

Типографіи III. Отдѣл. Соб. Е. И. В. канцеляріи.

1847.

От Комитета Санктпетербургской Духовной Цензуры, печатать дозволяется. Августа 4 дня 1846 года.

Цензор, Казанскаго Собора Протоiерей

Тимоѳей Никольскiй.

ПИСЬМО X.

Катакомбы Св. Агнисы.

Вскорѣ послѣ катакомбъ Севастіяновыхъ имѣлъ я случай видѣть другія, Св. Агнисы, одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ первобытнаго Христіанства въ Римѣ, и видѣлъ ихъ съ большею отчетливостію. Отецъ Марки, ордена Іезуитскаго, извѣстный своимъ ученымъ изслѣдованіемъ о катакомбахъ, согласился быть моимъ руководителемъ въ священныхъ подземельяхъ, на основаніи коихъ соорудилась первоначаль-

ная славная Церковь Рима, ибо нигдѣ не было пролито столько мученической крови, какъ въ столицѣ языческаго міра. Катакомбы Св. Агнисы, за вратами Пія, на древней дорогѣ Нументанской, были предпочтительно избраны имъ для осмотра, потому что, забытыя въ теченіи многихъ столѣтій, онѣ только недавно разрыты и сохранили въ себѣ болѣе остатковъ Христіанскихъ, нежели катакомбы Св. Севастіяна и Лаврентія. Отраднѣе самой учености, была для меня сердечная простота отца Марки, который исключительно посвятилъ себя своему предмету и излагалъ его съ чрезвычайною скромностію, не оставляя безъ вниманія и тѣхъ замѣчаній, какія ему дѣлали. Дорогою онъ весьма простодушно признался, что въ теченіи двадцатипятилѣтняго пребыванія своего въ Римѣ, какой-то неизъяснимый страхъ овладѣвалъ имъ, при одной мысли о катакомбахъ, и только необычайный случай заставилъ его туда спуститься. Ревнитель древности и святыни Христіанской, онъ прочелъ, въ одномъ Французскомъ журналѣ, мнѣніе весьма не-

правильное о катакомбахъ, будто бы въ нихъ тѣла мученическія смѣшаны были съ языческими, и это заставило его изслѣдовать истину на самомъ мѣстѣ, насъ же всѣхъ подарило великолѣпнымъ трудомъ его, о катакомбахъ, единственномъ въ своемъ родѣ.

«Я потерялъ много времени, говорилъ смиренно отецъ Марки, и теперь стараюсь загладить прошедшее, но уже не предвижу возможности окончить обширнаго предпріятія». Съ утѣшеніемъ разсказывалъ онъ, какъ, не задолго до Пасхи, работники, которыхъ онъ отъ себя нанималъ, для разрытія подземельевъ, нечаянно откопали на древней дорогѣ Саларской, около Тибра, каменную лѣстницу и гробницу, съ живописными украшеніями, въ коей, по ученымъ своимъ изысканіямъ, предполагаетъ что хранятся останки Св. мученика Іакинѳа, пострадавшаго въ третьемъ вѣкѣ при Валеріанѣ. Другой мученикъ Протъ, взятъ былъ изъ той же могилы, Папою Симмахомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись Ватиканская, ибо его тѣло покоилось поверхъ Іакинѳова; оба были вѣрными

служителями Св. дѣвы Евгеніи, пострадавшей въ томъ же гоненіи и погребены въ катакомбахъ одинъ надъ другимъ. Папа, получивъ донесеніе о томъ, велѣлъ сдѣлать еще нѣсколько окончательныхъ изслѣдованій, прежде открытія мученическихъ останковъ, и ревностный ихъ искатель, съ нетерпѣніемъ, ожидалъ сего радостнаго дня.

Когда мы всѣ собрались въ пустынномъ виноградникѣ, около устья катакомбъ, отецъ Мàрки, велѣлъ каждому зажечь свою свѣчу и первый сталъ спускаться въ подземелье, по каменной лѣстницѣ, довольно удобной; я слѣдовалъ сейчасъ за нимъ, чтобы не потерять ни одного слова. «Не думайте, сказалъ онъ, чтобы первые Христіане, во времена гоненій, спускались такимъ же удобнымъ путемъ, какъ и мы, въ ихъ подземелье: нѣтъ, эти ступени изсѣчены гораздо позже, когда усердіе къ гробамъ мучениковъ возбуждало многихъ искать себѣ, подлѣ нихъ, мѣсто упокоенія. Вы увидите далѣе, какъ проникали сюда гонимые, съ священными останками; но васъ надобно предварить, что всѣ кладбища на-

ходились подъ холмами, для удобства копанія земли и ради меньшей сырости. Ихъ щиталось до семидесяти около Рима, который былъ окруженъ ими, какъ могильнымъ поясомъ ,и всѣ онѣ соединялись, между собою, подземельными переходами; одинъ только Тибръ служилъ имъ преградою, и потому катакомбы раздѣлены имъ на двѣ не равныя части. Самая обширная простирается отъ Ponte Molle, у древней дороги Саларской, около Св. Агнисы, Лаврентія и Маркелина, между водопроводовъ и собора Латеранскаго, до Св. Севастіяна, и далѣе до базилики Св. Павла, гдѣ опять прекращаетъ ее Тибръ; а другая охватываетъ собою всю затибрскую часть города, оканчиваясь Ватиканомъ, гдѣ подъ садами Нерона погребенъ былъ Св. Петръ. Большая часть сихъ подземныхъ сообщеній уже обвалилась, но въ нѣкоторыя изъ нихъ я могъ еще проникнуть.»

Разсуждая такимъ образомъ, мы уже шли по самымъ катакомбамъ, которыя отчасти напоминали Кіевскія, своими тѣсными переходами, но не грунтомъ земли, ибо тамъ

песокъ, а здѣсь волканическая розсыпь, называемая пуццоланою. По обѣимъ сторонамъ, съ низу и до верху, прокопаны были могильныя ложа всѣхъ возрастовъ, ибо не разбиралъ ихъ мечь языческій; иногда только останки, въ полномъ смыслѣ reliquia, находили здѣсь послѣдній пріютъ. Всѣ ложа были открыты и пусты, въ нѣкоторыхъ еще видны кости, но не мученическія, ибо особенные признаки отличали сіи послѣдніа: Греческая монограмма имени Христова, (что здѣсь объясняютъ словами pro Christo) и пальма, если кончина была безъ кровопролитія, хотя и съ истязаніемъ, а въ противномъ случаѣ склянка, съ частію сей драгоцѣнной крови, вставлялась въ изголовье мученика, часто безъименнаго, но вписаннаго на небесахъ въ книгу жизни. Такихъ фіаловъ, съ священными на нихъ изображеніями, много хранится въ Ватиканѣ. Мѣсто головы всегда обозначено въ сихъ мученическихъ ложахъ, которыя представляются безчисленными ячейками обширнаго улья, гдѣ собирался вѣками священный сотъ ихъ. Коегдѣ видны еще начер-

танныя слова: «покойся въ мірѣ» когда уже пусто самое мѣсто покоя, или трогательное «уповай на Бога», или вѣнокъ, ожидающій всѣхъ возлюбившихъ пришествіе Христово, по словамъ Апостола, символъ торжества, столь трогательный на этомъ поприщѣ смерти; кое гдѣ видно полуразбитое имя одного лица, или цѣлаго семейства, иногда мѣсто могильной лампады, для освѣщенія извивистыхъ переходовъ, вездѣ глаголъ смерти, только начатый здѣсь подъ землею, но котораго послѣднія буквы, уже звучатъ жизнію на небесахъ.

Сладкое чувство исполнило душу мою во мракѣ катакомбъ; мнѣ казалось, я иду райскою стезею новаго Эдема, укрывшагося отъ лица растлѣнной земли, или узкимъ путемъ царствія, вводящаго въ наслѣдіе Христово, посреди безчисленнаго народа его наслѣдниковъ: ибо, если не уцѣлѣли здѣсь ихъ кости, то благовоніе ихъ святыни, доселѣ исполняетъ послѣдній пріютъ столькихъ мучениковъ. Но въ нѣдрахъ земли, гдѣ все говоритъ только о Христѣ, или пострадало за Христа, иногда горько вспо-

миналъ я о томъ, что дѣлается надо мною, поверхъ земли, и внутри самаго меня; я жаждалъ чтобы только одинъ священный монограмъ Божественнаго имени отпечатанъ былъ въ моемъ грѣшномъ сердцѣ, какъ на тѣхъ гробахъ, мимо коихъ я шелъ, и которыхъ каждое отверстіе обличало меня своими краснорѣчивыми устами. Видя нѣсколько заключенныхъ ложей, посреди столькихъ отверстыхъ, которыя подымались многими ярусами, по обѣимъ сторонамъ тѣснаго перехода, я спросилъ моего ученаго руководителя: почему остались онѣ неприкосновенными, и какъ давно разрыты сіи подземелья? —

«Всѣ сіи отверстыя гробницы,» отвѣчалъ онъ, «были также неприкосновенны, въ первые шесть вѣковъ Христіанства, подъ священною стражею клириковъ, уже процвѣтшаго вѣрою Рима; никто и сомѣлъ разрывать ихъ, но всѣ напротивъ того стремились положить кости свои подлѣ костей мученическихъ. Посему священныя кладбища не только не умалялись, но еще распространились послѣ гоненія, и это благочестивое стремленіе осо-

бенно замѣтно въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ: но въ шестомъ оно остыло, ибо Христіане стали искать себѣ мѣсто упокоенія, поверхъ земли, въ оградѣ обителей. Отъ того и встрѣчается здѣсь такъ много могилъ, безъ символовъ мученія, посреди мученическихъ, и это тѣ, которыя доселѣ закладены, потому что не было причины разрывать ихъ. Когда же въ шестомъ вѣкѣ ослабѣла держава Римская, и страшные набѣги Лонгобардовъ, Сарацынъ и Норманновъ, стали опустошать окрестности столицы, Папы начали переносить останки мучениковъ во внутренность города, чтобы предохранить ихъ отъ поруганія варваровъ; Вонифатій IV перевезъ ихъ торжественно, на шестидесяти колесницахъ, въ древній Пантеонъ, освященный имъ въ церковь всѣхъ мучениковъ. Послѣ того, въ темную эпоху среднихъ вѣковъ, большая часть катакомбъ, исключая самыхъ знаменитыхъ, около базиликъ, была оставлена и даже забыта; только въ предыдущемъ столѣтіи начались изслѣдованія нѣкоторыхъ, какъ на примѣръ Св. Агнисы. Первыя крипты,

жена Тайная вечеря, хотя отчасти поврежденная сыростію. Внутри гроба, служившаго престоломъ, видно было двойное мѣсто для мощей и даже углубленіе для головы, съ лѣвой стороны. Нѣкоторые фрески сей пещерной церкви пострадали отъ сырости, но сохранилось довольно хорошо символическое изображеніе Спасителя, подъ видомъ благаго пастыря, съ двумя овцами и кринками молока у ногъ его. Такъ явился онъ во снѣ блаженнымъ мученицамъ Карѳагенскимъ, Перпетуѣ и Фелицитатѣ, наканунѣ ихъ смерти, и можетъ быть, это подало мысль изобразить его въ такомъ видѣ. Отецъ Марки воспользовался случаемъ, чтобы замѣтить, какъ осторожно надобно судить, о первоначальныхъ украшеніяхъ Христіанскихъ святилищъ, ибо часто художники, подъ разными аллегоріями, развивали какую либо притчу на примѣръ: «азъ есмь лоза, вы же рождія»; отъ сего начала переходили къ воздѣлыванію винограда и виподѣлію. Онъ указалъ мнѣ, около самыхъ дверей, родъ жертвенника, гдѣ ставились сосуды, (а быть можетъ совершалась про-

мидія,) надъ дверьми же нѣсколько голубей, прекрасной живописи, и Моисея, изсѣкающаго воду изъ камня, но не въ видѣ старца, а въ юношескомъ возрастѣ.

«Христіане, сказалъ отецъ Марки, изображали иногда символически въ лицѣ Моисея, начальника древняго народа, нынѣшнею главу новаго, Апостола Петра, и о томъ свидѣтелствуетъ надпись, Petrus, которая находится иногда подлѣ.»— По моему мнѣнію, хотя и легко можетъ быть, что Христіане Римскіе видѣли въ Петрѣ родоначальника, какъ основателя своей Церкви, но больше вѣроятія, что это символическое лице изображало Господа, сходно съ тѣмъ, какъ писалъ Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ; надпись же, Petrus, которой я впрочемъ не видалъ, могла быть: petra, т. е. камень, означавшій Христа. «Не хочу, братія, оставить васъ въ невѣденіи, что отцы наши всѣ были подъ облакомъ, и всѣ прошли сквозь море, и всѣ крестились въ Моисея, въ облакѣ и въ морѣ, и всѣ одну и ту же духовную пищу ѣли, и всѣ одно и то же духовное питіе пи-

ли, ибо пили изъ духовнаго грядущаго камня, камень же былъ Христосъ.» (1 Кор. гл. X. ст. 1, 2, 3, 4.)

Неподалеко находилась и третія погребальная комната, или церковь, съ такими же впадинами и остатками живописи, менѣе сохранившейся; но образъ благаго Пастыря былъ въ ней не на престолѣ, а надъ аркою, полузакладенною, потому что въ ней лежали не мученическія тѣла; кто изъяснитъ всѣ таковые оттѣнки? Церкви сіи давно уже были извѣстны ученому міру, но открытіе остальныхъ принадлежитъ ревностному Iезуиту. Узкая галлерея, по которой мы шли, сдѣлалась покатою и скользкою, потому что надъ нею было нѣкогда пробито отверстіе для воздуха, какія всегда встрѣчаются предъ входомъ въ подземныя церкви. Здѣсь же провалилась земля и, сквозь это отверстіе, засыпала остальную часть катакомбъ; но усердіе ихъ изслѣдователей щедро было вознаграждено, открытіемъ другихъ болѣе пространныхъ церквей, хотя и безъ живописи, но съ высокими сводами и съ карнизомъ, для поста-

новленія иконъ, особенно складныхъ, которыя тогда преимущественно употреблялись, по словамъ отца Марки. Въ первой церкви, предъ широкимъ престоломъ, изсѣчены были бокомъ къ нему, два сѣдалища, другъ противъ друга, а за престоломъ находилась еще другая глубокая впадина, въ видѣ арки.

Кресла сіи, по объясненію ученаго Iезуита, служили для духовниковъ, когда они принимали исповѣдь Христіанъ, стоявшихъ предъ ними на колѣнахъ. Не знаю, до какой степени это справедливо, но во всякомъ случаѣ странно взаимное положеніе двухъ креселъ, развѣ быть можетъ и эта комната служила для оглашенныхъ. Что же касается до арки, позади престола, то, по словамъ его, первые Христіане, желая быть погребенными подлѣ мучениковъ, ставили свои гробы иногда впереди, иногда сзади и даже сверху ихъ гробницъ, истребляя для сего самую живопись сводовъ. Подлѣ сей церкви другая, совершенно ей подобная, по высотѣ сводовъ и карнизамъ, имѣла только одно сѣдалище

подлѣ престола, а такъ какъ обѣ находились, почти подъ самою базиликою Св. Агнисы, сооруженною великимъ Константиномъ, то отецъ Марки предполагалъ, что здѣсь были сперва погребены обѣ мученицы: Агниса и сестра ея, Эмеретіана, пострадавшія въ послѣднія гоненія Діоклитіана. Однако, съ обычною своею скромностію, нашъ опытный вожатый не выдавалъ своего мнѣнія за истину историческую, а только утѣшалъ себя такимъ предположеніемъ, за многіе труды свои.

По выходѣ изъ послѣдней церкви, онъ указалъ мнѣ еще нѣсколько мученическихъ знаковъ на стѣнахъ, съ пальмами и монограммами, и остатки надписи на разбитой доскѣ, съ именами почившихъ и желаніемъ мира. Потомъ, поставивъ свѣчу свою на помостъ, началъ подыматься по землянымъ ступенямъ, въ верхнія галлереи, которыя были просторнѣе и выше нижнихъ. «Теперь вы лучше поймете катакомбы, сказалъ онъ, потому что мы стоимъ у ихъ начала, подъ самою дорогою» и въ ту минуту стукъ колесъ, надъ нашею головою,

засвидѣтельствовалъ истину его словъ. «Такъ какъ самымъ опаснымъ дѣломъ, для Христіанъ, было перенесеніе тѣлъ мученическихъ, съ мѣста ихъ убіенія до кладбища, то сіи кладбища не могли быть далеко отъ стѣнъ города; отъ того вы и видите ихъ такое множество, вокругъ всего Рима. Но какимъ образомъ войти въ катакомбы и не быть примѣченнымъ? — всему научила нужда и любовь къ святынѣ. Христіане воспользовались обширными рудниками, изъ коихъ язычники добывали волканическую землю, которая донынѣ употребляется, какъ лучшая известь, для постройки и даже вывозится отселѣ въ Европу. Рудники сіи были оставляемы язычниками, по мѣрѣ открытія другихъ болѣе обильныхъ, а такъ какъ они имѣли множество выходовъ, то Христіане, тщательно ихъ изучавшіе, внезапно пропадали подъ землю, съ священною ихъ ношею. Но не такъ легокъ былъ переходъ, изъ перваго яруса подземелья въ нижній, гдѣ заключались самыя катакомбы, потому что не было этой покойной лѣстницы, по которой мы

теперь сошли: я укажу вамъ иное устье.» Въ самомъ дѣлѣ онъ подвелъ меня къ четвероугольному отверстію, въ видѣ трубы, сквозь которую мелькалъ тусклый блескъ свѣчи, нарочно оставленной имъ въ нижнемъ ярусѣ. — Когда же онъ сталъ бросать въ отверстіе куски зажженой бумаги, то внутри его постепенно освѣщались впадины для рукъ и для ногъ, по коимъ спускались и подымались гонимые Христіане, подобно тому, какъ это и теперь дѣлается въ глубокихъ колодцахъ, внутри пирамидъ Египетскихъ. Такъ открылась намъ тайна первыхъ вѣковъ; всѣ же прочіе входы и исходы, если они и были, тщательно закладывались камнями, и отъ того язычники не такъ легко находили свои жертвы въ катакомбахъ.

Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на это священное устье, чрезъ которое спустилось столько мученическихъ мощей и столько великихъ подвижниковъ, коихъ не былъ достоинъ весь міръ, по словамъ Апостола Павла: «но которые каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убій-

ствомъ меча умроша, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ;» (Евр. XI. 37, 38, 39.) и я ужаснулся такому облаку свидѣтелей, которыми мы обложены, дабы всегда взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса, съ трепетомъ проходили предлежащее намъ поприще. Мы спустились опять, тою же лѣстницею, въ тотъ же переходъ и, послѣ многихъ изворотовъ, достигли наконецъ на противоположномъ концѣ катакомбъ, самаго любопытнаго и утѣшительнаго для моего сердца, — главной соборной церкви сего священнаго подземелья. Она была устроена совершенно по чину нашихъ Восточныхъ, православныхъ церквей, то есть: съ алтаремъ и трапезою, и отдѣльнымъ жертвенникомъ, какъ мнѣ это весьма ясно представлялось, вопреки отцу Марки, ибо Римляне хотятъ все объяснить по своему нынѣшнему чиноположенію. Галлерея, по которой мы шли, отдѣляла одну половину церкви отъ другой, и примыкала къ третьему подземному покою. Въ главномъ от-

дѣленіи на правой рукѣ, которое служило церковію, сохранился еще олтарь въ углубленіи, подъ весьма низкимъ сводомъ, когда напротивъ самая церковь высока. На горнемъ мѣстѣ есть еще каменная каѳедра Епископа, и для пресвитеровъ, полукружіемъ скамьи, подъ которыми были также гробы, какъ и во всѣхъ стѣнахъ. Не видно мѣста престола, но должно предполагать его внутри олтаря, ибо по краямъ онаго, двѣ сохранившіяся полуколонны, могли служить опорою иконостаса, если только перегородка, отдѣлявшая олтарь, не находилась дальше между двумя противоположными впадинами; въ нихъ показываютъ обломки статуй, но мнѣ сомнительно, чтобы онѣ существовали тогда въ церквахъ, при томъ отвращеніи, которое питали къ идоламъ первые Христіане, а церковь сія конечно принадлежала ко второму вѣку; у входа, съ лѣвой стороны, родъ жертвенника въ углу, и надъ нимъ карнизъ для иконъ. Я сказалъ отцу Марки, что узнаю совершенно устройство церкви Восточной, и указывалъ ему положеніе престола и горняго мѣ-

ста, на что почти онъ соглашался; но одинъ изъ аббатовъ съ нами бывшихъ, утвердительно говорилъ, что горняя каѳедра служила для проповѣди, какъ и въ прочихъ базиликахъ, потому что Римляне не хотятъ, или не могутъ понять нашего богослуженія; такимъ образомъ отдѣленіе, съ лѣвой стороны галлереи, напротивъ церкви, которое мнѣ представляется трапезою, они называютъ притворомъ женскимъ, хотя и это можетъ быть справедливо; но едва ли разбитый гробъ, на концѣ ея, совершенно напротивъ главнаго алтаря, служилъ въ первыя времена престоломъ.

Главный вопросъ состоялъ въ боковой комнатѣ, которую называютъ притворомъ оглашенныхъ, хотя она совершенно въ сторонѣ и имѣетъ ту же форму, какъ и самая церковь, но только въ меньшемъ размѣрѣ. Въ правой ея оконечности видѣнъ престолъ, который, какъ я полагаю, служилъ жертвенникомъ, потому что онъ находится на сѣверъ отъ главнаго алтаря, какъ и въ катакомбахъ Св. Севастіяна, гдѣ также не знаютъ, какое имя дать этому отдѣльному

покою. Противъ входа изъ галлереи, есть еще престолъ, или бывшая гробница во впадинѣ, а надъ нею, въ полукружіи арки, образъ знаменія Божіей Матери, хорошо сохранившійся и, по сторонамъ ея, два молящіяся лица, на верху же арки Спаситель. Отецъ Марки не зналъ утвердительно, что это ликъ Спасителя, потому что ему казалось страннымъ повтореніе той же иконы Господа, и на лонѣ Божіей Матери и на аркѣ. — Касательно иконы Знаменія онъ говорилъ, что пречистая Дѣва представлена въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми къ небу руками и Божественнымъ младенцемъ на персяхъ, для того что бы видно было, въ самомъ ея прославленіи, различіе подобающаго ей чествованія, отъ поклоненія, какое свойственно Божеству, ибо она сама молится Сыну своему и Богу. Я нашелъ такое объясненіе весьма удовлетворительнымъ, но увѣрялъ его, что на аркѣ точно изображенъ ликъ Спасителя, ибо повторенія такого рода бываютъ всегда на иконостасахъ нашихъ: въ первомъ ярусѣ изображается Господь Саваоѳъ, проявляю-

щій Сына въ лонѣ своемъ, которому поклоняются Праотцы, жившіе до закона; во второмъ Божія Матерь, съ знаменіемъ предвѣчнаго Младенца, предъ коимъ также благоговѣютъ Пророки, съ хартіями своихъ предсказаній въ рукахъ, — это Церковь подзаконная до Христа; наконецъ, въ третьемъ ярусѣ, самъ Господь Іисусъ, въ видѣ великаго Архіерея, — образъ Церкви новозавѣтной, имѣя по сторонамъ двѣнадцать Апостоловъ, а подъ собою двѣнадцать главныхъ праздниковъ, заимствованныхъ изъ евангельскихъ событій. Самая же икона Божіей Матери, не историческая а символическая, ибо она не представлена, имѣющею въ объятіяхъ своихъ Сына, а только проявляющею его міру, и такую точно икону Знаменія принесла изъ Іерусалима въ Царьградъ Императрица Евдокія, а оттолѣ похитили ее крестоносцы въ Венецію. Отецъ Марки казалось со вниманіемъ слушалъ объясненіе нашего иконостаса и вспомнилъ, что точно видѣлъ икону сію въ соборѣ Св. Марка.

Уже мы были близки къ выходу и ма-

лый свѣтъ, падая въ устье катакомбъ, сливалъ по немногу сіяніе нашихъ свѣчей, съ лучами солнца. Сторожъ сего подземелья простодушно расказывалъ отцу Мàрки, что Англичанки, съ которыми мы встрѣтились при спускѣ въ катакомбы, готовы были цѣловать его руки отъ того только, что онѣ всегда обращаются съ такою святынею, каковы кости мучениковъ. Я сказалъ ему, что также въ свою очередь согласенъ это сдѣлать, и купилъ у него погребальную лампаду. Въ слѣдъ за добрымъ отцомъ Мàрки, вышелъ я по той же лѣстницѣ изъ катакомбъ, и хотя вздохнулъ свободно на свѣжемъ воздухѣ, посреди роскошной природы Рима, въ объемѣ его лазуревыхъ горъ и небесъ, однако вздохнулъ и о томъ, что видѣлъ въ священномъ подземельи, которое оставило глубокое впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ.

«Вотъ здѣсь течетъ Аніо, за этимъ малымъ холмомъ, сказалъ мнѣ отецъ Мàрки, и потому далѣе уже не могли простираться катакомбы; здѣсь пролегала древняя

дорога Нументанская; нѣсколько далѣе за мостомъ, который перекинутъ черезъ Тевероне или Аніо и былъ устроенъ знаменитымъ вождемъ Нарзесомъ, та священная высота для Римлянъ, куда два раза удалялся народъ отъ притѣсненій Патриціевъ; а вотъ, на обратномъ пути нашемъ, самая базилика Св. Агнисы, сооруженная великимъ Константиномъ, по просьбѣ его сестры Константіи.»

Послѣ назидательнаго зрѣлища катакомбъ, утѣшительно было заглянуть и въ ту древнюю базилику, которая дала имъ свое имя. Нѣсколько разъ обновляемая, она сохранила однако болѣе другихъ первобытный видъ свой. Папа Онорій первый много поддержалъ ее, въ началѣ седьмаго вѣка, и украсилъ богатыми мозаиками, посему и самъ онъ изображенъ, на главной аркѣ поверхъ престола, подносящимъ церковь сію Св. Агнисѣ, которую вѣнчаетъ небесная рука изъ облаковъ. Послѣ опустошеній Лонгобардскихъ, во дни Карла великаго, Папа Адріанъ 1 простеръ свои пастырскія заботы и на расхищенныя

ими святилища. Еще два опустошенія постигли ее, при Императорахъ Фридрихѣ II и Карлѣ V, но всегда возобновляла ее рука Святителей Римскихъ; послѣднее обновленіе происходило при Павлѣ V, изъ дома Боргезе, въ началѣ семнадцатаго вѣка: онъ самъ перенесъ мощи святой дѣвы, въ серебреной ракѣ, подъ великолѣпный престолъ, имъ устроенный изъ лучшихъ мраморовъ; но это торжество стоило ему жизни, потому что простудился въ подземной церкви и скончался недѣлю спустя.

Широкая мраморная лѣстница ведетъ въ ея священную внутренность, напоминая собою спускъ въ Геѳсиманскую пещеру Богоматери. Четырнадцать великолѣпныхъ столбовъ, разнороднаго мрамора, но всѣ ордена Коринѳскаго, поддерживаютъ верхнія галлереи гдѣ стояли женщины, и галлереи сіи также украшены другимъ ярусомъ, столь же роскошныхъ колоннъ. Эта двухъ ярусная колоннада, свойственная прежде почти всѣмъ базиликамъ, сохранилась только у Св. Агнисы, и роскошь столбовъ ея

взятыхъ изъ древнихъ капищъ, превосходитъ всѣ прочія церкви Рима. Четыре порфировыхъ столба, изъ коихъ два прозрачные, какъ бы алебастровые, поддерживаютъ высокую сѣнь надъ престоломъ; позади его еще видно горнее мѣсто, съ мраморною каѳедрою Епископа и сопрестоліемъ для пресвитеровъ; сводъ украшенъ мусіею и латинскими стихами новѣйшихъ временъ. По обѣимъ сторонамъ есть углубленія, для жертвенника и діаконикона, и проглядываетъ, сквозь западное убранство, первоначальная восточная форма Христіанскаго святилища. Мраморное изваяніе Спасителя, сдѣланное геніальнымъ рѣзцомъ Микель-Анджело, стоитъ въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ.

Не далеко отъ базилики, въ виноградникѣ, находится другая круглая церковь Констанціи, гдѣ крещена была сія сестра великаго Императора, вмѣстѣ съ его дочерью, того же имени, и гдѣ обрѣтенъ былъ пышный ея саркофагъ, весь въ изваяніяхъ изъ порфира; онъ теперь сохраняется въ Ватиканѣ, подлѣ саркофага Св. Елены, который

совершенно въ томъ же вкусѣ, и найденъ въ одной изъ сосѣднихъ виллъ, потому что эта часть окрестностей Римскихъ принадлежала исключительно семейству великаго Константина. Мощи блаженной Констаптіи и Эмеретіаны, сестры Св. Агнисы, хранятся подъ олтаремъ, на мѣстѣ древней купели, ибо здѣсь была первоначально крещальня, которую Папа Александръ IV обратилъ въ церковь, не ранѣе тринадцатаго вѣка; двадцать четыре гранитныхъ столба поддерживаютъ вѣнецъ архитравы и сферическій куполъ; но самая форма кругообразнаго храма и древнія его мозаики, которыя представляютъ геніевъ, срывающихъ виноградные грозды, и разные образы винодѣлія, подаютъ многимъ поводъ предполагать, что крещальня Христіанская была нѣкогда капищемъ Вакха; опытныя замѣчанія отца Марки, о древней символикѣ Христіанъ, должны сдѣлать насъ осторожными въ сужденіяхъ такого рода. Крещальня и базилика, одна подлѣ другой, обѣ видѣвшія дни великаго Константина и нынѣ забытыя въ пустынѣ,

надъ катакомбами, также забытыми, производятъ глубокое впечатлѣніе на сердце, проникнутое священнымъ ужасомъ первоначальныхъ подземныхъ жилищь и кладбищь Христіанскихъ.

ПИСЬМО XI.

Церкви на холмахъ Целійскомъ и Эсквилинскомъ дворецъ Квиринальскій.

Пользуясь снисходительностію и опытностію моихъ руководителей, я продолжалъ отъ времени до времени, посѣщать различныя церкви Рима, болѣе извѣстныя по своей древности, или по какой либо особенной святынѣ. Онѣ всегда открыты до полдня, по причинѣ совершающагося въ нихъ богослуженія или ради посѣтителей, и потомъ опять въ три часа, послѣ отдыха клириковъ, до самаго вечера; даже и тѣ церкви,

въ которыхъ не всегда бываетъ служба, исключая самыхъ отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ любопытными, доступны для каждаго въ это время дня; такого рода распредѣленіе часовъ весьма благопріятно тому, кто желаетъ насытить душу свою ихъ священными воспоминаніями. — Но изъ всѣхъ церквей Римскихъ, столь многочисленныхъ и роскошныхъ, ни одна не производила столь сладкаго впечатлѣнія на мое сердце, какъ церковь Св. Климента. Убогая по наружности, она стоитъ не посреди шумной суеты новаго города, но за пустынными развалинами Колизея, на скатѣ холма Целійскаго, оживленнаго только церквами и обителями; скромная дверь ея всегда открыта проходящимъ въ соборъ Латеранскій отъ Колизея; но какая древность и святыня обвѣютъ каждаго, кто только взойдетъ въ ея завѣтную ограду! Рука времени и людей почти не коснулась святилища, и если бы позлащенный потолокъ не замѣнилъ, въ недавніе годы, обнаженныхъ дотолѣ брусьевъ ея крыши, можно было бы совершенно перенестись мыслію,

къ первымъ вѣкамъ Христіанства, на мѣсто жительства Св. Папы Климента; онъ сооружена частію изъ остатковъ дома его, однимъ изъ святыхъ его преемниковъ, Сильвестромъ. — Только, со стороны главнаго входа, Адріянъ I замѣнилъ, довольно тяжелымъ портикомъ, прежній обветшавшій притворъ: но внутренность церковнаго двора, обставленнаго двѣнадцатью гранитными столбами, совершенно напоминаетъ первобытныя преддверія Христіанскихъ храмовъ, гдѣ стояли у дверей церковныхъ обуреваемые и кающіеся, испрашивая себѣ молитвъ у мимоходящихъ.

Весьма замѣчательна внутренность базилики, раздѣленной на три части двумя рядами колоннъ, изъ коихъ двѣ, ближайшія къ олтарю, мраморныя съ Дорическими украшеніями, а прочія гранитныя. Самый олтарь возвышенъ, тремя ступенями, надъ помостомъ и отдѣленъ отъ него мраморною преградою. Онъ сохранилъ древнее свое устройство, потому что въ его углубленіи еще стоитъ каменная каѳедра святительская, съ сопрестоліемъ для пресвитеровъ,

и доселѣ существуетъ тройное его раздѣленіе; но теперь бывшіе жертвенникъ и діакониконъ обращены въ придѣлы Богоматери и Предтечи. Предъ олтаремъ, на срединѣ церкви, довольно большое пространство отдѣлено для клира, также мраморною оградою, внутри коей, съ обѣихъ сторонъ, возвышаются два амвона для чтенія Евангелія и Апостола и для проповѣди. Правый изъ сихъ амвоновъ, менѣе украшенный, имѣетъ даже два налоя, одинъ обращенный въ олтарю, а другой къ народу; монограмма имени Іоанна изваяна на каждой плитѣ сей ограды, какъ предполагаютъ, Папы Іоанна VIII, обновителя церкви Климентовой. Особеннаго вниманія достоинъ мозаическій полукуполъ олтаря, хотя и обновленный около IX или XI вѣка, но вѣроятно по прежнимъ рисункамъ. На лицевой его аркѣ изображенъ Спаситель, съ двумя парящими Ангелами въ бѣлыхъ одеждахъ, и подъ ними два верховные Апостолы, съ Папою Климентомъ и Архидіакономъ Лаврентіемъ, а еще ниже Пророки Іеремія и Исаія, съ хартіями своихъ пророчествъ,

которые стоятъ надъ двумя священными градами, Іерусалимомъ и Виѳлеемомъ. Въ полукуполѣ изображенъ мусіею распятый Господь, съ божественною своею Матерію и возлюбленнымъ ученикомъ по сторонамъ, и съ ликами Святыхъ промежду зеленыхъ вѣнковъ; тамъ гдѣ кончается мозаика, надъ самымъ горнимъ мѣстомъ, ѳрескою написанъ, не весьма давно, Спаситель съ пречистою Дѣвою и одиннадцатію Апостолами, между пальмъ, и еще ниже агнецъ въ златомъ сіяніи, посреди другихъ двѣнадцати агнцевъ. «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе» начертано поверхъ арки олтаря.

Замѣчателенъ самый престолъ, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, надъ которымъ поддерживаютъ сѣнь четыре порѳировыхъ столба; къ нему нельзя иначе приступить, какъ со стороны горняго мѣста, такъ что священнодѣйствующій имѣетъ лице обращеннымъ къ народу и востоку, и такимъ образомъ устроены всѣ древнѣйшія базилики Римскія. Но какое сокровище сокрыто подъ симъ престоломъ? — Мощи

Св. Папы Климента, изъ знаменитаго рода Флавіевъ, рукоположеннаго Апостоломъ Петромъ во Епископа столицы, и окончившаго мученически подвигъ своей жизни, въ дальнемъ Херсонисѣ Таврическомъ. Священная глава его взята была въ Кіевъ, просвѣтителемъ Княземъ Владиміромъ, въ залогъ спасенія своей отчины, а честное тѣло перенесено изъ Херсониса, сперва въ Царьградъ и потомъ въ Римъ, другимъ просвѣтителемъ Славянъ, святымъ Кирилломъ, который, еще прежде равноапостольнаго Князя, подвизался въ дѣлѣ обращенія нашихъ предковъ. Можетъ быть это было причиною того, что и Владиміръ пожелалъ имѣть у себя останки сокровища взятаго Кирилломъ. Перенесеніе ихъ въ древнюю столицу доставило сему мудрому Святителю, рукоположенному Папою Адріяномъ II, почетное погребеніе въ церкви Климентовой, когда утомленный Апостольскими своими трудами, отошелъ онъ на вѣчный покой въ Римѣ. Любящій братъ его Меѳодій, продолжатель его подвиговъ, хотѣлъ взять съ собою священное тѣло его, въ благосло-

веніе новой паствѣ; но народъ Римскій не допустилъ исполнить благочестиваго желанія, и Папа Адріянъ торжественно похоронилъ Кирилла, въ обновленной имъ церкви Св. Климента, съ правой стороны олтаря, какъ предполагаютъ, въ діакониконѣ, потому что доселѣ нѣтъ тутъ никакаго памятника и самое мѣсто указываютъ только по преданію. Тутъ же, подъ однимъ престоломъ съ Климентомъ, почиваетъ сподвижникъ его, богоносецъ Игнатій, перенесенный изъ бывшей его Антіохійской каѳедры опять въ Римъ, въ сосѣдство того Колизея, гдѣ нѣкогда былъ разтерзанъ звѣрями, за исповѣданіе имени Христова. Алкавшій самъ быть измолотымъ зубами звѣрей, какъ благодатная пшеница Божія, онъ отдыхаетъ теперь близь мѣста своего подвига. Такими тремя великими дѣятелями прославляется еще до нынѣ древняя церковь Св. Климента, достойный отпечатокъ первыхъ временъ Христіанства!

Если же обойти по другую сторону Колизея, гдѣ теперь общественный садъ замѣнилъ палаты и звѣринецъ Домитіяна,

то на скатѣ холма Целійскаго предстанутъ взорамъ двѣ обители, одна подлѣ другой, великаго Папы Григорія и двухъ братьевъ мучениковъ Римскихъ, Іоанна и Павла, убіенныхъ отступникомъ Кесаремъ Іуліаномъ. Первая, ордена Камальдульскаго, стоитъ на мѣстѣ родительскаго дома великаго Григорія, гдѣ въ послѣдствіи учредилъ онъ обитель иноковъ, съ страннопріимницею для питаемыхъ его щедростію нищихъ. Расказываютъ, что однажды велѣлъ онъ эконому своему, дать златницу просившему у него милостыни Христа ради. Тотъ же нищій возвратился немедленно и получилъ опять златницу, и какъ бы испытывая терпѣніе Святаго, явился въ третій разъ и снова былъ удовлетворенъ, не смотря на ропотъ эконома, который всякій разъ его узнавалъ. Когда же въ послѣдствіи Григорій возведенъ былъ на каѳедру Римскую и продолжалъ ежедневно угощать, христолюбивою трапезою, двѣнадцать странниковъ, докучливый нищій внезапно явился тринадцатымъ промежду нихъ, и святый мужъ узналъ въ немъ Ангела Божія, по слову Апостола Па-

вла, что многіе страннолюбцы, сами не вѣдая, удостоились воспріять Ангеловъ. — Отъ сего произошелъ обычай Римской Церкви, въ великій четвергъ, омывать ноги тринадцати страннымъ, вмѣсто дванадесятаго числа Апостольскаго.

Весьма замѣчательно, для Церкви православной, смиренное лице великаго Папы Григорія, какъ по его назидательнымъ діалогамъ или разговорамъ, отъ коихъ получилъ онъ названіе Двоеслова, и по литургіи преждеосвященной, которая носитъ его имя, такъ и по его церковному характеру; ибо никто изъ Епископовъ Римскихъ не чувствовалъ, столь канонически, истиннаго достоинства своей каѳедры, имѣвшей только первенство а не главенство предъ другими, и вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не возставалъ столько противъ духа превозношенія не свойственнаго Епископамъ, даже и старшихъ престоловъ; посему такъ строго и обличалъ онъ своего Константинопольскаго собрата, за воспріятое имъ титло Вселенскаго Патріарха, хотя съ нимъ и не соединялось никакого

мнѣнія, о власти вселенской надъ всею Церковію! Св. Григорій весьма хорошо зналъ должныя отношенія Церкви Римской къ Церквамъ Востока и къ самимъ Императорамъ, потому что тогда отъ нихъ зависѣлъ Римъ, послѣ того какъ оружіе Велисарія уничтожило въ Италіи владычество Готѳовъ, и Папы поставлялись не иначе, какъ съ утвержденія Кесарей. Самъ Григорій долгое время исполнялъ должность Апокрисіарія или повѣреннаго Римской каѳедры, при дворѣ Константинопольскомъ, по уложенію Императора Юстиніана; когда же, вопреки собственнаго желанія, вынужденъ былъ, волею клира и народа, возсѣсть на высокую каѳедру святительскую, онъ еще убѣждалъ Императора Маврикія, избавить его отъ сего бремени, и сохранилъ не только къ нему, но даже и къ тирану Фокѣ, захватившему престолъ Маврикіевъ, всю покорность подданнаго ему Епископа. Какая противуположность съ тою надмѣнностію, которую показалъ соимянный ему Григорій VII, предъ Императоромъ Генрихомъ IV, хотя тиранъ Фока вѣрно не былъ

его лучше. Что же касается до его отношенiй къ братiи своей, Патрiархамъ Восточнымъ, то вотъ, въ какомъ духѣ равенства, писалъ онъ Александрiйскому, въ отвѣтъ на его слишкомъ лестное посланie: «Возлюбленная мнѣ святость твоя много, въ письмахъ своихъ, говорила мнѣ, о каѳедрѣ верховнаго Апостола Петра, утверждая, что и донынѣ онъ сидитъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ. Я же признаю себя недостойнымъ не только чести предсѣдящихъ, но даже быть и въ числѣ стоящихъ: однако съ любовiю принялъ все сказанное, потому что о каѳедрѣ Петра, говорилъ мнѣ содержащiй каѳедру Петрову. И хотя ни сколько не радуетъ меня частная почесть, однако я весьма обрадовался, потому что ты, святѣйшiй, чѣмъ ущедрилъ меня, то же далъ и себѣ. Ибо кто не знаетъ, что святая Церковь укрѣплена твердостiю верховнаго изъ Апостоловъ, который крѣпость духа прiялъ въ самомъ имени, будучи названъ Петромъ отъ камня?— Ему сказано было гласомъ истины: «дамъ тебѣ ключи царствiя небеснаго,» и еще:

«и ты, нѣкогда обратившись, утверди братію свою» и еще: «паси овцы моя.» И такъ, хотя многіе суть Апостолы, въ отношеніи къ начальствованію, пріобрѣла особенную важность одна каѳедра первоверховнаго Апостола, которая въ трехъ мѣстахъ единому принадлежитъ. Ибо онъ самъ возвысилъ престолъ, на коемъ упокоился и сподобился окончить временную жизнь; онъ самъ украсилъ престолъ, на который послалъ ученика своего Евангелиста; онъ самъ утвердилъ престолъ, на коемъ возсѣдалъ семь лѣтъ, хотя потомъ и удалился отъ него. И такъ, если единаго и одинъ есть престолъ, на коемъ нынѣ, по Божественной власти, председятъ три Епископа: то я вмѣняю себѣ то, что о васъ слышу добраго, а что добраго обо мнѣ помышляете, то своимъ заслугамъ вмѣняйте, ибо бы едины въ томъ, кто сказалъ: «чтобы всѣ были едино какъ Отецъ во мнѣ, и я въ Отцѣ, такъ и всѣ въ насъ, да будутъ едино.» (Іоан. XVII.) (Письмо 37. кн. 6.)

Нынѣшнее великолѣпное устройство ши-

рокаго крыльца, ведущаго въ обитель по скату холма, и четвероугольнаго ея преддверія, съ древними вокругъ него гробницами, и самой внутренности храма, не восходитъ далѣе XVI вѣка, потому что Кардиналъ Боргезе все перестроилъ роскошною рукою. Шестнадцать гранитныхъ столбовъ украшаютъ церковь, которая была для меня особенно пріятна, и по воспоминаніямъ великаго Григорія, и потому что она посвящена моему Ангелу, первозванному Апостолу. Изящна икона его распятія на главномъ олтарѣ; боковые два придѣла исполнены памятію великаго Григорія, ибо въ одной стоитъ его мраморная каѳедра и, если не ошибаюсь, показываютъ мѣсто, гдѣ онъ былъ погребенъ, прежде нежели перенесли его мощи въ базилику Петрову; а въ другой есть алтарь собственно ему посвященный, съ прекрасною на немъ картиною Святаго, и на боковомъ олтарѣ чудотворная икона Богоматери, отъ которой былъ гласъ великому молитвеннику въ часъ его моленія. Есть и еще три небольшія, но замѣчательныя церкви, на дворѣ монастыр-

скомъ, сооруженныя Св. Григоріемъ, хотя и обновленныя въ позднѣйшее время Кардиналомъ Боргезомъ; онѣ и доселѣ носятъ названіе триклиніума или трапезы Св. Папы, и особенно знамениты своими фресками. Крайняя съ правой стороны посвящена Сильвіи, матери великаго Папы; средняя опять Первозванному, и въ ней Доминикинъ и Гвидо-Рени состязались чудною своею кистію, чтобы изобразить подвиги Апостола: первый представилъ фресками, во всю стѣну, его біеніе Проконсуломъ, и хотя величественно старческое лице Св. Андрея, но самый родъ истязанія не благопріятствуетъ предмету живописи.— Гвидо-Рени, болѣе вдохновенный и мягкій, хотя и не столь смѣлый какъ Доминикинъ, представилъ на противулежащей, стѣнѣ послѣдній подвигъ Апостола, но не самое распятіе, которое было бы слишкомъ жестоко, а предшествовавшую ему высокую минуту, когда Апостолъ на колѣняхъ молится кресту, для него приготовленному на вершинѣ горы, и ему напоминающему крестъ Божественнаго Учителя. Мысль тро-

гательна и прекрасно выражена, и все расположеніе группъ, отъ подошвы до верха горы, превосходно.

Третія церковь посвящена самому основателю обители, Папѣ Григорію, и тутъ еще стоитъ мраморная трапеза, на которой, по преданію мѣстному, угощалъ нищихъ. Самъ онъ какъ бы предсѣдательствуетъ ихъ трапезѣ, изваянный изъ мрамора по очеркамъ Микель-Анджело, но не имъ довершенный. Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Рима, которыми такъ богатъ сей классическій и вмѣстѣ живописный городъ, открывается съ терасы или высокаго двора церковнаго, на противулежащій Палатинъ, весь увѣнчанный развалинами золотыхъ палатъ Нероновыхъ! Изъ тихой обители, проникнутой памятью Апостола и смиреннаго Папы, отрадно смотрѣть на этотъ сокрушенный образъ самаго неистоваго превозношенія, какое когда либо воздымалось изъ праха земнаго. Эти обломанныя аркады, недорушенные своды, одинокія пиластры и зіяющія своею пустотою ниши, образуютъ собою какія-то таинствен-

ныя, исполинскія буквы, изъ которыхъ воображеніе силится создать себѣ нѣкое завѣтное слово, нѣчто въ родѣ страшнаго писанія Вавилонскаго, и нѣтъ Пророка Даніила, чтобы разъяснить его! — О суета суетствъ и всяческая суета!

Изъ обители великаго Григорія возведенъ былъ, на престолъ Римскій, нынѣ царствующій Папа Григорій XVI; потому и принялъ онъ имя ея святаго основателя, и сохраняетъ особенную любовь, не только къ мѣсту своего пустыннаго жительства, но и ко всему ордену Камальдульскому, котораго бѣлую одежду носитъ; онъ посѣщаетъ монастырь свой, имъ украшенный, и другія ближайшія обители сего ордена. — Нѣсколько повыше, на томъ же холмѣ и на остаткахъ дворца и звѣринца Домитіянова, стоитъ столь же живописный по своимъ видамъ, монастырь Пассіонистовъ. Церковь его, замѣчательная по своей древности и украшеніямъ, сохраняетъ подъ главнымъ престоломъ мощи обоихъ братьевъ, Іоанна и Павла, а посреди великолѣпнаго ея помоста, котораго мраморная

цвѣтная мозаика называется Александрій-скою, вдѣланъ самый камень, на которомъ, по приказанію гонителя Іуліана, отсѣчены были головы мученикамъ. Два Византій-скіе льва стерегутъ Іоническій портикъ храма, и многія тысячи львовъ, тигровъ, гіеннъ и прочихъ чудовищь Африканскихъ, питались въ огромныхъ подземельяхъ сей обители, гдѣ былъ звѣринецъ. Мы спустились съ факелами, въ это ужасное жилище дикихъ звѣрей, которыхъ собирали не менѣе звѣрскіе люди, чтобы терзать ими подобныхъ себѣ человѣковъ. Невольный ужасъ объемлетъ сердце, въ сихъ пропастяхъ земныхъ, напоминающихъ бездну ада, по своему назначенію, болѣе достойному демоновъ нежели людей, ибо тамъ, вмѣстѣ съ дикими звѣрями, принуждены были обитать и рабы, обреченные Кесарями для ихъ присмотра. Обширныя пещеры слѣдуютъ, одна за другою, и даже есть глубоко прорытый водоемъ, куда искала собраться вода, встревоженная руками человѣческими; посреди адскаго зрѣлища, тускло освѣщеннаго дымнымъ факеломъ, отрадно было, для

взоровъ и для сердца, видѣть, что этотъ факелъ горитъ, не въ рукахъ какого либо Римскаго невольника, но въ старческой рукѣ инока Пассіониста, на груди коего вышито было багровое сердце, на память язвъ Господнихъ. Какъ все измѣнилось, съ явленіемъ Господа въ образѣ раба, и съ крестною его смертію на Голгоѳѣ!

Послѣ душнаго, мрачнаго подземелья, пріятно взойти въ свѣтлую высокую обитель Пассіонистовъ, одну изъ самыхъ очаровательныхъ по своимъ видамъ, которые открываются на всѣ четыре ея стороны: къ древнему форуму, съ его вѣчнымъ Капитоліемъ и разбитыми палатами Кесарей; къ чудному Колизею, съ массою дворцовъ и церквей на трехъ холмахъ, Эсквилинскомъ, Виминальскомъ и Квиринальскомъ; къ священной базиликѣ Латерана съ каменнымъ вокругъ нея вѣнцомъ древнихъ стѣнъ и водопроводовъ, и горнымъ вѣнцомъ Лаціума, и наконецъ къ развалинамъ Каракалловыхъ бань и дальней пустыни. Взоръ отдыхаетъ на этихъ красотахъ природы, исполненныхъ огром-

ными воспоминаніями, и невольно водворяется миръ душевный, при мысли, о преходящемъ величіи и ничтожествѣ всего человѣческаго, которое выражено со всѣхъ сторонъ развалинами!

Подъ аркою Консула Долабеллы пролегаетъ дорога, на вершину холма Целійскаго, увѣнчанную двумя церквами, весьма древними: въ одной, посвященной Богоматери, по мѣстному преданію, собралъ Св. Архидіаконъ Лаврентій сокровища Римской Церкви, которыя требовалъ отъ него жестокій Префектъ, — всѣхъ питаемыхъ ею нищихъ и вдовицъ, и, обличивъ его алчность христіанскимъ убожествомъ, потерпѣлъ за сіе огненное мученіе. «Довольно» сказалъ онъ мучителю, на своей раскаленной рѣшеткѣ, «можно оборотить меня, ибо я уже испекся съ этой стороны», и обратили его во всесожженіе Господу. — Чему здѣсь болѣе изумляться: звѣрству ли языческаго мучителя или мужественному терпѣнію исповѣдника Христова? Другая церковь исполнена также памятью мученичества, и посвящена первому изъ всѣхъ,

пострадавшихъ за вѣру, Архидіакону Стефану. Она носитъ имя Стефана круглаго, по своему образу, потому что прежде, какъ полагаютъ, была капищемъ Вакха или Клавдія. До шестидесяти колоннъ, мраморныхъ и гранитныхъ, Іоническаго и Коринѳскаго ордена, вѣнчаютъ двойнымъ вѣнцемъ сію замѣчательную церковь, посреди коей стоитъ изящный олтарь, на подобіе гроба Господня; но внѣшній вѣнецъ колоннъ вдѣланъ въ стѣну, для прочности, въ XV вѣкѣ, Папою Николаемъ V, потому что древнее святилище угрожало паденіемъ. На сихъ новыхъ простѣнкахъ, между колоннъ, начертаны, кистію Помаранчіо, многоразличныя страданія мучениковъ, начиная отъ распятія самаго Господа славы, который подалъ имъ примѣръ терпѣнія: сердце содрогается при видѣ всѣхъ истязаній, какія могла изобрѣсть жестокость человѣческая, для терзанія себѣ подобныхъ за слово истины. Тутъ и избіеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ, и побіеніе камнями Стефана, ознаменовавшее начало мученичества, и распятіе стремглавъ Петрово, и усѣкновеніе

Павлово, и раскаленная рѣшетка Лаврентія, и костеръ Поликарповъ, и львы Игнатія, и сколько другихъ безчисленныхъ орудій и образовъ казни, какъ то: извертѣніе очей, рѣзаніе сосцевъ, терзаніе когтями и раскаленными щипцами, претреніе пилою, колесованіе, и что еще? — языкъ умолкаетъ отъ ужаса всего, на что страшно даже смотрѣть глазами; каково же было выносить сіи терзанія? Но вотъ что объясняетъ терпѣніе мучениковъ: это слово одной изъ числа ихъ, на вопросъ мучителей: какимъ образомъ слабая жена перенесетъ муки? — «Господь будетъ тогда страдать во мнѣ, а не я.»

Мы постепенно обошли холмы Капитолія и Палатина, Авентинъ и Целій, разсматривая ихъ древности языческія и Христіанскія. Теперь, по принятому порядку, представился намъ холмъ Эсквилинскій, увѣнчанный своею чудною базиликою Св. Маріи; съ обѣихъ сторонъ ея, но не на площади а въ переулкахъ, на скатѣ холма, еще двѣ весьма замѣчательныя церкви, по своей древности, святынѣ и украшеніямъ: — одна, у самой подошвы Виминала, во имя

святой Пудентіяны, освящена мѣстнымъ преданіемъ, какъ жилище Апостола Петра, въ домѣ Сенатора Пудентія, который имѣлъ двухъ благочестивыхъ дочерей Пракседу и Пудентіяну и двухъ сыновей Новата и Тимоѳея, одинаково ревностныхъ къ церкви. Всѣ они приняли святое крещеніе, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, въ его домѣ, отъ руки Апостола, и въ одномъ изъ придѣловъ показываютъ самую доску престола, на которомъ священнодѣйствовалъ верховный Петръ. Тутъ и мощи святой дѣвы Пудентіяны, подъ главнымъ престоломъ, и кладезь, куда собирала она останки мучениковъ отъ ярости языческой. На горнемъ мѣстѣ изображенъ мусіею Господь, сѣдящій на престолѣ, окруженный Апостолами. Великолѣпная капелла, рода Гаетановъ, есть одно изъ украшеній сей церкви, которую соорудилъ Папа Пій I, по просьбѣ Св. Пракседы, въ память ея сестры, украсилъ же Григорій VII, въ бурное свое святительство.

Ближе къ Латерану и холму Целійскому, церковь самой Пракседы, которая столь-

ко заботилась, о прославленіи сестры, и пережила все свое благочестивое семейство. Мощи ея также почиваютъ подъ главнымъ олтаремъ, котораго устройство особенно замѣчательно, по красному мрамору, весьма рѣдкому, употребленному для ступеней. Папа Пасхалій I, въ IX вѣкѣ, озаботился украшеніемъ сего храма, гдѣ самъ былъ пресвитеромъ, и на горнемъ мѣстѣ изобразилъ мусіею небесный Іерусалимъ, хранимый Ангелами, и апокалиптическаго Агнца, которому поклоняются двадцать четыре старца. Кардиналъ Борромей, прославившійся въ послѣдствіи на каѳедрѣ Миланской, употребилъ свои сокровища для обновленія церкви, посреди коей находится такой же колодезь, какъ и у Св. Пудентіяны, съ останками мучениковъ; но самая драгоцѣнная святыня сохраняется въ боковомъ придѣлѣ: это часть столба, къ которому былъ привязанъ Спаситель во время его біенія. Кардиналъ Колонна, быть можетъ ради своего имени, перенесъ, въ XIII вѣкѣ, колонну сію изъ Іерусалима; она темнаго мрамора съ кровавыми пятна-

ми, высотою въ три пальмы, и надъ нею, на великолѣпно убранномъ олтарѣ, мозаическая древняя икона Богоматери, рѣшительницы адовыхъ узъ, отъ которой и придѣлъ сей прежде назывался райскимъ вертоградомъ; напротивъ его показываютъ въ ризницѣ знаменитую картину Юлія Романо, ученика Рафаилова, изобразившаго событіе, связанное съ памятію священной колонны,— біеніе Господа.

Недалеко отъ церкви Пракседы, другая весьма древняя, Св. Мартина горнаго, которой основаніе, въ развалинахъ бань Титовыхъ или Домитіановыхъ, восходитъ до Св. Сильвестра; недавно было обрѣтено это священное подземелье, гдѣ созывалъ онъ свои соборы. Тамъ и олтарь, на коемъ священнодѣйствовалъ Папа, и древняя мозаическая икона Богоматери, совершенно почти стертая. Расположеніе подземнаго храма соображалось съ древнимъ устройствомъ термъ, и онъ совершенно оставленъ по своей сырости. Римляне, которые во всякомъ случаѣ стараются возвеличить власть своихъ Первосвященниковъ, обыкновенно

говорятъ посѣтителямъ, будто бы здѣсь Св. Сильвестръ соединилъ частный соборъ, изъ своихъ подгородныхъ Епископовъ, и нѣкоторыхъ Италіянскихъ, чтобы утвердить каноны Никейскаго вселенскаго собора. Но въ такомъ случаѣ за чѣмъ же было созывать вселенскій, когда онъ не могъ быть твердъ безъ частнаго Римскаго? Надѣясь на невѣжество тѣхъ, кому проповѣдуютъ, Римляне выдаютъ за подлинные, Геласіевы ложные акты Никейскаго собора, ибо настоящихъ не сохранилось, а сами не примѣчаютъ, какъ грубо вставленъ въ нихъ, вмѣсто подписей соборныхъ, цѣлый отрывокъ изъ лѣтописи Евсевія, о томъ, кому именно изъ Епископовъ, поручено было разнести на западъ и на востокъ, постановленія соборныя. Оттого происходитъ въ подписяхъ, что одинъ, какъ на примѣръ Осій Кордубскій, самъ о себѣ говоритъ въ третьемъ лицѣ, а другіе смиренно называютъ себя такъ: Леонтій украшеніе церквей Божіихъ, Протогенъ удивительный, и тому подобное. Не должно забывать и того, что еще въ началѣ

V вѣка, цѣлый соборъ Кароагенскихъ Епископовъ писалъ къ Папѣ Келестину: «что присланныхъ имъ постановленій, будто бы Никейскаго собора, они никакъ не могли обрѣсти въ вѣрнѣйшихъ спискахъ, снятыхъ съ подлинниковъ, которые получили отъ Патріарховъ Александріи и Царьграда; такъ равно и о томъ, чтобы нѣкоторые были посылаемы, будто отъ ребра папскаго (Legati a latere), нѣтъ ни единаго опредѣленія соборнаго, ибо отцы Никейскіе судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Св. Духа, и никто не можетъ вѣрить, что Богъ нашъ единому только вдохнетъ правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на соборъ, откажетъ въ ономъ; и такъ да не представится Папа, вносящимъ дымное надмѣніе міра въ Церковь Христову.» (Книга правилъ стр. 273). Но не смотря на такое увѣщаніе, цѣлаго собора западныхъ Епископовъ, болѣе близкихъ Римской каѳедрѣ, не исцѣлились ея представители отъ сего дымнаго надмѣнія.

Сколько убога нижняя церковь, столько же роскошна верхняя, украшенная двумя

титулярными ея Кардиналами, Караффою, который былъ казненъ, по волѣ Пія IV, за свои преступленія, и Борромеемъ, прославленнымъ за свою святость; 24 разноцвѣтные столба поддерживаютъ раззолоченный потолокъ ея, богатству коего соотвѣтствуетъ мозаическій помостъ. Главный олтарь, посвященный Св. Папамъ, Сильвестру и Мартину, съ ихъ мощами подъ спудомъ, чрезвычайно богатъ, по своимъ мраморамъ и драгоцѣннымъ камнямъ, равно какъ и прилегающій позади его, въ нижнемъ ярусѣ храма, придѣлъ хора, чрезъ который спускаются въ самое подземелье Сильвестра. Древняя икона Богоматери, съ лѣвой стороны главнаго алтаря, и всѣ стѣны исписаны фресками знаменитаго живописца Пуссина, изображающими подвиги Пророка Иліи, ибо монастырь сей принадлежитъ ордену Кармелитовъ. Тутъ же, на стѣнахъ, можно видѣть прежнее внутреннее устройство старинныхъ базиликъ, Латерана и обоихъ верховныхъ Апостоловъ, каковы онѣ были до пожара, и доколѣ рука обновителей не опрокинула Петрову.

Есть еще одна знаменитая церковь, на холмѣ Эсквилинскомъ, сооруженная при Львѣ великомъ, въ честь и память узъ Петровыхъ, Императрицею Евдокіею, супругою Валентиніяна III. Она была нѣсколько разъ обновляема и особенно Папою Юліемъ II, котораго памятникъ въ ней находится. Преданіе говоритъ, что одна половина священныхъ оковъ Апостола, отъ коихъ чудно разрѣшился онъ въ темницѣ Иродовой, была прислана изъ Іерусалима, Цареградскою Императрицею Евдокіею, дочери своей Евдокіи Римской, и Св. Папа Левъ, въ то же время, поднесъ ей другія цѣпи, бывшія на Апостолѣ въ темницѣ Нерона; обѣ чудно соединились, въ самую минуту ихъ прикосновенія, что и внушило Царицѣ усердіе создать храмъ. Событіе сіе изображено фрескою на горнемъ мѣстѣ, а самыя оковы хранятся въ ризницѣ, въ богатѣйшемъ кіотѣ поверхъ престола; ихъ показываютъ народу, только въ день праздника поклоненія честныхъ веригъ. Между священною древностію уважается еще въ храмѣ мозаическая икона Св. Севастіяна, VII вѣ-

ка: воинственный мученикъ, противъ обыкновенія, представленъ съ бородою, а по преданію Римскому онъ пострадалъ юношею въ гоненіе Діоклитіяново.

Обширный и величественный размѣръ самаго храма и мраморные столбы его, числомъ до двадцати, замѣчательны своимъ объемомъ; два гранитныхъ поддерживаютъ самую арку, но нѣтъ богатаго убранства, какимъ отличаются обыкновенно святилища Римскія. Лучшее украшеніе церкви есть мавзолей Юлія II, котораго прахъ въ Ватиканѣ; слишкомъ геніальное предпріятіе Микель-Анджело рушилось самою своею огромностію. Колоссальный Моисей, съ скрижалію въ рукахъ, который долженъ былъ высоко сидѣть на вершинѣ памятника, теперь почти на ровнѣ съ помостомъ храма. Геній художника хотѣлъ выразить, въ лицѣ законодателя Іудейскаго, силу характера Первосвященника Римскаго, и точно нѣчто особенно мощное и гнѣвное выражено, не только въ лицѣ, но и во всей фигурѣ, и въ развѣвающейся волнистой бородѣ, и въ волнующейся одеждѣ. Кажется Про-

рокъ готовъ воспрянуть и опять сокрушить скрижали, предъ лицемъ непокорнаго народа. Но скажу быть можетъ нѣчто странное: строгія черты лица его и два рога на головѣ, представляющіе лучи свѣта, коими онъ былъ прославленъ, даютъ ему болѣе выраженіе вождя отверженныхъ духовъ, нежели избраннаго народа. Микель-Анджело до такой степени привыкъ напрягать природу человѣческую, въ своихъ картинахъ и статуяхъ, что она всегда выходитъ изъ порядка и красоты естественныхъ. и что-то демонское сквозитъ въ его произведеніяхъ. Оттого и удался ему, въ такомъ совершенствѣ, страшный судъ церкви Ватиканской, ибо тамъ онъ совершенно былъ въ своей сферѣ ужаснаго. Но и тамъ Господь Іисусъ, поражающій громами падшій сонмъ Ангеловъ, болѣе напоминаетъ Юпитера нежели Сына Божія, хотя тутъ же поразителенъ опять, въ ликѣ окружающихъ его Апостоловъ, Варѳоломей, представляющій ему содранную съ себя кожу, въ которой отразился собственный ликъ, ибо это въ духѣ художника. Не скажу, что бы и другая

его статуя Спасителя, съ крестомъ въ рукахъ, въ церкви Маріи что надъ Минервою, производила то впечатлѣніе, какое желаемъ отъ сего божественнаго лика, не смотря на изящность формъ. Кажется Микель-Анджело лучше бы изобразилъ страшную минуту его распятія.

Противъ церкви веригъ Петровыхъ, которая принадлежитъ теперь ордену Августинскому, одиноко растетъ на томъ же холмѣ, въ саду Сиріянской обители, роскошная пальма, широкимъ вѣяніемъ своего опахала, напоминая братіи дальнюю ихъ родину. Трогательны въ Римѣ такія пристанища разнородныхъ пришельцевъ, которые стеклись въ столицу западнаго Христіанства, и я любилъ встрѣчать самихъ иноковъ, Маронитскихъ или Сиріянскихъ, въ ихъ живописной одеждѣ, на улицахъ стараго Рима. Спустившись съ высотъ Эсквилинскихъ, подымемся еще на послѣдній холмъ Квириналькій, между роскошныхъ палатъ Роспиліози, прославленныхъ кистію Гвидо-Рени, и палатъ Колонны, стоящихъ на обрывѣ холма, на развалинахъ Солнцё-

ва храма; его соорудилъ Императоръ Авриліянъ, съ чудною колоннадою, сбѣгавшею на Марсово поле, потому что самъ былъ пораженъ на Востокѣ, пустынными красотами тысячеколонной Пальмиры. Посреди площади Квиринальской воздвигнутъ обелискъ краснаго гранита, вѣнчавшій нѣкогда мавзолей Августовъ, и по сторонамъ его два изящныя произведенія рѣзца Фидіаса: Касторъ и Полуксъ, смиряющіе ярыхъ коней, надъ плещущимъ фонтаномъ. Они были перенесены на Квириналъ, волею Папы Сикста V, и дали холму названіе, monte-Cavallo; въ виду ихъ тотъ же великій Папа, довершилъ дворецъ, начатый Григоріемъ XIII, для своего лѣтняго пребыванія, на развалинахъ роскошныхъ нѣкогда бань Константиновыхъ.

Странная судьба дворца Квиринальскаго! Пій VII, который окончательно его украсилъ былъ выведенъ изъ него вооруженною рукою Французовъ, и Наполеонъ, объявивъ Римъ вторымъ городомъ своей минутной имперіи, а сына младенца Королемъ Римскимъ, предназначилъ дворецъ сей для его жилища,

потому что онъ стоитъ на самомъ здоровомъ и живописномъ изъ холмовъ древней столицы; геній его весьма хорошо разгадалъ какъ тяжко будетъ бремя священныхъ воспоминаній Ватиканскихъ, для мірскаго обладателя Рима, при его недостаткѣ въ минувшемъ. И что же? въ той самой комнатѣ, которая предназначалась для кабинета юнаго Короля, и отколѣ открываются великолѣпные виды, на новый и старый Римъ, къ Св. Петру и Колизею, еще доселѣ написанъ на потолкѣ Наполеонъ, въ образѣ Кесаря, дающаго въ одно время письменныя повелѣнія четыремъ секретарямъ, Папы благоразумно сохранили это свидѣтельство краткаго величія и громкаго паденія; а между тѣмъ самый дворецъ не только сдѣлался опять ихъ лѣтнимъ обиталищемъ, но даже мѣстомъ ихъ избранія. Тутъ, послѣ кончины Пія VII и Льва XII, собирался конклавъ, для возведенія на каѳедру Римскую Пія VIII и нынѣ царствующаго Григорія XVI, потому что расположеніе комнатъ, въ службахъ дворцовыхъ, благопріятствуетъ заключенію

отдѣльному каждаго Кардинала, а чистый воздухъ предохраняетъ отъ болѣзней, если продолжителенъ конклавъ. Не стану описывать, ни внутренняго наряднаго фасада палатъ Квиринальскихъ, который обращенъ на обширный дворъ, обнесенный величественною галлереею, ни многочисленныхъ покоевъ убранныхъ во вкусѣ Наполеона, съ нѣкоторыми новѣйшими украшеніями уже Римскими. Въ пріемныхъ залахъ натянуты богатѣйшіе ковры, или живописныя ткани, присланныя въ даръ Папамъ, Людовикомъ XIV и нынѣшнимъ Королемъ Франціи; картины лучшихъ художниковъ украшаютъ стѣны. Во внутреннихъ покояхъ мнѣ показали вещь весьма замѣчательную, въ отношеніи церковномъ: богатѣйшій сакосъ или верхнюю ризу Архіерейскую, вышитый во Флоренціи для Папы Льва X Медициса; и такъ, еще въ то время, облаченіе Святителей Римскихъ сходствовало съ нашимъ. Обѣ церкви Квиринальскія достойны вниманія: малая или домашняя, потому что она вся расписана вдохновенною кистію Гвидо-Рени, который изобразилъ фресками

житіе Богоматери. Главная же церковь, великолѣпно устроенная Павломъ V. Боргезе, носитъ его имя и замѣнила Ватиканскую, для избранія и перваго столованія, или возшествія на престолъ Первосвященниковъ Римскихъ; трономъ же служитъ для нихъ, на первый разъ, самый престолъ Божій, олтарь, на коемъ ежедневно совершается безкровная жертва, — какой ужасъ! Любопытно бы знать, въ какое время и кто именно, впервые отважился на такое странное и святотатное дѣйствіе, (ибо какъ иначе назвать оное?) чтобы возвеличить превыше всего земнаго и такъ сказать обоготворить. достоинство Папское? Не напоминаетъ ли это, предвѣщательныя и вмѣстѣ обличительныя слова Апостола Павла, въ посланіи его къ Ѳессалоникійцамъ «о томъ, кто превознесетъ себя превыше всего называемаго Богомъ или священнымъ, такъ что въ храмѣ Божіемъ, какъ Богъ сядетъ». (11 Ѳесс. гл. 11 ст. 4.)

Тяжки слова сіи: тайна будущаго покрываетъ ужасное лице, которое видѣлъ пророческій духъ Апостола Павла, но его

выраженіе невольно приходитъ на мысль, когда вообразишь странный обрядъ воцаренія Папскаго, или интронизаціи, на олтарѣ Божіемъ, вмѣсто земнаго престола; оно и доселѣ совершается, безъ зазрѣнія совѣсти, людьми благочестивыми и вѣрующими, хотя столь нелѣпый обрядъ, могъ возникнуть только во время темныхъ вѣковъ варварства, и долженъ бы давно быть, съ сокрушеніемъ сердца, отвергнутъ. Если же кто изъ православныхъ сему не повѣритъ, ибо точно это превосходитъ всякое вѣроятіе, тотъ пусть прочтетъ указанный церемоніалъ избранія Папскаго, и онъ увидитъ, что дѣйствіе сіе, не только однажды совершается въ домовой церкви предъ Кардиналами, но и въ другой разъ повторяется уже всенародно, въ базиликѣ Св. Петра, на главномъ престолѣ, который сооруженъ надъ мощами Апостола. И такъ вотъ какъ уважаютъ Римляне камень, на которомъ, по ихъ мнѣнію, исключительно основалъ свою Церковь Господь, отвергнувъ основанія прочихъ Апостоловъ, для созиданія града Божія небеснаго Іерусалима!

Въ книгѣ описанія обрядовъ двора Римскаго, изданной въ Римѣ, на Италіянскомъ языкѣ, въ 1830 году, сказано такъ, въ главѣ XVII, о томъ, что совершается послѣ избранія Папы: «тотчасъ послѣ своего избранія и перваго ему поклоненія Кардиналовъ, Папу, облаченнаго въ мантію, и въ митрѣ, несутъ на самую доску олтаря церкви Сикстовой, и ему опять поклоняются Кардиналы, цѣлуя его ногу и руку, Потомъ Его Святѣйшество подымаютъ, на подвижномъ креслѣ, конюшіе двора его, и несутъ въ базилику Св. Петра, предшествуемые крестомъ и пѣвчими, которые поютъ: «се Первосвященникъ великій!» и въ сопровожденіи всего сонма Кардиналовъ и стражи Швейцарской. Достигнувъ капеллы Св, таинъ, Его Святѣйшество сходитъ съ креселъ, преклоняетъ колѣна и молится немного; потомъ несутъ его къ великому олтарю, гдѣ также творитъ краткую молитву, предъ мѣстомъ исповѣданія Апостоловъ, по окончаніи коей восходитъ къ олтарю и садится на серединѣ самаго олтаря Вслѣдъ за симъ Деканъ Кардина-

ловъ возглашаетъ: «тебе Бога хвалимъ,» и гимнъ сей продолжаютъ пѣвчіе; Кардиналы же въ третій разъ приходятъ поклоняться Его Святѣйшеству». — Слово поклоненія выражено на Италіянскомъ, adorare, что значитъ собственно поклоненіе святынѣ, а не просто воздаваніе чести; даже нѣтъ другаго слова для выраженія поклоненія Божеству. И такъ нареченный Первосвященникъ, первымъ дѣйствіемъ своимъ, нарушаетъ святость престола, не человѣческаго, но Божія: ибо сѣдалищемъ своимъ прикасается той священной трапезѣ, которой у насъ дерзаютъ касаться однѣ только освященныя уста и руки пресвитеровъ, ради того, что на ней приносится страшная Голгоѳская жертва, тѣло и кровь Христовы, и, въ самую минуту сего неприличнаго и преступнаго дѣянія, старшій изъ Кардиналовъ восхваляетъ Бога, и всѣ поклоняются тому, кто занялъ мѣсто его въ святилищѣ, по словамъ Апостола. Какъ! и православную Церковь зовутъ также къ сему поклоненію! и ее же еще дерзаютъ укорять за то, что она останавливается, съ невольнымъ вос-

клицаніемъ: «не вѣдаютъ что творятъ!» — Что скажутъ себѣ въ оправданіе Римляне? — то ли, что въ сію минуту нѣтъ жертвы, ни антиминса на престолѣ; слѣдственно и святость его не такая какъ въ часъ божественной литургіи? — Но какая же другая мысль могла внушить странный обрядъ сей, если не та, что Папѣ, какъ святѣйшему всего, что только есть въ мірѣ, никакой иной престолъ не можетъ быть предназначенъ, для его воцаренія, какъ престолъ Божій, надъ мощами верховнаго Апостола. Отчего ни какой изъ Епископовъ не садится на олтарь, своей каѳедральной церкви, при своемъ посвященіи? — Почему и самъ Папа однажды только садится на олтарь, а потомъ обыкновенно цѣлуетъ, во время литургіи, священную сію трапезу, на которой возсѣдалъ? Почему же не довольно высоко для него, въ день его нареченія, горнее мѣсто, обыкновенно имъ занимаемое при богослуженіи? — Пусть размыслятъ о томъ Римляне; мы же возблагодаримъ Бога, что при всѣхъ недостаткахъ нашихъ, не дошли до такого самозабвенія,

и напомнимъ имъ слова собственнаго ихъ Святителя, Св. Папы Григорія Великаго, о томъ сколь опасно соблазнять Церковь.

«Да помыслитъ ваше благочестіе, что иное суетное бываетъ очень безвредно, а иное весьма вредно: когда Антихристъ, пришедъ, назоветъ себя Богомъ, не есть ли это совершенно пустое, но оно слишкомъ гибельно! естьли смотрѣть на количество слова, это только два слога; а естьли на тяжесть неправды, то это совершенная гибель. Я же смѣло говорю, что кто называетъ себя или желаетъ называться вселенскимъ священникомъ, тотъ въ надменности своей Антихристу предшествуетъ! потому что гордостію надъ прочими себя возноситъ. Одинаковою гордостію ведутся они въ заблужденіе: ибо какъ оный хочетъ казаться Богомъ надъ всѣми человѣками: такъ и сей, кто бы ни былъ, который одинъ желаетъ называться священникомъ, надъ прочими священниками себя возноситъ. Но какъ истина рекла, всякъ возносяйся смирится, то знаю, что всякая надменность, чѣмъ сильнѣе напыщается, тѣмъ скорѣе изчезнетъ». (пис. 30 кн. VI инд. 15).

ПИСЬМО XII.

Базилика Св. Лаврентія, пустыня Римская, Фраскати, Тускулумъ, Грота Феррата, Тиволи.

Между тѣмъ роскошная весна, мало по малу, облагоухала поля Римскія, и дохнула во внутренность города, запахомъ почекъ и листьевъ совершенно раскрывшихся, и ароматами лимонныхъ деревъ, которыя унизали княжескія терасы. Жадно глотая этотъ воздухъ, столь рѣдкій для насъ, жителей сѣвера, я почти каждый день посѣ-

щалъ какую нибудь изъ очаровательныхъ окрестностей Рима, или внутри его блуждалъ по семи державнымъ холмамъ, чтобы наслаждаться ихъ чудными видами. Верхомъ наиболѣе совершалъ я мои прогулки, и объѣхалъ постепенно весь почти кругъ древнихъ твердынь Рима, съ ихъ полуразбитыми бойницами и двухбашенными вратами, а иногда и съ Вавилонскими садами прилегавшихъ къ нимъ виллъ, которыя вѣнчали, древеснымъ вѣнкомъ, сѣдыя стѣны поросшія плющемъ. Я началъ отъ воротъ Народныхъ и виллы Боргезе, и постепенно ѣхалъ, мимо заклаженныхъ воротъ Пинчіевыхъ, и отворенныхъ Салара и Пія, до древнихъ Тибуртинскихъ или воротъ Св. Лаврентія. Здѣсь, на разстояніи одной мили отъ ограды Римской, привлекла мое вниманіе еще одна базилика, пустынная какъ Павлова и Севастіянова, пятая изъ такъ называемыхъ Патріаршихъ, т. е. собственно Папскихъ базиликъ. Она нечаянно представляется взорамъ, посреди виноградниковъ, съ своею уединенною башнею, въ голубой рамѣ Сабинскихъ горъ, и особенно приле-

кательна сердцу тишина сего мѣста, которое было избрано, послѣ холеры, для городскаго кладбища; горняя красота горизонта, увлекаетъ взоры въ даль, какъ будто неземную. Одинокая колонна стоитъ предъ нею, увѣнчанная знаменіемъ креста, необходимая принадлежность всѣхъ базиликъ Римскихъ, которыя такъ сроднились съ обелисками Египта.

Низкій, смиренный портикъ, поддержанъ шестью Іоническими столбами, собранными для его украшенія изъ разныхъ зданій, Папою Оноріемъ III, котораго подвиги изображены, вмѣстѣ съ дѣяніями святыхъ Архидіаконовъ, на внѣшней стѣнѣ храма. Фрески сіи почти стерты отъ времени, но еще чуть видно вѣнчаніе на царство Греческое, Латинскаго Императора Петра Куртенайскаго, которое совершилось въ загородной базиликѣ; ибо это было то смутное время среднихъ вѣковъ, когда Папы, повелѣвая духовно Римскимъ міромъ и раздавая по прихоти своей дальніе, чуждые имъ вѣнцы, сами не всегда смѣли обитать въ своей столицѣ, отъ своеволія бароновъ

Римскихъ и народа. Онорій III совершенно пересоздалъ базилику Лаврентіеву, которую основалъ Великій Константинъ, надъ катакомбами матроны Римской Киріаки, и гдѣ погребено было тѣло святаго Архидіакона. — Сто лѣтъ спустя, Папа Левъ великій убѣдилъ Царевну Плакидію, дочь великаго Θеодосія, содѣйствовать къ ея обновленію; но такъ какъ холмъ, бывшій на томъ мѣстѣ гдѣ теперь одинокая колонна, стѣснялъ базилику и заграждалъ въ нее входъ со стороны Рима, то Папа Онорій перевернулъ такъ сказать базилику; потому что онъ срылъ насыпь и протянулъ горнюю часть, которая обратилась въ самую церковь, и даже измѣнилъ направленіе главнаго престола на востокъ вмѣсто запада. — Это становится замѣтнымъ при входѣ въ святилище, украшенное двадцатью гранитными столбами, которые также всѣ собраны изъ старыхъ зданій, для обновленной базилики. На ихъ карнизахъ странныя изваянія двухъ весьма непоэтическихъ животныхъ, крысы и лягушки, потому что зодчіе Савръ и Ба-

трахъ, коихъ имена сходствовали съ Греческимъ названіемъ сихъ животныхъ, хотѣли символически увѣковѣчить себя, на древнихъ колоннахъ, нѣкогда принадлежавшихъ портику Октавіи.

Два мраморныхъ амвона, во вкусѣ Византійскомъ, стоятъ близь колоннъ, по обѣимъ сторонамъ базилики, для чтенія Апостола и Евангелія, какъ и въ церкви св. Климента; а у самаго входа языческій саркофагъ, съ изваяніями Римскаго брака, послужилъ гробницею Кардиналу Фіески. На четырехъ порфировыхъ колоннахъ лежитъ богатая сѣнь главнаго престола, къ которому восходятъ съ обѣихъ сторонъ, по мраморнымъ ступенямъ, и весь помостъ горняго мѣста украшенъ Александрійскою мозаикою. Два яруса великолѣпныхъ столбовъ, лиловаго мрамора, изъ коихъ нижній до половины подъ помостомъ, объемлютъ сіе возвышенное мѣсто, или иначе сказать олтарь, который вначалѣ былъ самою базиликою, доколѣ не сократилъ ее Онорій, съ этой стороны, новымъ полукружіемъ горняго мѣста; еще стоитъ на немъ древ-

нее святительское кресло, съ золотою мозаикою, быть можетъ Пелагія II, много украсившаго храмъ; самъ Папа изображенъ тамъ мусіею, вмѣстѣ съ Апостолами Петромъ и Павломъ и Архидіаконами Стефаномъ и Лаврентіемъ, по сторонамъ Господа Вседержителя.

Но лучшее сокровище базилики сокрыто въ подземной церкви, въ которую спускаются предъ главнымъ олтаремъ. Тамъ сооруженъ также престолъ, во имя обоихъ мучениковъ, и позади его квадратная гробница, изъ широкихъ гранитныхъ плитъ, хранитъ ихъ священныя останки, за желѣзною рѣшеткою. По сей гробницѣ, открытой съ трехъ сторонъ, можно имѣть болѣе ясное понятіе о тѣхъ, подъ коими обрѣтаются тѣлеса верховныхъ Апостоловъ въ ихъ базиликахъ. — Здѣсь, со времени Св. Папы Сильвестра, погребенъ былъ Архидіаконъ Римскій; но Іерусалимскій первомученикъ присоединенъ къ нему, по мѣстнымъ преданіямъ, не ранѣе 557 года, при Папѣ Пелагіѣ I; онъ получилъ мощи его изъ Царьграда, вѣроятно въ даръ отъ Царей,

и конечно не болѣе какъ только нѣкоторую часть ихъ, ибо онѣ обрѣтены были въ Св. градѣ въ IV вѣкѣ, по таинственному видѣнію одного пресвитера, и, какъ полагаютъ, часть оныхъ перенесла Царица Евдокія въ Царьградъ изъ Іерусалима, гдѣ сама для нихъ соорудила великолѣпный храмъ. Всѣ ли онѣ теперь почиваютъ, вмѣстѣ съ мощами Архидіакона Лаврентія, быть можетъ перенесенныя рукою Крестоносцевъ?—не знаю; но сладко для сердца молиться въ тишинѣ сего подземелья у гроба двухъ столь великихъ подвижниковъ востока и запада, облеченныхъ саномъ доселѣ существующимъ въ Церкви, и который у насъ, на каждой литургіи, напоминаетъ обоихъ. Есть и другое подземелье въ базиликѣ, украшенное мраморами, но не столь обширное какъ Севастіяново, потому что оно только примыкаетъ къ древнимъ катакомбамъ Лаврентіевымъ, а не ведетъ въ нихъ; онѣ почти брошены и къ нимъ открывается спускъ изъ сосѣдняго виноградника. Дворъ базилики сохранилъ также свое древнее убранство, Византійскихъ аркадъ съ виты-

ми столбиками, и напоминаетъ собою дворы Павловъ и Латеранскій.

Въ другой и третій разъ продолжалъ я обзоръ древнихъ стѣнъ столицы, отъ вратъ св. Лаврентія къ Латеранскимъ, мимо стеченія всѣхъ водопроводовъ, надъ Большими вратами, и мимо амфитеатра воинскаго, вдвинутаго Императоромъ Авриліяномъ въ его новую ограду. Далѣе за Латераномъ, гдѣ врата Іоанновы замѣнили древнія Азинаріевы, я слѣдовалъ вокругъ стѣнъ, мимо Латеранскихъ и Капенскихъ вратъ, къ послѣднимъ вратамъ Св. Павла около Тибра. И затибрскія высоты Яникула и Ватикана, окруженныя бойницами, не остались мнѣ чуждыми, съ ихъ четырьмя вратами, Ангельскими, конными, Св. Панкратія и пристани. Могу похвалиться, что я въѣзжалъ и выѣзжалъ всѣми возможными вратами Рима, которыхъ щитается двѣнадцать, кромѣ древнихъ закладенныхъ, потому что я любилъ изучать пустынную окрестность Римскую, во всѣхъ ея направленіяхъ; тамъ погружался я въ созерцаніе инувшаго, посреди развалинъ настоящаго, или

восхищался красотою видовъ, съ какой либо уединенной высоты.

Какъ хороша эта Римская пустыня, одѣтая роскошной зеленью весны, доколѣ еще убійственная лихорадка не пришла, въ образѣ таинственной смерти, возсѣсть на грудѣ ея развалинъ, какъ бы на нѣкоемъ престолѣ, который ей сооруженъ рукою времени, чтобы съ высоты его широко царствовать надъ всею окрестностію! Посмотрите, еще пестрѣютъ поля роскошью цвѣтовъ и благоухаютъ ихъ дѣвственнымъ запахомъ. Неужели это самое обиліе жизни будетъ источникомъ смерти, оттого что дикая природа брошена здѣсь на собственный произволъ, и какъ рьяный конь не смиряется рукою человѣка? Вотъ и эти свободныя дѣти пустыни пасутся, цѣлыми табунами, на тучныхъ пастбищахъ, а тамъ, болѣе дикіе обладатели полей Римскихъ, гордо подымаютъ двурогое чело свое, столь страшное въ минуту ихъ гнѣва. Они боятся только остраго копья своихъ пастырей, столь же дикихъ какъ и они, протяжнымъ ревомъ отвѣчая наихъ пронзи

тельный вопль, когда несутся вслѣдъ за ними, на быстромъ конѣ, чтобы смирить непокорныхъ. Но вотъ и робкія стада козъ и овецъ, ограждаемыя лаемъ бдительныхъ псовъ, бѣлѣютъ изъ густой зелени, болѣе нѣжными чертами пастушеской жизни, оттѣняя сію строгую картину пустыни, которая облегла городъ всемірныхъ опустошеній. Поля Римскія преданныя запустѣнію, особенно славятся богатствомъ стадъ своихъ. Ночью загоняютъ ихъ, въ какую либо подземную развалину храма или чертога, подлѣ которой разбиваетъ шалашъ свой временный обладатель сихъ невѣдомыхъ ему сокровищь. Онъ только ищетъ и часто находитъ какія либо древнія монеты Кесаревы, столь же доходныя для него, какъ и молоко его стадъ, чтобы продать ихъ пришельцамъ. — Посмотрите на этаго ветурина, который такъ гордо глядитъ вамъ въ глаза, проѣзжая мимо, на своемъ статномъ мулѣ или конѣ; его одежда Испанская среднихъ вѣковъ, и сродна окружающей васъ пустынѣ: на немъ остроконечная шляпа, съ яркою лентою, (a la

brigante) по образу разбойничьихъ, потому что они еще слывутъ героями въ народѣ, и гордо поются ихъ пѣсни; его темная куртка съ мѣдными бляхами, и высокія ботфорты или краги, съ острыми рыцарскими шпорами, не напоминаютъ ли вамъ вѣка, давно уже минувшіе для сѣвера Европы? Нѣтъ другихъ путниковъ на распутіи бывшей всемірной столицы: развѣ иногда, какой либо инокъ одного изъ безчисленныхъ ея орденовъ, промелькнетъ мимо, въ своей живописной одеждѣ, или пройдутъ оглядываясь нѣсколько поселянъ изъ окрестныхъ селъ, и потомъ все опять возвратится къ ненарушаемому болѣе безлюдію и безмолвію.

Но поглядимъ сами въ лице этой бездушной пустыни, отъ какой нибудь развалины, которыми она такъ богата, хотя бы съ бывшаго могильнаго храма Кесарей Гордіевъ, или съ обломковъ ихъ чертога, обращеннаго въ готическую башню. Какое меланхолическое и вмѣстѣ высокое зрѣлище!— ничего не видно вокругъ, кромѣ развалинъ Римскихъ или феодальныхъ, иногда срос-

шихся въ одинъ обломокъ! Каждая башня имѣла свою кровавую легенду, а теперь утратила даже самое имя своихъ рыцарей; каждая языческая развалина была или чертогомъ, или капищемъ, или гробницею! Вотъ и Христіанское воспоминаніе между столькими тяжкими для сердца: та башня, то высится надъ водопроводомъ. знаменуетъ мѣсто погребенія Св. Царицы Елены, ибо здѣсь было родовое владѣніе дома Константинова. Но ничто не украшаетъ такъ пустынныхъ окрестностей Рима, какъ этотъ безконечный рядъ водопроводовъ, который тянется со всѣхъ сторонъ къ своему Гордіеву узлу, къ большимъ вратамъ столицы (porta magiore). Одни полуобрушенные и прерванные, другіе еще оживлены внутреннею струею, которую зачерпнули въ горныхъ истокахъ, чтобы дохнуть прохладою на жаждущій Римъ; они раскинулись, какъ странствующіе путники, по приволью пустыни, и будто движутся вдали, каменными стопами своихъ тысячи аркадъ. — Чѣмъ болѣе вглядываешься въ лице этой пустыни, тѣмъ болѣе роднится съ нею серд-

це, ибо ея высокія впечатлѣнія достойны исполинскихъ воспоминаній того чуднаго Рима, который самъ обрушился на всемірные обломки, и донынѣ живъ только своимъ разрушеніемъ! Какая другая рама, кромѣ пустыни, съ окраинами голубыхъ горъ, могла бы достойно вмѣстить въ себя такую дивную картину, которой художникомъ было время, а его кистію — смерть!

Есть однако, и въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ древней столицы, мѣста болѣе отрадныя для взоровъ, какъ будто бы улыбнулось ими строгое лице пустыни, и стерло кое-гдѣ свои вѣковыя морщины, чтобы порадовать новыхъ дѣтей своихъ. Пріятна такая улыбка, суроваго маститаго старца, когда вспомнишь, сколько былаго ему надобно было забыть, чтобы прояснить на минуту исполненное думами чело! Видѣлиль вы, за древнимъ мостомъ Нументанскимъ, живописную долину Тевероне или малаго Тибра, иначе Аніо, который стелитъ тамъ голубыя воды свои, по бархату луговъ? Если бы не готическая башня Нарзеса, на обновленномъ имъ

мосту, можно бы перенестись мысленно, на роскошные луга Хорошова, или въ какую либо другую Подмосковную окрестность, совершенно чуждую не только характеру Рима, но даже и самой его природѣ. Есть и другая подобная долина, на противуположной сторонѣ, гдѣ однако сельскія красоты мирнаго пріюта Нумы и его Нимфы, обрисованы Римскими чертами и запечатлѣны историческими обломками, какъ бы для того только чтобы дѣвственная свѣжесть природы не изглаждала изъ памяти вѣковыхъ воспоминаній.

Еще одна очаровательная окрестность, почти около самыхъ стѣнъ столицы, мало извѣстна антикваріямъ, потому что въ ней нѣтъ остатковъ древности, и даже не многимъ художникамъ, по ея уединенному положенію; однако знаменитый живописецъ Клавдій Лорренъ, избралъ ее любимымъ мѣстомъ и предметомъ своихъ занятій, и она часто повторяется въ его картинахъ. Это роскошная долина Тибра, начиная отъ минеральнаго источника кислыхъ водъ (aqua cetosa, который украшенъ

рукою двухъ Первосвященниковъ, Климента X и Александра VII), и до впаденія рѣки Аніо. Еще видна, на противуположномъ берегу Тибра, самая башня среднихъ вѣковъ, теперь давно уже опустѣвшая, куда приходилъ по цѣлымъ днямъ заниматься Клавдій. Если выѣхать изъ воротъ Народныхъ, и поворотить на право къ бывшему загородному дому Папы Юлія III, подъ такъ называемую темную арку (arco scuro), то, послѣ довольно трудной стези между виноградниковъ, достигнешь наконецъ по берегу рѣки, до мраморнаго фонтана кислыхъ водъ. Тамъ откроется одна изъ самыхъ отрадныхъ долинъ, какія можетъ создать себѣ воображеніе юга, и вмѣстѣ съ тѣмъ она напомнитъ вамъ опять родную природу, въ цвѣтущихъ окрестностяхъ бѣло-каменной столицы. Здѣсь Римскій Тибръ, забывъ совершенно ратные подвиги юныхъ дней своихъ, принялъ на себя пастушеское лице Москвы рѣки, когда вьется она на зеленыхъ лугахъ Коломенскихъ, подъ навѣсомъ холмовъ. Нельзя было разостлать болѣе роскошныхъ ковровъ,

для его излучистаго бѣга: все поле благоухаетъ цвѣтами и подернуто, какъ серебристою пѣною, безсмертными и незабудками. Съ обѣихъ сторонъ тянутся живописно округленныя высоты, достойныя служить образцемъ для кисти художниковъ, начиная отъ горы Маріо, и до той кручи, что за дорогой Саларской. Большая часть сихъ холмовъ увѣнчана готическими башнями упраздненныхъ бароновъ, а вдали, голубая завѣса Апенина, какъ будто готова приподнять свою легкую дымку, чтобы открыть очарованнымъ взорамъ еще какую нибудь новую картину.

Вотъ и пастушескій Аніо, оживленный безчисленными стадами вдоль своихъ тучныхъ береговъ, съ пылкостію юноши, бросается въ старческія объятія Тибра, и еще долго видна кипящая струя его, въ охладѣвшихъ водахъ Римскаго старца. Какая разительная противоположность истока и устья Аніо! Давно ли кажется, исполненный всею Сабинскою яростію своихъ горцевъ, бушевалъ онъ въ пропастяхъ Тибуртинскихъ, и подъ вдохновенную пѣснь Сивиллы, проби-

валъ себѣ путь сквозь двойную пещеру Нептуна и Сиренъ? и вотъ онъ смирился, посреди царственной пустыни Римской, какъ замолкаютъ рѣзвыя дѣти, при видѣ погребальнаго шествія; робко покатился онъ къ державному Риму, который насильственно привлекъ къ себѣ столько родныхъ ему Сабинскихъ струй, окованныхъ водопроводами. Уже это не бурный питомецъ Сивиллы, не горецъ Аніо, перекликающійся съ бездною, гласомъ своихъ водопадовъ, нѣтъ, это мирный поселенецъ безжизненной равнины Римской, промѣнявшій дикое кочевье свое и меткую пращу, на пастушескій посохъ, чтобы пасти стада на злачныхъ берегахъ своихъ, доколѣ не приметъ его въ свои подводныя палаты, другой обезоруженный воитель Тибръ, и гдѣ же? — предъ лицемъ вѣчнаго города, измѣнившаго своей древней славѣ!

По мѣрѣ того какъ посѣщалъ я окрестности Римскія, мнѣ хотѣлось все дальше проникнуть въ пустыню и горы, и пользуясь ясными весенними днями, рѣшился я совершить давно предпринимаемую по-

ѣздку въ древній Тускулумъ Цицероновъ, и нынѣшній Фраскати, на горахъ Латинскихъ, любимое лѣтнее пребываніе вельможъ Римскихъ. Мнѣ сопутствовали два пріятныхъ товарища, съ которыми такъ отрадно встрѣтиться на чужбинѣ: одинъ, соотечественникъ, на время оставившій саблю и коня, чтобы искать себѣ утраченнаго здоровья, въ болѣе кроткомъ климатѣ, и подышать немного подъ благотворнымъ солнцемъ Италіи: другой хотя и не одной родины со мною, однако провелъ у насъ свои дѣтскіе годы, и пріятно напоминалъ мнѣ минувшіе дни молодости и людей близкихъ сердцу, если и отдаленныхъ мѣстомъ. Онъ встрѣтилъ меня съ любовію и руководилъ своею опытностію, по краснорѣчивымъ развалинамъ Рима, такъ что я былъ весьма многимъ ему обязанъ, для изученія города и окрестностей.

Рано утромъ выѣхали мы во врата Великія и слѣдовали направленію водопроводовъ, Сикстова и вмѣстѣ Клавдіева, доколѣ не проникли подъ ихъ двойную арку, въ самое сердце пустыни Римской. Здѣсь схо-

дятся, подъ острымъ угломъ, оба водопровода, Кесаревъ и Папскій, и можно сейчасъ отличить прочность и красоту древняго строенія отъ новаго, хотя и оно не уступаетъ ему огромностію предпріятія. Мѣсто сіе называется вратами вилы, (porta furca), отъ остраго соединенія обоихъ исполиновъ, которые сперва тянутся каменною аллеею другъ противъ друга, а потомъ разбѣгаются въ пустынѣ; очаровательные виды открываются изъ двойныхъ аркадъ, подъ которыми пролегаетъ дорога къ Риму и Лаціуму. Очерки и лазурь горъ Латинскихъ и Сабинскихъ имѣютъ особенную прелесть издали и не напрасно прославляются всѣми художниками, хотя нельзя дать себѣ яснаго отчета: почему собственно эти горы лучше нравятся нежели другія? Много дѣйствуетъ и волшебное имя Рима и величіе пустыни, изъ которой выростаютъ они какъ оазисы, не какими либо рѣзкими чертами, но мягкими и плавными, на подобіе волнъ, сливающихся по краямъ своимъ съ пустынею или забѣгающихъ одна за другую, какъ Сабина за Лаціумъ. Сверхъ того всякая

картина тогда только производитъ впечатлѣніе, когда на нее смотришь съ той именно точки, которую имѣлъ въ виду художникъ, для правильнаго ея оттѣненія: — такъ и Римскія горы. Разстояніе ихъ, отъ вѣчнаго города, какъ будто разсчитано самымъ вѣрнымъ глазомъ генія, и оттого такая необъяснимая гармонія, въ ихъ очеркѣ и тѣняхъ, и удивительныя краски брошены по нимъ неподражаемою кистію. Голубою дымкою облекаетъ ихъ раннее утро, и золотистымъ паромъ яркій полдень, и лиловой мантіей поздній вечеръ; но когда солнце станетъ утопать, въ кипящемъ золотѣ моря, всѣ они внезапно и на одну минуту облекутся въ свои багряныя ризы, какъ бы воздавая честь отходящему Царю, и потомъ угаснутъ до слѣдующаго утра, если только серебристая луна, не разстелетъ на нихъ свое бѣлое покрывало.

И вотъ мы уже посреди пустыни, которая простирается на 20 верстъ отъ Рима и до горъ. Недалеко отъ водопроводовъ могильный холмъ Императора Александра Севера, котораго пышный порфировый

мавзолей хранится въ Капитоліѣ. Далѣе развалины виллы Лукулла, богатѣйшаго изъ Римлянъ, котораго нечаянный ужинъ, для нежданныхъ гостей стоилъ до полумилліона, когда онъ назвалъ только ту залу, гдѣ хотѣлъ угостить ихъ, и между ними Цицерона. Еще далѣе, замокъ среднихъ временъ довольно уцѣлѣвшій, принадлежащій теперь старшему изъ Кардиналовъ, Микара, который былъ Епископомъ Фраскати; а направо развалины готическаго замка, сильнаго нѣкогда рода Савелли, нынѣ уже угасшаго, по направленію Базиліянской обители Грота Феррата.

По мѣрѣ того, какъ мы стали подыматься, на первую покатость крутыхъ горъ Лаціума, очаровательный видъ началъ открываться намъ на необъятную равнину разстилающуюся къ Риму. — Мало по малу разросся горизонтъ пустыни и дальній Римъ показался изъ за гряды малыхъ холмовъ его укрывавшихъ, и у ногъ нашихъ раскинулась долина, вся въ виноградныхъ и масличныхъ садахъ, которые подымались вмѣстѣ съ нами на веселыя высоты Фра-

скати. Оттого мѣсто сіе пользуется благотворнымъ воздухомъ и предпочтительно избрано Князьями Римскими, для своихъ великолѣпныхъ виллъ. Направо отъ веселаго городка Фраскати, онѣ подымаются, одна надъ другою, своими царственными терасами, которыя увѣнчаны кипарисами и густыми рощами лавровъ, съ фонтанами и каскадами промежду благовонной чащи южныхъ деревъ. Ближе всѣхъ прелестная вилла Конти, теперь принадлежащая брату Торлонія, Герцогу Брачіяно, правѣе Монтальто и нѣсколько выше Альдобрандини, всѣхъ великолѣпнѣйшая. Мы успѣли осмотрѣть только первую, покамѣстъ приготовлялиословъ и муловъ, для нашей горной прогулки, въ монастырь Камальдульскій и на развалины древняго Тускулума.

Проѣхавъ Фраскати и виллу Таверне, принадлежащую дому Боргезе, мы поднялись, по захлохшей аллеѣ вѣковыхъ кипарисовъ, въ другую оставленную ихъ виллу Мондрагоне, гдѣ вполнѣ разыгра-

лась вся готическая пышность Папы Павла V, еще во дни славы Первосвященниковъ Римскихъ. Я не видалъ исполинскаго Эскуріала, грознаго Короля Испанскаго Филиппа, но полагаю, что это должно быть нѣчто въ родѣ сей опустѣвшей виллы, ибо зданіе царское, въ полномъ смыслѣ; трудно обойти его, особенно если проникать во всѣ внутренніе дворы, украшенные колоннадами и портиками знаменитаго зодчаго Виніолы. Съ полуобрушенной терасы, по которой опасно ходить отъ провалившихся камней, открывается чудный видъ на равнину Римскую, по направленію длинной аллеи кипарисовъ, и налѣво къ живописному Фраскати, и на право къ дальней Сабинѣ, за долину Палестринскую; посреди нее выростаютъ два небольшихъ холма: monte Colonna, съ замкомъ княжескимъ, и monte Porcio, гдѣ родился великій Катонъ. Еще недавно замокъ сей былъ въ во всемъ своемъ блескѣ, потому что дѣдъ нынѣшняго Князя Боргезе, давалъ немъ празднества; но при отцѣ его замокъ

пришелъ въ упадокъ, отъ безпечности домоправителя, который продавалъ постепенно желѣзную крышу и связи огромныхъ палатъ, чтобы удовлетворить заграничнымъ прихотямъ Князя, поселившагося въ Парижѣ; когда же онъ возвратился и увидѣлъ невѣдомое ему дотолѣ разрушеніе своего родоваго замка, уже былъ не въ силахъ, послѣ долгаго запустѣнія, возобновить поврежденное, и предалъ его совершенно на жертву жадному времени: оно и доселѣ его гложетъ, какъ тотъ страшный черепъ Епископа Рогера, который преданъ, воображеніемъ Данта, его адскому Уголино. Этотъ опустѣвшій замокъ можетъ дать понятіе о феодальномъ могуществѣ князей Римскихъ. Нѣсколько повыше монастырь ордена Камальдульскаго, основанный также домомъ Боргезе, и потому, не смотря на строгое запрещеніе всѣмъ женщинамъ входить въ его ограду, княгини Боргезе пользуются симъ правомъ, какъ принадлежащія къ роду его основателей. Монастырь мало замѣчателенъ своими зданіями, но чрезвычайно живописенъ видами.

Насъ привели къ престарѣлому аббату, въ его уединенный домикъ, ничѣмъ не отличающійся отъ прочихъ келлій братскихъ: я былъ пораженъ благочестивою наружностію девяностолѣтняго старца, которая вполнѣ соотвѣтствовала тишинѣ обители и выражала глубокій душевный миръ. Весь въ бѣломъ и съ бѣлою бородою, которую носятъ въ Римѣ одни только Капуцины и пустынные Камальдулы, онъ былъ совершенно согбенъ отъ бремени лѣтъ и не смотря на то, пошелъ съ посохомъ въ рукѣ, показывать намъ церковь и келліи, куда ежегодно пріѣзжаетъ Папа, по любви своей къ прежнему своему ордену. Онъ разсказывалъ намъ, какимъ образомъ, лѣтъ болѣе нежели за двадцать, шайка разбойниковъ проникла ночью въ ихъ обитель и, связавъ всѣхъ монаховъ, увлекла за собою въ лѣсъ, гдѣ держала ихъ въ неволѣ, доколѣ не заплатили за нихъ богатаго выкупа. Самъ Луціянъ, братъ Наполеоновъ, едва успѣлъ бѣжать отъ нихъ, изъ своей Тускуланской виллы, и потому только могъ спастись, что они, вмѣсто хозяина, схва-

тили его домашняго живописца, котораго впрочемъ отпустили, заставивъ прежде снять портреты съ атамана и всей шайки. Добрый аббатъ провожалъ насъ до воротъ обители, и прощаясь съ нимъ мы просили его благословенія: онъ нѣсколько смутился и спросилъ, всѣ ли мы католики? — Я отвѣчалъ ему съ чистою совѣстію: «каѳолики Греческіе», и уже не знаю какъ онъ понялъ это слово, но только отпустилъ насъ съ благословеніемъ.

Довольно крутая дорога, промежъ частаго орѣшника, привела насъ на вершину горы, гдѣ былъ древній Тускулумъ. Мы увидѣли недавно открытыя ступени амфитеатра, хорошо сохранившагося, и самую сцену, гдѣ подъ открытымъ небомъ бывали представленія, на горной высотѣ; но лучшимъ зрѣлищемъ открывались для зрителей обширные виды, на Римскую пустыню и горный Лаціумъ. Отселѣ видѣнъ и бывшій храмъ Юпитера, нынѣ обитель на самой вершинѣ Паллаціума, и на крутомъ утесѣ феодальный замокъ, Rocca di Papa,

и три другія обители Капуцинскія: Мадонны, гдѣ была древняя Альба, и Женсано, на обрывѣ скалы, и новая Альбанская. Здѣсь же и загородный любимый замокъ Папы, Castel Gandolfo, а по ниже встаетъ изъ густой рощи, городокъ Марино, и бѣлая обитель Гротта Ферата, посреди виноградниковъ. Еще указываютъ становище Аннибала, отколѣ пожиралъ онъ жаднымъ взоромъ ненавистный ему Римъ, на высокой площадкѣ между горъ, и весь этотъ очаровательный видъ, гораздо обширнѣе открывается съ вершины холма, гдѣ былъ вышгородъ Тускуланскій. Чертежъ развалинъ бывшихъ городскихъ улицъ, привелъ насъ къ уединенной виллѣ Цицерона, на скатѣ горы обращенной къ Паллаціуму, гдѣ еще уцѣлѣли стѣны и покои поросшіе плющемъ. Здѣсь, если только вѣрно мѣстное преданіе и не увлеклось громкимъ именемъ, великій ораторъ Римскій писалъ свои краснорѣчивыя бесѣды къ именитымъ друзьямъ своимъ, въ которыхъ изливалась душа его философскими истинами, посреди потрясеннаго благосостоянія республики, и

бесѣды сіи (quaestiones) сохранили названіе Тускуланскихъ.

Отъ виллы Цицероновой мы стали спускаться опять къ Фраскати, постепенными уступами виллъ, и первая представилась намъ Руфинелла, бывшая брата Наполеонова, принадлежащая теперь Королевѣ Сардинской. Подъ нею лежитъ еще обитель Капуцинская, весьма небогатая, но въ церкви ея замѣчательно распятіе, писанное Гвидомъ Рени, и Св. семейство Юліемъ Романо, ученикомъ безсмертнаго Рафаэля, съ нѣкоторыми древними Греческими иконами. Наконецъ спустились мы въ великолѣпную виллу Бельведера, принадлежащую дому Альдобрандини, отрасль Боргезскаго, которая господствуетъ надъ прочими виллами Фраскати и достойна своего названія. Во всѣхъ ея царственныхъ залахъ, потолки расписаны рукою Доминикина, но лучшимъ украшеніемъ, очаровательный видъ съ балкона середней залы. Когда открыты на сквозь всѣ двери, видѣнъ и слышенъ, со стороны двора, шумный водопадъ, падающій съ высокаго утеса, а въ другую

сторону взоръ паритъ надъ пустынею и Римомъ. Когда стоишь на этомъ выспреннемъ балконѣ, кажется будто, на легкомъ облакѣ, плаваешь надъ Римскою землею, и это чувство отрадно, потому что оно въ гармоніи съ лучшею природою человѣка; только шумъ водопада напоминаетъ о земномъ. — И чтоже, эта вилла, которой нѣтъ подобной въ окрестностяхъ Римскихъ, не всегда обитаема. Роскошные ея владѣльцы проводятъ время, или во Франціи, или въ душномъ городѣ, и только осенью въ нее пріѣзжаютъ, подышать прохладою.

Весьма страненъ образъ жизни Князей Римскихъ. При началѣ весны они на мѣсяцъ выѣзжаютъ, въ свои ближайшія подгородныя виллы, встрѣтить весну; потомъ въ самый жестокій зной, Май, Іюнь и Іюль, заключаются въ своихъ мраморныхъ палатахъ Римскихъ, завѣсивъ всѣ окна, и только вечеромъ можно встрѣтить вереницу ихъ каретъ, по безконечному Корсо, начиная отъ замка Венеціянскаго и до Тибрскаго моста, за вратами города. На площади Народной они останавливаются, чтобы размѣнять другъ

съ другомъ нѣсколько словъ, у обелиска Сикстова, и потомъ продолжаютъ однообразное свое гулянье. Точно также можно встрѣтить всегда и кареты Кардинальскія, за вратами Пія, на болѣе уединенной прогулкѣ, къ Св. Агнисѣ. Когда же, въ исходѣ Іюля, начинается въ Римѣ malaria, или томительная лихорадка, тогда вельможи Римскіе разъѣзжаются по своимъ отдаленнымъ вилламъ, и уже остаются тамъ до зимы, т. е. до Декабря; праздникъ Рождества опять призываетъ ихъ въ духовную столицу. Такимъ образомъ большая часть лѣта для нихъ потеряна, хотя бы больше можно было найти прохлады въ ихъ виллахъ, нежели въ душномъ городѣ.

Между виллами Альдобрандини и Конти, пролегаетъ дорога въ обитель Гротта Ферата, чрезъ бывшую виллу Монтальто, которая теперь уступлена Пропагандѣ, для лѣтняго жительства ея учениковъ, и прекрасна своими видами. Далѣе густая масличная роща, столь рѣдкая въ окрестностяхъ Римскихъ, пріятно нѣжитъ, подъ своею прохладною сѣнію, доколѣ не начи-

наются опять виноградники и аллеи направляющія къ монастырю. Укрѣпленная башня, съ остатками подъемнаго моста, представляется у самыхъ воротъ, потому что во времена его основанія, никакая обитель не могла существовать иначе, отъ междоусобныхъ феодальныхъ браней бароновъ Римскихъ и отъ безпрестаннаго нападенія Норманновъ и Сарацинъ. Весьма замѣчательно житіе основателя сей обители.

Блаженный Нилъ Калабрійскій, хотя и не причтенъ Православною Церковію къ лику ея Святыхъ, однако болѣе принадлежитъ Востоку, нежели Западу, потому что не только былъ Греческаго происхожденія, но и вся жизнь его протекла въ иноческихъ подвигахъ, по строгимъ правиламъ Св. Василія, и даже въ зависимости отъ Патріарховъ Константинопольскихъ. Онъ родился въ городѣ Россанѣ, на берегу Калабріи, подлежавшей Царьграду, и послѣ перваго порыва юношеской страсти, съ глубокимъ раскаяніемъ въ сердцѣ, посвятилъ себя исключительно Богу. Ему хотѣлось постричь-

ся въ сосѣднемъ монастырѣ Св. Меркурія, но строгое запрещеніе повелителя области, который искалъ удержать въ мірѣ благороднаго юношу, воспрепятствовало исполнить желаніе; другая обитель Св. Назарія приняла его подъ гостепріимную сѣнь свою. На дорогѣ туда встрѣтился Нилу одинъ изъ Сарацыновъ, которые тогда опустошали всю окрестность, и спросилъ богато одѣтаго путника: куда идетъ? Нилъ не убоялся открыть ему истину, и тронутый язычникъ, не только не коснулся его одежды, но даже уступилъ ему свой хлѣбъ; это еще болѣе убѣдило юношу, въ благословеніи Божіемъ, на избранномъ имъ поприщѣ. Когда же, облеченный въ рясу иноческую, возвратился опять въ монастырь Меркуріевъ, онъ поселился въ близь лежавшей пещерѣ, и тамъ наложилъ на себя тяжкіе подвиги. Съ перваго часа и до третьяго писалъ священныя книги, будучи искусенъ въ писменахъ; потомъ совершалъ тысячу поклоновъ предъ распятіемъ до шестаго часа, стихословя псалтырь, а съ шестаго и до девятаго

сидя читалъ духовныя книги; послѣ же вечерни выходилъ на краткое время изъ пещеры, для отдыха, и вкушалъ нѣсколько зелія и сухаго хлѣба, при захожденіи солнца; онъ вставалъ опять для полунощной и утреннихъ молитвъ, уступая сну не болѣе часа, и проводя иногда, во дни постовъ, болѣе недѣли безъ пищи. Около него собралось нѣсколько учениковъ, и первымъ изъ нихъ былъ Стефанъ, мужъ высокой добродѣтели и простоты.

Много лѣтъ спустя набѣги Сарацынскіе заставили блаженнаго отшельника, оставить свое дикое уединеніе и поселиться близь своей родины, въ собственной усадьбѣ, гдѣ была малая церковь Св. Адріяна; но тамъ святая жизнь его привлекла ему много посѣтителей, и въ числѣ ихъ Митрополита области Калабрійской, Өеофилакта, и царедворцевъ, которыхъ наставлялъ онъ въ истинахъ евангельскихъ, стараясь смирить ихъ разумъ въ послушаніе вѣры. Нилъ обратилъ и самаго начальника области, Евпраксія, исцѣливъ его отъ мучительной болѣзни, на него посланной за его жестокость;

изгонялъ демоновъ, посылая болящихъ къ гробамъ мученическимъ, потому что самъ боялся, ради смиренія, возлагать на нихъ руки. Отвергнувъ зовъ одного евнуха царскаго, который приглашалъ его въ Константинополь, смиренный старецъ со страхомъ услышалъ, что клиръ и народъ хотятъ избрать его себѣ въ пастыри, по случаю смерти своего Митрополита, и бѣжалъ въ горы, откол҄ѣ возвратился только по назначеніи новаго Архіерея. Опасаясь однако дальнѣйшихъ преслѣдованій такого рода, ибо слава его пронеслась по всему Востоку, и вмѣстѣ съ тѣмъ предвидя, что скоро вся Калабрія будетъ опустошена Сарацынами, онъ предпочелъ идти въ области Латинскія, съ тою надеждою, что тамъ менѣе будетъ извѣстенъ; но Князь Капуи, Пандольфъ, сринявъ его съ чрезвычайною почестію, эдва не сдѣлалъ Епископомъ своего города. Когда же удалился Нилъ въ гору Капинскую, вся братія вышла къ нему на встрѣчу, со свѣчами и кадилами, при пѣніи гимновъ, и аббатъ Алигернъ далъ ему маленькій монастырь, недалеко отъ горы,

гдѣ провелъ онъ 15 лѣтъ. Братія Кассинская просила старца совершать службу въ ихъ обители, по обряду восточному, и блаженный Нилъ, составивъ гимнъ въ честь Св. Венедикта, взошелъ однажды на гору, съ шестидесятью своихъ иноковъ, и пѣлъ всенощную, Греческими напѣвами, которые изумили сладостію своею всю братію.

Это было въ исходѣ X вѣка и показываетъ, что еще въ то время благосклоннѣе расположены были Римляне къ православнымъ, хотя уже протекло болѣе ста лѣтъ, послѣ первыхъ несогласій Патріарховъ Западныхъ съ Восточными. То была и горькая эпоха для Рима, когда Папы безпрестанно низвергали одинъ другаго, по проискамъ сильныхъ земли. По смерти Венедикта VII, Іоаннъ XIV, бывшій канцлеромъ Императора Оттона, едва возведенный на каѳедру, былъ заключенъ въ замокъ Св. Ангела и тамъ уморенъ съ голода, прежнимъ Антипапою Вонифатіемъ, который опять возвратился въ Римъ; но и сей хищникъ умерщвленъ былъ собственными приверженцами и, весь пронзенный стрѣлами, брошенъ, безъ всякой

одежды, на площадь Латеранскую. Мерзость запустѣнія была въ церкви, говоритъ самъ дѣеписатель, Кардиналъ Бароній, ибо смрадныя чудовища возсѣдали на каѳедрѣ Римской, и гоненія Кесарей были только дѣтскими игрушками, въ сравненіи того, что она пострадала отъ своихъ Первосвященниковъ. И такъ вотъ какимъ главамъ, утратившимъ всякое вліяніе даже и на западѣ, возмечталъ Римъ, чтобы подчинился просвѣщенный Царьградъ и съ нимъ вселенная! Послѣ смерти Іоанна XV, Императоръ Оттонъ возвелъ на каѳедру Римскую, своего юнаго племянника, подъ именемъ Григорія V; но годъ спустя, сенаторъ Римскій, Кресцентій, изгналъ царственнаго юношу и поставилъ на его мѣсто инока Греческаго, изъ одного города съ блаженнымъ Ниломъ, подъ именемъ Іоанна XVI, который былъ воспріемникомъ отъ купели самаго Императора и Папы. Когда однако въ Римѣ услышали о приближеніи раздраженнаго Кесаря, сенаторъ заключился въ замокъ Св. Ангела, Антипапа бѣжалъ, и приверженцы царскіе, схвативъ его на дорогѣ, отрѣзали

ему носъ и языкъ, выкололи глаза, и въ такомъ ужасномъ видѣ представили Папѣ и Кесарю, но не тронулось тѣмъ ихъ жестокое сердце. Напрасно блаженный Нилъ, узнавъ о бѣдствіи своего соотечественника, котораго прежде увѣщевалъ оставить похищенную имъ каѳедру, поспѣшилъ въ Римъ, не смотря на болѣзнь свою и старость, и великопостное время. Императоръ и Папа вышли къ нему на встрѣчу за городъ, пали къ ногамъ его, цѣловали руки, посадили на тронѣ между собою, но не вняли его ходатайству.—Старецъ напомнилъ имъ, о духовныхъ узахъ родства, ихъ соединявшихъ съ несчастнымъ, изуродованнымъ ради ихъ мести, и умолялъ отдать Іоанна ему на руки, соглашаясь даже, ради него, поселиться въ Римѣ, по ихъ желанію, въ уединенной обители Св. Анастасія, гдѣ всегда жили Греки. Умилился Кесарь, но жестокій Папа, не только не внялъ мольбамъ, но даже, для большаго позора, велѣлъ съ торжествомъ возить своего соперника, по всему городу, на ослѣ, лицемъ къ хвосту его, въ разодранной свя-

тительской одеждѣ. Тогда огорченный Нилъ оставилъ столицу, гдѣ не хотѣли внимать гласу милосердія, и удалился въ свою обитель, а Кесарь и Папа, оба во цвѣтѣ лѣтъ, скоро явились предъ вѣчнаго Судію ихъ временныхъ дѣлъ.

Безпорядки въ аббатствѣ горы Касинской, произшедшія отъ новаго аббата, побудили старца Нила, не смотря на 95 лѣтній возрастъ, искать себѣ другаго убѣжища около Гаеты; онъ поселился съ братіей, въ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ. Тамъ посѣтилъ его Императоръ Оттонъ и встрѣченный, съ подобающею честію, предлагалъ свое покровительство инокамъ; но старецъ, предвидя близкую кончину Кесаря, отвѣчалъ: «если братія мои будутъ истинными иноками, то позаботится о нихъ тотъ, кто о нихъ заботился и при мнѣ.» «Чего же ты желаешь? спросилъ его Кесарь, говори со мною какъ съ своимъ сыномъ.» Тогда старецъ Нилъ возложилъ руку свою на грудь царскую и сказалъ: «ничего другаго не прошу отъ твоего величества, кромѣ спасенія твоей души; хотя ты

и Кесарь, но умрешь какъ всякій человѣкъ и воздашь Богу отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ!» Тронулся Императоръ, со слезами положилъ вѣнецъ свой въ руки старца, и съ благословеніемъ отъ него удалился. Когда же иноки стали упрекать авву, что онъ не воспользовался милостію Государя, для своей обители, Нилъ отвѣчалъ имъ: «время оправдаетъ мое безуміе», и вскорѣ услышали о смерти Оттона.

Не за долго до кончины, блаженный Нилъ лишился любимаго ученика своего Стефана, съ которымъ провелъ всю труженическую жизнь, и приготовилъ для себя могилу подлѣ него. Но услышавъ, что Князь Гаеты хочетъ, въ случаѣ смерти, перенести собственное его тѣло въ свой городъ, старецъ устрашился такой почести и, собравъ остатокъ силъ своихъ, бѣжалъ въ Тускулумъ, обѣщая приготовить тамъ для братіи новую обитель. Онъ поселился въ маленькомъ монастырѣ Греческомъ Св. Агаѳіи и не хотѣлъ болѣе идти въ Римъ, ибо чувствовалъ близкую кончину. Бывшій обладатель Тускулума, человѣкъ жестока-

го нрава, умилился сердцемъ, когда узналъ о пришествіи старца; бросившись къ ногамъ его, онъ исповѣдалъ предъ нимъ грѣхи, воздавая хвалу Богу за то, что святой мужъ избралъ себѣ пристанище въ области такого грѣшника, и предложилъ ему лучшее мѣсто для новой обители. Блаженный Нилъ избралъ себѣ остатокъ бывшей виллы Цицероновой, которая называлась Гроттою Ферратой, и трогательно было видѣть столѣтняго отшельника Греческаго, въ бывшемъ жилищѣ знаменитѣйшаго изъ ораторовъ Латинскихъ, консула и правителя республики! Братія, оставшіеся близь Гаеты, поспѣшили перейти въ новое жилище; старецъ хотѣлъ идти посѣтить ихъ, изъ того убѣжища, гдѣ временно основался, когда внезапно почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ собралъ около себя бывшихъ при немъ учениковъ, роздалъ имъ свои рубища и, назначивъ настоятелемъ Павла, умолялъ немедленно предать тѣло его землѣ, но не въ церкви.—Тогда пріобщился Св. таинъ и, осѣнивъ братію послѣднимъ благословеніемъ, простерся на смертномъ

одрѣ своемъ и еще два дня оставался въ живыхъ, хотя безгласнымъ: видно было только, что уста его шептали молитвы, а рука творила крестное знаменіе; наканунѣ дня Св. Іоанна Богослова, 26 сентября, братія, зная какъ уважалъ ихъ блаженный авва память угодниковъ Божіихъ, рѣшились понести его въ церковь, и во время всенощнаго бдѣнія предалъ онъ праведную душу свою Господу, на лонѣ коего возлежалъ возлюбленный Іоаннъ. Всю ночь провели ученики въ слезахъ и молитвахъ, отпѣвая любимаго своего авву; на утро же понесли его, со свѣчами и ѳиміамомъ, въ новую обитель Гротты Ферраты, гдѣ ожидала ихъ прочая братія. Трогательна была встрѣча обоихъ осиротѣвшихъ стадъ умершаго аввы; владѣтель Тускулума, со всемъ народомъ, слезно провожалъ смиренный одръ, и новая обитель процвѣла подъ сѣнію молитвъ блаженнаго Нила; это было въ 1002 году, и святая жизнь его была описана по гречески, однимъ изъ его учениковъ.

Соборная церковь обители не много со-

хранила древняго, потому что Кардиналъ Фарнезъ совершенно обновилъ ее; однако горнее мѣсто отдѣлено отъ церкви преградою, въ которую вставленъ главный престолъ, что даетъ видъ будто бы иконостаса. Чудотворная древняя икона Богоматери, по преданіямъ писанная Евангелистомъ Лукою и принесенная Ниломъ, чествуется на престолѣ; а позади его, по обѣимъ сторонамъ мраморнаго сѣдалища стоящаго на горнемъ мѣстѣ, изображены мозаикой двѣнадцать Апостоловъ и, фрескою на стѣнахъ, три Святителя Греческіе: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ; это свидѣтельствуетъ о первобытномъ происхожденіи обители. Надъ западными входными вратами также мозаикъ древній: Спаситель сѣдящій на престолѣ, по правую руку его Богаматерь, по лѣвую, вмѣсто Предтечи, Златоустъ или кто либо изъ Апостоловъ, и самъ блаженный Нилъ въ маломъ образѣ. — Другая церковь въ связи съ соборною, во имя отшельника и его ученика Варѳоломея, (едва ли не ошибкою такъ названнаго вмѣсто Павла,) гдѣ оба по-

гребены, знаменита фресками славнаго художника Доминикина. Вся жизнь блаженнаго старца представлена его вдохновенною кистію; вотъ онъ молится въ лѣсу предъ распятіемъ, и Господь осѣняетъ его свыше; далѣе св. Нилъ встрѣчаетъ Императора Оттона, и въ числѣ его оруженосцевъ художникъ написалъ себя и двухъ своихъ славныхъ соперниковъ Гвидо-Рени и Гверчино; напротивъ видѣніе Ниломъ Господа и построеніе храма, котораго падающую колонну поддерживаетъ старецъ, а ученикъ его разсматриваетъ чертежъ: тутъ же и чудное имъ исцѣленіе бѣснуемаго, и дѣйственная молитва о ниспосланіи дождя на жатвы, и наконецъ блаженная кончина. Фрески сіи, хотя и совершенно въ другомъ вкусѣ, напомнили мнѣ палатку преподобнаго Сергія, гдѣ также изображены его отшельническіе подвиги и чудныя исцѣленія и видѣнія, и встрѣча Велико-княжеская. Но намъ извѣстна рака мощей Сергіевыхъ и гробъ ученика его Никона, а о Нилѣ и Варѳоломеѣ, предполагаютъ только, что они погребены въ сей церкви: ибо такъ небрежно на

западѣ сохраняютъ залогъ усопшихъ, въ утвержденіе ихъ обители. Святители Греческіе, съ мучениками Адріяномъ и Наталіею, уже не знаю по какой причинѣ, изображены также поверхъ житія отшельника. Есть еще древняя купель въ церкви, гдѣ освящаютъ воду въ день Богоявленія, и она не портится въ теченіе цѣлаго года: это преданіе православное.

Я старался распросить нѣкоторыхъ изъ иноковъ, о чинѣ богослуженія, но не много могъ узнать по ихъ невѣжеству, ибо они мало знаютъ языкъ Греческій и многіе его не понимаютъ, хотя всѣ церковныя и богослужебныя ихъ книги на Греческомъ. Литургія Св. Василія Великаго бываетъ у нихъ четыре раза въ годъ, но только съ большими измѣненіями: въ сочельники Рождества и Богоявленія, въ великую Субботу и на новый годъ. Преждеосвященная литургія вовсе оставлена, даже и въ великую Пятницу, если не ошибся тотъ кто со мною бесѣдовалъ, хотя по словамъ его можно служить ее всегда въ великій постъ, еслибъ кто пожелалъ; а кажется гдѣ бы

свойственнѣе, если не въ Греческой обители близь Рима, совершать литургію великаго Папы Григорія? Златоустова обѣдня бываетъ ежедневно, но чрезвычайно сокращена, и безъ проскомидіи; по воскреснымъ днямъ она полнѣе служится, но всѣ эктеніи произноситъ священникъ а не діаконъ, и опрѣсноки употребляютъ вмѣсто просфоръ. Первое начало симъ измѣненіямъ положилъ измѣнившій самъ православію Митрополитъ Никейскій, Виссаріонъ, уже въ новомъ Кардинальскомъ сапѣ, который почелъ онъ выше своей древней Митрополіи, гдѣ былъ первый вселенскій соборъ; довершилъ искаженіе Папа Венедиктъ XIV, въ минувшемъ столѣтіи, и отмѣнилъ старинныя ризы восточныя, до тѣхъ поръ еще употребляемыя. Теперь, изъ двадцати древнихъ Базиліянскихъ обителей, одна только въ Сициліи удержала свой прежній чинъ, по словамъ инока, который казалось будто бы жалѣлъ, о нарушеніи освященнаго временемъ и Св. Отцами, чина богослуженія.

Поздно вечеромъ возвратились мы въ городъ, тою же дорогою. Въ другой разъ

мы выѣхали во врата Св. Лаврентія, и миновавъ базилику и мостъ на Аніо, погрузились опять въ пустыню Римскую, по другому ея направленію къ горамъ Сабинскимъ, гдѣ лежитъ Тиволи, древній Тибуръ Горація и Мецената. Здѣсь еще пустыннѣе лице пустыни, если можно такъ выразиться; коегдѣ видны сторожевыя башни, при загонахъ скота, или уединенныя гостинницы, гдѣ только можно найти пріютъ отъ непогоды и лихорадку лѣтомъ. Ближе къ горамъ, раскинуты большіе куски камня травертина, изъ котораго Римляне строили свои колоссальныя зданія, и сильный запахъ сѣрный обличаетъ минеральные источники, гдѣ находились прежде цѣлительныя бани, коими славился Тибуръ. Съ лѣвой стороны видно сѣрное озеро, испаряющее газъ, и обнаженныя дѣти сидятъ на дорогѣ, навязывая различныя окаменѣлости путешественникамъ. Озеро дало названіе свое, Солфатара, и мосту, чрезъ мутный Аніо, который однако представляется весьма живописно, съ своими плачущими ракитами и развалившимися башнями, почти у самой по-

дошвы горъ Сабинскихъ. Тутъ же и надгробный памятникъ знаменитаго рода Плавтіевъ, напоминающій круглую башню Цециліи Метеллы. Онъ служилъ бойницею въ средніе вѣка, и на немъ еще сохранились надписи, въ честь двухъ Плавтіевъ Сильвановъ, изъ коихъ одинъ прославился побѣдами въ Иллиріи; родственное имя Днѣпра или Ворисѳена, странно встрѣчается въ развалинахъ пустыни Римской.

Нѣсколько далѣе знаменитая вилла Адріянова, —каменный альбомъ, гдѣ сей Императоръ-зодчій повторилъ, мраморными рисунками, все что видѣлъ болѣе любопытнаго, въ своемъ ученомъ путешествіи по необъятной имперіи. Тамъ соединилъ онъ Академію и Лицей Аѳинскіе, съ Канопомъ Египетскимъ, и Тартаръ и Элисей, въ подражательныхъ долинахъ и пропастяхъ; тамъ долгое время была неисчерпаемая руда мраморныхъ сокровищъ Рима, ваяній и мозаическихъ помостовъ, которую уже Кесари начали истощать, ибо они не пощадили созданія Адріянова. Готѳъ Totилла пришелъ и опрокинулъ, варварскою

рукою, храмы и чертоги, бывшіе тѣнію другихъ, уже давно обрушенныхъ на Востокѣ; но и донынѣ еще роются и довольно находятъ, въ этой колоссальной виллѣ, имѣющей до семи верстъ окружности, какъ бы нѣкій городъ обломковъ. Она принадлежитъ теперь Герцогу Брачіано, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Торлонія, вступилъ въ лучшее наслѣдіе Кесарей. — При самомъ входѣ есть слѣды амфитеатра Греческаго, одного изъ трехъ украшавшихъ виллу, и расписанные по сводамъ гроты, служившіе Нимфеями. Нѣсколько далѣе, на широкомъ пустырѣ, существуетъ еще стѣна Пикилія Аѳинскаго, или портика, гдѣ прогуливались философы Перапатетики, школы Аристотелевой, а рядомъ съ нимъ круглый храмъ Стоиковъ, и неправильно называемый морской театръ, съ двумя развалинами библіотеки и храма Венеры и Діаны. Не смѣю выдавать мнѣнія моего за истинное, но глядя на сіи развалины мнѣ пришло на мысль, что ученый Кесарь хотѣлъ олицетворить, въ своемъ саду, пять главныхъ философскихъ

школъ его времени, поставивъ ихъ одну подлѣ другой: посему, около портика гуляющихъ или Перипатетиковъ Аристотеля, соорудилъ храмъ Стоика Зинона, а выспреннее стремленіе Пиѳагора, къ небеснымъ сферамъ, изобразилъ сферическимъ зданіемъ, которое произвольно назвали морскимъ театромъ. Школа Платонова, имѣвшая свое начало въ садахъ Академіи, представлена зданіемъ библіотеки, а чувственная система Эпикура капищемъ Венеры. Тутъ же и храмъ Діаны, или Природы, какъ ее разумѣли въ Ефесѣ, ибо это была также одна изъ обширныхъ системъ Востока; а за ними очаровательная долина Темпейская, краса Ѳессаліи, съ своимъ сладостнымъ Пенеемъ, повторилась въ отрадной долинѣ Сабинской, оживленной водами малаго потока. На отлогой покатости величественно раскинулись развалины палатъ Кесаря, который казалось создалъ себѣ домъ, будто для вѣчности, между мудростію Греческою, съ одной стороны, и Египетскою съ другой и всѣми наслажденіями чувственными по срединѣ, въ великолѣпныхъ термахъ, посвя-

щенныхъ Геркулесу. Все пространство Канопъ, или необъятнаго храма Сераписова, наполнялось водою изъ боковыхъ фонтановъ, въ него направленныхъ, и обращалось въ навмахію для морскихъ игрищь; а на концѣ сихъ царственныхъ развалинъ еще видѣнъ глубокій гротъ, гдѣ струится вода и были комнаты жрецовъ Сераписа, доселѣ сохранившія фрески временъ Адріяна. Позади Канопъ, указываютъ мѣсто мнимаго Тартара и полей Элисейскихъ: не было ли это напоминовеніемъ того посмертнаго суда, который совершали Египтяне на озерѣ Мерисѣ, надъ своими усопшими Фараонами? Впрочемъ все это только предположенія.

Прохладно подыматься отъ запустѣвшей виллы Адріяновой, на первыя высоты Сабинскія, подъ сѣнію густой масличной рощи, почти до самаго городка Тиволи, который такъ живописно приросъ къ скаламъ и любуется бѣшенымъ паденіемъ своего роднаго потока. Нѣтъ уже Весты и Сивиллы въ Римскомъ мірѣ, но еще стоятъ ихъ чудные храмы, надъ пропастію Аніо: одинъ,

обнесенный своими Кориноскими столбами, хотя уже разбита половина его мраморнаго вѣнца, другой обращенъ въ церковь побѣдоносца Георгія: — какое странное сближеніе! Здѣсь долго бушевалъ Аніо, шумомъ водъ своихъ одушевлявшій Сивиллу Тибуртинскую, и подмывавшій ея утесы, доколѣ въ недавніе годы сталъ опасенъ самому Тибуру, исполненіемъ своей вѣковой угрозы. Разбита была имъ верхняя плотина и обрушилось нѣсколько домовъ; испуганные жители просили помощи противъ бунтующей стихіи, которая составляла лучшее украшеніе ихъ города, и нынѣ царствующій Первосвященникъ совершилъ дѣло, въ духѣ дѣйствительно Римскомъ и вмѣстѣ Христіанскомъ: онъ прорылъ сосѣднюю скалу и отвелъ страшныя воды, пропустивъ ихъ двойнымъ потокомъ, сквозь новое каменное устье. Теперь уже не подъ храмомъ Сивиллы, бѣснуется Аніо, но вдали скачутъ его отчаянныя воды и, падая въ бездну, подымаются облакомъ и разлетаются паромъ.

Можно спуститься, по крутымъ дорож-

камъ глубокаго провала, изрытаго прежними водами Аніо, на самое дно его, въ знаменитую пещеру Нептуна и Сиренъ, гдѣ прежде клокоталъ онъ сквозь пробитые имъ своды и оглушая неосторожныхъ, ревомъ стремительныхъ водъ своихъ, увлекалъ ихъ по скользкимъ камнямъ въ свою бездну, какъ бы подъ упоительную пѣснь Сиренъ. Теперь ничтожная каскада, одинъ изъ безчисленныхъ рукавовъ потока, еще шумитъ подъ навѣсомъ пещеры, но и она живописна и дастъ хотя слабое понятіе, о недавнемъ еще величіи сего мѣста. — Достойны вниманія каналы, просѣченные въ скалѣ, для новаго теченія Аніо; но не совѣтую совершать сего подземнаго странствія ощупью, вдоль стѣны и по узкой панели, тѣмъ у кого кружится голова, отъ шума водъ во мракѣ. Если же обогнуть глубокую долину, въ которую стремится бурный потокъ, и стать на то мѣсто, отколѣ Папа смотрѣлъ, какъ впервые ринулись воды, по его державной волѣ, изъ обоихъ устьевъ скалы: то представится взорамъ одно изъ самыхъ чудныхъ зрѣлищъ, въ которыхъ иску-

ство побѣдило природу. Въ виду живописнаго Тиволи и его осиротѣвшаго храма, какъ необузданный конь, изъ раствореннаго забрала, мечется въ бездну свирѣпый Аніо, кидая по вѣтрамъ свою пѣнистую гриву, и пожирая подъ собою попранную долину; цѣлое облако кипящихъ брызговъ носится надъ бездною, и вотъ, изъ этаго хаоса, истекаетъ кристальный потокъ Аніо, и серебристою лентой является, тамъ и здѣсь, по расширяющейся долинѣ, и еще далеко блеститъ въ голубой пустынѣ Римской; а между тѣмъ другія безчисленныя каскады, въ разныхъ направленіяхъ, пробиваются изъ подъ мшистыхъ утесовъ и развалинъ, вдоль по долинѣ, до самой виллы Мецената; онѣ умножаются, если продолжать идти по другой ея окраинѣ, до остатковъ виллы Горація.

Насытились ли взоры ваши зрѣлищемъ водныхъ мученій Аніо, посреди острыхъ скалъ, которыя орошаетъ своимъ истязательнымъ потомъ?—Если же вы наполнили слухъ вашъ ревомъ бездны, которая вторитъ сама себѣ, гласомъ своихъ водопадовъ,

и если очарованная мысль, вмѣстѣ съ утомленною стопою, довольно блуждала по величественнымъ останкамъ виллы Меценатовой, нынѣ обращенной въ кузницы, то взойдите опять на вершину горы Тибуртинской, въ оставленную виллу Эстъ, еще роскошную въ самомъ ея запустѣніи. Сынъ великолѣпнаго Альфонса, покровителя и гонителя Тассова и друга Аріостова, не менѣе великолѣпный Кардиналъ Ипполитъ Эстъ, создалъ сію чудную виллу, изъ остатковъ славы своего падающаго рода; какъ стѣны Ѳивскія сами слагались, подъ звуки лиры Орфея, такъ вилла сія, при самомъ ея началѣ, оглашалась волшебными пѣснями пѣвцовъ Іерусалима и Роланда. Умолкли пѣвцы, замолчали и безчисленные фонтаны, которые шумѣли предъ каждою изъ четырехъ выспреннихъ терасъ, вырастающихъ одна надъ другою, и струились, съ самой вершины до низу сихъ новыхъ Армидиныхъ садовъ, по обѣимъ сторонамъ мраморныхъ лѣстницъ: все это изсякло и затихло; остались одни вѣковые кипарисы, исполинскими рядами доселѣ образующіе

пустынныя аллеи, гдѣ уже не бродитъ нога поэтовъ, и не звучитъ шпора рыцарей; это только печальные свидѣтели минувшей радости и славы, на которыхъ напрасно ищешь лиры сладкаго пѣвца Іерусалима, какъ бы древнихъ органовъ Сіонскихъ, повѣшенныхъ на вербіяхъ Вавилона!

ПИСЬМО XIII.

Кардиналы, нравы Римскіе.

Уже приближалось время нашей Пасхи, послѣ которой я хотѣлъ оставить Римъ, для дальнѣйшаго путешествія по Италіи. Между тѣмъ, осмотрѣвъ, сколько могъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, святыню Христіанскую и языческія древности, съ лучшими изъ окрестностей Римскихъ, я старался познакомиться и съ нѣкоторыми изъ духовныхъ сановниковъ сей древней столицы Церкви Западной,—разумѣю Кардиналовъ; но прежде нежели назову лица, скажу

нѣсколько словъ о ихъ санѣ, который получилъ въ средніе вѣка такое высокое значеніе, что поставилъ ихъ выше Патріарховъ, равныхъ по достоинству Папѣ. Они носятъ багряницу, величаются титломъ Князей Церкви, и какъ наслѣдники Римскаго престола, изъ числа коихъ избирается Первосвященникъ, имѣютъ шагъ предъ Принцами крови, тотчасъ послѣ вѣнчанныхъ Государей. Однако въ постановленіяхъ Церкви, не подлежащей измѣненіямъ гражданскимъ, не должно быть ничего новаго, и самъ Папа, равно какъ и Патріархи, суть только старшіе изъ Епископовъ; а въ первенствующей Церкви было только три степени священнослужителей: Епископъ, Пресвитеръ и Діаконъ, которыя сохранились донынѣ; посему весьма достойно вниманія, какимъ образомъ могъ превознестись надъ всѣми, у подножія Папскаго престола, новый санъ Кардинальскій, принадлежащій всѣмъ тремъ степенямъ?

Самое названіе Кардиналовъ весьма древнее, потому что такъ назывались старшіе священники или протоіереи и діаконы глав-

ныхъ соборныхъ церквей, въ каждой эпархіи, отъ Латинскаго слова: cardo, cardines, (основныя вереи или петли на коихъ вращаются двери); cardo, въ несобственномъ значеніи слова, значитъ также уголъ и сторона, а потому старшіе пресвитеры, стоявшіе при служеніи Епископа по сторонамъ алтаря, ad cardines altaris, назывались presbyteri cardinales; но Папа Пій V, въ XVI вѣкѣ, уничтожилъ это почетное званіе во всѣхъ церквахъ, предоставивъ оное исключительно одной Римской. Кардиналы составляли церковный совѣтъ Епископа области Римской, отъ котораго зависѣли непосредственно, въ первые четыре вѣка, только семь подгородныхъ Епископовъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи Епископы южной Италіи, какъ отъ своего Архіепископа. Къ нему относились еще, какъ къ старшему столичному Митрополиту, прочіе Епископы собственно сѣверной Италіи, но ихъ непосредственною главою былъ Медіоланскій, и только въ послѣдствіи, мало по малу, распространились патріаршескія права Папы на весь западъ. Оттого и опредѣ-

лено было, на первомъ вселенскомъ соборѣ, чтобы Епископъ Александрійскій, сходно съ древними обычаями, имѣлъ власть надъ всѣми своими Епископами, въ Египтѣ и Ливіи, потому что и Римскому сіе было обычно на Западѣ, и чтобы подобно сему сохранялись преимущества церквей, въ Антіохіи и въ иныхъ областяхъ или эпархіяхъ, на которыя тогда былъ раздѣленъ Римскій міръ, сообразно съ гражданскимъ своимъ раздѣленіемъ. Когда же, въ пятомъ вѣкѣ, Римскіе легаты, вмѣсто сихъ Никейскихъ правилъ, предъявили другія, на четвертомъ вселенскомъ соборѣ, въ коихъ сказано было такъ: «Церковь Римская всегда да сохраняетъ первенство», то неправильность сего выраженія была тотчасъ обличена, повѣркою съ подлинниками Греческими перваго собора, какъ уже это однажды случилось, на Карѳагенскомъ соборѣ, обличившемъ Папу Келестина III. Въ то время Архіепископъ новаго Рима или Царьграда, по опредѣленію 630 Епископовъ, воспріялъ тѣ же почести и преимущества какъ и Римскій, который признанъ былъ только первымъ.

Подгородные Епископы Рима, съ его пресвитерами и діаконами, которыхъ щиталось только семь при самомъ началѣ, въ память первыхъ семи діаконовъ Іерусалимскихъ, и которые исключительно занимались распоряженіемъ церковнаго имущества для питанія убогихъ, участвовали, вмѣстѣ съ народомъ и свѣтскими сановниками Рима, въ избраніи Епископа столицы, но онъ утверждался Императоромъ. Право сіе крѣпло или слабѣло, по мѣрѣ возвышенія или пониженія власти Государей восточныхъ; но еще, въ седьмомъ столѣтіи, легаты Римскіе просили Императора Константина Погоната, на шестомъ вселенскомъ соборѣ, уменьшить своимъ указомъ сумму, которую обыкновенно взносили Папы за свое поставленіе, съ тѣмъ однако, чтобы избранный не иначе посвящался, какъ съ утвержденія царскаго, что и было съ Папою Львомъ II (Флери кн. XL. гл. 20). Съ постепеннымъ упадкомъ Царьграда, Епископы Римскіе освободились отъ власти обладателей новаго Рима, и перешли подъ вліяніе Государей западныхъ. Левъ III, почи-

таемый святымъ въ Римской церкви, провозгласивъ Императоромъ Карла Великаго, самъ простерся предъ нимъ на землю, со всемъ народомъ, какъ предъ своимъ законнымъ Государемъ, и точно Карлъ, хотя и подтвердилъ Папѣ, данную отцемъ его Пепиномъ, область или отчину Св. Петра, однако, во все время своей жизни, дѣйствовалъ какъ настоящій Императоръ Римскій; первые его преемники сохранили также вліяніе на Римъ и его Епископовъ, только вѣнчавшихъ ихъ на царство, какъ законныхъ властителей Рима.

Съ упадкомъ рода Карловинговъ, возрасла независимость Рима, но не его Епископовъ, потому что ихъ каѳедрою возобладали сильные подгородные властители, Графы Тускуланскіе, и ставили, по произволу, отроковъ своихъ единокровныхъ, въ Епископы древней столицы. Имъ не уступали въ своеволіи именитыя жены и граждане Римскіе, въ десятомъ вѣкѣ; а новый Императоръ, изъ сильнаго дома Саксонскаго, Оттонъ великій, и его сынъ и внукъ, принуждены были нѣсколько разъ спускаться съ ору-

жіемъ въ Италію, чтобы возстановлять порядокъ и права свои въ Римѣ и смѣнять незаконныхъ его пастырей. Между тѣмъ могущество Императоровъ возрасло до такой степени, что они стали вступаться во всѣ права, собственно церковныя, и произвольно назначали отъ себя, изъ числа своихъ присныхъ, Епископовъ и Аббатовъ, чтобы только обладать имуществомъ церковнымъ, иногда съ однимъ лишь титломъ, безъ законнаго посвященія въ санъ духовный; отъ нихъ вполнѣ зависѣло также избраніе Папъ. Сильный духомъ Гильдебрандъ, управляя Церковью Римскою, еще въ санѣ архидіакона, доколѣ самъ не былъ избранъ подъ именемъ Григорія VII, въ XI вѣкѣ, рѣшился остановить злоупотребленіе и, лицемъ къ лицу, стать противъ Кесарей. Онъ внушилъ Папѣ Николаю II, издать буллу, по которой впредь избраніе Первосвященника Римскаго могло совершаться законно, только присными его Кардиналами и изъ ихъ среды. Число ихъ въ послѣдствіи опредѣлено было окончательно, не свыше семидесяти, Сикстомъ V, напоминив-

шимъ собою лице Гильдебранда, въ XVI вѣкѣ; но багряница была дана имъ уже сто лѣтъ прежде, Папою Павломъ II, и съ тѣхъ поръ санъ Кардинальскій возвысился надъ всѣми степенями церковными, какъ единственная ступень къ каѳедрѣ Римской.

Необходимо надобно двѣ трети голосовъ Кардинальскихъ, въ пользу одного, для того чтобы законно совершилось избраніе Папы, въ заключенномъ конклавѣ, и тутъ еще иностранные министры нѣкоторыхъ первостепенныхъ державъ, какъ то: Франціи, Австріи и Испаніи, имѣютъ право остановить избраніе, изъявивъ на то свое несогласіе. Назначеніе же Кардиналовъ зависитъ совершенно отъ воли папской, ибо выборъ его можетъ падать на всякаго рода людей, даже и на такихъ, которые едва только имѣютъ первое постриженіе клириковъ: въ числѣ ихъ есть и такъ называемые коронные Кардиналы, которыхъ Папа долженъ назначать, по особенному на то праву нѣкоторыхъ державъ, въ пользу ихъ подданныхъ, дабы вліяніе, въ совѣтѣ церковномъ, не было чисто

Италіянское; не всегда однако полно узаконенное число семидесяти. Между ними шесть только Кардиналовъ Епископовъ, и имъ принадлежатъ подгородныя эпархіи: Остія, Чивита-веккія, Сабина, Фраскати, Альбано и Палестрина. Старшій изъ нихъ, или Деканъ, всегда бываетъ Епископомъ Остіи и имѣетъ исключительное право посвящать Папу, въ предварительныя степени священства, если избранный только діаконъ или пресвитеръ. Пятьдесятъ Кардиналовъ принадлежатъ къ степени пресвитерской, и четырнадцать къ діаконской;— между ними распредѣлены древнѣйшіе приходы Рима, большею частію запустѣвшіе. Но хотя всѣ носятъ одинаковую одежду, багряную или лиловую, и одинаковое облаченіе, бѣлое съ золотыми краями и митру, та разница существуетъ между ними, что Кардиналы - пресвитеры могутъ занимать эпархіи епископскія, по всѣмъ предѣламъ Римскаго міра, съ титломъ какой либо забытой церкви Римской, а кардиналы - діаконы могутъ быть только священники, для совершенія литургіи, но не имѣютъ правъ

епископскихъ; впрочемъ, чрезъ десять лѣтъ, имъ предоставлено просить себѣ повышенія степенью; однако между ними нѣкоторые нарочно не ищутъ священства, оставаясь въ низшихъ степеняхъ клира, чтобы сохранить свою свободу, и могутъ даже совершенно оставить званіе церковное.

И такъ вотъ какого рода клирики Римской Церкви, едва имѣющіе иногда первую степень иподіакона, поставляются въ ней выше титулярныхъ Патріарховъ Востока, которыми думала она замѣнить настоящихъ, и это потому только, что они составляютъ верховный совѣтъ папскій, и облечены свѣтскою багряницею, какъ наслѣдники престола Римской области. Не нарушенъ ли тутъ совершенно чинъ церковный? Не гораздо ли чище сохранились, въ православной Церкви, три первобытныя степени: діакона, пресвитера и Епископа, не слитыя между собою такъ какъ въ Римѣ, гдѣ носящіе титло діакона совершаютъ литургію какъ священники, а называющіеся пресвитерами имѣютъ права епископскія?—У насъ же, не смотря ни на какую должность, высшую

или низшую, діаконъ воздаетъ подобающую честь священнику, а сей Епископу, и каждый сохраняетъ назначенное ему церковію мѣсто, какъ во время богослуженія, такъ и внѣ его: въ Римѣ Кардиналы-иподіаконы цѣлуютъ только руку Папы, будучи ничто иное какъ его совѣтники, а Патріархи, равные ему по достоинству, цѣлуютъ его колѣно, вмѣсто братскаго лобзанія, и такое явное превращеніе соборныхъ правилъ, возникшее въ средніе вѣка, кажется весьма правильнымъ.

Кардиналы живущіе въ Римѣ, составляя собственно верховный совѣтъ папскій, въ консисторіи имъ предсѣдательствуемой, участвуютъ также, съ другими прелатами, въ различныхъ конгрегаціяхъ, духовныхъ и правительственныхъ, и сверхъ того имѣютъ особыя должности, ибо въ рукахъ ихъ находится управленіе Римской области и церкви. Старшій изъ нихъ называется Деканомъ, и какъ я уже говорилъ, имѣетъ право посвящать Епископа Римскаго. Кардиналъ Камерлингъ предсѣдательствуетъ въ палатѣ или камерѣ финансовой и засту-

паетъ первое мѣсто, во время ваканціи папскаго престола, управляя дѣлами, вмѣстѣ съ тремя старшими Кардиналами, степеней епископской, пресвитерской и діаконской. Кардиналъ государственный Секретарь, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, есть собственно правитель области Римской и душа совѣта папскаго, въ его сношеніяхъ со всѣми державами; посему никогда не имѣетъ надежды быть, въ свою чреду, избраннымъ на его каѳедру, такъ какъ почти всегда на него падаютъ всѣ неудовольствія. Несравненно меньше вліянія имѣетъ, даже и на самую область Римскую, Кардиналъ Секретарь внутреннихъ дѣлъ. Кардиналъ Викарій долженъ быть всегда Епископомъ, потому что онъ есть намѣстникъ Папы, по управленію собственно Римской паствы, какъ Епископа столицы. Кардиналъ великій Духовникъ пользуется властію вязать и рѣшать, почти наравнѣ съ Папою, торжественно отпускаетъ грѣхи, въ страстную седмицу, и напутствуетъ въ часъ смертный самаго Первосвященника. Еще два Кардинала, Датарій и Канцлеръ, заняты собствен-

но текущими дѣлами, одинъ всѣми прошеніями, поступающими на имя Папы, а другой буллами, отъ него истекающими. Но губернаторъ Рима, управляющій городомъ, министръ военныхъ силъ, равно какъ предсѣдатели нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстъ, не почитаются достойными носить багряницу Римскую, хотя мѣста ими занимаемыя служатъ къ ней ступенью. Замѣчательно однако, что хотя есть въ Римѣ сенаторъ, и при немъ три помощника или охранители Римскіе, и есть генералиссимусъ папскихъ войскъ: не имъ однако ввѣрено гражданское, уголовное и военное управленіе, но все въ рукахъ прелатовъ, какъ бы по недовѣрчивости духовной власти къ свѣтской. Такимъ образомъ Кардиналамъ же, подъ именемъ Легатовъ, ввѣрено управленіе областей принадлежащихъ престолу Римскому, какъ то: Болоніи, Ферары и другихъ, и народъ не любитъ это правительство, совершенно разрозненное съ нимъ по духу и обычаямъ. Другіе же, подъ именемъ Легатовъ отъ ребра Папскаго, посылаются въ качествѣ чрезвычайныхъ послан-

никовъ къ иностраннымъ державамъ, съ особыми правами, хотя еще въ пятомъ вѣкѣ Отцы Карѳагенскаго собора писали къ Папѣ Келестину III: «что они не обрѣтаютъ опредѣленія ни какого собора Отцевъ, о томъ, чтобы нѣкіе были посылаемы, аки бы отъ ребра его святыни» (кн. прав. стр. 172.)

Я поименовалъ всѣ степени Кардинальскія и говорилъ о нихъ съ подробностію, для того, чтобы знающіе каноны соборные видѣли, какъ далеко отступлено было на западѣ отъ всѣхъ правилъ церковныхъ, учрежденіемъ сего новаго сана, въ средніе вѣка, который сосредоточилъ въ себѣ все управленіе церковное, и какъ неправильно превозношеніе онаго, надъ древними степенями іерархическими, искони уважаемыми въ Церкви. По сему образцу можно судить и о власти Папской. Мнѣ не случилось видѣть торжественнаго нареченія въ санъ кардинальскій, которое совершается въ тронной залѣ Ватикана, въ присутствіи всего собора Кардиналовъ, когда пріемлютъ они новаго своего собрата въ братскія объятія, и облек-

ши багряницею, приводятъ цѣловать ноги сидящаго на тронѣ Первосвященника. Но я видѣлъ какъ, въ тотъ же день, сіи новые наслѣдники Римскаго престола, въ качествѣ Принцевъ крови, разъѣзжаютъ по городу въ парадныхъ каретахъ, и въ сопровожденіи благородной конной гвардіи, чтобы показаться народу. Я имѣлъ также случай поздравлять одного изъ нареченныхъ Кардиналовъ, въ первый день его избранія, и подивился странности обычаѐвъ, совершенно чуждыхъ духовному быту сановника церкви. При мнѣ губернаторъ Рима былъ сдѣланъ Кардиналомъ, прелатъ весьма ревностный въ исполненіи своей должности и оставившій по себѣ хорошую память, потому что онъ, строгимъ правосудіемъ, прекратилъ непрестанные грабежи, въ самомъ Римѣ и его окрестностяхъ. Всѣ министры и благородные Римляне, съ ихъ супругами, въ лучшихъ нарядахъ, толпились въ сѣняхъ и залахъ новаго Кардинала, гдѣ онъ принималъ ихъ поздравленія, и одна изъ его почетныхъ родственницъ, въ качествѣ хозяйки дома, занималась угощеніемъ дамъ;

весьма странно было видѣть такой свѣтскій роутъ или съѣздъ, въ домѣ духовной особы, возвеличенной титломъ Князя Римской Церкви, ибо что другое можно было бы встрѣтить, въ палатахъ княжескихъ свѣтскихъ людей?

Особенно мы восточные, привыкшіе видѣть своихъ духовныхъ, или въ тишинѣ ихъ келлій, или когда и въ мірѣ, то въ совершенномъ удаленіи отъ свѣтскаго быта, не можемъ равнодушно смотрѣть, на такое смѣшеніе свѣтскаго съ духовнымъ, во всѣхъ степеняхъ священства; это наипаче бросается въ глаза въ Римѣ, гдѣ гражданское управленіе, будучи въ рукахъ духовныхъ, дѣлаетъ невольно изъ нихъ людей совершенно свѣтскихъ, которыхъ встрѣчаешь и въ судебныхъ палатахъ, и въ увеселительныхъ собраніяхъ, въ театрахъ и на гульбищахъ. Одни только Кардиналы, ради своего высокаго сана, ведутъ жизнь болѣе уединенную: но этотъ самый санъ и ожидаемое ими царственное наслѣдіе Римскаго престола, ставитъ ихъ внѣ уставовъ церковныхъ, уравнивая, подъ ихъ багряни-

цею, всѣ различныя степени священства, и унижая предъ ними всякое иное достоинство, собственно іерархическое. Должно однако отдать справедливость, что большая часть Кардиналовъ, жизнію своею и образованіемъ, заслуживаютъ всякое уваженіе. Старшій изъ нихъ, Микара, ведетъ строгую жизнь отшельника, въ келліи Капуцинской, и предлагалъ даже преобразованіе для прочихъ своихъ собратій духовныхъ. Смиренный Кардиналъ Францони, начальникъ пропаганды, привлекъ къ себѣ общее уваженіе своимъ благочестіемъ. Кардиналъ Актонъ, ради своего нищелюбія самъ себя обкрадываетъ, ибо бросивъ однажды въ окно серебреный подсвѣчникъ нищему, долженъ былъ сознаться прислугѣ въ винѣ своей, чтобы не подозрѣвали другихъ; а славный знаніемъ языковъ Мецофанти плѣняетъ всѣхъ своимъ радушіемъ.

Два раза посѣщалъ я сего замѣчательнаго мужа, явленіе коего доселѣ единственно, въ мірѣ ученомъ, и едва ли когда либо повторится, развѣ если опять изольется даръ языковъ, какъ въ первыя времена

Христіанства. Кардиналъ Мецофанти говорилъ при мнѣ свободно, на осьми разныхъ языкахъ, очень чисто и правильно выражаясь по Русски; но такъ какъ онъ привыкъ болѣе къ писменному нежели къ разговорному слогу, занимаясь преимущественно чтеніемъ, то съ нимъ должно употреблять также языкъ книжный, чтобы свободнѣе бесѣдовать. Страсть его къ языкознанію столь велика, что и доселѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ, продолжаетъ изучать новыя нарѣчія; недавно еще выучился по Китайски, и постоянно ѣздитъ въ пропаганду, чтобы тамъ пріобрѣтать дѣятельный навыкъ, въ бесѣдѣ съ разноплеменными ея питомцами. Я просилъ его дать мнѣ списокъ всѣхъ языковъ и нарѣчій, на коихъ можетъ онъ выражаться, и онъ мнѣ прислалъ имя Божіе, написанное его рукою на 56 языкахъ, изъ коихъ 30 Европейскихъ, разумѣя въ томъ числѣ и ихъ подраздѣленія или нарѣчія, 17 Азіятскихъ, уже безъ нарѣчій, 5 Африканскихъ и 4 Американскихъ. Въ лицѣ его какъ будто изчезло смѣшеніе языковъ, возникщее отъ столпо-

творенія Вавилонскаго, и родъ человѣческій сдѣлался опять едиными устами, по высокому выраженію Св. писанія. Увидятъ ли потомки наши нѣчто подобное? Мецофанти есть одна изъ замѣчательныхъ рѣдкостей Рима.

Секретаря внутреннихъ дѣлъ, Кардинала Маттеи, имѣлъ я случай видѣть, въ нижнихъ покояхъ Ватиканскихъ, въ день представленія нашего Папѣ, и пріемъ его былъ весьма привѣтливъ; въ тотъ же день посѣтили мы, во дворцѣ Квириналъскомъ, Кардинала Ламбрускини, государственнаго Секретаря, на которомъ лежитъ все бремя правительственное, и это отзывается въ его пріемахъ. Въ первой его комнатѣ, какъ и у каждаго изъ его собратій Кардиналовъ, стоитъ подъ пурпурнымъ балдахиномъ его тронъ съ родовыми гербами; у нихъ есть и своя домашняя свита, которая состоитъ изъ крестовыхъ капеллановъ и клириковъ и одного камерьера; но она въ довольно убогомъ положеніи, исключая лицъ правительственныхъ между Кардиналами, или принадлежащихъ къ древнимъ ро-

дамъ княжескимъ, которые имѣютъ больше средствъ для содержанія своего дома. — По странному обычаю, существующему въ Римѣ, домашніе Кардиналовъ и даже Папскіе, подъ именемъ ихъ фамилій, приходятъ, на другой день представленія иностранцевъ Папѣ или посѣщенія ими Кардиналовъ, за весьма ничтожною платою, которая входитъ однако въ расчетъ ихъ жалованья. Такимъ образомъ, внѣшній блескъ Князей церкви, отзывается ихъ домашнимъ убожествомъ.

Всѣхъ чаще посѣщалъ я старшаго изъ сана пресвитерскаго, Кардинала Францони, которому данъ титулъ Капитолійской церкви, Св. Маріи Ara coeli, и ввѣрена пропаганда. Чрезвычайная кротость его, соединенная съ искреннею Христіанскою любовію и благочестіемъ, дѣлали для меня бесѣду его весьма отрадною. Не было видно Кардинала, въ его снисходительномъ обращеніи, а только являлся смиренный пастырь, котораго вся забота о спасеніи душъ. Какъ непосредственный начальникъ того училища вѣры, отколѣ Римъ старается распространить ее по вселенной, онъ съ

умиленіемъ раскаэывалъ мнѣ, о подвигахъ своихъ миссіонеровъ, и особенно о тѣхъ, которые недавно пострадали въ Китаѣ и Японіи. На стѣнѣ у него висѣло письмо, писанное однимъ изъ нихъ съ острова, уже изъ темницы, за недѣлю до мученической кончины, и Кардиналъ съ благоговѣніемъ показывалъ мнѣ строки сіи, запечатлѣнныя вскорѣ кровію. Въ свою очередь я расказалъ ему о нашихъ миссіяхъ духовныхъ, сожалѣя что онѣ неизвѣстны въ Римѣ, когда Римскія напротивъ оглашаются по всему міру. «Наше отечество столь обширно, говорилъ я, и въ немъ столько различныхъ вѣръ, что мы едва имѣемъ возможность, удовлетворять у себя духовнымъ потребностямъ, въ дѣлѣ обращенія язычниковъ, Магометанъ, Евреевъ и собственно нашихъ раскольниковъ. Однако кромѣ сихъ внутреннихъ миссій, у насъ проповѣдуется слово Божіе и на крайнихъ предѣлахъ нашихъ: горскимъ народамъ на Кавказѣ, и Самоѣдамъ у Ледовитаго моря, и вдоль хребта Алтайскаго Калмыкамъ, Киргизамъ и Бурятамъ; даже за море, въ дальніе остро-

ва и материкъ Американскій, проникло отъ насъ ученіе вѣры, да и вся Сибирь крещена нами.»

Сколько могъ изобразилъ я Кардиналу Христіанскіе подвиги Архимандрита Макарія, въ дѣлѣ обращенія инородцевъ Алтайской миссіи, и какъ старшина племени Бурятскаго пріѣзжалъ, въ сѣверную столицу нашу, просить крещенія, которое совершилось въ дворцовой церкви, съ Державными воспріемниками; и какъ новый Епископъ Камчатскій и Алеутскій, Иннокентій, началъ и совершаетъ свой Апостольскій подвигъ, въ необъятной эпархіи, охватившей два поморія Азіи и Америки и океанъ между ними. Съ изумленіемъ услышалъ Кардиналъ неизвѣстное ему дотолѣ имя столь ревностнаго подвижника, который не только крестилъ, но и благовѣствовалъ Евангеліе, на языкѣ имъ образованномъ, ибо какъ Кириллъ и Меѳодій для Славянъ, такъ составилъ онъ грамату для Алеутовъ и перевелъ имъ новый завѣтъ. Теперь же сотни и даже тысячи дикихъ, изъ различныхъ племенъ Американскихъ, стекаются къ усть-

ямъ своихъ рѣкъ, мимо которыхъ плыветъ по океану ладья святительская, и просятъ крещенія, а новые приходы, одинъ за другимъ, возникаютъ на языческихъ дотолѣ островахъ. Не опустилъ я и таинственныхъ видѣній старшины Алеутскаго, котораго, послѣ его обращенія, наставляли въ вѣрѣ два свѣтлые мужа, дабы не оскудѣла она въ немъ и въ его островитянахъ, когда почти вся духовная миссія, ихъ окрестившая, бѣдственно потонула съ самимъ Архіереемъ, у береговъ Кадьяка, и новокрещенные были долгое время безъ пастырей; упомянулъ и о инокѣ Іувеналіѣ, мученически скончавшемся подъ стрѣлами дикихъ, въ тѣхъ же далекихъ предѣлахъ, за смѣлую имъ проповѣдь слова Божія, и о тѣхъ необычайныхъ трудахъ, на морѣ и на сушѣ, которымъ непрестанно подвергается новый Епископъ.

Съ большимъ вниманіемъ слушалъ меня почтенный старецъ, ибо все относящееся до распространенія Христіанства близко было его сердцу, такъ какъ онъ благословляетъ тѣхъ, которые посылаются для проповѣданія слова истины; мнѣ же особенно

пріятно было въ Римѣ, свидѣтельствовать предъ нимъ, о подвигахъ православныхъ пастырей нашихъ, которые столь мало извѣстны въ столицѣ западнаго Христіанства. Я испросилъ у него позволеніе посѣтить пропаганду, которая находилась въ томъ же домѣ, и съ должнымъ уваженіемъ взошелъ въ сіе полезное и достойное высокой цѣли Христіанства училище, прославившее на всегда память его основателя Папы Григорія XV. Въ самомъ дѣлѣ какая была благочестивая и высокая мысль: собрать, изъ всѣхъ предѣловъ вселенной, малолѣтныхъ дѣтей, чтобы, чрезъ ихъ посредство, просвѣтить ихъ дикихъ соотечественниковъ, и такимъ образомъ, озаботясь сперва собственнымъ ихъ спасеніемъ, сдѣлать ихъ самихъ орудіемъ спасенія для другихъ! — И все это успѣлъ устроить благонамѣренный Григорій, въ теченіи краткаго двухлѣтняго своего правленія, съ 1621 по 1623 годъ, съ помощію своего ревностнаго племянника Кардинала Людовизи, когда уже во многомъ оскудѣли денежныя средства Римской церкви. Теперь они еще болѣе уменьшились, осо-

бенно послѣ обладанія Рима Французами, которые лишили всѣ заведенія и обители ихъ достоянія; но не смотря на это, хотя нынѣшняя пропаганда не то, чѣмъ была она при своемъ началѣ, однако и доселѣ Папа дѣлаетъ все что можетъ для ея поддержанія, и таже ревность одушевляетъ ея учителей и учениковъ.

Ректоръ пропаганды, изъ Польскихъ Iезуитовъ, человѣкъ весьма образованный, принялъ меня съ вѣжливостію, свойственною его ордену, и водилъ по всему заведенію. Самъ онъ много странствовалъ и провелъ болѣе десяти лѣтъ на Востокѣ, частію въ южной Аравіи, гдѣ старался просвѣтить Христіанствомъ остатки прежнихъ Омиритовъ, мало сохранившихъ преданія отеческія своего учителя, Св. Архіепископа Григорія, частію въ Сиріи и ея пустынѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что однажды отыскалъ, за нѣсколько дней пути отъ Дамаска, цѣлое колѣно кочующихъ Бедуиновъ, которые не будучи Христіанами, имѣли у себя нѣкоторые слѣды вѣры Христовой, забытой ими среди Магометанъ. Такъ они сохра-

нили еще крестное знаменіе и ежегодно, въ день пасхи, шейхъ или каждый старшина въ своемъ семействѣ раздавалъ благословенный хлѣбъ, какъ бы нѣкое причащеніе. Усердный миссіонеръ, съ помощію другихъ духовныхъ сотрудниковъ, убѣдилъ Бедуиновъ возвратиться къ древней вѣрѣ отцевъ своихъ, и имѣлъ утѣшеніе окрестить все племя. Онъ показывалъ мнѣ, въ замѣчательномъ музеѣ пропаганды, нѣкоторыя писмена дикихъ островитянъ и сокрушенные идолы, которыхъ сами они опрокидывали, возбужденные проповѣдью миссіонеровъ; утѣшительно было видѣть сіи мирные трофеи, добытые мечемъ духовнымъ слова Божія, безъ пролитія крови. Они достойно украшаютъ драгоцѣнный, по своимъ воспоминаніямъ, музей того священнаго училища, откол̂ѣ вышли убогіе воители слова Божія, дабы одолѣть имъ цѣлыя племена варваровъ.

Но всего ближе моему сердцу были самые воспитанники пропаганды, разнаго возраста и племени и цвѣта, отроки и юноши, бѣлые, смуглые и черные, собранные вѣрою

и для вѣры. Числомъ ихъ, если не ошибаюсь, около ста двадцати: всѣ они воспитаны въ одномъ духѣ и дышатъ одинаковою ревностію, которая уже проявляется въ нихъ еще съ отроческихъ лѣтъ, отъ опытнаго руководства наставниковъ. Пріятно видѣть Сіамца подлѣ Ѳѳіопа, и Китайца близь Иллирійца, и Негра съ Армяниномъ, и Индѣйца, или какого либо островитянина Тихаго океана, съ Татариномъ. Италіянскій языкъ уже сдѣлался для всѣхъ общимъ и они свободно на немъ изъясняются, хотя весьма странно слышать его изъ устъ людей, отъ которыхъ, глядя на ихъ лица, ожидаешь совсѣмъ иныхъ звуковъ. Они распредѣлены на классы, по возрасту и способностямъ, а не по народности, ибо всѣ составляютъ уже одно семейство Христіанское, гдѣ нѣтъ лицепріятія. Тѣ, которые готовятся вступить скоро на поприще миссіонеровъ, составляютъ особенное отдѣленіе и ихъ заблаговременно приготовляютъ къ новымъ подвигамъ. Всякое лѣто Ректоръ и нѣкоторые изъ наставниковъ отправляются съ ними, въ горы Апе-

нинскія, для утвержденія въ вѣрѣ поселянъ, и этотъ первый навыкъ, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, служитъ начаткомъ будущихъ болѣе трудныхъ подвиговъ. Я вступалъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ юношей, которые готовились на всегда оставить мѣсто своего воспитанія, а иногда и родину, чтобы идти въ невѣдомыя или давно забытыя ими страны, и удивился ихъ готовности на все, Христа ради: — такое Христіанское мужество служило горькимъ обличеніемъ собственному моему малодушію. Говорятъ, весьма любопытно видѣть, на праздникъ Богоявленія Господня, общую службу всѣхъ рукоположенныхъ миссіонеровъ, въ соборной церкви пропаганды, на разныхъ языкахъ прославляющихъ имя Божіе; но меня еще не было въ то время въ Римѣ. О если бы и у насъ было нѣчто въ родѣ пропаганды, для безчисленныхъ языковъ и племенъ, разсѣянныхъ по необъятной Россіи, отъ моря и до моря!

И старшаго изъ Кардиналовъ, Микару, Князя Епископа Остіи и Веллетри, посѣ-

тилъ я въ его Капуцинской обители Св. Троицы, что на высотахъ Пинчіо. Онъ занимаетъ тамъ небольшую келлію, въ весьма скромномъ отдѣленіи на самомъ верху, и старается по возможности, согласовать убожество Капуцинское съ своимъ высокимъ саномъ. Я не имѣлъ случая много съ нимъ бесѣдовать, но говорятъ, онъ строгій ревнитель правилъ церковныхъ и даже навлекъ на себя неудовольствіе, предложеніемъ сократить расходы содержанія собственнаго и своихъ собратіїї, которое стоитъ ежегодно казнѣ папской до 5,000 скудъ, или 20,000 рублей на каждаго. Будучи прежде Епископомъ Фраскати, онъ озаботился нравственностію его жителей и уничтожилъ многіе безпорядки, посему болѣе уважаемъ нежели любимъ.

Въ той же обители, гдѣ живетъ старшій изъ Кардиналовъ, находятся, подъ олтаремъ верхней церкви, мощи Св. Іустина мученика и философа Римскаго втораго вѣка, прославленнаго своею апологіею за Христіанство. Въ главной церкви показываютъ надъ боковымъ алтаремъ, знаменитую кар-

тину Гвидо-Рени, Архангела Михаила поражающаго діавола, которой списокъ разсѣянъ повсюду. Я любопытствовалъ видѣть усыпальницу Капуцинскую, въ подвалахъ монастырскихъ, и признаюсь, ужаснулся такому поруганію надъ усопшими, коихъ предаютъ тутъ землѣ, не болѣе какъ на годъ или два; потомъ ихъ опять вырываютъ и, если остовъ хорошо сохранился, то надѣваютъ на него капуцинскую одежду и ставятъ по угламъ, а болѣе почетныхъ кладутъ на одрахъ въ малыя ниши, или пещерки, составленныя изъ разсыпавшихся костей. Всѣ стѣны и окна убраны такого рода человѣческими украшеніями, изъ различныхъ составовъ и косточекъ, съ особеннымъ искуствомъ, и даже помостъ разрисованъ мозаиками изъ зубовъ. Можно ли было выдумать что либо болѣе отвратительное и менѣе благоговѣйное! Во дни панихидъ, которыя совершаются на олтаряхъ сихъ подземныхъ покоевъ, возжигаютъ факелы въ рукахъ остововъ, и они страшно освѣщаютъ ихъ черепъ, съ длинною бѣлою бородой. Повсюду театральность въ Римѣ: да-

же и мертвыхъ не оставляютъ въ покоѣ, ради зрѣлища.

Говоря о усыпальницѣ Капуцинской, не лишнимъ нахожу сказать нѣсколько словъ, о томъ неуваженіи, которое вообще имѣютъ Римляне къ своимъ усопшимъ, равно къ убогимъ и богатымъ. Если умретъ какой либо вельможа, всѣ родственники сейчасъ бѣгутъ изъ дома, какъ отъ заразы, и дѣти, пребывавшіе до послѣдняго издыханія при одрѣ своихъ родителей, бросаютъ ихъ на чужія руки. Покойника кладутъ на полъ, посреди его великолѣпныхъ палатъ, и только прислуга стережетъ тѣло, но чтенія псалтыря нѣтъ, бываютъ только панихиды. Погребеніе совершаютъ особаго рода братства (confreries), съ лицами закрытыми, сами какъ привидѣнія: бывало прежде, т. е. до холеры, когда еще хоронили въ монастыряхъ, внутри города, тѣло опускали въ общій подвалъ, наполненный извѣстью, чтобы оно сгорѣло; теперь же хоронятъ на кладбищѣ. На другой только день, собирались родственники въ церковь монастырскую, отслушать литургію за упо-

кой, и потомъ заготовлялся роскошный памятникъ, совсѣмъ не тамъ, гдѣ погребенъ былъ ихъ близкій по крови и сердцу, а въ какомъ нибудь болѣе видномъ мѣстѣ, тѣло же его истлѣвало въ грудѣ другихъ тѣлъ. Можно ли сравнить съ симъ холоднымъ равнодушіемъ, материнскія заботы православной Церкви о своихъ усопшихъ? — она не чуждается ихъ, и до послѣдней минуты, благоговѣйнаго преданія землѣ: подумаешь, что не мертвый а живой еще лежитъ, посреди своихъ близкихъ, его лобзающихъ на смертномъ одрѣ. Но вельможи Римскіе, при погребеніи своихъ единокровныхъ, весьма боятся посмертнаго надъ ними суда народа, который сохранилъ еще, отъ прежнихъ временъ, духъ своеволія, необуздываемаго правительствомъ духовнымъ. Если умретъ кто либо изъ нищелюбивыхъ, народъ провожаетъ его благословеніями и даже самъ несетъ на рукахъ, какъ это случилось съ молодою и прекрасною Княгинею Боргезе, дочерью Англійскаго Лорда Шревсбюри, которая посвятила себя на богоугодныя дѣла. Но

у народа нѣтъ помилованія жестокосердымъ вельможамъ и родственники, чтобы избѣжать поруганія надъ трупомъ, стараются хоронитъ ихъ ночью. Не пощажены и самые Первосвященники, хотя злоба противъ нихъ можетъ излиться только въ однихъ остротахъ. Такъ напримѣръ строгій и благочестивый Папа Левъ XII, чтобы предупредить частыя смертоубійства, случавшіяся въ харчевняхъ Римскихъ, закрылъ большую часть ихъ и позволилъ только продавать у входа вино, изъ за рѣшетки. Когда же скончался и, по странному обычаю Римскому, выставленъ былъ не посреди собора, а въ огражденномъ придѣлѣ Св. тайнъ, такъ что его ноги только были просунуты сквозь рѣшетку, для цѣлованія народнаго: то нѣкто, вѣроятно изъ наиболѣе обиженныхъ его строгостію, громко сказалъ, подходя въ свою очередь къ усопшему: «такъ вотъ же и ты самъ за рѣшеткою!» и это слово пронеслось по всему Риму. Оно выражаетъ духъ его народа; кто бы осмѣлился у насъ посмѣяться, даже надъ простымъ покойникомъ, не только надъ Епископомъ?

Что еще сказать о нравахъ Римскаго народа, которые доселѣ отзываются среднимъ вѣкомъ? Въ Римлянинѣ, особенно въ Транстеверинцѣ, не замѣтно того униженія, которое встрѣчаешь въ другихъ Италіянцахъ, и наиболѣе въ Неаполѣ. Онъ гордится своимъ именемъ и еще помнитъ прежнюю славу; набоженъ слѣпо, но вѣра не смиряетъ его бурныхъ страстей; грубъ съ иностранцами, хотя питается ими, и нищіе, которые встрѣчаются толпами, на каждомъ перекресткѣ, отравляя собою высокія впечатлѣнія минувшаго, не пощадятъ бранью немилостиваго къ нимъ, воздавая особое уваженіе щедрымъ; они сей часъ ихъ замѣтятъ, и уже кланяются имъ, какъ своимъ пріятелямъ, вездѣ гдѣ только встрѣтятъ. Должно полагать, что нѣкоторые изъ числа этихъ нищихъ, выходятъ на другой промыселъ ночью. Опасно ходить поздно, по глухимъ переулкамъ новаго Рима и по пустырямъ стараго, не смотря на то что теперь, умноженіемъ карауловъ и бдительностію полиціи, много уменьшились грабежи. Воры Римскіе требуютъ только денегъ и избѣгаютъ ду-

шегубства, хотя и грозятъ ножемъ, потому что тогда труднѣе скрыться; но остерегитесь вступиться за кого нибудь на улицѣ, или предостеречь человѣка, котораго видите что обкрадываютъ; можно за это дорого поплатиться.

Теперь однѣ только паперти церквей пользуются древними правами убѣжища, но прежде всѣ дворы посланниковъ, и цѣлыя площади были недоступны полиціи, какъ напримѣръ Испанская, а великолѣпная лѣстница отъ нее на Пинчіо была непроходима ночью. Но и доселѣ, хотя большею частію монахи неохотно допускаютъ въ свои церкви бѣглецовъ, и вытѣсняютъ ихъ оттолѣ голодомъ или выманиваютъ разными обѣщаніями если смертоубійца вскочитъ только на паперть, уже стража не смѣетъ его коснуться, и стоитъ около него по нѣскольку часовъ, доколѣ не испрошено будетъ разрѣшеніе Кардинала Викарія. Можно по этому судить какова расправа въ Римѣ, и какъ трудно возстановить тамъ совершенный порядокъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ одного весьма

ужаснаго и вмѣстѣ страннаго случая, который дастъ ясное понятіе, и о нравахъ Римскихъ, и о слабости правительства. — Возвращаясь однажды, съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ, изъ за Тибра, мы увидѣли большое стеченіе народа около Сикстова моста. «Что значитъ эта толпа?» спросилъ я своего кучера, который весьма равнодушно смотрѣлъ черезъ головы народа. «Ничего, отвѣчалъ онъ, обычаи Римскіе!» — Какіе обычаи? — «Ничего, сударь, тутъ женщина сейчасъ убила своего мужа, и вотъ онъ весь въ крови; — впрочемъ это дѣло обычное, семейная расправа за какіе нибудь грѣхи.» Между тѣмъ наѣхавшіе экипажи заставили насъ перебраться черезъ мостъ; но я опять велѣлъ остановиться на первой площадкѣ, и спросилъ: что же сдѣлали съ этою женщиною? — «Вотъ она сама идетъ мимо насъ» спокойно отвѣчалъ кучеръ; я увидѣлъ фурію, съ растрепанными волосами, въ красномъ платьѣ, и по цвѣту и по крови, съ собакою на рукахъ, но безъ той острой иглы, которою въ Римѣ женщины собира-

ютъ свои длинные волосы и убиваютъ мужей. Около нее, въ почтительномъ разстояніи, шли мужчины и женщины, солдаты и монахи, и всѣ уступали ей дорогу; она остановилась около насъ, грозно на насъ взглянула и крикнувъ: «а вамъ что?» прошла гордыми шагами мимо. «Отчего же ни кто не беретъ ее?» спросилъ я своего кучера. «Эти солдаты къ тому неспособны, отвѣчалъ онъ, потому что инаго квартала и не изъ карабинеровъ, которые одни имѣютъ на то право.» — Что же съ нею будетъ? — «Она вѣроятно станетъ укрываться нѣсколько дней по домамъ своихъ пріятелей, а потомъ ее возьмутъ и посадятъ въ смирительный домъ.» — Мы поѣхали далѣе и я болѣе ничего не слыхалъ ни о женщинѣ, ни о событіи.

Но за то вотъ что достойно всякаго уваженія въ Римѣ: — заботливость о преступникахъ осужденныхъ на смерть, а казни случаются тамъ довольно часто; при мнѣ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, казнили трехъ за смертоубійство. Едва только объявятъ преступнику смертный его приго-

воръ, Римскіе вельможи, принадлежащіе къ особенному братству усѣкновенія главы Предтечи, переселяются въ темницу на сутки, чтобы усладить послѣднія минуты осужденнаго, доставить ему всякія льготы и утѣшенія семейныя, а наиболѣе чтобы приготовить его къ смерти. Нѣкоторые изъ преступниковъ не скоро соглашаются принять Св. тайны, надѣясь продлить сею борьбою горькій остатокъ жизни, но почти всегда уступаютъ увѣщаніямъ, потому что казнь ихъ отсрочивается не далѣе вечера, а убѣжденія ихъ духовныхъ наставниковъ весьма трогательны. — Въ мое время, одинъ молодой человѣкъ, весьма буйнаго характера и осужденный за два убійства, умилился до такой степени, что прощаясь съ своимъ духовникомъ сказалъ ему: «я желаю казни и пріемлю ее какъ милость, дабы чрезъ то прощены были мои грѣхи въ будущей жизни, и не хотѣлъ бы прощенія въ этой!» Многіе изъ благочестивыхъ Римлянъ, въ самую минуту казни, собираются въ сосѣднюю церковь и молятся на литургіи, за упокой

осужденнаго, чтобы облегчить ему страшный переходъ въ вѣчность. Я встрѣтилъ горестную процессію сего юноши везомаго къ мѣсту казни. Передъ нимъ несли большое распятіе; самъ онъ сидѣлъ на высокой колесницѣ, (ступени коей называются райскими, ибо благословены Папою и пользуются индульгенціями,) и сидѣлъ задомъ, чтобы не видѣть страшнаго приближенія къ мѣсту казни, такъ какъ уже покаялся; по сторонамъ его сидѣли два Римскіе вельможи, въ маскахъ и съ крестами въ рукахъ, безпрестанно обращая вниманіе преступника на спасительное древо; эти сокровенныя лица должны были однако внушать еще болѣе тяжкое чувство преступнику. Кругомъ шла стража, и монахъ впереди собиралъ милостыню для литургіи, за упокой везомаго на смерть. Молча смотрѣлъ народъ на это страшное шествіе и молился; но не всегда онъ бываетъ покоенъ, если преступникъ внушаетъ почему нибудь участіе, и тогда правительство предпринимаетъ свои мѣры. Въ день казни запрещено строго всѣмъ Кардиналамъ вы-

ѣзжать изъ домовъ, потому что они имѣютъ древнее право Весталокъ, освобождать отъ смерти осужденныхъ, своею встрѣчею. При строгомъ Папѣ Львѣ XII, одинъ изъ Кардиналовъ отважился нарушить это запрещеніе, встрѣтилъ и освободилъ преступника, но хотя сохранилъ ему жизнь, самъ былъ за то высланъ изъ Рима.

ПИСЬМО XIV.

Праздникъ артистовъ, Ватиканъ ночью; благословеніе Папы въ Латеранѣ; дорога въ Неаполь.

Наступила страстная недѣля для православныхъ въ Римѣ и большая часть соотечественниковъ нашихъ обратилась опять къ благочестивымъ подвигамъ говѣнія, у насъ заповѣданныхъ на великіе дни сіи. Замѣчательно, что въ теченіи великаго поста до семидесяти Русскихъ говѣли въ Римѣ, въ церкви нашего посольства, и хотя убого тамъ богослуженіе, не только въ сравненіи Римскаго, но и само по себѣ, по ма-

лому числу клира, однако утѣшительно было соединяться на молитву и приступать къ таинству, переносясь духомъ въ православную родину. — Между тѣмъ, въ свободныя минуты, продолжалъ я обозрѣвать болѣе знаменитыя изъ церквей Римскихъ: базилику Св. Маріи за Тибромъ, которой мѣсто, какъ говорятъ, прежде другихъ уступлено было для молитвы Христіанъ, еще языческимъ Императоромъ Александромъ Северомъ, и, въ томъ же краю, древній храмъ Св. Хрисогона, и обитель Св. Цециліи; тамъ почиваютъ ея мощи и доселѣ показываютъ домашнюю баню, гдѣ приняла она мученіе за Господа. И по сію сторону Тибра, въ новомъ Римѣ, еще много замѣчательныхъ храмовъ привлекли мое вниманіе; въ числѣ ихъ великолѣпная церковь Св. Агнисы, на площади Навонской, гдѣ поруганіе, предстоявшее дѣвѣ, обратилось ей въ славу, и Апостола Андрея (de la Valle), расписанную Доминикиномъ, и Св. Маріи, что надъ Минервой, гдѣ находится знаменитое изваяніе Господа, съ крестомъ въ рукахъ, рѣзца Микель-Ан-

джела. Называть ли еще славную обитель Iезуитскую, и церковь Св. Марка, сооруженную Венецiянами въ честь своего патрона, по сосѣдству бывшаго дворца ихъ, и храмъ двѣнадцати Апостоловъ, на площади сего имени, гдѣ хранятся, вмѣстѣ съ частицами мощей каждаго изъ нихъ, нетлѣнные останки мучениковъ, Хрисанѳа и Дарiи? До шестидесяти церквей осмотрѣлъ я въ Римѣ, въ теченiи двухъ мѣсячнаго моего тамъ пребыванiя, и все еще не видѣлъ всѣхъ заслуживающихъ вниманiя; потому что, какъ я уже сказалъ однажды, церкви Римскiя есть лучшее сокровище столицы, и по красотѣ своей и по воспоминанiямъ.

Что касается до изящныхъ произведенiй Рима, его безчисленныхъ музеевъ и галлерей, частныхъ и государственныхъ, то хотя я и осматривалъ нѣкоторыя изъ нихъ съ большимъ вниманiемъ, однако не съ этой точки зрѣнiя наблюдалъ Римъ. Посему, сказавъ уже нѣсколько словъ о музеѣ Капитолiйскомъ и галлереи Ватиканской, не стану еще описывать роскошнаго собранiя картинъ, въ палатахъ Боргезе и

Доріа, Шіарра и Барберини, Роспиліози и Колонна, и драгоцѣнныхъ статуй въ виллахъ Боргезе и Альбани, гдѣ собирала ихъ опытная рука антикварія Винкельмана, и въ новомъ музеѣ Латеранскомъ, который составляется по волѣ нынѣшняго Папы. Скажу только, что тамъ одна древняя статуя Софокла, недавно найденная около Террачино, изящностію своею и благородствомъ фигуры, превосходитъ даже и то, что можно видѣть посреди роскоши ваяній Ватиканскихъ.

Наконецъ, въ половинѣ страстной недѣли, прибылъ давно ожидаемый мною изъ Россіи спутникъ Н*, который хотѣлъ совершить со мною остальную часть путешествія по Италіи; я ожидалъ его съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что ничего нѣтъ болѣе тяжкаго для сердца, какъ чувство своего одиночества въ краю чужомъ. — На другое же утро я повелъ его въ храмъ Св. Петра, чтобы также уловить первое его впечатлѣніе, какъ другіе хотѣли воспользоваться моимъ: чудная сія базилика есть какъ бы собственность каждаго и первый даръ,

которымъ хочешь порадовать своихъ близкихъ, съ тайнымъ чувствомъ самодовольствія, что уже мы ее видѣли. Прямо оттуда, еще пораженнаго зрѣлищемъ базилики, повлекъ я, по хаосу Римскихъ улицъ, въ новый Капитолій, на скалу Тарпейскую, чтобы еще болѣе потрясти его громкимъ именемъ и величіемъ развалинъ. — И когда, отуманенный тѣмъ что видѣлъ, вокругъ себя и вдали предъ собою, онъ еще не могъ дать себѣ никакого отчета, въ мысляхъ и чувствахъ, столь тревожно на него нахлынувшихъ, — я спустился съ Капитолія и, мимо форума, поставилъ его въ самое сердце развалинъ, на царственный Палатинъ, но не въ безобразную ихъ груду, а въ очаровательный садъ посреди нихъ возникшій, виллу Мильсъ, всю въ кипарисахъ и розахъ. Она была въ полномъ весеннемъ блескѣ своихъ цвѣтовъ, и душное дыханіе юга обвѣяло насъ ихъ ароматами, предвозвѣщая скорую грозу, ибо черная туча шла отъ Капитолія. И вотъ она разразилась ливнемъ, какіе бываютъ только на югѣ: раздались страшные раскаты гро-

ма, посыпались молніи на бывшій домъ Августа, подъ сѣнію коего мы укрылись, памятуя какъ нѣкогда Кесарь едва спасся отъ стрѣлъ громовержца. Казалось самъ Капитолійскій Юпитеръ, расходился по своему родному Римскому небу, какъ въ ту страшную грозу, когда изчезъ съ Палатина первый Царь избраннаго имъ вѣчнаго Рима. Сторожевые псы виллы выли подъ вой грозы, умножая ея мрачное впечатлѣніе, и томные кипарисы, всѣ облитые потоками дождя, стояли вокругъ, какъ привидѣнія минувшаго. Не видя конца непогодѣ, мы хотѣли возвратиться домой, но едва спустились съ холма Палатинскаго, къ тріумфальнымъ вратамъ Тита, какъ новый порывъ бури и умноженныя молніи заставили насъ опять искать себѣ пріюта, подъ разбитыми сводами базилики Константиновой, гдѣ укрылось много народа; съ вершины ея сыпались цѣлые водопады, и дождевая струя, какъ бы горный потокъ, съ шумомъ разливалась по развалинамъ, образуя собою водоемъ въ провалившемся помостѣ. Никогда не видалъ я столь вели-

колѣпной бури и особенно посреди такихъ обломковъ другой, болѣе ужасной бури временъ и народовъ, запечатлѣнной столь дивными памятниками!

Остальные дни страстной седмицы протекли въ обычныхъ молитвословіяхъ; смиренная плащаница Спаса нашего выставлена была, посреди скромной посольской церкви, въ великій пятокъ, для благоговѣйнаго поклоненія православныхъ; чрезъ нѣсколько часовъ послѣ вечерни, совершилась торжественная утреня великой субботы, даже въ самомъ простомъ богослуженіи, вся проникнутая величіемъ предстоявшаго мертвеннаго одра Владыки Ангеловъ и человѣковъ. Всѣ, кто только носилъ Русское имя и исповѣдывалъ православную вѣру, и даже нѣкоторые изъ иностранцевъ, собрались въ церковь посольскую на утреню Пасхи. Артисты Русскіе, живописцы и ваятели, составляющіе едва ли не первую школу въ Римѣ, избрали лучшіе голоса изъ своей среды, чтобы пѣть на крылосѣ радостные гимны свѣтлаго воскресенія; а послѣ ранней обѣдни всѣ разговѣлись у ра-

душнаго хозяина, которому близко все Русское въ Римѣ, какъ и самъ онъ близокъ сердцу каждаго соотечественника.

Нѣсколько дней спустя, множество народа устремилось за десять миль отъ Рима, на берегъ Аніо, въ такъ называемые Червары, гдѣ находятся многія пещеры, невѣдомые остатки древнихъ зданій или каменоломней, чтобы тамъ присутствовать на праздникѣ артистовъ Римскихъ, полуторжественномъ, полукомическомъ. Уже около тридцати лѣтъ какъ онъ установился въ Римѣ, куда стекается на зиму до пяти сотъ артистовъ всякаго рода, наиболѣе изъ Германіи, и какъ они имѣли обычай, весною провожать нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, возвращавшихся на родину, то сіи проводы сдѣлались празднествомъ, совершенно въ идеальномъ духѣ Германскомъ; только, для большей свободы и спокойствія, мѣстомъ проводовъ избрана была, не городская застава на мосту Тибрскомъ, а смежная пустыня Римская, гдѣ вполнѣ могутъ натѣшиться разгульные юноши, и даже степенные художники, кото-

рые, на этотъ день, совершенно входятъ, въ характеръ своихъ маскарадныхъ одеждъ, и возобновляютъ, посреди величія пустыни, шумный крикъ Римскаго карнавала, оживляющій его Корсо.

Всякаго рода представленія въ Римѣ принимаютъ видъ законности, потому что нѣтъ другаго города во вселенной, гдѣ бы такъ заботились о зрѣлищахъ, духовныхъ и мірскихъ; искусства же и художники пользуются особенными преимуществами, въ ихъ древней столицѣ. Такимъ образомъ когда артисты единодушно изберутъ себѣ предсѣдателя, для своего маскараднаго праздника, правительство уже смотритъ на него, какъ на законную главу ихъ, и сей Калифъ на часъ, пользующійся, въ теченіи одного дня, всѣми начальническими правами надъ своими подчиненными, отвѣчаетъ, по всей строгости законовъ, за малѣйшій безпорядокъ и даже подвергается тюремному заключенію; оттого самъ онъ, равно какъ и тѣ, которыхъ изберетъ себѣ помощниками, строго смотрятъ, чтобы соблюдались всѣ правила ими установленныя для благочинія,

и никто изъ гостей, принимающихъ участіе въ торжествѣ, не можетъ входить въ завѣтный кругъ артистовъ, безъ маскерадной одежды, или по крайней мѣрѣ безъ повязки на рукѣ.

Довольно рано выѣхали мы изъ города, въ Великія врата, по дорогѣ Палестринской, и за нѣсколько миль увидѣли раззолоченную колесницу, запряженную четырьмя бѣлыми волами, съ позлащенными рогами и подъ богатыми коврами, которая остановилась въ грязи; это была колесница самаго президента, но упорные волы не хотѣли далѣе содѣйствовать его тріумфу, и онъ принужденъ былъ присоединиться верхомъ къ отборной своей дружинѣ. Уже артисты отпировали, на первомъ своемъ привалѣ, въ развалинахъ Гордіева храма, который называется башнею рабовъ (torre dei Schiavi), и пѣли тамъ хвалебныя строфы, въ честь своего начальника, для котораго былъ поставленъ высокій тронъ съ балдахиномъ, подъ разбитыми сводами Кесарей; въ числѣ пяти сотъ человѣкъ, раздѣленныхъ на пѣхоту и кавалерію, они

продолжали путь свой къ пещерамъ Черваръ, дѣлая различные маневры. Миновавъ колесницу, мы настигли пажа, принадлежавшаго къ свитѣ президента, въ богатѣйшей готической одеждѣ, который принужденъ былъ идти пѣшкомъ до мѣста собранія, и предложили ему мѣсто въ экипажѣ. Еще далѣе наѣхали на нестройную толпу артистической пѣхоты, въ одеждахъ не слишкомъ богатыхъ; но за то кавалерія, не столь многочисленная, отличалась роскошью оружія и нарядовъ. Самъ президентъ былъ одѣтъ военачальникомъ, временъ тридцатилѣтней войны, въ шляпѣ съ перомъ и ботфортахъ, а свита его частію въ рыцарскихъ, частію въ Испанскихъ одеждахъ и даже въ Арабскихъ; у нѣкоторыхъ были отличныя лошади, и вообще пестрота и необычайность сего зрѣлища, посреди Римской пустыни, была очаровательна для глазъ. Можно было подумать, что Норманны и Сарацины опять согласились грабить окрестности древней столицы. Многія сотни экипажей тянулись по дорогѣ, отъ самаго Рима до Черваръ; тамъ уже

образовался цѣлый караванъ; кое гдѣ разбиты были шатры и раскладены огни, такъ что эта пустынная картина имѣла нѣчто весьма оригинальное.

Когда вся толпа артистовъ, конная и пѣшая, достигла пещеръ, подъ ихъ неправильными сводами, начались приготовленія къ пиршеству, а между тѣмъ президентъ, съ своею свитою, пошелъ въ другую пещеру, вопрошать Сивиллу, о успѣхѣ искуствъ. Она явилась, вся въ бѣломъ, изъ глубины грота, посреди голубыхъ огней, какъ привидѣніе, и прорекала славу художниковъ. Потомъ, на маломъ курганѣ, президентъ, сталъ раздавать бумажные ордена артистамъ, наиболѣе заслужившимъ вниманіе и даже людямъ постороннимъ, содѣйствовавшимъ успѣху искуствъ, и громко провозглашались имена ихъ герольдомъ. Тутъ явилась и Отаитская Королева Помаре, съ изъявленіемъ своего уваженія къ славѣ художниковъ, которая распространилась до концевъ вселенной. Послѣ шумнаго обѣда, на широкой равнинѣ поверхъ пещеръ, начались Олимпійскія игры, бѣгъ на коняхъ

и ослахъ, и здѣсь искусные въ верховой ѣздѣ, могли показать всю свою ловкость; предсѣдатель раздавалъ вѣнки, стоя въ своей раззолоченной колесницѣ. Игры продолжались до вечера и уже весьма поздно, вся толпа художниковъ съ пѣснями возвратилась въ городъ, неся въ рукахъ зазженные факелы, что представляло издали великолѣпное зрѣлище. Этотъ артистическій праздникъ есть одна изъ оригинальностей Рима, и заслуживаетъ вниманіе его посѣтителей.

На слѣдующій день мы насладились другимъ, еще болѣе разительнымъ зрѣлищемъ, въ залахъ Ватикана, посѣтивъ его ночью съ факелами, которые представляли изумленнымъ глазамъ нашимъ, всѣ изящныя статуи, въ необычайномъ свѣтѣ, какъ бы живыми. Надобно было испросить для сего позволеніе правительства Римскаго, потому что не безопасно впускать неизвѣстныхъ посѣтителей, въ столь позднюю пору, въ палаты Ватиканскія; нѣсколько стражей Швейцарскихъ провожали насъ, таинственно, по необъятнымъ переходамъ дворца

Первосвященниковъ. Въ длинной галлереи надписей, предшествующей музею, гдѣ собраны съ правой стороны остатки языческіе а съ лѣвой христіанскіе, проводники наши зажгли свои факелы, со щитами, на подобіе трубъ, которые такъ устроены, что свѣтъ ихъ падаетъ вполнѣ на предстоящій предметъ: за нами заключились желѣзныя рѣшетки, для большей предосторожности. Съ боковаго, новаго музея Кіарамонти или Пія VII, начался осмотръ: не стану говорить уже о красотѣ самаго зданія, котораго изящныя формы обрисовывались въ полумракѣ; скажу только о статуяхъ, что при факелахъ можно получить о нихъ гораздо лучшее понятіе, какъ по рѣзкому сліянію свѣта и мрака, такъ и оттого, что показывающіе ихъ, имѣя сами опытность художническую, останавливаются только при самыхъ замѣчательныхъ и не развлекаютъ другими вашего вниманія.

Первую освѣтятъ вамъ Каріатиду, въ строгихъ формахъ ваянія Греческаго, которая перешла изъ Акрополиса Аѳинскаго, сперва въ Венецію а потомъ уже въ Римъ;

нѣсколько далѣе вы увидите старца Силена, лелѣющаго въ своихъ объятіяхъ младенца Вакха. Весьма изящна, по своей волнистой прозрачной одеждѣ, женская статуя, которой имя не опредѣлено, погруженная въ глубокую думу, и столь же замѣчательна, на самомъ концѣ галлереи, благородная фигура оратора Демосѳена, изъ устъ коего ожидаешь рѣчей, когда приближается къ нему оживительный факелъ, внезапно вызывающій его изъ мрака. На противуположной сторонѣ галлереи привлекаютъ вниманіе посѣтителей: легкая Венера и скромная Минерва Медика, такъ названная по имени развалинъ, гдѣ была найдена, но приписываемая рѣзцу Фидіаса по строгой красотѣ своихъ формъ: а между ними стоитъ отдѣльно колоссальный Нилъ, временъ Адріяновыхъ, съ шестьнадцатью ползающими по немъ младенцами, которые суть символы различныхъ степеней оплодотворенія покорнаго ему Египта. Множество другихъ статуй проходятъ мимо въ сей чудной галлереи, которая свидѣтельствуетъ, какія еще богатства сокрыты въ нѣд-

рахъ земли Римской, потому что вся она собрана, однимъ изъ новѣйшихъ Папъ, и въ самую бурную эпоху ихъ святительства. Длинный корридоръ Кіарамонти также наполненъ статуями, но менѣе знаменитыми, хотя и между ними есть замѣчательныя, особенно бюсты Кесарей: лучшій изъ всѣхъ Августовъ, весьма сходный съ Наполеоновымъ; корридоръ сей привелъ насъ къ богатѣйшему изъ всѣхъ музею Климентинскому, собранному двумя Климентами, XIII и XIV, и чрезвычайнымъ любителемъ художествъ Піемъ VI, которому быть можетъ по сей причинѣ суждено было выдать, собственными руками, все что онъ собралъ, Французамъ.

Эта часть зданія, самая изящная по своей архитектурѣ, называется Бельведеромъ, потому что днемъ, прекрасный видъ открывается изъ оконъ ея, на Римъ и его окрестность, со стороны горы Маріо; посему имя Бельведерскихъ сообщилось всѣмъ произведеніямъ рѣзца Греческаго, которыя съ строгимъ разборомъ поставлены въ сію сокровищницу древняго искуства, уже неподражаемаго нынѣ. При самомъ входѣ, около

гроба Сципіоновъ, найденнаго въ ихъ подземельи, представляется колоссальный торзъ Геркулеса, который прилично сторожитъ мраморное богатство Бельведера; по уцѣлѣвшему остатку можно судить о красотѣ бывшей статуи; она, даже и въ такомъ состояніи, была причислена къ двѣнадцати славнѣйшимъ изваяніямъ древняго міра, изъ коихъ шесть въ Римѣ, три въ Неаполѣ, и остальныя во Флоренціи. Вотъ и еще одна прекрасная статуя въ углубленіи первой залы Бельведерской, Мелеагръ возвратившійся съ ловли; но рука, опиравшаяся на копье, сломана и этотъ недостатокъ нѣсколько нарушаетъ выраженіе спокойствія, въ осанкѣ величественнаго юноши, который дышетъ изъ подъ мрамора. Рядомъ съ залою Мелеагра осмиугольный дворъ, обставленный шестьнадцатью гранитными столбами, съ четырмя малыми покоями, гдѣ хранятся лучшія сокровища Ватикана. Здѣсь по истинѣ вѣнецъ ваянія и предѣлъ, за который уже не можетъ преступить искуство, потому что оно дошло до крайней степени, какая только доступна совершенству человѣ-

ческому. Въ первомъ изъ четырехъ покоевъ поставили Персея и бойцевъ Кановы, верхъ искуства новѣйшаго, чтобы сравнить его съ древнимъ; но сколь ни изящна легкая фигура Персея, онъ не имѣетъ той непринужденности, какую мы привыкли видѣть въ старинныхъ статуяхъ.

Казалось, древніе ваятели совершенно сроднились своимъ воображеніемъ, съ формами человѣческими, отъ безпрестаннаго зрѣлища обнаженной природы, которой благопріятствовала легкая одежда и гимнастическія игры, и безчисленныя сокровища рѣзца Греческаго; они привыкли создавать своихъ мраморныхъ боговъ и человѣковъ, такими точно, какими ихъ видѣли предъ собою исполненными жизни и свободы. Самый мраморъ соотвѣтствовалъ ихъ мысли, или сдѣлался такимъ отъ времени, потому что онъ принялъ совершенно цвѣтъ человѣческаго тѣла, и это особенно поражаетъ при свѣтѣ факеловъ, когда напротивъ того чрезвычайная бѣлизна нынѣшняго Каррарскаго мрамора, употребляемаго для статуй, лишаетъ ихъ этой тѣлесности, которая со-

ставляетъ одно изъ достоинствъ древняго ваянія. Посмотрите на Персея Кановы и рядомъ съ нимъ, въ другомъ покоѣ, на древняго Меркурія или Антиноя, который напоминаетъ собою Мелеагра: вамъ невольно бросится въ глаза это различіе мрамора и свободы въ тѣлодвиженіяхъ, или лучше сказать совершенной натуральности, даже въ положеніяхъ самыхъ напряженныхъ, какъ напримѣръ въ группѣ Лаокоона, занимающей третію комнату Бельведера. — Умолкнемъ здѣсь, въ ужасѣ его страданій, и пусть говоритъ за насъ Виргилій, стихами своей Энеиды, потому что не только слабый языкъ, но даже геніальный рѣзецъ Микель-Анджело, не могъ вполнѣ досказать того, что хотѣли выразить три художника Греческіе, создавшіе сію чудную группу, когда ему поручено было довершить нѣкоторыя части рукъ Лаокоона и двухъ его истерзанныхъ дѣтей.

. . . . «Змѣи, дружной четою
Къ Лаокоону идутъ, и прежде дѣтскіе члены,
Двухъ его сыновей, въ своихъ жестокихъ объятьяхъ,
Тотъ и другой охвативъ, нещастныхъ жаломъ терзаютъ.
Вслѣдъ за тѣмъ и отца, на помощь бѣгущаго къ дѣтямъ,
Оба змѣя берутъ, въ огромныхъ кольцахъ сжимаютъ,
Дважды по чресламъ обвивъ, и дважды вокругъ его выи
Узелъ убійственный сжавъ, надъ нимъ еще гордо возносятъ
Гребень чела; а онъ, весь оскверненный ихъ ядомъ,
Силится крѣпостію мышцъ расторгнуть страшныя узы,
И ужасающій вопль, въ борьбѣ сей, къ небу подъемлетъ.»
(Энеиды пѣснь II.)

Страшно смотрѣть, при блѣдномъ свѣтѣ факеловъ, на мраморное истязаніе Троянскаго жреца, съ его невинными дѣтьми, котораго преслѣдуютъ, по сказанію поэта, ненависть Минервы, не къ нимъ, а къ Троѣ. По мѣрѣ того какъ вглядываешься въ ихъ

муки, оживаетъ мраморъ и становится прозрачнымъ, напрягаются мускулы распростертыхъ рукъ, и кажется сейчасъ исторгнется страшный вопль изъ устъ Лаокоона. Ни одна статуя не произвела на меня столь сильнаго впечатлѣнія и невозможно изобразить, вѣрнѣе и подобострастнѣе, страданія человѣческія. Но вотъ, въ послѣднемъ покоѣ Бельведера, нѣчто противуположное мукамъ, одухотворенная природа человѣческая, созданная также рѣзцемъ и поставленная рядомъ съ Лаокоономъ, вѣроятно для того, чтобы сближеніемъ сихъ двухъ крайностей, оцѣнить лучше геній ваятелей, и постигнуть два противуположныя стремленія природы человѣческой — то, какою сотворена она вначалѣ и то чему подверглась. Заимствуемъ и здѣсь языкъ поэта, уже нашихъ временъ, который самъ, какъ падшій духъ, странствуя съ душевною тоскою по вселенной, далеко отъ родины, дикимъ и чуднымъ свѣтомъ очертилъ все, что встрѣчалось ему на скорбномъ пути.

«Вотъ онъ, владыка неизбѣжныхъ стрѣлъ!

богъ жизни и поэзіи и свѣта! облекшееся солнце въ члены смертныхъ, но съ отблескомъ побѣды на челѣ. Теперь лишь спущена была стрѣла, горящая безсмертной местью; въ его очахъ, въ ноздряхъ, высокое презрѣніе; величіе и сила въ немъ какъ молньями разятъ, и въ этомъ взорѣ ясно божество!»

Послѣ кисти Виргилія и Байрона, передавшихъ звуками вдохновенныя созданія геніальнаго рѣзца, еще ли описывать другія изящныя произведенія древности Греческой и Римской, которыя столпились въ залахъ Ватиканскихъ? Всѣ они блѣднѣютъ предъ Лаокоономъ и Аполлономъ, и мы остановимъ предъ ними свой путеводный факелъ; изъ величественнаго сумрака необъятныхъ палатъ, погрузимся опять въ тихое величіе Римской ночи, при шумѣ плещущихъ фонтановъ площади Петровой, которую сторожитъ исполинская базилика.

Это было на канунѣ нашего отъѣзда изъ Рима, а въ самый день его, перваго Мая по новому стилю, уже праздновалось у Римлянъ вознесеніе Христово. Папа, по устано-

вленному порядку, присутствовалъ на торжественной литургіи, въ соборѣ Латеранскомъ, и съ его балкона осѣнялъ благословеніемъ народъ. И такъ почти въ ту самую минуту, когда я оставлялъ Римъ, и у тѣхъ воротъ, изъ которыхъ долженъ былъ выѣхать въ Неаполь, мнѣ удалось еще разъ видѣть Первосвященника предъ его паствою. Скажу однако, что внутри базилики Латеранской, всѣ дворскіе и церковные обряды, которыми такъ обставлена особа Папы во время богослуженія, совершенно теряли свое величіе, по тѣснотѣ храма, и здѣсь можно понять какъ необходима для Первосвященниковъ Римскихъ огромная базилика Петрова, сооруженная уже во дни ихъ мірскаго величія, сходно съ ихъ новыми потребностями. Въ Латеранской же главный олтарь, подъ своимъ готическимъ балдахиномъ, совершенно заслонялъ Папу и весь соборъ Кардиналовъ и прелатовъ, которые едва могли помѣститься между престоломъ и горнимъ мѣстомъ. Весьма непріятно было, для нравственнаго чувства, видѣть что тронъ папскій поставленъ въ

углубленіи горняго мѣста, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я привыкъ дотолѣ видѣть олтарь, на которомъ совершается ежедневная литургія и гдѣ еще недавно, въ великую субботу, произносили свои обѣты и получали таинство священства всѣ ставленники, отъ руки Кардинала-викарія. Можно ли ставить наравнѣ, тронъ папскій и престолъ Божій, и замѣнять одно другимъ, т. е. каѳедрою служителя Божія или Епископа, трапезу, на коей приносится, въ образѣ жертвы, Господь всѣхъ!

Если пышный церемоніялъ папскаго служенія теряется въ соборѣ Латеранскомъ, за то благословеніе, преподаваемое имъ съ паперти народу, показалось мнѣ здѣсь еще болѣе величественнымъ, нежели на площади Св. Петра. На краю Рима, въ виду его древнихъ бойницъ и развалинъ, съ горною картиною Лаціума и Сабины, на зеленомъ лугѣ, разостланномъ къ священной базиликѣ креста Господня, трогательно было явленіе пастыря, благословляющаго свою паству. Самая мѣстность и уцѣлѣвшая древность живо напоминали сердцу о ми-

нувшемъ, когда еще Епископы новой столицы жили, подъ сѣнію Св. Іоанна Латеранскаго, и законно почитали себя только первыми изъ пяти равныхъ имъ Патріарховъ: Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима, и старшими, по своему мѣсту, изъ всѣхъ Каѳолическихъ Епископовъ, а не главою вселенской Церкви. — Отрадная картина сего пустыннаго мѣста, при яркомъ майскомъ солнцѣ, умножала великолѣпіе зрѣлища, которое оставило пріятное впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ.

Но послѣ трогательнаго благословенія пастырскаго, обратный поѣздъ Первосвященника, удержавшій готическія формы среднихъ вѣковъ, нарушилъ опять первобытныя воспоминанія, потому что снова лице царское заслонило собою епископское, въ бывшемъ Патріархѣ Рима. Множество нарядныхъ каретъ, кардинальскихъ и придворныхъ, предварили явленіе папской, изъ воротъ Латеранскихъ, со стороны обелиска. Между ними замѣчательны были Капитолійскія кареты сенатора и охранителей Римскихъ, съ начальными буквами,

вмѣсто герба S. P. Q. R. то есть Сенатъ и народъ, Римскіе, какъ то бывало на древнихъ знаменахъ, потому что нынѣшніе Римляне почитаютъ себя еще преемниками Квиритовъ, а единственный Сенаторъ представителемъ великаго Сената, и по гордости народной сохранилъ, вмѣстѣ съ жилищемъ на Капитоліѣ, и орлы его. Но что еще страннѣе: все это языческое наслѣдіе и суетная тѣнь минувшей славы достались тому, кто предпочелъ величать себя, по примѣру Кесарей, титломъ языческимъ великаго Понтифекса, (т. е. дѣлателя мостовъ, по коренному значенію сего слова), вмѣсто имени Патріарха, т. е. начальника отцевъ, болѣе приличнаго святителю и освященнаго временемъ. — И вотъ, прежде его царственнаго поѣзда, явился придворный клирикъ, въ лиловой рясѣ, на богатоубранномъ лошакѣ, съ выходнымъ крестомъ въ рукахъ; потомъ конный взводъ благородной гвардіи Римской, съ обнаженными палашами, и наконецъ раззолоченная карета Папы, запряженная цугомъ вороныхъ лошадей, въ богатѣйшемъ убранствѣ,

а за нею опять взводъ конной гвардіи. Впереди Папы сидѣли два Кардинала, въ багряницѣ Римской; самъ онъ облеченъ былъ въ бѣлую рясу, съ багрянымъ воротникомъ, и на немъ была треугольная шляпа, краснаго бархата, съ золотымъ шнуркомъ; привѣтливо улыбался народу царственный старецъ и благословлялъ его. — Это свѣтское начало, преобладающее надъ духовнымъ, во всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ, хотя и сохраняется доселѣ для поддержанія умаленнаго временемъ величія, однако, по моему мнѣнію, много вредитъ оно истинному достоинству Церкви.

Въ тотъ же день, вечеромъ, мы уже неслись, въ Римской почтовой каретѣ, по дорогѣ въ Неаполь, обставленной водопроводами, симъ царственнымъ украшеніемъ пустыни, и грудами развалинъ, изъ коихъ одна носитъ странное названіе стараго Рима, хотя это ни что иное, какъ бывшая вилла какого либо вельможи. Уже садилось солнце, когда поднялись мы на отлогія высоты Альбано, и совершенно стемнѣло, на живописныхъ вершинахъ Женса-

но, столь роскошнаго плетеницами своихъ цвѣтовъ, во дни празднествъ. Ночью спустились мы опять съ горнаго хребта, въ безпредѣльную равнину болотъ Понтійскихъ, прославленную своими лихорадками и грабежами. Папа Пій VI, величественный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, довершилъ начатое Кесарями осушеніе болотъ, но не истребилъ болѣзни, хотя и проложилъ новую дорогу; лѣтомъ Римскіе врачи не позволяютъ путешественникамъ засыпать, во время переѣзда чрезъ болота Понтійскія. Что касается до разбоевъ, то хотя они прекратились, когда главная шайка, вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ, по убѣжденію одного священника, сдалась правительству: однако частные грабежи продолжаются, потому что тѣ же поселяне, которые работаютъ днемъ на сосѣднихъ поляхъ, выходятъ ночью грабить на дорогу. Слабое правительство не въ силахъ укротить сей закоснѣлой привычки праздношатающихся, которымъ не кажется грѣховнымъ такой промыслъ, и оно даже не принимаетъ нужныхъ мѣръ для его прекращенія. Почто-

выя кареты ходятъ на удачу, безъ всякаго прикрытія, не рѣдко грабятъ и курьеровъ, потому что хотя патрули встрѣчаются ночью на дорогѣ, спрашивая у проѣзжающихъ: «все ли благополучно?» но тотчасъ послѣ сей встрѣчи можно подвергнуться опасности, потому что грабители знаютъ когда прошелъ патруль. Если правительство могло одолѣть главную шайку, которая ужасала своими жестокостями всю окрестность и безпрестанно переходила изъ предѣловъ Римскихъ въ Неаполитанскія: то это случилось оттого, что оба двора согласились между собою, дружно преслѣдовать разбойниковъ, и голодъ, вмѣстѣ съ Христіанскими убѣжденіями священника, подѣйствовали на утомленныхъ долгими разбоями. Въ Террачинѣ, на границѣ обоихъ владѣній, гдѣ былъ главный притонъ шайки, еще показываютъ тотъ домъ, изъ котораго посланный отъ правительства Римскаго, Кардиналъ Гонзальви, переговаривался съ атаманомъ, стоявшимъ на примкнувшемъ къ городу утесѣ, о условіяхъ сдачи.

На самомъ разсвѣтѣ достигли мы живописнаго Террачино, на берегу морскомъ, и сквозь утренній туманъ разостлалось розовое море Тирренское, съ окраиною голубыхъ горъ Неаполя, которыя загорались, одна за другою, вдоль поморія, при легкомъ сіяніи зари; вся эта картина, еще не ясно обозначенная въ прозрачныхъ испареніяхъ утра, плавала передо мной, какъ нѣкое видѣніе, только манящее къ себѣ и не покоряющееся жаднымъ взорамъ. — Промѣнявъ, у самой границы, Римскую почтовую карету на Неаполитанскую, которую намъ выдали за почтовую, потому что таково было условіе въ Римѣ, мы продолжали путь нашъ въ Гаету, очаровательную своимъ поморіемъ; но какъ велико было наше удивленіе, когда изъ Гаеты до Капуи, взялся везти насъ, вмѣсто почтоваго курьера, ветуринъ или извощикъ, увѣряя, что мы были ему сданы, другимъ ветуриномъ изъ Террачино; Неаполитанскій же курьеръ уже уѣхалъ, имѣя только одно мѣсто въ своей каретѣ. Въ послѣдствіи мы узнали, что это обыкновенная хитрость

чиновниковъ Римскаго почтамта съ проѣзжающими, которыхъ неопытностію они пользуются, чтобы сдать ихъ, при перемѣнѣ экипажа ветурину вмѣсто курьера, взявъ однако прогоны курьерскія и не предваривъ о недостаткѣ мѣстъ, въ почтовой каретѣ Неаполитанской. Нашъ опытъ да послужитъ на пользу будущимъ путешественникамъ. Время не позволяло медлить и мы принуждены были хотя и съ досадою покориться обстоятельствамъ; по счастію ветуринъ былъ очень исправный и не замедлилъ доставить насъ довольно рано, въ Капую, отколѣ есть желѣзная дорога до Неаполя; но уже совершенно смеркло, когда мы достигли наконецъ сей южной столицы. Оглушенные крикомъ извощиковъ и носильщиковъ, которые навязывали намъ свои услуги, мы пустились въ одноколкахъ, вдоль береговой улицы, отыскивать себѣ гостинницу, и избрали Римскую, лучшую изъ всѣхъ по виду, у самаго начала набережной, или Кіаіи, съ обширною терасою, которая выходила на пристань въ самое море. Первымъ моимъ движеніемъ было устремиться на

терасу, чтобы наглотаться благовоннаго воздуха и прислушаться къ морской волнѣ, столь звучной въ тишинѣ ночи, и сквозь сумракъ разглядѣть этотъ чудный заливъ, первый по красотѣ своей въ цѣломъ мірѣ. Набережная горѣла огнями, но дальній противуположный берегъ утопалъ во мракѣ:— и вотъ внезапно, на одной изъ вершинъ горнаго хребта, облегающаго заливъ, показалось пламя и засверкали раскаленные угли, какъ бы раздуваемые исполинскимъ дыханіемъ, и опять угасли: — это былъ Везувій!

Съ радостнымъ сердцемъ я заснулъ, съ радостію проснулся: очаровательно Неаполитанское утро, когда сбѣгаетъ утренній туманъ съ его роскошнаго залива, и разоблачается Везувій, мало по малу снимая съ себя свое ночное покрывало. Вотъ обнажилось совершенно двуглавое чело его, и дымнымъ столбомъ поднимается, въ ясную лазурь неба, тяжкое дыханіе подавленнаго имъ исполина, ибо такъ разумѣли древніе миѳы бытіе волкановъ. Тогда весело взглянетъ ему въ лице пробуж-

денный Неаполь и привѣтствуетъ его красным днемъ, который заранѣе прочелъ на его вѣщемъ челѣ; но если нахмурился исполинъ и скрылъ свое бурное дыханіе въ тучахъ, не будетъ краснаго дня и Неаполю. — Посмотрите какая широкая каійма, бѣлыхъ виллъ и селеній, унизала всю окраину моря, у подошвы Везувія, начиная отъ Неаполя и до дальняго мыса Анунціата, надъ коимъ выросъ малый холмъ Камальдульской обители: тутъ и Портичи, съ его живописными палатами надъ могилою Геркуланума, и веселый городокъ Резина, и наконецъ двѣ башни съ ихъ усадьбами, Torre del Greco и del Annuntiata, на томъ мысу, за которымъ погребена Помпея. Вотъ и другая полоса горъ, но уже не столь ясныхъ, облеченная дымкою тумановъ, потянулась изъ за мыса до самаго края залива, разнообразная по своимъ вершинамъ, которыя спускаются постепенно къ морю, доколѣ, однимъ обрывистымъ утесомъ, не вторглись въ пучину. Гора Ангела господствуетъ надъ всѣмъ поморіемъ, гдѣ пріютились роскошныя бани

Кастелламаре, лѣтняя отрада Неаполя, и живописное селеніе Вико на горахъ, и Сорентъ, поэтическая родина Тасса. Мысъ Кампанеллы оканчиваетъ чудный берегъ, и двухъярусный островъ Капри, во глубинѣ залива, кажется отрывкомъ той же цѣпи горъ, сквозь которыя прорвалось море, въ очаровательныя объятія своего залива.

Капри заключаетъ собою дальній горизонтъ и самъ полузакрытъ, ближнимъ замкомъ Ова, такъ названнымъ по своей овальной формѣ, который приросъ къ одному изъ утесовъ пристани и разбилъ ее надвое феодальными башнями. Тамъ окончилъ дни свои, послѣдній изъ Императоровъ Римскихъ, Ромулъ Августулъ! — и такъ вотъ горькая развязка позорной драмы, начатой здѣсь Тиверіемъ! Дикій Герулъ Одоакръ заключаетъ его ничтожнаго наслѣдника, въ виду того острова, гдѣ первый тиранъ обезчестилъ собою Римскій міръ; въ послѣдній разъ громкія имена, Ромула и Августа, основателей вѣчнаго города и его всемірной имперіи, соединяются въ темницѣ, надъ

развѣнчанною главою послѣдняго Кесаря, и гдѣ же? — въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда сіи грозные обладатели вселенной утопали въ чувственныхъ наслажденіяхъ, на роскошномъ поморіи Байи. — Какой отголосокъ суда, на разстояніи столькихъ вѣковъ!

Между тѣмъ, на очаровательномъ заливѣ, мало по малу, начинаетъ показываться вся жизнь Неаполя; живописная Кіаія закипаетъ народомъ и оглашается легкими бубенчиками безчисленныхъ одноколокъ. Рѣзвыя лодки рыбаковъ несутся, одна за другою, въ открытое море, искать себѣ дневнаго промысла; вотъ и дальнія вѣтрила распахнулись, какъ лебединыя крыла на синевѣ волнъ, и курящійся по морю дымъ возвѣщаетъ Сицилійскій пароходъ; вся эта чудная картина, моря и залива, болѣе и болѣе разгарается золотыми красками яркаго дня. Таково утро Неаполя; еще очаровательнѣе его вечеръ, когда, изъ за нагорной стороны Пицци-Фалконе, солнце ударяетъ послѣдними лучами въ противулежащій Везувій и въ чудный заливъ, и вызываетъ

наружу всю ихъ невыразимую прелесть: перламутровымъ кажется море, какъ бы одна обширная раковина, отъ преломленія радужныхъ лучей, и пурпурнымъ вѣнцемъ горятъ около всѣ виллы и города живописнаго поморія, отъ царственнаго Портичи до поэтическаго Соррента. Дикій островъ Капри, и окрестныя горы облекаются въ фіолетовыя одежды, сотканныя изъ воздушной дымки; но ярко оттѣняется отъ всѣхъ исполинъ Везувій, увѣнчанный золотымъ вѣнцемъ по двурогому челу, и въ эту минуту алымъ становится дымный столбъ его, какъ будто бы розами дышетъ страшное жерло. Когда же ясная ночь облечетъ море и небо, своимъ звѣзднымъ покровомъ, и отразится хоромъ свѣтилъ своихъ, въ свѣтящихся волнахъ тихаго залива: тогда новое очарованіе прольется на благословенную природу Неаполя, особенно когда луна выставитъ свой серебристый парусъ, посреди звѣздной пучины; — пѣснями ликующихъ огласятся воды, и загорится безчисленными огнями шумная Кіаія, отражаясь ими въ вол-

нахъ, а по спящему морю медленно потекутъ факелы рыбаковъ, ищущихъ себѣ добычи со дна пучины, и высоко вдали вспыхнетъ для пловцевъ путеводный фаросъ Везувія, какъ тотъ дивный столбъ, то дымный, то огненный, который нѣкогда руководилъ въ пустынѣ Израиля.

Мы пріѣхали въ Неаполь въ самые дни его народныхъ празднествъ, потому что это была недѣля, исключительно посвященная главному его патрону, священномученику Януарію, и въ соборномъ его храмѣ, ежедневно совершалось чудо предъ всемъ народомъ: кипѣніе запекшейся его крови. Я имѣлъ случай присутствовать однажды при этомъ зрѣлищѣ, которое повторяется весною и осенью, въ теченіи недѣли, и признаюсь поскорбѣлъ духомъ. Еще наканунѣ встрѣтилась намъ торжественная процессія, которая переносила, изъ соборнаго храма Св. Януарія въ церковь Св. Клары, серебренныя изваянія святыхъ. По четыре человѣка, въ странныхъ одеждахъ, съ трудомъ несли каждое изваяніе, на доскахъ

поверхъ головы, и по мѣрѣ того какъ они проходили, нѣкоторые изъ толпы называли по имени мимоносимыхъ святыхъ, какъ бы знакомыхъ имъ людей, не воздавая имъ никакого особеннаго уваженія. Самыя изваянія, довольно грубыя, хотя и богатыя, производили непріятное впечатлѣніе, напоминая древніе кумиры: я вполнѣ оцѣнилъ мудрость православной Церкви, которая, предлагаетъ чествованіе Св. иконъ, напоминающихъ намъ только лики угодниковъ, и воспрещаетъ изваянія, дабы слишкомъ чувственное выраженіе формъ человѣческихъ не увлекало воображенія къ вещественному образу. И опять какая разница представляется между крестнымъ ходомъ православной Церкви, гдѣ народъ, слѣдуя за святыми иконами, принимаетъ благоговѣйное участіе въ молитвѣ, и процессіею западною, которая служитъ для него только зрѣлищемъ!

Во второй день сей торжественной недѣли, мы довольно рано отправились въ соборъ Св. Януарія и успѣли осмотрѣть великолѣпную его ризницу и красоту самаго зданія, еще прежде начала церемоніи. По

внимательной о насъ заботливости, заступавшаго мѣсто нашего посланника, Графа X*, мы могли стать около самаго престола, и такимъ образомъ видѣли совершенно вблизи, все происходившее; но мнѣ показалось весьма страннымъ, что для такого важнаго событія, которое весь Неаполь ожидаетъ отъ своего патрона, въ церкви почти вовсе не было народа. Можетъ быть это происходитъ оттого, что ежедневное повтореніе чуда дѣлаетъ его обыкновеннымъ, а слишкомъ долгое ожиданіе утомительнымъ; иногда, по нѣсколько часовъ, не закипаетъ остывшая кровь въ фіалѣ, и нерѣдко изгоняютъ изъ церкви иновѣрцевъ, какъ препятствующихъ совершенію чуда. — Около самой рѣшетки олтаря стояли десять женщинъ, старыхъ и безобразныхъ, которыя слывутъ въ народѣ фамиліею Св. Януарія; пронзительными воплями и слезами, онѣ не только испрашивали, но требовали отъ него чуда, и даже дерзаютъ укорять его, неприличными выраженіями гнѣва и нетерпѣнія, если, по какому либо случаю, замедлитъ исполнить ихъ пламенныя мольбы.

Священники, въ облаченіяхъ, вынесли изъ ризницы, серебренное изваяніе Св. Януарія и поставивъ его на престолъ, облекли въ драгоцѣнную ризу и надѣли на него богатую митру, что также весьма странно. Потомъ старшій изъ нихъ подошелъ къ олтарю, съ кристальнымъ фіаломъ въ рукахъ, внутри коего видна была запекшаяся, кровь. Онъ показывалъ фіалъ сей на всѣ стороны, какъ бы для нѣкоего представленія, при свѣтѣ свѣчи, которую держалъ предъ сосудомъ діаконъ, чтобы никто не усомнился въ томъ, что точно въ немъ запеклась кровь. Тогда сталъ обращать въ рукахъ своихъ фіалъ, при чтеніи молитвъ и воплѣ женщинъ, до тѣхъ поръ пока дѣйствительно закипѣла кровь, неизвѣстно какимъ образомъ; во все сіе время свѣча не отходила отъ фіала, чтобы можно было постепенно видѣть преложеніе крови, и можетъ быть теплота рукъ и огня содѣйствовала ея кипѣнію. Радостные вопли раздались въ церкви; всѣ устремились цѣловать фіалъ, который съ торжествомъ показывалъ священникъ народу, и тѣмъ кончилась це-

ремонія. На другой день она должна была повториться, въ присутствіи Короля и всего его семейства; они ѣздили въ парадныхъ каретахъ на поклоненіе святому, и отъ его лица, торжественно пронесли во дворецъ благословенные цвѣты, въ даръ королевской фамиліи. Не смотря однако на вѣру народную, образованные изъ Неаполитанцевъ, сами легко разсуждаютъ о періодическомъ чудѣ, которое совершаетъ Св. Януарій, и многіе сожалѣютъ, что обрядъ сей, мало внушающій благоговѣнія, укоренился временемъ. Но Церковь должна терпѣть такой безпорядокъ и даже въ немъ участвовать: это одно изъ бѣдствій Запада, который часто видитъ у себя злоупотребленія, вкравшіяся въ средніе вѣка, и вынужденъ однако имъ потворствовать.

ПИСЬМО XV.

Обитель Кавы, Салернъ, Пестумъ и Амальфи.

Три дня спустя, послѣ моего прибытія въ Неаполь, рѣшился я совершить путешествіе, довольно трудное и дальнее, въ Салернъ, Пестумъ и Амальфи, которое продолжалось не менѣе трехъ сутокъ, то въ пустынныхъ мѣстахъ, то по морю или по горамъ мало проходимымъ, но оставило мнѣ впечатлѣніе самое утѣшительное. Въ полдень выѣхалъ я изъ Неаполя и достигъ скоро станціи Нучера, древней Нуцеріи, гдѣ теперь кончается желѣзная дорога, по напра-

вленію въ Салернъ. Не далеко оттолѣ, селеніе Св. Маріи, представило мнѣ любопытную развалину древнѣйшей Христіанской крещальни, обращенной изъ языческихъ бань, въ святилище просвѣщенія духовнаго. Мѣстное преданіе приписываетъ ее Императору Константину, какъ обыкновенно великое имя покрываетъ собою великіе остатки древности; говорятъ, будто бы здѣсь окрестилъ онъ многія тысячи язычниковъ, но преданіе сіе ни на чемъ не основано. Это круглое зданіе, съ куполомъ, къ которому пристроена старая колокольня, въ Византійскомъ вкусѣ, полуразвалившаяся, и малая церковь уже новѣйшая. Тридцать великолѣпныхъ столповъ Африканскаго мрамора, слитые по два вмѣстѣ, ордена Коринѳскаго, поддерживаютъ сферической куполъ, и еще восемь колоннъ посрединѣ образовали самую крещальню, въ которую сходятъ тремя высокими ступенями: но теперь недостаетъ уже трехъ колоннъ, изъ числа осьми, и онѣ болѣе не соединяются между собою, вѣнцемъ архитрава. Есть еще двѣ колонны, въ углубленіи лѣвой стороны

крещальни, гдѣ былъ восходъ на возвышенную каѳедру; но онѣ вдѣланы въ стѣну, безъ всякой цѣли, и одна изъ нихъ покрыта Греческими надписями временъ языческихъ. Противъ главнаго входа стоитъ въ широкой впадинѣ, престолъ, гдѣ совершается доселѣ литургія, но онъ не показался мнѣ весьма древнимъ; время же коснулось самаго мрамора, особенно Африканскаго, болѣе нѣжнаго, и произвело въ немъ гніеніе отъ сырости, какъ бы въ деревѣ. Сады и виноградники окружаютъ сей Византійскій обломокъ, на краю селенія, въ живописномъ его уединеніи, а на сосѣдней крутой горѣ находится другая развалина: Норманскій рыцарскій замокъ, какъ бы заброшенный въ облака, могучею рукою завоевателя Роберта Гвискарда. И та и другая много говорятъ сердцу и воображенію.

Далѣе живописная дорога пролегала вдоль роскошной долины, оживленной селеніями, по безконечной аллеи тополей, обвитыхъ виноградомъ, до самаго мѣстечка Кава, которое дало свое названіе близь

лежащей въ горахъ обители Св. Троицы. Иноки Венедиктинскіе свили себѣ выспреннее гнѣздо, на вершинѣ горы, покрытой лѣсомъ, тамъ гдѣ малый ручей, пробиваясь изъ утеса, образуетъ своимъ паденіемъ, съ камня на камень, малую ложбину въ чащѣ деревъ. Нельзя было избрать мѣста болѣе очаровательнаго и удобнаго, для ученыхъ любителей безмолвія, каковы были дѣти блаженнаго Венедикта, и ихъ обитель заняла едва ли не второе мѣсто, послѣ родоначальной на горѣ Кассино. — Смиренный гротъ перваго отшельника Алферія, спасавшагося тутъ въ десятомъ вѣкѣ, послужилъ началомъ той величественной церкви, какую нынѣ видимъ; но внутри ея доселѣ сохранился первоначальный гротъ, и въ немъ три гробницы, первыхъ трехъ аббатовъ: стодвадцатилѣтняго Алферія, проповѣдовавшаго и въ нѣдрахъ земли имя Св. Троицы, какъ о томъ гласитъ надгробная надпись, и двухъ его преемниковъ Петра и Льва, который былъ страшенъ звѣрю духовному, ищущему насъ уловить: это слова памятника. Въ той же пещерной

церкви гробъ четвертаго блаженнаго аввы, подъ престоломъ, и драгоцѣнныя частицы мощей. — При входѣ въ нее написаны на стѣнахъ, два именитыхъ питомца сей обители, возсѣдавшіе на каѳедрѣ Римской и облагодѣтельствовавшіе ее многими преимуществами: Папы Викторъ III и Урванъ II, который посѣтилъ ее вторично, во дни своего изгнанія; а вторая супруга Короля Рогера Сицилійскаго, Сивилла, почиваетъ въ изваянномъ саркофагѣ въ преддверіи обители. Въ ея обширныхъ подземельяхъ есть много иныхъ памятниковъ и вещей примѣчательныхъ, которыхъ время не позволило мнѣ осмотрѣть, потому что я спѣшилъ до ночи въ Салернъ; однако я еще могъ заглянуть въ обширную библіотеку, самый богатѣйшій архивъ древнихъ рукописей во всей Италіи, Лонгобардскихъ и Норманскихъ.

Общее уваженіе къ святынѣ мѣста сохранило неприкосновенными ея археологическія сокровища, которыя восходятъ до 25,000 рукописныхъ свидѣтельствъ, по частнымъ дѣламъ, ибо каждое семейство

ввѣряло обители свои драгоцѣннѣйшіе залоги и доселѣ одно свидѣтельство, за ея скрѣпою, принимается какъ подлинный актъ въ мѣстахъ присутственныхъ. Древнѣйшія хартіи пергаментныя, писаны въ 798 году при могущественномъ Князѣ Беневентскомъ Гримуальдѣ, изъ рода Лонгобардовъ, который здѣсь царствовалъ еще до Норманновъ. — Замѣчательна и грамата, данная обители, первымъ Королемъ Норманскимъ Робертомъ, въ 1130 году, на владѣнія въ Сициліи, гдѣ исчислены даже имена Христіанскихъ и Сарацинскихъ подданныхъ, укрѣпленныхъ имъ за монастыремъ. Подпись Норманна Греческая, и самъ онъ изображенъ, на золотой привѣшенной печати, въ царской далматикѣ Византійскихъ Императоровъ, въ коихъ область и права вторгся воинственной рукою. — Вообще рукописи одной сей обители могутъ пролить обильный свѣтъ, на всю исторію среднихъ вѣковъ.

Ученый библіотекарь Кавы, съ большею внимательностію, показывалъ намъ рукописи и, между прочими, древнѣйшее собраніе

Лонгобардскихъ законовъ, десятаго вѣка, начиная отъ Короля Ротарія, на весьма грубомъ языкѣ Латинскомъ, съ раскрашенными картинками, гдѣ изображены происхожденіе народа Лонгобардскаго, отъ Скандинавскихъ боговъ, Одина и Фреи, и сами Короли, въ Византійскихъ одеждахъ, съ длинными бородами, оправдывающими ихъ названіе Лонгобардовъ. Онъ обратилъ также наше вниманіе, на древнюю пергаментную Библію, шестаго вѣка, гдѣ находится извѣстный стихъ изъ посланія Евангелиста Іоанна; (I. V. 7.) «яко тріе суть свидѣтельствующіе на небеси.» Но онъ поставленъ тамъ ниже послѣдующаго, о земныхъ свидѣтеляхъ, а къ сему прибавлено слово, «во Христѣ Іисусѣ», и съ боку есть подпись: «да слышатъ сіе Аріанинъ и прочіе:» («Quia tres sunt, qui testimonium dant in terra: Spiritus et aqua et sanguis, et hii tres hunum sunt in Xpo Jhu, et tres sunt qui testimonium dant in coelo: Pater, Verbum et Spiritus, et hii tres hunum sunt. Audiat hoc Arianus et cœteri.») Библіотекарь показалъ намъ также какъ рѣдкость, послѣдній пса-

ломъ: «малъ бѣхъ во братіи моей,» включенный въ библію, и очень удивился когда услышалъ отъ меня, что псаломъ сей находится обыкновенно, во всѣхъ нашихъ изданіяхъ.

Солнце уже было близко къ закату, когда, оставивъ обитель Кавы, мы опять спустились, тою же стезею, въ очаровательную долину увѣнчанную башнями по горамъ. На концѣ глубокаго ущелья, покрытаго лѣсомъ, открылось намъ живописное селеніе Віетри и позади его море, но море бурное, высоко метавшее свою пѣну на каменные берега, и какъ бы позеленѣвшее отъ злобы. Куда дѣвалась та ясная лазурь Неаполитанскаго залива, которая такъ вѣрно отражала въ волнахъ своихъ родныя небеса? Кое гдѣ скользилъ еще запоздавшій парусъ, на бунтующей стихіи; дальній мысъ Пестума тонулъ въ вечернемъ туманѣ. Отъ Віетри и до Салерна каменная стезя наша огибала утесы подъ которыми клокотало море. Мы поспѣшили прямо въ соборъ, сооруженный рукою надмѣннаго Норманна, который похи-

тилъ весь очаровательный край сей великой Греціи, у ея ослабѣвшихъ властителей; храмъ еще носитъ на себѣ отпечатокъ Византійскій. Четвероугольный дворъ его, обставленный 28 столбами разныхъ мраморовъ и орденовъ, которые всѣ были взяты изъ сосѣдняго Пестума, напомнилъ мнѣ обычныя преддверія старыхъ базиликъ Константиновыхъ, какія видѣлъ я въ Римѣ. Посреднпѣ двора шумѣлъ малый фонтанъ, а кругомъ всего портика, прислонены были къ стѣнамъ мраморныя гробницы, иногда съ языческими изваяніями, хотя и съ Христіанскимъ прахомъ внутри. Тутъ покоились именитые мужи Салерна и нѣкоторые изъ его Архіепископовъ.

«Матѳею славному Апостолу, Робертъ Туксъ, на свое иждивеніе». Такъ гласитъ надпись на высокомъ фронтонѣ, сильная и надмѣнная, какъ самъ основатель базилики. Внутренность раздѣлена на три части по образцу Римскихъ; роскошные столбы, которые нѣкогда поддерживали своды, обкладены въ позднѣйшія времена тяжелыми

пиластрами, для большей прочности, вѣроятно послѣ какого либо пожара, какъ-то случилось съ Латеранскимъ соборомъ въ Римѣ, и все убранство церкви свидѣтельствуетъ о ея недавнемъ обновленіи; однако еще сохранилось много мозаиковъ, отъ первыхъ лѣтъ ея основанія, то есть отъ десятаго вѣка: самая замѣчательная есть икона Евангелиста Матѳея, надъ главными вратами собора. Два великолѣпныхъ амвона, съ широкими на нихъ восходами, стоятъ по срединѣ церкви, одинъ на двѣнадцати а другой на четырехъ столбахъ, украшенные перилами изъ раззолоченной мозаики. Правый изъ нихъ, болѣе роскошный, служитъ и доселѣ, въ торжественные дни, для чтенія евангелія и посланій, на двухъ своихъ налояхъ, а лѣвый безъ употребленія и, какъ говорятъ, опредѣленъ былъ для оглашенныхъ, что не вѣроятно. Есть еще одна каѳедра, ближе къ олтарю, назначенная собственно для проповѣди; она также на столбахъ и вся въ мозаикахъ Византійскихъ.

Главный престолъ, богатый по своимъ мраморамъ, не носитъ на себѣ отпечатка

древности, но углубленіе его ясно образуетъ горнее мѣсто, гдѣ теперь скамьи канониковъ. Два славные Норманна княжившіе въ Салернѣ, Герцоги Рогеръ и Вильгельмъ, погребены въ соборѣ созданномъ ихъ отцемъ и дѣдомъ, и доселѣ еще въ немъ видны двѣ другія замѣчательныя гробницы, одна царская, другая святительская. Мать Владислава Короля Венгерскаго, который обагрилъ потоками крови завоеванное имъ царство, Маргарита, изъ дома Ангевинскаго, покоится здѣсь въ великолѣпномъ саркофагѣ, и вотъ, въ боковомъ придѣлѣ съ правой стороны, сокрушитель Императора и, въ то же время, бѣглецъ Рима и основатель его духовной власти, положенъ самъ въ основаніе престола, ему посвященнаго. Это Григорій, седьмой по имени, первый по властительству, между Понтифексами вѣчнаго города, облеченный въ желѣзную броню своей воли, которою восгосподствовалъ надъ своимъ вѣкомъ. Папа Григорій XII перенесъ его тѣло, изъ прежней гробницы бывшей подлѣ сего олтаря, подъ самый олтарь, когда включилъ суро-

ваго Гильдебранда въ ликъ Святыхъ Римскихъ; надъ нимъ стоитъ теперь икона, вѣроятно бывшая тутъ прежде, Викентія Павла, сего смиреннаго любителя убожества и искупителя невольниковъ: Викентій и Гильдебрандъ, — какое странное сближеніе! Потемнѣвшая мозаика украшаетъ полукуполъ надъ общимъ ихъ олтаремъ: торжественный въѣздъ Григорія въ Салернъ, подъ сѣнію надменнаго Роберта, раззорившаго Римъ для его спасенія, и предсѣдательство Папы на высокой каѳедрѣ, съ которой онъ даетъ уставы церковные Римскому міру, изображены фресками на стѣнахъ придѣла. «Я возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе и сего ради умираю въ изгнаніи», гласитъ надпись надъ его гробомъ, какъ бы изъ устъ самаго Григорія, а подлѣ другой памятникъ Кардинала Карафы, съ такою же рѣзкою рѣчью: «мертвымъ хотѣлъ я лечь тамъ, гдѣ возлегъ на покой великій подвижникъ истины».

Мы спустились по широкой лѣстницѣ, въ подземную великолѣпную церковь, гдѣ покоятся подъ спудомъ мощи Св. Апосто-

ла и Евангелиста Матөея. Она была освѣщена лампадами и усѣяна цвѣтами; народъ толпился около главнаго престола. Я спросилъ о причинѣ торжества и мнѣ отвѣчали, что въ этотъ самый день празднуется память перенесенія мощей Евангелиста въ Салернъ (6 Мая).—«Тебѣ особенное счастіе, сказалъ мнѣ мой спутникъ, пріѣзжать всегда во время на церковныя торжества: вотъ мы оставили Римъ, въ день благословенія папскаго, въ Неаполѣ встрѣтили праздникъ Св. Іануарія и видѣли совершаемое имъ чудо, а здѣсь случай привелъ насъ къ празднеству Апостола Матөея».—А я подумалъ, во глубинѣ души: «о, если бы и Св. Апостолъ Андрей первозванный, мощамъ коего хотѣлъ я поклониться въ Амальфи, встрѣтилъ меня какою-либо духовною радостію!» но не смѣлъ высказать своей мысли. — Съ благоговѣніемъ поклонился я предъ олтаремъ сооруженнымъ надъ мощами Евангелиста, которыя подъ спудомъ, какъ и всѣ мощи на западѣ. Сквозь малое отверстіе, за рѣшеткою, видны были лампады на каменной плитѣ, покрывавшей самую раку,

и надъ нею серебреное устье, изъ котораго доставали наканунѣ, хлопчатою бумагою, такъ называемую манну, или влагу отъ мощей Апостольскихъ. — Престолъ сей стоитъ посрединѣ подземной церкви, великолѣпно украшенной пестрымъ мраморомъ въ новѣйшемъ вкусѣ; легкіе пиластры, поддерживающіе своды вмѣсто столбовъ, изъ того же мрамора. — Съ двухъ сторонъ подходятъ къ престолу, на которомъ поставлены два изображенія Апостола, обращенныя лицемъ на обѣ стороны олтаря; надъ нимъ богатая сѣнь поддерживается порфировыми столбами. Въ правомъ углубленіи церкви есть еще олтарь, надъ мощами трехъ мучениковъ Салернскихъ: Фортуната, Каія и Антея, пострадавшихъ во времена Императора Діоклитіана. Я старался дознать отъ клириковъ: какимъ образомъ и когда перенесены въ Салернъ мощи Евангелиста Матѳея, пострадавшаго въ Еѳіопіи? — Мнѣ только могли сказать, что одна благочестивая жена въ Пестумѣ, по имени Пелагія, имѣвшая больнаго сына Аѳанасія, извѣщена была въ сонномъ видѣніи, чтобы пере-

нести мощи, изъ Греческаго города Телонія, (не Греческое ли названіе мытаря принято здѣсь за имя города?) и она перенесла ихъ въ Пестумъ, хотя жители Беневента и Амальфи желали имѣть у себя сіе сокровище;— послѣ же раззоренія Пестума одинъ изъ Архіепископовъ Салернскихъ, движимый усердіемъ къ Евангелисту, перенесъ торжественно сіи мощи въ свою митрополію.

Рано утромъ оставили мы Салернъ, чтобы посѣтить развалины Пестума, нѣкогда славнаго своими храмами, котораго розы воспѣвалъ Виргилій. — Дорога къ нему, сперва веселая вдоль роскошнаго поморія, промежду лимонныхъ садовъ и виноградниковъ, становилась мрачнѣе и уединеннѣе, по мѣрѣ того какъ мы подвигались, чрезъ поросшія густою травою болота и обширныя дебри. Одна только весенняя свѣжесть природы, набросивъ свое зеленое покрывало на всѣ предметы, могла дать нѣсколько жизни сей пустынной картинѣ; поля благоухали множествомъ дикихъ цвѣтовъ и степь разстилалась, широкою тканью, къ синимъ горамъ и синему морю. Иногда силь-

ный запахъ мускуса обвѣвалъ насъ на пути: — это было отъ стада буйволовъ, которое паслось въ сторонѣ, или мирныя сіи животныя, склонивъ къ землѣ грозные рога свои, смиренно тянули за собою тяжелые возы, съ которыхъ сурово смотрѣли на насъ вооруженные поселяне; иногда легкая одноколка, на двухъ высокихъ колесахъ, наполненная путниками всякаго возраста, мчалась мимо насъ, подъ звукъ серебристыхъ своихъ бубенчиковъ; или проѣзжалъ на статномъ лошакѣ, какой либо житель окрестныхъ селеній, также весь вооруженный; или лай собакъ возвѣщалъ намъ ближнее стадо, и рѣзвыя козы прыгали поперегъ пустынной дороги. — Проѣхавъ такимъ образомъ двадцать пять миль, мы остановились на берегу мутнаго потока Селло, который уже нѣсколько разъ переѣзжали прежде, на мостахъ; но здѣсь, за четыре мили до Пестума, переполненный дождями, онъ сердито кипѣлъ подъ утлымъ паромомъ, единственнымъ средствомъ сообщенія между его дикими берегами; еще на канунѣ не было никакого переѣзда. Скоро пока-

зались нашимъ взорамъ храмы Пестума и его пустыня, на берегу морскомъ, у подножія горъ Албурискихъ.

Первый и меньшій изъ всѣхъ храмовъ, посвященный Церерѣ, какъ предполагаютъ по найденнымъ возлѣ него медалямъ, съ изображеніемъ сей богини, образуетъ продолговатый четвероугольникъ, тридцатью четырьмя столбами изъ травертина, формы Египетской, съ Дорическими украшеніями и еще уцѣлѣвшимъ на нихъ фронтономъ. — Другой храмъ, болѣе обширный и замѣчательный, носитъ имя Нептуна, который былъ покровителемъ языческаго Пестума, и кромѣ тридцати шести столбовъ священной своей ограды, сохранилъ еще, внутри оной, другой четвероугольникъ столбовъ, отчасти двухъ-ярусный, тамъ гдѣ они уцѣлѣли. Это было внутреннее святилище, гдѣ стоялъ идолъ, а впереди находился открытый притворъ, для приношенія жертвъ. Строгій, но вмѣстѣ величественный видъ, открывался на обѣ стороны къ морю и горамъ, изъ средины опустѣвшаго портика: одно забѣгало какъ бы въ вѣчность, другія

стремились въ небеса; что же остается людямъ, кромѣ мысли о ничтожествѣ, посреди зрѣлища развалинъ собственнаго ихъ творенія, и доселѣ не сокрушаемыхъ горъ и неизсякаемыхъ пучинъ! — Третье зданіе называемое произвольно базиликою, имѣетъ тотъ же очеркъ, только съ большимъ числомъ колоннъ; ихъ считается до пятидесяти, но одинъ рядъ ихъ, бывшій посрединѣ зданія и раздѣлявшій его на двое, теперь опрокинутъ.

И такъ вотъ все что осталось отъ славнаго Пестума! прибавимъ къ сему еще одну длинную улицу, доселѣ начертанную на землѣ, полустертыми основаніями домовъ, и градскія врата, возвышающіяся крутою аркою, надъ обвалившимися бойницами. Съ вершины ихъ раздается громкое эхо: но это не отголосокъ жизни, а какъ бы насмѣшка надъ отжившимъ городомъ: голосъ человѣческій вторитъ въ пустынѣ самъ себѣ, ибо не кому отвѣчать! — Розы увяли на поляхъ Пестума и на лицахъ его убогихъ поселенцевъ; блѣдная лихорадка бродитъ все лѣто по его обломкамъ, которыя сторожитъ жадная толпа

болѣзненныхъ дѣтей; они протягиваютъ руки за милостынею и предлагаютъ въ замѣнъ открытыя ими монеты. Сельскій домъ Архіепископа сосѣдняго города Капачи, служитъ жилищемъ пастырю, тамъ гдѣ нѣтъ паствы. Невольное чувство унынія проникаетъ душу, потрясенную величіемъ развалинъ и безмолвіемъ пустыни, и зрѣлищемъ этихъ болѣзненныхъ призраковъ, обреченныхъ на лѣтнее пиршество смерти, когда придетъ она дожинать свое поле; но и посреди сего дикаго запустѣнія, много есть высокаго и поэтическаго, говорящаго сердцу глаголомъ иныхъ временъ.

Римляне, Сарацыны и Норманны постепенно раззорили очаровательное нѣкогда жилище Сибаритовъ Пестума. Суровый завоеватель Робертъ Гвискардъ сломалъ его храмы, для своихъ церквей, и унизалъ ихъ драгоцѣнными столбами опустѣвшаго города: время довершило дѣло людей, кромѣ трехъ капищь во свидѣтельство минувшаго; оно оставило ихъ, какъ путевые столбы на распутіи вѣковъ, чтобы считать пройденные годы, по опустѣвшей дорогѣ, гдѣ

уже нѣтъ слѣдовъ человѣческихъ. — Исполненные впечатлѣній, молча мы пустились въ обратный путь. «Скажи мнѣ слово о Пестумѣ» сказалъ мнѣ мой товарищъ. «Что я могу сказать тебѣ?» отвѣчалъ я, и мы опять погрузились въ молчаніе. — «Но развѣ нѣтъ у тебя на сердцѣ чувствъ, готовыхъ излиться?» Между тѣмъ мы достигли того же утлаго парома, на бурномъ потокѣ Селло; въ то время, какъ медленно перевозились предупредившіе насъ путники, я сѣлъ уединенно на крутомъ берегу; мимо меня шумѣлъ полноводный потокъ и, подъ шумъ его водъ, излились мои чувства:

Гдѣ плетеницы розъ твоихъ Пестумъ?
Пестумъ!— гдѣ прежней роскоши дни?
Тылъ, Сибаритской праздности мѣсто,—
Смертію дышешь на розы свои!

Море у ногъ твоихъ сирое дремлетъ,
Нѣтъ кораблей на высокой волнѣ;
Воплю пловцевъ уже больше не внемлетъ,
Богъ твой Нептунъ, въ гробовомъ его снѣ.

Но на лицѣ сей печальной пустыни
Три одинокіе храма стоятъ;
И, уже чуждые прежней святынѣ,
Божіихъ люди бѣжали палатъ!

Цѣлы столповъ ихъ роскошныя сѣни, . . .
Боги развѣнчаны, храмы въ вѣнцахъ!
Тамъ еще бродятъ забытыя тѣни,
Пестумъ!—тревожа твой старческій прахъ!

Поздно вечеромъ возвратились мы въ Салернъ и рано утромъ пустились, на шестивесельной лодкѣ, въ Амальфи. Море еще наканунѣ бурное, голубымъ зеркаломъ разостлалось предъ нами, иногда только тревожимое вдоль береговъ неспокойною волною. Салернъ просыпался въ лучахъ яркаго солнца, весь дальній берегъ Пестума утопалъ въ утреннихъ туманахъ; но на ближнихъ утесахъ поморія, мимо коихъ быстро неслась окрыленная ладья, живописно появлялись, одно за другимъ, роскошныя селенія, съ своими виноградниками, раскинутыя по горамъ, иногда осѣненныя

высокою колокольнею. Глубокій оврагъ раздѣлялъ на двое красивый городокъ Віетри, чрезъ который мы ѣхали наканунѣ, изъ обители Кавы. Далѣе пріютилось въ ущеліе, на самомъ берегу моря, селеніе рыбаковъ Цитра, съ своею скромною церковью. Потомъ вдался въ море утесистый мысъ, увѣнчанный готическими башнями, а позади его выло море, какъ вторая Сцилла, и отъ прибоя волнъ образовалась глубокая пещера, блестящая своими сталактитами. Вотъ и очаровательный заливъ, оживленный тремя богатыми селеніями: Минори, Маіори и Трани, родиною Мазаніелло, которыя почитались всѣ предмѣстіями Амальфи, во дни его республиканской славы. Съ чувствомъ народной гордости указалъ намъ, одинъ изъ гребцовъ нашихъ, на домъ знаменитаго рыбака, минутнаго властителя Неаполя, Мазаніелло, стоявшій надъ пещерою на верху горы. Память его еще свѣжа въ сердцѣ народномъ, хотя такъ горько кончилъ онъ свое поприще! Подлѣ Трани, но за горою, внезапно предсталъ Амальфи, въ своей узкой долинѣ, столь

очаровательной для взоровъ, массою зелени и бѣлыхъ домовъ и дикихъ башень, раскинутыхъ по утесамъ, и самою картиною города, который однако мало сохранилъ слѣдовъ своего древняго величія.

Первымъ моимъ движеніемъ было устремиться въ соборъ, гдѣ, какъ я слышалъ еще въ Римѣ, почиваютъ мощи моего Ангела, Апостола Андрея первозваннаго, перенесенныя изъ Царьграда. Широкое крыльцо о пятидесяти ступеняхъ, величественно подымалось, отъ самой площади гдѣ стоялъ ликъ Апостола надъ фонтаномъ, въ возвышенный притворъ, полувизантійскій, полуарабскій. Семь легкихъ аркадъ образовали чудный притворъ сей, который простирается болѣе въ лѣво отъ крыльца къ витіеватой колокольнѣ и Архіерейскимъ палатамъ, нежели въ право, гдѣ сокращали его городскія зданія. Три первыя аркады и послѣдняя обращены въ окна, украшенныя прозрачными арабесками на витыхъ столбикахъ; тремя средними входятъ подъ стрѣльчатые своды притвора, которые опираютъ-

ся на семь древнихъ колоннъ, разныхъ мраморовъ и орденовъ. Заключены были главныя врата собора, мѣдныя Византійскія, съ изваяніями Господа и его пречистыя Матери, и двухъ Апостоловъ Петра и Андрея, промежду многихъ крестовъ; работа и самая надпись обличаютъ десятый вѣкъ, и они послужили въ послѣдствіи образцомъ для многихъ другихъ; но малыя двери, по обѣимъ сторонамъ, стояли отверсты и ими взошелъ я во внутренность храма.

Послѣ такого притвора я ожидалъ увидѣть какую либо древнюю базилику, всю въ столбахъ и мозаикахъ, но мнѣ представилась обширная церковь, хотя и раздѣленная на три части по подобію базиликъ, однако съ четвероугольными столбами вмѣсто легкихъ колоннъ. На среднемъ престолѣ, который былъ прислоненъ къ горнему мѣсту и украшенъ шестью столбами зеленаго мрамора, висѣла картина распятаго Апостола, а подлѣ стояло, на золотомъ подножіи, его изваяніе по обычаю западному. Отъ самаго престола и до архіерейской каѳедры, въ такъ называемомъ хорѣ, гдѣ у

насъ олтарь, сидѣлъ весь соборный клиръ, въ праздничныхъ ризахъ; народъ толпился въ ярко освѣщенномъ храмѣ.

«Отъ чего здѣсь такое торжественное собраніе?» спросилъ я своего проводника. «Сегодня память перенесенія мощей Св. Апостола Андрея, изъ Константинополя въ Амальфи» отвѣчалъ онъ. — Съ радостнымъ изумленіемъ взглянулъ я на своего товарища. — «И такъ мое желаніе исполнилось, сказалъ я, и здѣсь встрѣчаетъ насъ торжество духовное, какъ и въ Салернѣ; но оно тѣмъ сладостнѣе моему сердцу, чѣмъ ближе для меня мой Ангелъ.» — «Гдѣ же его гробница?» спросилъ я моего проводника.—«Сойдемъ въ подземелье, отвѣчалъ онъ, туда пошелъ сей часъ священникъ, чтобы служить обѣдню.»—Еще болѣе утѣшился я столь благовременнымъ посѣщеніемъ святилища. Мы спустились, тридцатью мраморными ступенями, въ подземную церковь, которая находится подъ главнымъ олтаремъ. Тамъ уже стоялъ священникъ, надъ гробовымъ престоломъ, читая входныя молитвы. Я сталъ на колѣни съ народомъ,

возлѣ рѣшетки, всѣ молились усердно; хотя обѣдня совершалась безмолвно и съ чуждыми для меня обрядами, но мнѣ отрадно было видѣть освященіе даровъ, надъ мощами моего Ангела, который засвидѣтельствовалъ своими мученіями, истину приносимой жертвы; невольно плакалъ я и молился, какъ бы у себя, потому что душа моя была исполнена святынею мѣста. — «Ахъ, если бы я могъ получить здѣсь какую либо икону! подумалъ я, какъ это бываетъ въ православной нашей родинѣ, съ какимъ бы утѣшеніемъ принесъ бы я домой такое благословеніе, отъ мощей Апостольскихъ!» — Я рѣшился попросить себѣ хотя нѣсколько хлопчатой бумаги, которую опускаютъ во дни праздниковъ, чрезъ отверстіе каменной гробницы, на самую раку, источающую такъ называемую манну, по мѣстному благочестивому преданію. Когда же священникъ, сказавъ окончательное: «ite messa est» отпустилъ съ благословеніемъ народъ, я воспользовался его удаленіемъ отъ престола, чтобы ближе припасть къ священному гробу. — При свѣтѣ неугаса-

емой лампады видно было сквозь рѣшетку, подъ олтаремъ, серебренное устье на каменной плитѣ. Но если закрыта сама рака, по обычаю западному, гдѣ святыня мощей всегда находится подъ спудомъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, о пребываніи здѣсь нетлѣнныхъ останковъ Апостольскихъ; ибо по лѣтописямъ церковнымъ достовѣрно извѣстно, что святыя мощи перенесены были сперва изъ Патраса, гдѣ окончилъ свой подвигъ первозванный Апостолъ, въ Царьградъ Императоромъ Констанціемъ, въ 336 году, и поставлены тамъ въ соборномъ храмѣ Св. Апостоловъ. — Когда же въ 1204 году, крестоносцы овладѣли Царьградомъ и расхитили большую часть святыни восточной, то нѣкто Петръ, благородной фамиліи Капуанской, родомъ изъ Амальфи, (гдѣ его дядя, по имени Матѳей, былъ въ товремя Архіепископомъ,) будучи самъ Легатомъ папскимъ при станѣ крестоносцевъ, испросилъ у Папы Иннокентія III позволеніе перенести мощи Первозваннаго въ свое отечество: это совершилось въ 1208 году, 8-го Мая, день понынѣ празд-

нуемый въ Амальфи, въ который Богъ меня сподобилъ поклониться гробу моего Ангела. — Странно однако, что мы Русскіе, для которыхъ особенно должна быть священна память сего великаго Апостола, водрузившаго первый крестъ на горахъ Кіевскихъ и предрекшаго грядущую славу нашей родины, мы Русскіе не знаемъ о нахожденіи святыхъ мощей въ Амальфи, хотя однако многіе странствуютъ гораздо дальше въ Бари, на поклоненіе Святителю Николаю.

Роскошная сѣнь надъ престоломъ опирается на четырехъ столбахъ зеленаго мрамора и подъ нею стоитъ великолѣпное бронзовое изображеніе Апостола, даръ Короля Испанскаго Филиппа IV, который, по примѣру двухъ своихъ одноименныхъ предмѣстниковъ, много заботился объ украшеніи подземнаго святилища; всѣ стѣны его и четыре пиластра, на коихъ лежатъ своды, богато убраны разноцвѣтнымъ мраморомъ. Еще нѣсколько малыхъ престоловъ прислонено къ стѣнамъ; позади главнаго, гдѣ стоитъ довольно древняя

икона Апостола, съ его великимъ учителемъ Іоанномъ Предтечею, есть полукружіе въ видѣ горняго мѣста, а впереди престола болѣе глубокая впадина служитъ хоромъ, гдѣ собирается капитулъ около архіерейскаго сѣдалища. Другая мраморная лѣстница, предназначенная для женщинъ, ведетъ изъ подземелья въ верхній соборъ, и вообще роскошь украшеній соотвѣтствуетъ величію святыни.

Возвратясь въ соборъ, окинулъ я бѣглымъ взоромъ его величественное зданіе. Раззолоченный потолокъ украшенъ картинами, одного изъ лучшихъ художниковъ Неаполитанской школы, Андрея Аластро, который усердствовалъ изобразить всю земную жизнь тезоименитаго ему Апостола, начиная отъ мрежей рыбарскихъ, на озерѣ Галилейскомъ, и до мученической кончины въ Патрасѣ; надъ главными вратами представлено славное чудо Апостола, доселѣ празднуемое въ церкви Амальфитанской 27 Іюня, когда по молитвѣ его разсѣянъ былъ бурею страшный флотъ пирата Барбаруссы, опустошавшаго поморіе

Италіи, послѣ напрасной осады Мальты, въ XVI вѣкѣ.

Два гранитныхъ столба, около архіерейской каѳедры, одни остались отъ прежней колоннады; но другіе витые столбики, съ золотыми мозаиками, которые теперь служатъ подсвѣчниками, и двѣ малыя каѳедры, по обѣимъ сторонамъ олтаря, для чтенія евангелія и апостола, напоминаютъ еще первоначальное убранство базилики. Я узналъ въ послѣдствіи, что въ началѣ минувшаго столѣтія, Архіепископъ Амальфійскій Михаилъ перестроилъ всю церковь на свое иждивеніе, въ новомъ вкусѣ, и для прочности зданія обложилъ осмьнадцать ея колоннъ четвероугольными столбами, какъ это сдѣлано въ Латеранскомъ соборѣ Рима. — Довольно мраморовъ для украшеній, но нѣтъ уже прежняго вида. По сторонамъ главнаго олтаря, есть два отдѣльные придѣла, какъ бы у насъ жертвенникъ и діаконикомъ: въ одномъ изъ нихъ хранятся Св. тайны, въ другомъ части Св. мощей, перенесенныхъ также изъ Царьграда, и между ними главы Апостола Іакова Ал-

феева, Св. Василія Великаго и кости св. Макарія Египетскаго. Порфировая купель, найденная въ развалинахъ Амальфи, стоитъ со входа и возводитъ мысль къ первымъ вѣкамъ Христіанства; она и доселѣ служитъ для крещенія младенцевъ. Два изящныхъ, но языческихъ барельефа, изображающіе похищеніе Прозерпины и бракъ Пелея, которые также найдены въ окрестностяхъ, привлекаютъ вниманіе, при переходѣ въ прилегающую къ собору церковь Распятія: она прежде служила усыпальницею знатныхъ мужей Амальфи. Теперь тамъ хранятся, около престола, части святыхъ мощей, перенесенныя изъ бывшей Капуцинской обители, и замѣчательна старинная икона, надъ внѣшними дверями, изображающая Спасителя между Богоматерью и Предтечею, а внизу пречистую Дѣву съ предвѣчнымъ Младенцемъ, посреди двухъ Апостоловъ Андрея и Іоанна; трудно разобрать верхніе лики, ибо они стерты отъ времени. — Малый дворикъ, обставленный узкими аркадами и витыми столбиками, въ Мавританскомъ вкусѣ, прилегаетъ къ сей

церкви, какъ это бываетъ во всѣхъ базиликахъ, а вокругъ него построенъ дворецъ Архіепископа. У самаго восхода, на его высокое крыльцо, есть еще изваянная икона Богоматери и подъ нею древній барельефъ, раздѣленный на двѣ части, съ ликами Спасителя, его двѣнадцати Апостоловъ и пречистой Дѣвы. — Четырехъ ярусная узорчатая колокольня примыкаетъ къ палатамъ и собору, во вкусѣ Византійскомъ и полуарабскомъ, съ остатками древнихъ колоннъ вкладенныхъ въ ея стѣны; она увѣнчана пятью главами, которыя испещрены фаянсовыми плитами въ видѣ мозаиковъ. — Вотъ все, что наипаче поразило меня, въ близкомъ моему сердцу соборѣ Амальфитанскомъ. Очаровательный видъ открывается съ его высокой паперти на дикіе утесы, увѣнчанные башнями, въ разсѣлины коихъ втѣснился живописный городъ, омываемый мирными водами своего залива, и долго я не могъ оторвать взоровъ отъ сего чуднаго зрѣлища.

По выходѣ изъ храма провожатый повелъ насъ, въ такъ называемую долину мель-

ницѣ, не обычайною по своей красотѣ, ибо тамъ быстрый кристальный потокъ, который оживляетъ собою Амальфи, шумно стремится изъ ущелья и, падая безчисленными каскадами, изъ подъ движимыхъ ими колесъ, голосомъ водъ своихъ наполняетъ городъ и долину; а надъ нимъ живописно склонились утесистыя горы, усѣянныя виноградниками и древними замками. — Когда же возвратились мы въ гостинницу, на берегъ моря, чтобы идти на самую вершину горы, въ живописное селеніе Равеллу, — проводникъ мой, человѣкъ старый и весьма благочестивый, сказалъ мнѣ: «у меня есть для васъ древность; хотите ли я велю вамъ принести ее, потому что она вѣрно вамъ понравится!» но я, не ожидая ничего хорошаго, оставилъ безъ вниманія такое предложеніе. Мы пошли берегомъ моря, мимо селенія Трани, родины Мазаніелло; оттолѣ стали подниматься въ Равеллу, сперва по ступенямъ, между домовъ и церквей, а потомъ по каменной дорогѣ, живописно пролегавшей между виноградниками, также по берегу горнаго потока, чрезъ который

должны были часто переходить. Наконецъ, съ большею усталостію, достигли выспренняго селенія, которое приникло, какъ орлиное гнѣздо, къ темени утесовъ, господствуя надъ моремъ и всѣми окрестностями. Византійскія церкви, башни Готическія, древніе дома въ Мавританскомъ вкусѣ, ясно свидѣтельствовали, что убогая нынѣ Равелла пользовалась нѣкогда благосостояніемъ и даже роскошью, и точно это былъ городъ укрѣпленный мѣстностію и стѣнами, который помѣщалъ въ себѣ пятьдесятъ тысячь жителей.

Насъ провели сквозь бойницу, украшенную арабесками, и малый дворикъ, съ аркадами въ томъ же вкусѣ, въ прежній дворецъ Герцоговъ Норманскихъ, укрѣпленный полуразвалившимися башнями. Тамъ останавливались Короли дома Ангевинскаго, Карлъ и Робертъ, и Папа Адріанъ IV, когда они посѣщали Равеллу. Великолѣпная тераса, висящая надъ моремъ, еще доселѣ вся украшена мраморами, и оттолѣ открывается самый очаровательный видъ, на обширный заливъ Салернскій и на прибрежныя селенія, Трани, Минори, Маіори, и на

дальній берегъ Пестума. Теперь это частный домъ, принадлежащій двумъ семействамъ Равеллы. Подлѣ бывшаго дворца возвышается на площади Византійскій соборъ, во имя Успенія Богоматери и святаго Пантелеймона, обновленный частію, но еще сохранившій въ себѣ много восточнаго. — Преданіе говоритъ, что здѣсь была прежде обитель иноковъ Греческихъ, которые въ послѣдствіи принуждены были уступить Римлянамъ и храмъ свой, и фіалъ мученической крови святаго Пантелеймона. Церковь раздѣлена на три части, по подобію базиликъ, хотя и закладены въ пиластрахъ прежніе столбы; великолѣпны бронзовыя врата ея, работы Греческой, которыя устроилъ Сергій, патрицій Равеллы, въ XII вѣкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись; они напоминаютъ Корсунскія врата Софійскаго собора въ Новгородѣ, по своимъ изваяніямъ, ибо на ихъ пятидесяти четырехъ доскахъ изображены подвиги Христовы и лики Апостоловъ. Но, самымъ великолѣпнымъ памятникомъ искуства Византійскаго, сохранилась въ соборѣ каѳедра,

для чтенія Евангелія, вся въ золотыхъ мозаикахъ, съ рѣзными украшеніями птицъ и цвѣтовъ: она стоитъ, на шести витыхъ столбикахъ драгоцѣннаго мрамора, которые опираются, вмѣсто подножія, на косматыхъ хребтахъ шести мраморныхъ львовъ; напереди каѳедры черный базальтовый орелъ держитъ, въ когтяхъ своихъ, первыя слова евангелія Іоаннова: «Въ началѣ бѣ Слово.»

Не должно удивляться Византійскому устройству церквей, въ Амальфи и ея окрестностяхъ, а также и множеству памятниковъ искуства Греческаго, которыми онѣ украшены: потому что Амальфи, Неаполь и прочіе города сего поморія, были до владычества Нормановъ, т. е. до XI вѣка, подъ властію и вліяніемъ Императоровъ Константинопольскихъ.—Дожи Неаполя и Амальфи утверждались ими, съ титломъ Анѳипатовъ или Патриціевъ, и сохранилось, въ лѣтописи Баронія, письмо Патріарха Цареградскаго Николая Мистика, къ Дожу Амальфіійскому, Масталу, X вѣка, касательно выкупа плѣнныхъ у Сарацынъ, въ которомъ

Патріархъ, благодаря его за оказанное усердіе, прямо говоритъ, что церковь Амальфійская ввѣрена ему отъ Бога. — И точно, до самаго раздѣленія церквей Римской и Греческой, или лучше сказать, до завоеванія Апуліи и Калабріи Норманнами, которымъ Папа Левъ IX, взятый ими въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, уступилъ произвольно достояніе Императоровъ Восточныхъ, — весь этотъ край, называвшійся Великою Греціею, зависѣлъ, въ гражданскомъ и въ духовномъ отношеніи, отъ Царьграда. Лучшимъ свидѣтельствомъ того служитъ самый праздникъ перенесенія мощей Святителя Николая изъ Миръ-Ликійскихъ, уже бывшихъ подъ властію Сарацынъ, въ Калабрійскій городъ Бари, который Церковь православная приняла въ число торжественныхъ дней своихъ, въ началѣ XI вѣка, чего бы не случилось, если бы южная часть Италіи уже принадлежала Римской Церкви.

Весьма замѣчательна судьба республики Амальфійской, которая оказала столько услугъ всей Европѣ. Основанная выходцами

Римскими, въ IV вѣкѣ, которые были застигнуты бурею на пути въ Царьградъ, она удержала предпріимчивый духъ своихъ предковъ. Владычество Лонгобардовъ остановилось на ея поморіи и Князья Беневента и Салерна, изъ рода сихъ завоевателей, не могли покорить отважной республики, хотя временно овладѣвали ею. Она управлялась своими Графами, Префектами и наконецъ Дожами, и ограждалась, именемъ Императоровъ Восточныхъ, отъ притязанія Западныхъ: угрозы Василія Македонскаго остановили Людовика. Но за то, сколько разъ оружіе Амальфитянъ служило единственнымъ оплотомъ всего поморія противъ полчищь Сарацинскихъ, которые поселились въ Сициліи и даже на берегахъ Италіи, и безпрестанными нападеніями тревожили Христіанъ. Нѣсколько разъ спасаемъ былъ ими Салернъ, и однажды Римъ, при Папѣ Львѣ IV, который самъ вышелъ къ нимъ, до берега Остіи, чтобы причастить изъ своей руки побѣдителей; иногда приходили къ нимъ на помощь и суда Греческія. — Они не уступали торговлею Венеціи въ IX,

X и XI вѣкѣ, когда еще Пиза и Генуя едва возникали. Конторы ихъ разсѣяны были по всему Востоку, даже въ Каффѣ и Багдадѣ, и Халивъ Египетскій позволилъ имъ основать въ Іерусалимѣ, близь гроба Господня, страннопріимный домъ, который, во времена крестовыхъ походовъ, обратился въ славный орденъ Страннопріимныхъ рыцарей, что нынѣ Мальтійскіе. Въ каждомъ городѣ, гдѣ имѣли они торговую контору, имъ принадлежалъ цѣлый кварталъ, который управлялся ихъ особенными законами, и морское право Амальфійской республики сдѣлалось въ послѣдствіи руководствомъ для всѣхъ торговыхъ народовъ.

Мужественно сопротивлялись Амальфитяне и первымъ противъ нихъ дѣйствіямъ завоевателей Норманскихъ, которые укрѣпились, въ началѣ XI вѣка, въ Сициліи и Калабріи. Еще первый Робертъ Гвискардъ, Рогеръ сынъ его и Вильгельмъ, княжили въ Салернѣ, въ виду вольной республики Амальфійской; но второй Рогеръ, изъ графовъ Сицилійскихъ, сдѣлавшійся Королемъ новаго Норманскаго государства, которое

соединилъ въ одно, подъ именемъ Неаполитанскаго, покорилъ себѣ Амальфи. Это покоренie было виною несчастнаго ея разоренiя, потому что Князья рода Лонгобардскаго, хотѣвшiе отстоять Беневентъ и Капую, подвигли противъ Короля Рогера усилившуюся тогда республику Пизы, и флотъ Пизанскiй, въ 1135 году, воспользовавшись отсутствiемъ войскъ Амальфiйскихъ которыя осаждали Неаполь вмѣстѣ съ Рогеромъ, раззорилъ городъ. Тогда были найдены, посреди сего разгрома, знаменитыя таблицы Амальфитанскiя, или пандекты Iустинiановы, которыя въ послѣдствiи изданы были, во Флоренцiи, и пролили новый свѣтъ, утраченнаго Римскаго права, на грубое дотолѣ законодательство Франкское или Лонгобардское. Горные города, Скала и Равелла, уцѣлѣли отъ сего раззоренiя, но чрезъ нѣсколько лѣтъ оно повторилось опять, оружiемъ враждебныхъ Пизанъ, которые долго завидовали торговымъ успѣхамъ Амальфи, и съ тѣхъ поръ она не возставала въ прежней славѣ, хотя продолжала участвовать своими судами, въ кресто-

выхъ походахъ; въ эту эпоху были перенесены въ нее святыя мощи Апостола Андрея Первозваннаго. Однако знаменитой республикѣ, которая дала свое морское право и Римскіе законы просвѣщенному міру, суждено было, даже и въ состояніи паденія, оказать еще одну неоцѣненную услугу, изобрѣтеніемъ компаса, которымъ расширилъ предѣлы мореплаванія одинъ изъ ея гражданъ, Флавій Жіоія, въ началѣ XIV вѣка, и тѣмъ довершилъ славу своего отечества. При династіи Королей Ангевинскихъ и Аррагонскихъ, Амальфи былъ феодальнымъ герцогствомъ, и переходилъ изъ рукъ въ руки, чрезъ нѣсколько именитыхъ родовъ, которые были имъ награждаемы, за свои заслуги или по родству съ Королями и Папами, доколѣ наконецъ, памятуя свою республиканскую славу, не откупился деньгами, въ XVII вѣкѣ, отъ сей частной зависимости. — Такова краткая лѣтопись Амальфи.

Посѣтивъ еще одну церковь Равеллы, во имя Предтечи, украшенную гранитными столбами, мы стали спускаться, тою же

горною стезею въ Амальфи, и тогда опять проводникъ мой началъ мнѣ предлагать свою древность, увѣряя, что она будетъ мнѣ очень по сердцу. Между тѣмъ одинъ изъ сыновей его, посланный впередъ, принесъ намъ на встрѣчу сію древность: — сколь велики были моя радость и изумленіе, когда я увидѣлъ старинную икону Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ девятаго или десятаго вѣка, искусно вырѣзанную на слоновой кости, съ Византійскими столбиками по сторонамъ, и вѣнчикомъ на нихъ лежащимъ: она вся пожелтѣла отъ древности и раскололась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но сохранила прежнюю красоту.

«Гдѣ нашелъ ты такую икону?» спросилъ я у Милони: — это было имя нашего проводника, о которомъ отзывались хорошо всѣ путешественники. «Она не моя, отвѣчалъ онъ, но одной бѣдной женщины въ Равеллѣ, которая ее отыскала въ развалинахъ церкви, подлѣ своего дома, около четырехъ лѣтъ тому назадъ, и вотъ уже полтора года какъ икона у меня хранится.» — «Но отчего же ты до сихъ поръ

ни кому ее не предложилъ? развѣ мало путешественниковъ въ Амальфи?» — «Бываютъ, отвѣчалъ Милони, но Англичанамъ я не хотѣлъ ее отдать, потому, что они не уважаютъ иконъ, а Католикамъ не случилось; вамъ же мнѣ пришло на мысль предложить ее, еще въ церкви». Съ радостію пріобрѣлъ я сіе сокровище и мысленно благодарилъ моего Ангела, который такъ скоро исполнилъ пламенное желаніе моего сердца, и послалъ мнѣ благословеніе отъ своихъ мощей. — Между тѣмъ мы пришли въ гостинницу, гдѣ уже были приготовлены ослы, чтобы перевести насъ вечеромъ въ Кастелламаре, по горной весьма трудной дорогѣ. Мнѣ хотѣлось прежде сходить въ соборъ и положить тамъ икону на гробъ Апостола; но проводникъ мой увѣрилъ меня, что это не возможно, потому что до пяти часовъ церковь бываетъ заперта, а время не позволяло медлить, чтобы успѣть достигнуть до ночи въ Кастелламаре. «Дорога трудна, говорилъ онъ, впрочемъ Богъ приметъ усердіе ваше».

Такъ я оставилъ Амальфи, но сердце

мое не оставалось спокойнымъ, потому что я не совершилъ желаемаго. Подымаясь на крутые утесы прибрежной дороги, я съ каждаго изъ нихъ озирался, не увижу ли еще высокой колокольни собора? и мнѣ грустно стало, когда она скрылась совершенно изъ моихъ взоровъ. Мы достигли по стезямъ, почти не проходимымъ, до вершины берега, обращеннаго къ Салернскому заливу, и пройдя одно селеніе и цвѣтущую долину, съ большею усталостію поднялись на самый хребетъ горы Св. Ангела, гдѣ, отъ уединенной часовни, открывается величественный видъ на оба залива, Салерна и Неаполя. Не менѣе труденъ былъ обрывистый спускъ, въ долину Кастелламарскую, и уже совершенно стало темно, когда измученные мы достигли до нашего ночлега. — На слѣдующее утро, еще до зари, отправилъ я одного изъ нашихъ проводниковъ въ Амальфи, чтобы попросилъ кого либо изъ клира соборнаго, освятить для меня икону, и къ вечеру онъ принесъ ее мнѣ обратно въ Неаполь, со свидѣтельствомъ отъ Викарія Архіепископа, что ико-

на сія, называемая Константинопольскою Божіею Матерью, дѣйствительно освящена была 9-го Мая, на гробѣ Первозваннаго Апостола.

ПИСЬМО XVI.

Геркуланумъ, Помпея, Соррентъ, берегъ Байй, Везувій, Неаполь.

Хотя мы были въ Неаполѣ, въ самое цвѣтущее время года, и отовсюду вѣялъ на насъ благовонный запахъ померанцевъ, однако не благопріятствовала намъ погода первыхъ майскихъ дней, и безпрестанные дожди останавливали насъ посреди прогулокъ. Не смотря на то, мы пользовались по возможности, даже и ненастнымъ временемъ, чтобы осматривать очаровательныя окрестности Неаполя и виды внутри самаго города. Въ Римѣ все больше говоритъ

сердцу и уму, огромностью его воспоминаній; въ Неаполѣ наслаждаются чувства, и понятно, почему древніе Римляне избрали себѣ этотъ роскошный берегъ, для своего земнаго рая. Поѣздка изъ Рима въ Неаполь есть какъ будто отдыхъ, предписываемый врачами, послѣ минеральныхъ водъ, которыя истомили человѣка, напряженнымъ образомъ жизни, хотя и цѣлительнымъ для будущаго. Мы желали однако и въ Неаполѣ, дѣйствовать съ нѣкоторою постепенностію, и послѣ дальней поѣздки въ Салернъ, Пестумъ и Амальфи, рѣшились осмотрѣть, въ той же сторонѣ, ближайшую окрестность лѣваго берега, Геркуланумъ, Помпею и Соррентъ, прежде нежели перейти на правый берегъ залива, гдѣ процвѣтали нѣкогда Путеоли, Баія и Кумы. Слово мое будетъ кратко, какъ былъ кратокъ самый обзоръ, потому что я не могъ удѣлить Неаполю того вниманія, которое исключительно посвятилъ святынѣ и древностямъ Римскимъ, какъ главной цѣли моего путешествія.

Два дня, послѣ нашего возвращенія изъ

Амальфи, мы поѣхали рано утромъ вдоль поморія, по живописнымъ предмѣстіямъ Неаполя, мимо палатъ Портичи, въ городокъ Резину, подъ которымъ погребенъ Геркуланумъ, во дни Императора Тита, съ 79 года по Р. Х. Не ранѣе послѣднихъ лѣтъ минувшаго столѣтія былъ онъ снова обрѣтенъ, подъ виллою одного Неаполитанскаго князя; но такъ какъ подземный городъ залитъ былъ остывшею лавою, которая сама обратилась въ твердый камѐнь, и не хотѣли касаться зданій, надъ нимъ сооруженныхъ, то раскопали только одинъ театръ Геркуланума и потомъ оставили трудную работу. Любопытно было бы видѣть его освѣщеннымъ, какъ это бываетъ при теперешнихъ драматическихъ представленіяхъ, чтобы разглядѣть ясно всѣ его части, которыя едва можно угадывать при тускломъ свѣтѣ факела, хотя все сохранилось, и сцена и кулисы, оркестръ и ступени для зрителей, съ почетными ложами на верху. Еще бы оригинальнѣе было разыграть, въ этомъ подземельи, какую либо изъ древнихъ пьесъ Греческихъ или

Латинскихъ, трагедію Софокла или комедію Теренція, и такимъ образомъ совершенно перенестись въ Римскій міръ, почти за двѣ тысячи лѣтъ; конечно въ Германіи, гдѣ любятъ такого рода представленія, это бы давно уже пришло на мысль Гёте, для классическаго увеселенія царственныхъ посѣтителей. Но въ Неаполѣ, великолѣпный театръ Сан-Карло тѣшитъ зрителей, музыкальными произведеніями и балетами, болѣе нежели драмами, а весь его заливъ есть лучшее зрѣлище, какое только можно себѣ вообразить.

На разстояніи двухъ часовъ отъ Геркуланума, за мысомъ Анунціата или благовѣщенія, лежитъ, посреди пустаго поля, другая жертва Везувія, Помпея, въ то же время, но не одинаково съ нимъ пострадавшая, потому что не по ея направленію текла убійственная лава, а только сыпались на нее тучи пепла и завалили городъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, онъ уже былъ отчасти сокрушенъ, страшнымъ землетрясеніемъ, поколебавшимъ все поморіе, и самое жерло Везувія открылось только

впервые, на погибель обоихъ несчастныхъ городовъ. Плиній старшій, бывшій тогда съ флотомъ, въ сосѣдней пристани Мизенской, изумился, когда ему сказали, что чернобагровое облако, въ видѣ развѣсистой сосны, подымается съ вершины нѣмаго дотолѣ волкана; онъ хотѣлъ приблизиться, на легкой ладьѣ, къ берегу Геркуланума; но море отхлынуло отъ береговъ, пепелъ и камни съ шумомъ сыпались въ пучину, и все поморіе сдѣлалось неприступнымъ отъ разметанныхъ по немъ скалъ; Плиній направился къ тому берегу, гдѣ стояла Помпея, но и тамъ все рушилось и зіяла земля; отъ дыма и пепла, сгустился воздухъ, совершенною мглою, которую не могли разсѣять никакіе факелы. Скоро вспыхнуло убійственное пламя съ удушливымъ запахомъ сѣры: Плиній упалъ мертвымъ. Полагаютъ однако, что большая часть жителей успѣла спастись, потому что многіе приходили потомъ отыскивать свои сокровища. Но хотя весьма легокъ слой пепла, засыпавшій Помпею, ее вновь нашли и стали раскапывать, только въ половинѣ ми-

нувшаго вѣка, и доселѣ большая часть ея подъ землею.

Семнадцать вѣковъ протекли мимо, когда исторглась Помпея изъ своей пыльной могилы, во всемъ блескѣ своихъ красотъ, ничего не потерявшихъ отъ времени, говоритъ авторъ ея послѣдняго дня, который, въ своемъ занимательномъ романѣ, хотѣлъ оживить предъ нами, въ лицахъ, мертвый давно забытый міръ Римскій. Она явилась опять на свѣтъ, со всею свѣжестію своей стѣнной живописи, какъ бы вчерашней, съ яркою мозаикою своихъ помостовъ, съ недоконченными колоннами своего форума, такъ какъ ихъ оставили руки каменьщиковъ. — Еще стояли треножники жертвенные, въ саду предъ домашними Пенатами; ящики, гдѣ хранилась казна во внутреннихъ покояхъ; скамьи и лампы въ залахъ, и въ баняхъ сосуды нужные для умовенія: въ триклиніумѣ уцѣлѣли остатки послѣдняго пиршества; въ ложницахъ благовонія и румяны несчастныхъ красавицъ, въ театрахъ входные билеты; ибо во время зрѣлища началось страшное изверженіе

спящаго дотолѣ волкана, и вездѣ были найдены кости и остовы тѣхъ, которые приводили нѣкогда въ движеніе и оживляли этотъ сокращенный театръ, или отрывокъ огромнаго Римскаго міра. Въ подземныхъ погребахъ, такъ называемаго дома Діомидова, нашли двадцать остововъ, всѣ столпившіеся около двери, и въ числѣ ихъ груднаго младенца; они покрыты были тонкою пылью пепла, который вѣроятно проникъ, мало по малу, сквозь отверстія и наполнилъ все подземелье. Тамъ нашли драгоцѣнности и деньги, и подсвѣщники, занесенные туда для безполезнаго пламени, и вина, затвердѣвшія вѣками въ амфорахъ, — напрасная предосторожность противъ мучительной борьбы съ удушливою смертію! Песокъ, окрѣпшій отъ влажности, принялъ формы тѣла человѣческаго, и еще сохранился отпечатокъ персей прекрасной женщины. Кажется, воздухъ долженъ былъ обратиться, въ гибельное испареніе сѣрнаго газа, и задушить несчастныхъ. — Въ саду этого дома былъ найденъ и самъ его хозяинъ, съ ключемъ въ окостенѣвшей ру-

кѣ и съ мѣшкомъ серебра; подлѣ него лежали нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и другой остовъ, вѣроятно его служителя. Подъ аркою городскихъ воротъ стоялъ еще остовъ, вѣрнаго своему долгу, часоваго Римскаго; подъ другою аркою сидѣла мать, задохшаяся съ своимъ ребенкомъ. Частные дома Саллустія, Панзы и Главка, имена коихъ можно было отгадать, по надписямъ, и форумъ съ его базиликами, храмы и театры, открыты теперь любопытнымъ взорамъ; въ капищѣ Изиды не утаились тайныя мѣста позади статуй, отколѣ прорицали за нихъ жрецы; тамъ нашли исполинскій остовъ человѣка съ сѣкирою въ рукахъ, которымъ уже было прорублено двѣ стѣны, подъ третьею онъ задохся; другой остовъ посреди города, съ деньгами и таинственными украшеніями божества Египетскаго, вѣроятно былъ жрецъ его, застигнутый смертію, когда не столько думалъ о жизни, сколько о своихъ богатствахъ. Найденъ былъ и такой, котораго разсѣкла надвое опрокинутая колонна: до четырехъ сотъ остововъ уже открыто, и

кто сочтетъ всѣ, когда совершенно раскроется Помпея?

Если она воскресла, въ романтическомъ произведенiи Англiйской литературы, для насъ она еще болѣе оживилась, въ чудномъ созданiи перваго изъ современныхъ живописцевъ, коимъ гордится Россiя. — Кто хочетъ постигнуть весь ужасъ сего послѣдняго дня Помпеи, который можетъ изобразить намъ отчасти послѣднiй день вселенной, тотъ пусть вглядится въ генiальную картину Брюлова, и проникнется ея молнiеносньмъ заревомъ, и пойдетъ на встрѣчу ея бѣгущихъ призраковъ, въ ослѣпительный мракъ, только на минуту расторгнутый, столь же ослѣпительнымъ блескомъ. Нельзя было ужаснѣе и вѣрнѣе вообразить себѣ эту смертную борьбу Помпеи, съ пожирающимъ ее волканомъ!

Полный сихъ страшныхъ образовъ и думъ, съ трепетнымъ чувствомъ вступилъ я въ загородный домъ Дiомида, которымъ начинается обзоръ могильнаго города, и пошелъ по улицѣ гробовъ, прилегавшихъ съ обѣихъ сторонъ ея, по обычаю Римско-

му. Эти мавзолеи прилично открываютъ входъ къ погребенной заживо Помпеѣ: вотъ и врата, которыя сторожилъ часовой остовъ, семнадцать вѣковъ безсмѣнно стоявшій на стражѣ; далѣе потянулась консульская улица къ форуму, вся обставленная домами частными и общественными, лавками и пекарнями, съ совершенно Русскими печами, исчерченная колеями колесницъ, какъ бы недавно протекшихъ; только всѣ дома, безъ крышъ и безъ дверей, оставлены довѣрчивыми хозяевами, на произволъ мимоходящихъ. — Первое впечатлѣніе ужаса и смерти отогрѣлось на Италіянскомъ солнцѣ, и воображеніе мало по малу сроднилось съ Помпеею минувшихъ вѣковъ, какъ будто бы мы сами возвратились ко временамъ первыхъ Кесарей. На перекресткѣ двухъ главныхъ улицъ, Меркурія и Фортуны, мы зашли въ городскія бани, гдѣ все ожидало только желающихъ мыться, хотя послѣдніе мылись тамъ не раньше какъ за 1700 лѣтъ. Незамѣтно особенной роскоши въ частныхъ домахъ, большею частію не обширныхъ, но замѣтна вездѣ большая без-

нравственность; отпечатокъ язычества на стѣнахъ, въ сладострастныхъ картинахъ, яркими красками доселѣ уцѣлѣвшихъ, свидѣтельствуетъ то, чѣмъ былъ образованный міръ до пришествія Искупителя. Почти всѣ домы строены по одному образцу: атріумъ или преддверіе со входа, подъ открытымъ небомъ, окруженное малыми келліями домашнихъ служителей; во глубинѣ его пріемный покой, и съ одной стороны триклиніумъ или столовая, а съ другой проходъ на внутренній дворъ, служившій мѣстомъ собранія для всего семейства. Этотъ дворъ всегда украшенъ колоннами и мраморнымъ водоемомъ, или цвѣтникомъ посрединѣ: тутъ и жертвенникъ Пенатовъ; верхняя частъ его служила также гостинною, или почетнымъ мѣстомъ отца и матери семейства; по сторонамъ спальни и жилые покои, которые расположены были и во второмъ ярусѣ, но онъ нигдѣ не сохранился отъ тяжести навалившейся земли; на самомъ краю дома, въ совершенномъ уединеніи маленькій садъ, вѣроятно для женщинъ, которыя мало выходили. Кто ви-

дѣлъ одинъ домъ, можетъ имѣть понятіе о всѣхъ, хотя есть разница въ украшеніяхъ; большая часть стѣнной живописи перенесена въ Неаполь; но теперь начали оставлять ее на мѣстѣ, и добытыя драгоцѣнности лампъ и сосудовъ, которыми наполненъ музей Бурбонскій, иногда замѣняются слѣпками. Удивительно однако, съ какимъ равнодушіемъ правительство занимается разрытіемъ Помпеи, которая уже найдена съ 1750 года. Всѣ главныя открытія сдѣланы въ царствованіе Мурата, но еще болѣе двухъ третей города подъ землею, хотя сею работою можно бы пропитывать нищихъ Неаполитанскихъ; только при посѣщеніи царственныхъ особъ стараются открыть что-либо болѣе важное.

Весьма замѣчателенъ форумъ съ своими храмами, который, какъ видно по остаткамъ столбовъ, былъ окруженъ четвероугольною галлерею или портикомъ: во главѣ его стоитъ возвышенный многими ступенями храмъ Юпитера, господствовавшій надъ собраніемъ народа. Еще цѣлы основанія его

24 столбовъ и видно раздѣленіе внутренняго покоя, или целлы, гдѣ стоялъ кумиръ, и притвора, гдѣ приносилась жертва. Рядомъ съ нимъ Пантеонъ, посвященный Августу, по образцу Римскаго, съ остатками колоннъ, еще недоконченныхъ, которыя вѣнчали его средину. Тутъ же, по сторонамъ Форума, и роскошное нѣкогда своими колоннами капище Венеры, напротивъ городской биржи, и пространная базилика, или судебное мѣсто, съ тремя другими отдѣльными палатами, также для судопроизводства, совершенно напротивъ храма Юпитерова. Отъ угла Форума улица Фонтана приводитъ къ капищу Египетской богини Изиды, гдѣ было сдѣлано первое открытіе города, когда копали подземный каналъ, для водъ рѣки Сарно. Подлѣ капища совершенно уцѣлѣли два театра, одинъ большой, другой поменьше, Одеонъ, для малыхъ представленій, со всѣми ступенями и даже нумерами своихъ сѣдалищь, съ оркестромъ и возвышенною сценою, весьма тѣсною. На разстояніи полуверсты отъ сихъ театровъ, на самомъ краю

древней Помпеи, разрытъ цѣлый амфитеатръ, довольно обширный, на подобіе Колизея Римскаго, для боя гладіаторовъ и травли звѣрей, котораго камни были отчасти расхищены жителями сосѣднихъ городовъ, для своихъ зданій. — Такова Помпея, въ своей разрытой могилѣ, когда былъ съ нее сорванъ пепельный саванъ столькихъ вѣковъ.

Небо, ясное утромъ, начало покрываться облаками, покамѣстъ мы блуждали по развалинамъ, и душный воздухъ, томившій насъ въ замогильныхъ улицахъ Помпеи, разразился грозою; однако мы успѣли достигнуть Кастелламаре и, не смотря на дождь, рѣшились ѣхать вечеромъ въ Соррентъ; потому что не предвидѣли другаго времени, для посѣщенія поэтической родины Тасса. — Одна только Крымская дорога, южнаго берега, можетъ сравниться съ очаровательной стезею, пробитою въ утесахъ, по самой окраинѣ моря, отъ бань Кастелламарскихъ, мимо безчисленныхъ виллъ и виноградниковъ, и роскошныхъ селеній съ ихъ лимонными садами, до са-

маго Соррента. — Иногда совершенно обрывается дорога, на краю бездны, и кажется должно идти въ обратный путь; но вотъ опять она взбѣгаетъ, на какой либо живописный уступъ скалы, и смѣло виситъ надъ клокощущей пучиной, какъ бы нѣкая Сирена сихъ поэтическихъ морей, играя путникомъ и заманивая его все дальше и дальше, въ свой надводный лабиринтъ.— Живописно на перепутьи селеніе Вико, раскинутое по горамъ, посреди благовонныхъ садовъ; но еще прелестнѣе предмѣстіе Соррента, въ роскошной полянѣ, углубленной между разступившихся береговъ, которые всѣ обратились въ одну померанцовую рощу и дышатъ ароматами. Соррентъ предпочтительно славится ими, и душистый запахъ Тассовой колыбели отрадно обвѣиваетъ любителей поэта, которые посѣщаютъ этотъ чудный уголокъ Неаполитанскаго залива; туда укрылся онъ, обуреваемый житейскою непогодой, подъ сѣнь своихъ ароматныхъ садовъ, подъ шумъ своей родной волны, которая какъ будто доселѣ стонетъ по немъ. Еще и теперь,

въ опустѣвшихъ покояхъ бывшаго его дома, нынѣ обращеннаго въ гостинницу:

Отрадно подъ вечеръ сидѣть у окна,
И слышать какъ плещетъ морская волна,
И воздухъ лимоновъ глотать благовонный,
И въ сумракъ смотрѣть горизонта бездонный.

Ненастное время, хотя и теплое, много отняло у насъ наслажденія въ Соррентѣ, который такъ очаровательно приникъ къ своимъ утесамъ. Напрасно манилъ насъ къ себѣ сосѣдній островъ Капри, съ своими классическими развалинами чертоговъ Тиверія, и роскошными видами съ вершины скалъ Анакапри; напрасно слышали мы о лазуревомъ гротѣ, куда со страхомъ вплываетъ отважный пловецъ, какъ бы въ бездну ада, и внезапно видитъ себя въ голубой сферѣ неба; буря не позволила намъ ввѣрить себя взволнованной пучинѣ, и невозможно было бы подплытъ подъ низкіе своды лазуревой пещеры. Мы даже не могли осмотрѣть окрестностей Соррента, славящихся красотою видовъ, и успѣли только посѣтить, въ самомъ городѣ, Римскія раз-

валины термъ Антониновыхъ, домъ Тасса и готическій соборъ. На другой день, съ проливнымъ дождемъ, возвратились по той же горной дорогѣ, въ Кастелламаръ, который оставилъ намъ только грустное впечатлѣніе ненастья и рева морскихъ волнъ, біющихъ въ его низменные берега; оттолѣ, по желѣзной дорогѣ, поспѣшили въ Неаполь. Но за то, на слѣдующее утро, мы были вполнѣ вознаграждены, прекрасною погодою, для посѣщенія классическаго поморія Байі.

Если, съ Тассомъ въ рукахъ, должно посѣщать родной ему берегъ Соррента, то безъ Виргилія нельзя ступить ни шага, на противоположномъ поморіи, ибо здѣсь собственно его царство, вся поэтическая мѣстность шестой пѣсни его Энеиды, запечатлѣнная даже его могилою. — Здѣсь и Тартаръ и поля Элиссейскія, имъ воспѣтыя, съ такою славою, что новѣйшій пѣвецъ ада и рая, безсмертный Дантъ, дерзнулъ назвать свою дивную поэму только комедіею, въ сравненіи съ высокою трагедіею Виргилія; такъ онъ ее разумѣлъ, не вѣдая,

что самъ сталъ гораздо выше своего руководителя по царству мертвыхъ, ибо потомство единогласно назвало комедію Данта божественною. Какъ бдительный воинъ, сладкій пѣвецъ Энеиды, возлегъ на стражѣ собственныхъ своихъ дѣлъ, у самаго входа, въ ту очарованную страну, которую создалъ въ области воображенія, и которая нынѣ, убійственнымъ дыханіемъ болѣзни, обратилась, изъ полей Элиссейскихъ, дѣйствительно въ преддверіе его Тартара. — Если кто, вдоль набережной Неаполя, мимо роскошнаго сада Вилла-Реале, куда собирается для прогулки весь цвѣтъ Неаполитанскаго общества, направится къ мрачному устью Павзилипы, то прежде нежели погрузится въ длинное подземелье, онъ увидитъ надъ собою, на вершинѣ скалы, мѣсто погребенія Виргилія; тамъ можетъ найти, посреди лавровъ и померанцевъ, скромный памятникъ поэта, хотя и не совсѣмъ достовѣрный, съ мирною на немъ надписью: «Tenet me nunc Parthenope,» (Теперь меня держитъ Партенопа); — это прежнее имя Неаполя.

Мы въѣхали въ длинную пещеру Павзилипы, которая была прорыта, также какъ и Кумская, съ незапамятныхъ временъ, гораздо прежде основанія Рима, для соединенія цвѣтущихъ городовъ сего поморія великой Греціи, потому что расположенные во глубинѣ малыхъ заливовъ, они раздѣлялись другъ отъ друга, каменною грядою утесовъ. Римляне, во дни имперіи, возвысили нѣсколько подземный переходъ, продолжающійся съ версту; но Короли Неаполитанскіе, изъ дома Бурбоновъ, еще выше изсѣкли каменные своды, для свободнаго обращенія воздуха, и сія подземная галлерея, въ 7 сажень ширины и 15 высоты, освѣщена во всю длину свою, днемъ и ночью. Съ середины ея не видно обоихъ краевъ, и странно смотрѣть, когда начинаетъ бороться дневный свѣтъ дальняго устья, съ темнотою и тусклыми огнями подземелья. Внутри его гулъ и шумъ толпящагося народа и съ трудомъ разъѣзжающихся въ тѣснотѣ экипажей и возовъ, а наверху роскошное предмѣстіе Неаполя и виллы, не подозрѣвающія того, что дѣлается въ серд-

цѣ земли, подъ самымъ основаніемъ ихъ величественныхъ дворцовъ.

По другую сторону мрачнаго подземелья встрѣтило насъ веселое селеніе, въ яркихъ лучахъ Неаполитанскаго солнца, и отраденъ былъ этотъ внезапный переходъ, изъ сумрака во все обиліе свѣта. Мы сперва направились, промежду виноградниковъ, къ волканическому озеру Аніанскому, гдѣ были нѣкогда знаменитыя бани Лукулла, и куда доселѣ еще, когда нѣтъ маларіи, пріѣзжаютъ изъ Неаполя, для сѣрныхъ ваннъ. Тутъ же и такъ называемая собачья пещера, гдѣ убійственныя испаренія газа, разстилаясь по землѣ, душатъ несчастное животное, опредѣленное на ежедневныя испытанія любопытныхъ, и не вредятъ людямъ, если они не пригнутся къ землѣ. Не напрасно Виргилій полагалъ, въ окрестностяхъ сего мѣста, устье Тартара, мимо котораго и птицы не могли летать невредимо. Изъ самаго озера выпаряется газъ, легкимъ дымомъ, и мѣстами оно будто кипитъ; но самая окрестность живописна и была достойна богатѣйшаго изъ Римлянъ,

когда еще убійственная лихорадка не вступила въ его наслѣдіе. — Сѣверная часть озера покрыта лѣсами, гдѣ бываютъ королевскія ловли; голое безпокойное темя, волканической Сольфатары, подымается промежду другихъ волнообразныхъ горъ; а на высочайшей изъ нихъ, какъ бы на легкомъ облакѣ, бѣлѣетъ воздушный монастырь Камальдульскій, господствующій надъ всемъ горизонтомъ.

Отъ озера Аніанскаго поворотили мы, опять промежду виноградниковъ, къ поморію и вдоль берега, мимо другихъ Римскихъ бань, достигли древняго города Путеоли, противулежащаго Баіямъ. Невозможно описать всей красоты заливовъ, которые одинъ за другимъ выдвигаются изъ за утесовъ, отъ Неаполя къ Кумамъ. Мысъ, на которомъ лежитъ Пуццоли, и далѣе Мизенскій, съ прилегшими къ нему островами Искіи и Прочиды, представляютъ взорамъ нѣчто волшебное. Самый городъ Пуццоли или Путеоли, такъ прозванный отъ колодезей, ископанныхъ въ немъ Римлянами, во время осады Аннибала, теперь

страждетъ отъ маларіи, въ лѣтніе мѣсяцы, какъ и все это живописное поморіе, бывшее нѣкогда земнымъ раемъ Римскимъ. На его площади еще стоитъ мраморный піедесталъ, съ изваяніемъ 14 городовъ Азіи, возстановленныхъ послѣ землетрясенія Тиверіемъ, — память благодѣянія тиранна; есть и другое воспоминаніе его безумнаго преемника Калигулы, остатки моста, который перекинулъ онъ черезъ весь заливъ Байскій, для своего тріумфа, чтобы подражать Ксерксу, перешедшему Геллеспонтъ, и едва не уморилъ голодомъ Римъ, потому что собралъ всѣ корабли Александрійскіе, необходимые для привоза хлѣба. Въ болѣзненномъ городѣ уцѣлѣлъ еще частію, во свидѣтельство его древней славы, величественный храмъ Сераписа, весь изъ мрамора, съ банями и покоями жрецовъ и протоками для крови обильныхъ жертвъ: но храмъ сей, прежде конечнаго разрушенія, былъ затопленъ волканическою водою, въ 1538 году, когда самое поморіе взволновалось какъ море, и волны сосѣдняго озера Лукринскаго хлынули на Пуццоли,

а изъ средины озера выросла новая гора, теперь покрытая виноградниками. Такъ непрочна земля подъ ногами жителей сихъ волканическихъ мѣстъ, гдѣ еще доселѣ спорятъ между собою три стихіи, огонь, земля и вода, какъ бы нѣкій хаосъ, не утвердившійся при мірозданіи. Три одинокіе столба величественно подымаются изъ волнъ, покрывающихъ помостъ капища, другіе опрокинутые лежатъ подъ водою; роскошные мраморы поросли кругомъ морскими травами и раковинами, вмѣсто цвѣтовъ, которыми были увѣнчаны олтари Сераписа.

Замѣчательно благоговѣніе Римлянъ, временъ имперіи, къ чуждымъ божествамъ Востока, особенно Египетскимъ; въ развалинахъ Помпеи и Путеоли, стоятъ капища Изиды и Сераписа, и они пользовались, какъ видно, одинаковою почестію, съ родными богами Капитолія, въ которымъ стало остывать усердіе всемірнаго народа. Римляне не могли жить безъ гладіаторскихъ зрѣлищъ, и ихъ лѣтнее убѣжище необходимо должно было имѣть амфитеатръ,

не уступающій столичному. Онъ сохранился лучше Колизея и въ такихъ же размѣрахъ, подлѣ города; можно составить себѣ по немъ болѣе ясное понятіе объ амфитеатрахъ, особенно о нижнемъ устройствѣ ложъ, гдѣ заключали звѣрей, подымавшихся изъ подъ земли на средину арены, и тѣхъ мрачныхъ покоевъ, гдѣ отдыхали гладіаторы, и куда увлекали раненыхъ, вмѣстѣ съ трупами, чтобы докончить ихъ какъ ненужную тварь. Ужасно смотрѣть на это живое свидѣтельство, неистоваго звѣрства побѣдителей вселенной, въ самую цвѣтущую эпоху ихъ литературнаго и философскаго образованія, когда пѣлъ Виргилій и ораторствовалъ Цицеронъ, и блестящій вѣкъ принималъ громкое имя Августа. — Здѣсь можно себѣ представить, что было бы далѣе съ языческимъ міромъ, если бы не водрузился крестъ на Голгоѳѣ, и рыбари Галилейскіе не уловили бы вселенной, въ свои духовныя мрежи. Память ихъ сохранилась и въ амфитеатрѣ Путеольскомъ: тамъ показываютъ тотъ покой, куда заключенъ былъ

Св. Януарій, одинъ изъ первыхъ Епископовъ Неаполя въ III вѣкѣ, когда обрекли его на съѣденіе звѣрямъ; но звѣри не дерзнули коснуться освященнаго старца, и подъ мечемъ, болѣе жестокихъ спекуляторовъ, окончилъ онъ мученическую жизнь.

Отъ Путеоли, мимо бывшей виллы Цицероновой, пустились мы сперва вдоль озера Лукринскаго, по направленію новой волканической горы, къ древнимъ Кумамъ, на самое поприще Энеиды. — Пустынна природа сихъ мѣстъ, изрытыхъ волканами, надъ коими, кажется, сей часъ исполнятся выразительные стихи Виргилія:

«Вотъ, при первыхъ лучахъ встающаго дня, застонала
Подъ стопами земля, и заходили вершины
Рощь и холмовъ!»

Мы спустились къ пустынному озеру Аверискому, нѣкогда осѣненному густымъ лѣсомъ, гдѣ по гласу Сивиллы, сорвалъ Эней золотую вѣтвь, для схода въ Тартаръ: нынѣ оно совершенно обнажено; еще видны на берегу развалины капища Аполлонова, уже не того свѣтлаго бога, что обтекалъ

вселенную въ лучахъ солнца, но убійственнаго, по греческому значенію своего имени; ибо здѣсь напротивъ капища, по ту сторону озера, было страшное устье Тартара, испарявшаго убійственные пары, мимо коего не могли летать птицы; посему и самое озеро прозвано по гречески Аорнонъ, или неептичьимъ, и это слово звучало на латинскомъ языкѣ: Авернъ. Опять представилась глазамъ чудная сцена Энеиды, когда Эней приноситъ умилостивительныя жертвы преисподнимъ божествамъ, около необъятнаго устья мрачной пещеры: Гекатѣ, сильной на небѣ и въ Эревѣ, и матери Эвменидъ, и великой сестрѣ ихъ Прозерпинѣ, и самому Стигійскому царю, возливая кровь тельцевъ на ночныхъ олтаряхъ, прежде нежели погрузиться въ страшную пасть Тартара, по зову вдохновенной Сивиллы:

«Прочь, о прочь, всѣ чуждые тайнамъ!
Дѣва воззвала; всѣ да отступятъ отъ очерка рощи!
Тыже въ путь устремись, отважно исторгни желѣзо.
Нынѣ нуженъ твой духъ, теперь, скрѣпи твое сердце!

Такъ изрекла и бурная въ пасть погрузилась пе-
щеры;
Вслѣдъ за вождемъ, устремился Эней, неробкой сто-
пою.
Боги, коимъ даны, душъ область и тѣни нѣмыя,
Хаосъ и Флегетонъ, ночнаго безмолвія бездны,
Дайте мнѣ волю изречь, что слышалъ, и съ ва-
шимъ покровомъ
Тайну дѣлъ возвѣстить, во тьмѣ преисподней по-
грязшихъ!
Идутъ молча они, одѣтые сумракомъ ночи,
Сквозь пустыя палаты бездоннаго Діева царства.
Такъ, при невѣрной лунѣ, въ обманчивомъ свѣтѣ
мелькаетъ,
Путь по лѣсамъ, когда во мракъ погружаетъ Юпи-
теръ
Небо, и черная ночь стираетъ краски съ предме-
товъ.
Въ самомъ преддверіи ада себѣ поставили ложе,
Горькими стражами, Плачь и точащія сердце Заботы,
Блѣдныхъ Болѣзней семья и тяготящая Старость,
Голодъ, не добрый совѣтникъ, и Страхъ и смрад-
ная Бѣдность,
Страшные взорамъ, и Смерть и сродное ей Онѣмѣнье,
Летаргическій Сонъ и потерявшихъ разсудокъ

Радость; а въ самыхъ дверяхъ Войны убійственный
образъ,
Мѣдный одръ Евменидъ, и съ ними безумная Распря,
Лентой кровавой плететъ власовъ змѣиныя космы.»

Но мы довольствовались, однимъ быстрымъ взглядомъ на адское озеро, и не погружались, подобно Энею въ пещеру Сивиллы, отколѣ разлетались ея оракулы на вѣющихъ листьяхъ: это было глубокое выраженіе мысли древнихъ, о суетности пытливаго желанія смертныхъ, узнать утаенное отъ нихъ будущее! Пещера Сивиллы имѣла два устья, какъ и Павзилипа, для сообщенія жителей Кумъ съ Баіями; она наполнена водою. Мы поспѣшили къ развалинамъ Кумъ, чтобы успѣть совершить обширный кругъ всего поморія, съ его тремя заливами, и поднялись отъ озера Аверискаго къ остаткамъ городскихъ воротъ, прорытыхъ между двухъ утесовъ; но по ту сторону воротъ, какъ и по эту, была таже пустыня! Кумы— одна только груда камней промежду виноградниковъ.

Мимо ихъ развалинъ спустились мы опять на берегъ моря, къ другимъ болѣе

свѣжимъ остаткамъ Байй, которыя разсѣяны, подъ сѣнію лавровъ и оливъ, вокругъ своего очаровательнаго залива. — Это былъ отрывокъ всемірнаго Рима, отрадное убѣжище, гдѣ сильные земли, пресытившись честолюбіемъ и властію, приходили искать еше наслажденій, болѣе мирныхъ хотя столь же чувственныхъ, въ объятіяхъ природы, которой лучшій уголекъ себѣ избрали. Силла, Марій, Кесарь, Помпей, имѣли здѣсь свои виллы? — Страшно подумать, черезъ какое море крови, направили они усталый челнъ свой, къ упоительному берегу Байй! Но и здѣсь пе оставляли ихъ, посреди нѣги, кровавые замыслы, какъ тѣни близь лежавшаго Аверна, облетавшія ихъ и вдали отъ бурнаго ихъ поприща. Августъ, Лепидъ и Антоній, здѣсь мысленно уже составили кровавый тріумвиратъ свой, и въ прохладѣ садовъ, подъ легкій плескъ Байской волны, назначали имена своихъ жертвъ, смертію коихъ взаимно дарили другъ друга. Теперь уже нѣтъ и слѣдовъ ихъ роскошныхъ виллъ, и отъ столькихъ капищь остались только облом-

ки трехъ, Діаны, Меркурія и Венеры; последнее болѣе другихъ уцѣлѣло; а все поморіе сдѣлалось жертвою гибельныхъ испареній маларіи. Казалось, будто бы Тартаръ дохнулъ на него, изъ пещеры Сивиллы, и стеръ съ лица земли свое достояніе, принадлежавшее ему, по духу обладателей сихъ нѣкогда очарованныхъ мѣстъ!

Отъ поморія Баій, мимо готическаго замка, сооруженнаго намѣстниками Королей Испанскихъ для охраненія берега, перешли мы опять черезъ гору, на озеро Фузаро и поморіе Кумы, по другую сторону мыса Мизенскаго. Тамъ была нѣкогда гавань судовъ Римскихъ, которыя обыкновенно располагались подъ защитою мыса, отъ непогодъ моря Тирренскаго: но отхлынувшее море оставило по себѣ болѣзненныя испаренія, и имъ содѣйствуетъ болотное озеро Фузаро, славное только своими устрицами; оно носитъ названіе мертваго. Тутъ же на скатѣ горы, теперь усѣянной виноградниками, показываютъ мѣсто полей Элисссейскихъ, имени котораго мало соотвѣтствуетъ нынѣ убійственный его воздухъ; но очаро-

ваніе видовъ достойно Элизія языческаго: это устарѣвшая красавица, по чертамъ коей можно еще судить о прежней ея славѣ. Полагаю однакоже, что поморіе сіе приняло названіе полей Элиссейскихъ, только со временъ Виргилія, потому что онъ, вводя своего героя въ устье Тартара, со стороны озера Авернскаго и пещеры Сивиллы, выпускаетъ его, вратами сна, изъ языческаго рая, прямо къ спутникамъ; а суда Троянъ стояли у мыса Мизенскаго, который только что получилъ свое новое имя, отъ ихъ утопшаго товарища.

«Есть двѣ двери для сновъ, изъ коихъ одна роговая,
Легкій исходъ чрезъ нее дается тѣнямъ настоящимъ;
Дверь другая блеститъ бѣлизною кости слоновой,
Но лишь пустыя мечты посылаются ею на небо.
Старецъ Анхизъ, напутствуя сына и дѣву Сивиллу
Сладкою рѣчью, въ міръ ихъ пустилъ слоновою дверью.
Вождь стремится къ судамъ и снова друзей обнимаетъ.»

Не могу вамъ выразить, какъ отрадно было для меня, ступать по классической

землѣ Энеиды, гдѣ каждый шагъ напоминалъ мнѣ стихъ поэмы, и дни моего дѣтства, когда напитывался чтеніемъ великаго поэта; исполненный его образами, представлялъ я себѣ мысленно всѣ сіи мѣста почти такими, какъ ихъ увидѣлъ, потому что Виргилій все описалъ съ чрезвычайною вѣрностію; весьма понятно, что его шестая пѣснь, могла родиться только въ очарованныхъ окрестностяхъ Байй, ярко освѣщенныхъ золотымъ вѣкомъ Августа.

Мы стали опять подыматься, отъ полей Элиссейскихъ на вершину горы, къ которой такъ живописно приросъ остроконечный мысъ Мизенскій, раздѣляющій два залива Байй и Кумъ. Малое селеніе Баули, наполненное больными, покрываетъ гору сію своими домами и садами; убогая женщина ввела насъ въ роскошное зданіе, временъ имперіи, по справедливости названное удивительною купелью (piscina mirabilis), ибо въ ней, на вершинѣ горы, собрано было обширное водохранилище, для всегдашняго запаса Римскому флоту; 48 пиластръ, по двѣнадцати въ рядъ, поддерживаютъ высо-

кія и вмѣстѣ съ тѣмъ легкія арки сей исполинской купели, достойной величія Римскаго. Своды отчасти обрушились, но въ нихъ еще видны многія устья, которыми черпали воду изъ хранилища, нынѣ изсякшаго. На другомъ краю селенія Баули естъ также колоссальный остатокъ работъ Римскихъ, котораго назначеніе неизвѣстно; это цѣлый лабиринтъ, изсѣченный въ утесѣ, надъ моремъ, быть можетъ казармы морскихъ войскъ, расположенныхъ около Мизенскаго мыса, или темницы рабовъ, осужденныхъ на галеры. — Они слывутъ въ народѣ тюрьмами Нерона, съ именемъ коего сроднилось все ужасное, потому что въ немъ олицетворилась низшая степень человѣческой природы, дошедшей до подобія скотскаго, со всѣмъ неистовствомъ дикаго звѣря.

Но какой очаровательный видъ открывается на обѣ стороны горы, къ Неаполю и Кумамъ, отъ самой вершины мыса, котораго продолговатый гребень, расширяется посреди обоихъ заливовъ, въ раздольи Тирренскаго моря. Это уже не видъ, а

панорама, и цѣлая карта поморія Неаполитанскаго, разостланная по ясной равнинѣ волнъ, со всѣми его волканами и островами и частыми городами, унизавшими собою берегъ. Изъ подъ навѣса уединенной хижины, поставленной тутъ, на лучшей точкѣ зрѣнія, для отдохновенія путниковъ, любовался я красотою мыса Мизенскаго и долго не могъ оторвать взоровъ отъ чуднаго зрѣлища природы. Не напрасно Лукуллъ, избралъ это мѣсто для своей виллы, гдѣ суждено было умереть Тиверію, и если лабиринтъ, такъ называемыхъ ста келлій, принадлежалъ къ палатамъ Нерона, можно отдать справедливость вкусу сладострастныхъ Кесарей. Теперь самый мысъ и вся его окрестность принадлежатъ богоугодному братству, которому недавно отказалъ оное по завѣщанію бывшій владѣлецъ сихъ мѣстъ, одинъ изъ первыхъ вельможъ Неаполитанскихъ. Ближе всего, подъ самымъ утесомъ, опустѣвшая пристань флотиліи Римской, отколѣ Плиній поплылъ наблюдать изверженіе Везувія; она теперь служитъ пристанищемъ рыбачьихъ лодокъ.

По правую сторону мыса, другая пристань, соединяется съ озеромъ Фузаро, также безпріютная, и широкій заливъ Кумскій, огражденъ горою Прочида и двумя островами; одинъ изъ нихъ низменный и длинный, носитъ тоже имя, а другой, подымающій изъ-за него высокое чело свое, сладкимъ названіемъ Искія отозвался уже нѣсколько разъ, въ пѣсняхъ поэтовъ. Оба, съ греческими именами, сохранили и греческія одежды своихъ жителей, и привлекаютъ любопытство путешественниковъ. Далѣе дикій Капри, сладострастное жилище свирѣпаго Тиверія; въ лѣво отъ него, прямо противъ мыса Мизенскаго, тянется дальній берегъ Тассова Соррента, утопающій въ туманахъ, какъ бы чуть слышные звуки Тассовыхъ октавъ, замирающіе вдали. Ближе къ Неаполю выбѣгаетъ въ море остроконечный мысъ Торре-дель-Греко, съ бѣлою обителью Камальдульскою на одинокомъ холмѣ; но во глубинѣ своего роскошнаго залива, притаился Неаполь, за горою Павзилипы и малымъ островкомъ Низиды. Одинъ только выспренній замокъ

Св. Эльма, каменными зубцами вѣнчаетъ царственное чело его, обличая собою невидимую столицу сихъ чудныхъ мѣстъ, и колоссальный стражъ ея, вѣчно дышущій пламенемъ, подымаетъ на горизонтѣ дымный столбъ свой, угрожающій всему поморію. Ближе къ Баіямъ, другой болѣе смиренный волканъ Сольфатара, и другая воздушная обитель Камальдульская, какъ образы смерти и жизни, столь противуположные другъ другу, висятъ надъ древнимъ Путеоли; мирный заливъ Баій, лелѣявшій въ своихъ сладостныхъ объятіяхъ повелителей вселенной, довершаетъ очаровательный кругъ сего поморія, гдѣ все соединилось въ одно гармоническое цѣлое, и море и небо, и горы и острова, подъ яркимъ солнцемъ Неаполя, чтобы плѣнить взоры. Мы возвратились въ Неаполь, мимо Путеоли и острова Низиды, по новой дорогѣ, которая недавно пробита въ утесахъ около Баіи и близь самой столицы, по каменистому берегу, неприступному до временъ Короля Мурата.

Еще одна окрестность Неаполя, господ-

ствующая надъ всѣми, дымнымъ челомъ своимъ, призывала меня съ перваго дня, потому что голубой столбъ и раскаленное жерло Везувія, днемъ и ночью, привлекали мое вниманіе съ той терасы, гдѣ я любилъ дышать майскимъ воздухомъ, на берегу шумящаго моря. Мы отправились послѣ полудня, изъ Неаполя въ городокъ Ресину, и взяли тамъ верховыхъ лошадей, чтобы успѣть, до захожденія солнца, взойти на вершину волкана и насладиться оттолѣ вечернею картиною всего поморія, въ лучахъ заходящаго солнца: но разостлавшійся туманъ частію скрылъ отъ насъ желанное зрѣлище. Мы хотѣли дождаться начала ночи, у самаго жерла, когда огненнымъ представляется дымный столбъ: однако не рѣшились, въ темную ночь, съ малымъ числомъ проводниковъ, спускаться по каменистой дорогѣ, трудной для лошадей даже при свѣтѣ дня. По мѣрѣ того какъ подымались, на первыя отлогія высоты волкана, пустѣли передъ нами виноградники, и земля, тучная отъ природы, отзывалась присутствіемъ убійственнаго сосѣда. Цѣлы-

ми полосами выгорѣли поля, другія были завалены пепломъ и видно было, каменными волнами, остановившееся теченіе остывшей лавы. Между тѣмъ, не смотря на страшное предостереженіе, столько разъ повторявшееся, опять какъ бы заигрываютъ люди съ огненнымъ исполиномъ, и разводятъ сады свои и строятъ дома тамъ, гдѣ погибло столько ихъ собратій. Онъ спитъ сегодня, будетъ спать и завтра, говорятъ они себѣ, и продолжаютъ беззаботно дремать надъ бездной. — Ахъ! не такъ ли и мы, вопреки предостереженій евангельскихъ, безпечно живемъ, какъ жили допотопные люди, до времени общаго разрушенія, хотя и намъ обѣщанъ огненный судъ.

«И вопервыхъ знайте, говоритъ Апостолъ, что въ послѣдніе дни появятся наглые ругатели, которые станутъ поступать по собственнымъ своимъ похотямъ, и говорить: гдѣ обѣтованіе пришествія Господня? ибо съ тѣхъ поръ, какъ стали умирать отцы наши, отъ начала творенія, все остается такъ же. Ибо одно только не должно быть закрыто отъ васъ, возлюбленные,

что у Господа одинъ день какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день. Не медлитъ Господь исполненіемъ обѣтованія, какъ нѣкоторые почитаютъ то медленіемъ: но продолжаетъ терпѣть насъ, не желая чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію. Но придетъ день Господень, какъ тать ночью, и тогда небеса съ трескомъ прейдутъ, стихіи раскалившись растаютъ, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ.» (II. Петр. гл. III. 3, 4, 8, 9, 10.)

Съ такими чувствами подымался я на высоты Везувія и, съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, увидѣлъ маленькую пустынь отшельника, приникшую на самой грани обитаемыхъ мѣстъ, нежели новый дворецъ королевскій, который строится еще выше. Одна была выраженіемъ благоговѣйнаго смиренія людей предъ страшнымъ бѣдствіемъ, которое не разъ ихъ посѣщало и напоминаетъ о грядущей кончинѣ, образомъ коей могъ служить огнедышущій Везувій; а дворецъ, надъ безднаю, представляется какимъ-то неумѣстнымъ величаніемъ и беззаботностію въ такомъ мѣстѣ, гдѣ каждую

минуту, болѣе нежели гдѣ нибудь, надобно помышлять о предстоящей смерти. — Мы оставили лошадей тамъ, гдѣ груды треснувшей лавы уже не позволяли намъ продолжать конное шествіе, почти у самой подошвы усѣченнаго конуса, составленнаго изъ лавы и пепла, и еще болѣе получаса, съ помощію проводниковъ и съ частыми отдыхами, подымались на его вершину. Это было трудное восхожденіе, по чрезвычайной крутизнѣ сего нароста лавы, который, какъ обширная чаша, возвышенная по краямъ и углубленная внутри, вмѣщаетъ въ себѣ самое жерло волкана. Жерло сіе безпрестанно измѣняется, въ широкомъ объемѣ своей каменистой чаши, то разверзая въ одномъ мѣстѣ огненное устье, какъ бы нѣкую адскую пасть, то вырастая пепельнымъ наметомъ, изъ вершины котораго подымается дымный столбъ и летятъ искры и камни, съ глухимъ стономъ и раскатами подземнаго грома. А между тѣмъ, около сего намета, струилась и клокотола огненнымъ ручьемъ, сквозь треснувшія плиты остывшей лавы, другая еще пылаю-

щая лава, и подъ ногами безпрестанно хрустѣла запекшаяся кора ея; казалось, все это огненное поле готово провалиться, чтобы составить опять одно необъятное жерло.

Какое-то странное и невыразимое чувство наполняетъ душу на вершинѣ волкана, когда видишь подъ собою пламя, такъ близко къ небу, на крайней грани обиталища человѣческаго; но свыше всего чувство благоговѣнія къ огромности созданія, предъ которымъ такъ ничтоженъ вещественно человѣкъ и вмѣстѣ такъ великъ нравственно, ибо все ему покорено волею Творца, и онъ испытываетъ данное ему царство, въ безднахъ морей и надъ жерлами волкановъ! Боязнь и отвага направляютъ невѣрную стопу, по клокочущему морю огня, подъ шумъ извергающихся камней, которые пролетаютъ надъ головою: страшны и величественны были подземные стоны исполина, подавленнаго волканомъ, по преданію древнихъ; этотъ глухой ревъ, исходящій изъ нѣдръ земли, какъ будто бы выражалъ внутреннюю болѣзнь ея, и назидательно было прислушиваться къ воплю

матери своей, намъ, перстнымъ чадамъ земли, ради коихъ и вся тварь, по словамъ Апостола Павла, стонаетъ совокупно и мучится доныне. (Рим. VIII. 22)

Мы спустились, иною стезею, съ вершины волкана и весьма быстро, уже не по каменистой лавѣ, но по глубокому пеплу, которымъ былъ осыпанъ конусъ его съ противуположной стороны. Пепелъ, осыпаясь подъ нашими ногами невольно увлекалъ насъ за собою, и въ пять минутъ мы прошли тоже пространство, для котораго нужно было до трехъ четвертей часа при восходѣ. Лошади ожидали насъ почти у подошвы, и мы пустились въ обратный путь, пользуясь остаткомъ дня. Сквозь пелену тумановъ вечернее солнце позлащало свое любимое поморіе, волны и горы, и весь очеркъ поэтическихъ заливовъ, до дальнихъ мысовъ Соррента и Мизена, съ островами Капри, Искія и Прочида. По мѣрѣ схожденія яснѣли предметы и панорама, теряя свою обширность, становилась отраднѣе для взоровъ; въ полной красѣ нѣжился сладострастный Неаполь, на бе-

регу своего чуднаго залива, въ лучахъ утопающаго солнца. — Уже смерклось, когда мы его достигли.

Мнѣ не приходило на мысль описывать церквей Неаполя, хотя ими можно любоваться даже и послѣ Римскихъ, потому что и въ Римѣ я занимался болѣе тѣми, которыя восходили до первыхъ вѣковъ Христіанства, или заключали въ себѣ памятники той эпохи, а въ Неаполѣ все отзывается новѣйшимъ временемъ. Скажу однако, что послѣ великолѣпнаго собора Св. Іануарія, достойны особеннаго вниманія: церковь Св. Клары, гдѣ погребался родъ Ангевинскій и господствуетъ надъ всѣми гробница добраго Короля Роберта, позади главнаго олтаря; обитель Доминиканская, украшенная мавзолеями многихъ Королей дома Аррагонскаго, почіющихъ во всеоружіи поверхъ своихъ гробовъ; церковь Св. Іоанна Карбонары, гдѣ Королева Іоанна II соорудила великолѣпный памятникъ брату своему Венгерскому Королю Владиславу, и церковь Св. Маріи Кармильской, на городской площади, ознаменованной бунтомъ Мазаніелло

и казнью нещастнаго отрока Конрадина, внука Императора Фридриха II. Печальная мать скромно погребла его въ сей церкви, сооруженной ею во имя Богоматери на тѣ деньги, которыя напрасно предлагала для его выкупа. Виновникъ жестокой казни, Карлъ, первый изъ Королей рода Ангевинскаго, похитившій престолъ Неаполя у династіи Кесарей, гордо покоится надъ главными вратами соборнаго храма Св. Іануарія. — Весьма замѣчательны еще, по своимъ мраморамъ, церкви Св. Троицы, и Св. Апостоловъ и особенно богатая живописью церковь блаженнаго Филиппа Нери, гдѣ много есть картинъ Гвидо-Рени и Еспаніолето, и домовая церковь князей Санъ-Северино, славящаяся своими изваяніями. Но храмъ Св. Франциска, напротивъ палатъ королевскихъ, столько разъ перестроенныхъ при династіи Испанской, есть неудачная копія Римскаго Пантеона и колоннады Петровой.

Есть и катакомбы въ Неаполѣ, при обширной богадѣльнѣ Св. Іануарія, напоминающія Римскія и болѣе ихъ украшенныя,

потому что они въ три яруса и изсѣчены въ скалѣ, а не въ землѣ. Это также могильное царство, гдѣ гробами унизаны всѣ стѣны, какъ бы ячейками пчелъ въ ульѣ, потому что здѣсь собирался сладостный медъ ученія Христова, когда первые Епископы Неаполя еще проповѣдывали подъ землею слово, долженствовавшее покорить вселенную; тутъ былъ погребенъ вначалѣ и Св. Іануарій. Сохранились двѣ церкви въ сихъ катакомбахъ, одна болѣе пространная, раздѣленная по образцу восточныхъ на три отдѣленія; другая же, при самомъ входѣ, гораздо меньше, но съ уцѣлѣвшимъ алтаремъ, каѳедрою и сопрестоліемъ. Вездѣ Востокъ отзывается на Западѣ, который такъ долго усиливался поглотить его и наконецъ достигъ своей цѣли: ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нынѣшній Король перевелъ въ унію единственную православную церковь въ Неаполѣ, сооруженную для Грековъ, которые нанимались въ войскахъ его предковъ, и закрылъ послѣднія православныя церкви въ Сициліи.

Катакомбы Св. Іануарія проникаютъ

подъ великолѣпную королевскую виллу, Капо ди Монте, которая точно находится, по смыслу своего названія, на темени горы и господствуетъ надо всемъ Неаполемъ. Оттолѣ одинъ изъ самыхъ лучшихъ видовъ на весь заливъ; тамъ и роскошная прогулка подъ сѣнію густаго парка, во вкусѣ Версальскомъ, но подъ южными древами. Еще одна вилла, на другой оконечности горы, ближе къ пещерѣ Павзилипы, создана была также царскою рукою, хотя и принадлежитъ теперь частному лицу: это очаровательная Флоридіяна, дышущая благовоніемъ своихъ розъ, на вершинѣ утесовъ, какъ душистый вѣнокъ, которымъ сама природа, въ материнскомъ восторгѣ, украсила свое чудное созданіе. Но другой, каменный вѣнецъ приникъ къ самому темени утесовъ, между двумя виллами, Флоридіаны и Капо ди Монте: это мрачный замокъ Св. Эльма, страшно господствующій надъ Неаполемъ, который можетъ онъ затопить своей огненною лавою, какъ второй Везувій, ибо всегда готовы его огненныя жерла, и днемъ и ночью стережетъ

его стража Швейцарская, одна которой ввѣряютъ врата и ключи замка. Это темное пятно на ясномъ небѣ Неаполя, недовѣрчивость, которая намъ Русскимъ непонятна. Но взойдите во внутренность бойницъ и въ ограду мирной обители Камальдульской, еще недавно бывшей казармою и снова возвращенной прежнему назначенію; тамъ когда вы насладитесь тишиною мирнаго пристанища, гдѣ бродятъ, по длиннымъ галлереямъ, одни только бѣлые безмолвные призраки иноковъ, и когда вы полюбуетесь въ ихъ ризницѣ, картиною снятія со креста, кисти Еспаніолета, — ступите на самый край утеса, на выспренній балконъ, висящій надъ бездною: взоръ вашъ потонетъ въ очарованіи Неаполя, ибо здѣсь самый обширный видъ его открывается во всѣ стороны, отовсюду поражая невольнымъ восхищеніемъ взоры и сердце.

Я посѣтилъ и ту дальнюю обитель Камальдульскую, которая видѣлась мнѣ какъ горній оазисъ, надъ волканическимъ жерломъ Сольфатары и отъ кипящаго газомъ

озера Аніанскаго, и съ поэтическаго мыса Мизена. Когда взошелъ я на терасу монастырскую и окинулъ взорами, поверхъ выдающихся хребтовъ, весь очеркъ дальняго поморія, отъ Соррента до Террачины, уже въ Римскихъ предѣлахъ, а вокругъ меня увидѣлъ только одинъ синій эѳиръ,— мнѣ показалось, что я стою на какомъ нибудь воздушномъ острову, который отдѣлился отъ земли, или на отвердѣвшемъ поверхъ нее облакѣ. Еще ли говорить о красотахъ Неаполя, которыя помнитъ взоръ, хотя отъ нихъ отказывается слово, или описывать древности и рѣдкости города? — это не въ моемъ предметѣ! Еще сохранилась вся Испанская его наружность, отъ временъ Аррагонскихъ, когда Альфонсъ, первый Король сей династіи, давно уже укрѣпившейся въ Сициліи, на тронѣ Норманскомъ, вытѣснилъ наконецъ родъ Ангевинскій, на которомъ лежало кровавое пятно Конрадиново и безчестіе Іоанны. Его торжественныя врата, всѣ въ роскошныхъ изваяніяхъ его побѣдъ, доселѣ еще украшаютъ входъ въ феодальный замокъ

Карла и Роберта Ангевинскихъ, нынѣ обращенный въ цитадель и совершенно искаженный. Иная крѣпость возникла на другомъ краю стараго города, у великолѣпныхъ воротъ Капуанскихъ, чтобы смирить своеволіе Лазароніевъ, которые вооружились однажды, по зову сроднаго имъ рыбаря Мазаніелло.

Это было въ ту эпоху когда уже домъ Аррагонскій, соединившись съ Кастильскимъ, возобладалъ надъ всею Испаніею и Индіею, и сталъ посылать своихъ намѣстниковъ въ Неаполь, съ однимъ лишь громкимъ титломъ Вице-королей. Все напоминаетъ ихъ владычество, и лучшая изъ всѣхъ улица Толедская, и богатый фонтанъ Герцога Медины; повсюду имена Испанскія даны урочищамъ и церквамъ бывшей столицы великой Греціи. Когда же опять намѣстники уступили мѣсто свое настоящимъ Королямъ, уже дома Бурбонскаго, одинъ только изъ нихъ, Карлъ III, оставилъ по себѣ слѣды своего владычества, прежде нежели перешелъ на престолъ Испанскій. Всѣ дворцы и общественныя заведенія обязаны ему своимъ началомъ, и

Капо ди монте на горахъ, и Портичи на развалинахъ Геркуланума, и дальняя Казерта въ пустынѣ, и великолѣпный театръ Санъ Карло, соединенный съ новымъ дворцемъ королевскимъ, и наконецъ музей Бурбонскій, богатый по своимъ мраморамъ, бронзамъ и картинамъ, и подземнымъ сокровищамъ Помпеи. Школа Неаполитанская не почитается первою въ живописи, хотя она имѣла своихъ Сальваторовъ Розъ и Спаніолето, однако замѣчательна картинная галлерея музея; но лучшее его сокровище въ статуяхъ, ибо тамъ знаменитые мраморы, найденные въ термахъ Римскихъ Каракаллы: Геркулесъ и Флора Фарнезскіе, и цѣлая изящная группа Фарнезскаго быка, ведомаго на жертву, и еще другія ваянія, Аристидъ и Венера, которыя пользуются большою славою въ мірѣ искуствъ. — Я пробѣжалъ всѣ сіи сокровища, не имѣя времени долго останавливаться на каждомъ изъ нихъ, и потому не смѣю ихъ касаться въ моемъ описаніи.

Мнѣ хотѣлось посѣтить и берега Сициліи, чтобы видѣть Палерму, столь изящную

по своимъ храмамъ, которые удержали вполнѣ Византійскій характеръ; но безпрестанныя непогоды, хотя и въ Майскіе дни, воспрепятствовали мнѣ совершить это плаваніе, потому что море для меня невыносимо. Сердце влекло меня и въ дальній Бари, на противуположное поморіе Калабріи, чтобы тамъ поклониться мощамъ Святителя Николая, но и тутъ представились новыя препятствія: надобно было ожидать болѣе недѣли свободнаго мѣста въ почтовой каретѣ, для переѣзда черезъ дикія горы Калабріи, въ которыхъ не безопасенъ путь съ ветуринами; мнѣ же невозможно было отложить, еще на двѣ недѣли, отъѣздъ мой изъ Неаполя, потому что спѣшилъ въ Римъ, на праздникъ тѣла Господня, такъ какъ я хотѣлъ изучить всѣ его церемоніи, и до сихъ поръ сожалѣю, что не удалось мнѣ посѣтить Бари. Не могу однако же умолчать, о усердіи, для меня обличительномъ двухъ моихъ соотечественницъ, которыя въ прошломъ году совершили это путешествіе, къ общему изумленію всѣхъ Италіянцевъ. Двѣ крестьянки изъ Пензенской

губерніи, мать, лишенная владѣнія ногъ и двадцатилѣтняя дочь ея, однѣ отправились изъ Россіи на телегѣ въ одну лошадь, въ свое дальнее путешествіе, безъ денегъ и безъ языка, распрашивая такъ могли, гдѣ дорога въ Бари? такъ бывало въ средніе вѣка толпы крестоносцевъ спрашивали у проходящихъ: куда идти въ Іерусалимъ? Дочь правила лошадью и ходила за матерью, которую сама переносила изъ телеги въ гостинницу и изъ гостинницы въ телегу; денегъ онѣ не брали и не просили подаянія, но принимали съ благодарностію пищу для себя и кормъ для лошади, которая сдѣлалась членомъ ихъ малой семьи. Вездѣ принимали ихъ съ изумленіемъ и радушіемъ; кое-гдѣ надъ ними смѣялись, но покровительство Святителя, ради коего предприняли свой подвигъ, имъ сопутствовало, потому что однѣ, по самымъ опаснымъ мѣстамъ, достигли онѣ невредимо Неаполя, доказавъ на опытѣ, что можетъ вѣра. Тутъ посланникъ нашъ убѣдилъ ихъ оставить у него свою повозку, и далъ имъ средства ѣхать, въ почтовой каретѣ до Бари и обрат-

но. Онѣ возвратились благополучно и совершивъ данный ими обѣтъ, отправились опять, тѣмъ же образомъ, на родину. Какой трогательный примѣръ христіанской простоты и совершенной преданности волѣ Божіей, которую едва ли можно встрѣтить гдѣ либо, кромѣ какъ у нашего православнаго народа, вѣрнаго преданіямъ отеческимъ.

Не удостоившись самъ поклониться святымъ мощамъ Чудотворца, я долгомъ поставляю однако представить о нихъ тѣ свѣдѣнія, какія могутъ быть полезны моимъ соотечественникамъ, для удовлетворенія ихъ благочестивой ревности. Сутки почтовой ѣзды, между Неаполемъ и Бари, по горамъ и пустынямъ Калабріи: но надобно заблаговременно искать себѣ мѣста въ почтовыхъ каретахъ, которыя всегда наполнены. Сверхъ того необходимо получить въ Неаполѣ, отъ Нунція папскаго, писменное дозволеніе, чтобы быть допущеннымъ въ нижнюю церковь, къ самымъ мощамъ Святителя Николая: ибо она открывается только дважды въ годъ, во дни его празд-

нествъ, и богомольцы западные обыкновенно довольствуются тѣмъ, что воздаютъ поклоненіе верхнему олтарю. Но и въ нижней церкви св. мощи подъ спудомъ, и когда отверзаются створчатыя дверцы исподняго престола, видно только одно отверстіе надъ ракою чудотворца, какъ въ Салернѣ и Амальфи, на гробахъ Апостольскихъ. Сквозь самую раку проведена струя, подъ олтаремъ, и сію освященную воду вкушаютъ богомольцы; но никто не можетъ приложиться къ самымъ мощамъ великаго Чудотворца: такъ мало доступна на Западѣ святыня сія, столь близкая сердцу каждаго Православнаго и особенно Русскаго. — Ахъ, если бы она была у насъ!

Когда окончилъ я осмотръ всѣхъ окрестностей Неаполитанскихъ, мнѣ хотѣлось еще разъ послѣдовать влеченію моего сердца и посвятить остальные два дня на благочестивое странствованіе въ Амальфи. Достигнувъ по желѣзной дорогѣ до селенія Ночера, поѣхалъ я верхомъ, по новой дорогѣ мимо Хіонской башни, (torre di Chionza) стоящей на самомъ темѣ горъ, и чрезъ

долину Трамуни къ селенію Маіори, на поморіи Салернскомъ, а оттолѣ вдоль берега до Амальфи.—Дорога сія, одна изъ самыхъ живописныхъ по крутизнѣ утесовъ, къ которымъ приникла Норманская башня: отъ нее открывается вся благословенная долина Неаполя, у подножія дымящагося Везувія, и необъятное море съ роскошнымъ берегомъ Байй, до дальняго мыса Мизена. Не менѣе очаровательно самое ущелье Трамуни, отлого сбѣгающее къ заливу Салернскому; горный потокъ шумитъ во всю длину его, подъ сѣнію тополей и маслинъ, промежду разсѣянныхъ мѣльницъ и домовъ; кое-гдѣ мелькаютъ башни по скаламъ, и разбросанное селеніе срастается по немногу въ одинъ многолюдный городокъ Маіори, на самомъ берегу моря.

Достигнувъ Амальфи, я поспѣшилъ прямо въ соборъ. У высокой паперти встрѣтили меня, какъ уже давняго знакомца, сыновья проводника Милони, и самъ онъ, узнавъ о моемъ приходѣ, бросился догонять меня на верхнихъ ступеняхъ; меня тронуло его радушіе.—Взошедши въ храмъ,

я просилъ открыть мнѣ подземелье и оставить меня одного, надъ гробомъ Апостола. Тамъ, при слабомъ мерцаніи догоравшаго дня, на ступеняхъ гробоваго престола, прочелъ я канонъ Апостоламъ и тропарь Первозванному и, послѣ безмолвной молитвы, возвратясь въ храмъ, просилъ ризничаго показать мнѣ прочія святыя мощи и драгоцѣнности собора. Онъ удовлетворилъ моему желанію и я имѣлъ утѣшеніе приложиться къ священнымъ останкамъ великихъ Макарія и Василія, и къ части двухъ крестовъ Св. Апостоловъ Андрея и Петра, разнообразно распятыхъ за того же божественнаго Учителя. Вскорѣ началась вечерня, трогательная потому, что весь народъ вторилъ клиру подъ звуки органа, произнося молитву Господню, и Ave Maria; потомъ священникъ осѣнилъ всѣхъ святыми дарами и это благословеніе было весьма торжественно, посреди вечерней тишины собора.

«Какъ кстати вы опять пришли къ намъ, сказалъ мнѣ Милони; завтра услышите торжественную обѣдню надъ гробомъ Апосто-

ла, съ литіями въ честь его, что совершается только одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ; рано утромъ я разбужу васъ, чтобы идти въ соборъ.» На разсвѣтѣ другаго дня мы спустились опять въ подземелье, ярко освѣщенное для богослуженія. Весь клиръ соборный сошелся воедино, противъ престола, и по особенному благоволенію, Викарій Архіепископа приказалъ дать мнѣ мѣсто въ капитулѣ, между канониками, чтобы вмѣстѣ съ ними слушать обѣдню. Прежде нее начались литаніи, трогательныя молитвы Апостолу, которымъ также вторилъ народъ, подъ звуки органа, и я былъ потрясенъ до глубины души, внимая сему молитвенному гласу къ Первозванному, который призвалъ наше благословенное отечество на путь спасенія. Казалось все, что я мыслилъ и чувствовалъ, или хотѣлъ сказать, уже было высказано за меня въ сихъ молитвахъ:

«О блаженный Апостолъ Іисуса Христа! дивимся готовности и вѣрѣ твоего сердца, къ шествованію въ слѣдъ за твоимъ Божественнымъ Учителемъ; ибо по первому

зову его оставилъ ты всѣ заботы житейскія, даже до сѣтей, коими промышлялъ, для скудныхъ потребностей твоей жизни, и ты возложилъ всю свою надежду на Господа своего и Спасителя, который есть всеблагій и всепромышляющій, о всѣхъ къ нему притекающихъ; и въ самыхъ страданіяхъ крестныхъ ты ничего не желалъ болѣе, какъ соединиться со Христомъ твоимъ и Богомъ. — Молимъ тебя, дабы ты далъ и намъ познать, сколь ничтожно и преходяще все житейское, и сколь близокъ долженъ быть сердцу нашему Богъ нашъ: да одушевленные твердою вѣрою, всегда бы желали мы имѣть въ сердцѣ своемъ благодать Господа, который есть вѣрный путь нашъ на землѣ, истина наша и блаженная жизнь всякаго чистаго сердцемъ. Такимъ образомъ, отрѣшенные отъ міра, мы будемъ имѣть надежду послѣдовать за нимъ и въ царствіе небесное, сей вѣчный предметъ упованія душъ нашихъ.»

ПИСЬМО XVII.

Аббатство горы Касинской, возвращеніе въ Римъ, праздникъ тѣла Господня.

Оставалось не болѣе трехъ дней, до праздника тѣла Господня, и я спѣшилъ выѣхать изъ очаровательнаго Неаполя, гдѣ можно забыть на время всѣ заботы житейскія, посреди красотъ природы, располагающихъ душу и сердце къ сладкой дремотѣ, dolce far niente, какъ говорятъ Италіянцы. Какая разница съ строгимъ и суровымъ Римомъ, гдѣ все зоветъ васъ на подвигъ! — Понятно, что войско Аннибала могло утратить свое мужество въ доли-

нахъ Капуи, и что Римляне предались нѣгѣ, съ тѣхъ поръ какъ волшебный берегъ Байй сталъ убаюкивать, подъ шумъ своихъ волнъ, всемірныхъ обладателей, какъ дѣтей въ колыбели. Я выбралъ однако другую дорогу, для возвращенія въ Римъ, уже не вдоль поморія, но чрезъ Санъ-Жермано, потому что мнѣ хотѣлось посѣтить, въ горахъ Апенинскихъ, славное аббатство Венедиктинское, Monte Cassino. Мы наняли ветурина, такъ какъ нѣтъ сообщенія почтоваго по этому пути, но до Капуи ѣхали опять по желѣзной дорогѣ и, недалеко отъ сего города, посѣтили загородный дворецъ Королей Неаполитанскихъ, Казерту, основанный, на широкихъ Версальскихъ размѣрахъ, Карломъ III, въ которомъ еще кипѣла кровь Людовика XIV. Воспоминанія Франціи и величіе ея двора, во всей свѣжести переданы были ему отцемъ его Филиппомъ V, когда отдѣлилось, въ лицѣ его, королевство обѣихъ Сицилій отъ Испанскаго. Странно встрѣтить въ пустынныхъ равнинахъ Капуи, въ виду хребта Апенинскаго, пышный дворецъ, во вкусѣ

возрожденія съ правильнымъ садомъ и фонтанами и съ каскадою, которая падаетъ съ вершины горъ, на концѣ длинной аллеи, образуя собою пруды и каналы. Природа такъ избаловала все что только окружаетъ роскошное поморіе Неаполя, что рука искуства кажется излишнею, въ сихъ благословенныхъ краяхъ, и надобно было нарочно искать столь печальнаго мѣста, какова Казерта, куда пріѣзжалъ для охоты Карлъ III, чтобы употребить на него искуственныя украшенія, разсыпаемыя здѣсь даромъ, щедрою рукою природы. Казерта должна была напоминать, царственному выходцу Испаніи, мрачный дворецъ грознаго Филиппа II, Эскуріалъ, который изображалъ, своимъ чертежемъ, раскаленную рѣшетку Св. Архидіакона Лаврентія, и пустынною мѣстностію располагалъ къ глубокимъ думамъ.

При захожденіи солнца достигли мы Санъ-Жермано и не теряя времени, взяли верховыхъ лошадей, чтобы въ тотъ же вечеръ подняться на каменистую гору Кассинскую, пока еще не заключили воротъ

монастырскихъ. Я имѣлъ письмо къ аббату, отъ Нунція папскаго изъ Неаполя, и потому надѣялся быть принятымъ, не смотря на позднюю пору, хотя подымавшіеся въ одно время съ нами, монахи Венедиктинскіе увѣряли, что намъ не позволятъ провести ночь, подъ кровомъ обители. Вслѣдъ за нами затворились ворота, потому что уже совершенно смерклось, когда мы взошли подъ узкіе своды длинной галлереи, какъ бы подземной, которою проникаютъ въ неприступную отовсюду обитель.

При выходѣ изъ сего мрачнаго устья, открылся мнѣ первый величественный дворъ ея, съ колодеземъ посрединѣ и высокими вокругъ зданіями, слабо освѣщенный встающею луною. Покамѣстъ искали викарія, потому что самъ аббатъ, съ нѣкоторыми изъ братій, былъ въ Санъ-Жермано, на такъ называемомъ эпархіальномъ соборѣ, я просилъ ввести меня въ базилику, чтобы поклониться мощамъ Св. Венедикта; меня повели, по темнымъ длиннымъ переходамъ аббатства, гдѣ еще все дышало средними вѣками, въ обширный храмъ

тускло освѣщенный нѣсколькими лампадами. Исполненный невыразимаго чувства и невольнаго ужаса, я благоговѣйно сталъ на колѣна, предъ олтаремъ, гдѣ почіютъ мощи святаго основателя иночества на западѣ; мнѣ только слышны были, по мраморнымъ плитамъ, шаги отходящаго инока и, чрезъ нѣсколько минутъ, идущаго викарія, который ласково меня привѣтствовалъ, при гробѣ своего аввы, какъ бы отъ лица его, во мракѣ базилики. Онъ пригласилъ насъ въ гостинные покои, собралъ, для радушнаго пріема, всѣхъ оставшихся иноковъ, велѣлъ приготовить скромную трапезу и обѣщалъ показать обитель на слѣдующій день. Не смотря на утомленіе мы провели вечеръ, въ пріятной бесѣдѣ, съ ученымъ историкомъ сего славнаго аббатства, отцемъ Тости; намъ отвели для ночлега обширныя келліи, гдѣ отзывалось не жилымъ. Видно было, что не для такого убогаго числа иноковъ, строены были сіи царственныя палаты, ибо все было пусто вокругъ; я посмотрѣлъ въ окно: подъ нимъ была бездна; луна, выглянувъ изъ обла-

ковъ, освѣтила преисподнюю долину и окрестные верхи горъ, какъ бы гряду тучь, по которымъ она плавала. Казалось мы были сами въ нѣкоемъ волшебномъ замкѣ, занесенномъ на облака; воображеніе мое, исполненное лѣтописями крестовыхъ походовъ и романтическими легендами Вальтера-Скотта, представляло мнѣ, что я не только въ одномъ изъ тѣхъ замковъ, которые такъ живо описало перо его, но даже и въ томъ вѣкѣ, когда все то, что теперь для насъ одна лишь мечта поэзіи, еще было существенностію и часто весьма горькою въ настоящемъ, хотя очаровательна она сквозь завѣсу минувшаго. Долго не могъ я сомкнуть глазъ и наконецъ, заснулъ глубокимъ сномъ, подъ сѣнію Св. Венедикта.

Сей великій отецъ иночества на западѣ, замѣнилъ для него великихъ Антонія, Пахомія и Василія, потому что онъ далъ, въ шестомъ вѣкѣ, опредѣленные уставы общежитію монашескому; а дотолѣ иноки западные вели уединенную жизнь, болѣе по наслышкѣ и подражанію восточныхъ отшельниковъ, нежели по узаконенному пра-

вилу. Со времени же Св. Венедикта, написавшаго свои правила, по образцу Василіевыхъ, общежитіе узаконилось и можно сказать, что до Папы Иннокентія III, т. е. до XIII вѣка, который учредилъ нищенствующихъ и проповѣдующихъ братій Франциска и Доминика, орденъ Венедиктинскій, съ нѣкоторыми малыми измѣненіями, былъ почти единственный во всемъ западѣ. Онъ просвѣтилъ Христіанствомъ Англію и дикую Германію, и даже далъ ей образованіе внѣшнее, потому что сдѣлалъ плодородными ея дебри и дубравы; онъ сохранилъ остатокъ угасавшаго просвѣщенія въ Галліи и въ Италіи, ибо просвѣщеніе духовное и свѣтское, соединенное съ трудами рукъ, было постояннымъ занятіемъ сихъ первоначальныхъ иноковъ, много потрудившихся и заслужившихъ благодарность всей Европы.

Рано открылось, въ Св. Венедиктѣ, благословенное призваніе къ жизни иноческой, и еще отрокомъ вдался онъ руководству одного духовнаго наставника, именемъ Романа, спасавшагося въ уединеніи, который

заключилъ его, по собственному желанію, въ недоступной пещерѣ; тамъ провелъ будущій авва первые годы своего испытанія иноческаго, въ непрестанномъ постѣ и молитвѣ. Однажды, изнемогающій отъ голода найденъ былъ онъ въ пещерѣ, другимъ искателемъ безмолвія, и слава его добродѣтели разнеслась скоро по окрестности. Братія близь лежавшей обители пришли просить Венедикта, принять надъ ними начальство, не смотря на его юношескій возрастъ; но вскорѣ тягостнымъ показался имъ строгій надзоръ, за ихъ неблагочестивою жизнію, и они покусились отравою избавить себя отъ непріятнаго пастоятеля. Господь оградилъ избранника своего, ибо крестное знаменіе, сотворенное имъ надъ смертоносною чашею, разбило ее на части. Мирно разстался съ злоумышленниками Венедиктъ и снова удалился въ свое дикое ущелье Субіака, куда стали постепенно сходиться къ нему другіе, болѣе внимательные иноки; опять по неволѣ принялъ онъ начальство, и образовалъ около себя двѣнадцать малыхъ скитовъ, съ двѣнадцатью иноками

въ каждомъ; но и оттолѣ изгнала его зависть демонская, происками одного недостойнаго пресвитера. — Св. Венедиктъ, памятуя слово Апостольское: «благословляйте а не кляните,» которое соотвѣтствовало собственному его имени благословеннаго, удалился изъ любимаго своего убѣжища на высокую гору Кассинскую, гдѣ данъ былъ ему участокъ земли, однимъ благочестивымъ патриціемъ Римскимъ; тамъ вступилъ въ ратоборство уже не съ людьми, но съ демонами, опрокинувъ древнее капище Аполлоново, и соорудилъ на мѣстѣ его малую церковь во имя Крестителя, а самъ поселился подлѣ, въ убогой келліи. Опять собралась вокругъ него братія, жаждущая спасенія, и на сей разъ онъ написалъ для нее строгій уставъ свой, послужившій зерцаломъ иноческой жизни для всего запада. Онъ раздѣлилъ, на три семьи, духовныхъ чадъ своихъ, дабы ввѣряемые ему отроки, имѣющіе нужду въ начальномъ образованіи, послушники, готовящіе себя къ подвигамъ, и уже испытанные иноки, могли не смѣшиваясь между собою идти свойственною имъ

стезею, сходно съ различными степенями усовершенствованія; вмѣстѣ съ подвигами молитвенными учредилъ онъ полезныя работы, земледѣліе, ремесла и занятія книжныя, дабы просвѣщеніе духовное шло наравнѣ съ свѣтскимъ, для пользы другихъ, нуждающихся въ спасительномъ словѣ, а между тѣмъ ручныя работы не давали бы мѣста праздности.

Когда процвѣла такимъ образомъ Кассинская обитель, отовсюду, изъ ближнихъ и дальнихъ странъ, стали обращаться въ нее, за настоятелями и наставниками духовными; Св. авва, хотя и съ соболѣзнованіемъ, рѣшился отпустить двухъ изъ своихъ лучшихъ питомцевъ, Плацидія въ Сицилію и Мавра во Францію, которые въ свою чреду послужили тамъ разсадниками ордена и ученія духовнаго; по всей Италіи распространилось благочестивое сѣмя горы Кассинской; но земля сія горько страдала опустошаемая оружіемъ Готѳовъ. Тотилла, Царь ихъ, воевалъ съ Греками, въ южныхъ предѣлахъ, и наслышавшись о великомъ аввѣ, хотѣлъ испы-

тать его прозорливость. Онъ предпослалъ ему оруженосца, въ своей багряницѣ: но обличенный старцемъ самъ пришелъ пасть къ ногамъ его и, вмѣстѣ съ назидательнымъ словомъ, услышалъ строгій урокъ за жестокость и предсказаніе о кончинѣ. Умилился варваръ и удержалъ мечь свой надъ Неаполемъ.

Святому аввѣ, открыто было, въ таинственномъ видѣніи, близкое раззореніе, предстоявшее обители послѣ его смерти, и онъ предсказалъ это братіямъ, вымоливъ заблаговременно спасеніе всѣхъ ихъ, отъ меча варварскаго. Блаженная сестра его Схоластика, воспитанная съ нимъ въ одномъ духѣ благочестія, учредила также обитель инокинь, у подошвы горы и не болѣе одного раза въ годъ, сходились они, для духовной бесѣды. Однажды буря удержала брата ея въ храминѣ, гдѣ бесѣдовали о вѣчной жизни, и такъ протекла послѣдняя ночь, въ ихъ духовной бесѣдѣ. Они простились на землѣ, для свиданія на небѣ, ибо Схоластика скончалась спустя нѣсколько дней, и нѣжно

любившій братъ похоронилъ ее, въ своей горной обители, въ приготовленномъ для себя гробѣ, въ которомъ и самъ скоро былъ положенъ безутѣшною братіею. Это было въ 547 году, а 48 лѣтъ спустя исполнилось, надъ обителью Св. Венедикта, предвидѣнное имъ раззореніе Лонгобардское. Всѣ иноки спаслись бѣгствомъ въ Римъ, оставивъ мощи своего основателя неприкосновенными, подъ главнымъ престоломъ опустѣвшей церкви, но взявъ съ собою однако его уставъ и нѣкоторую утварь, и такимъ образомъ сто лѣтъ укрывались, подъ сѣнію базилики Латеранской; тамъ учредилъ ихъ Папа Пелагій, и оттолѣ великій Григорій сталъ разсылать ихъ для проповѣди евангельской. Григорій II, ревностный къ памяти блаженнаго аввы, послалъ архимандрита Петронія возстановить его обитель, въ 713 году: съ тѣхъ поръ она устояла, на дикой горѣ своей, не смотря на новое ея раззореніе Сарацинами, въ 875 году, и на долгую бурю Норманскую, Ангевинскую и Аррагонскую, которая около нее бушевала, въ теченіи многихъ сто-

лѣтій, когда Императоры Германскіе и Короли Неаполитанскіе состязались между собою, у подножія горы Кассинской, и она была залогомъ ихъ побѣдъ.

Уже при самомъ началѣ обновленной обители, великіе міра сего сдѣлались ея иноками или благодѣтелями. Ратхисъ, Король Лонгобардовъ, и Карломанъ, Король Франковъ, постриглись въ стѣнахъ ея, промѣнявъ земное величіе на рясу иноческую; Гизульфъ, Лонгобардскій Герцогъ Беневента, одарилъ ее обширными землями, такъ что аббаты Кассинскіе сдѣлались первыми феодальными баронами будущаго королевства Норманскаго; но это мірское обладаніе заставило ихъ въ послѣдствіи, отступить отъ первобытной простоты временъ Венедикта и, съ оружіемъ въ рукахъ. защищать свое наслѣдіе. Императоръ Карлъ великій, получивъ вѣнецъ Кесарей въ Римѣ, посѣтилъ знаменитое аббатство, гдѣ спасался его дядя Карломанъ, и умножилъ привиллегіи обители, которыя были уважены и его преемниками; часто аббаты Кассинскіе были посредниками въ

долговременной распрѣ, возникшей между Папами и Кесарями Германскими. Пандольфъ, Князь Салерна, сдѣлавшись инокомъ въ обители, возстановилъ ее своими богатствами, послѣ раззоренія Сарацинскаго, и второй Оттонъ, Императоръ, оградилъ ее опять своимъ покровомъ. И Греческій Императоръ, Костантинъ Мономахъ, осыпалъ богатыми дарами обитель, во время переговоровъ своихъ, съ посланниками Папы Льва IX, который особенно ей покровительствовалъ. Орудіе новыхъ пришельцевъ Норманскихъ, могло бы сдѣлаться, для Кассинской горы, столь же пагубнымъ какъ и Лонгобардское; но иноки Венедиктинскіе умѣли обратить оное въ свою пользу и, по зову одного изъ нихъ, славнаго Гильдебранда, который вступилъ на каѳедру Римскую подъ именемъ Григорія VII, завоеватель Робертъ Гвискардъ объявилъ себя защитникомъ Первосвященника и обители, противъ негодованія Императора Генриха IV.

Петръ Даміанъ, прославленный свято-

стію своей жизни на западѣ, принадлежалъ къ ордену Венедиктинскому; онъ и знаменитый аббатъ Дезидерій, были истинными столпами церкви Западной, въ бурную эпоху одиннадцатаго вѣка: многіе Папы избирались изъ числа иноковъ Св. Венедикта, осыпая обитель своими милостями: Александръ II освятилъ ея новую церковь, самъ Дезидерій взошелъ на каѳедру Римскую, подъ именемъ Виктора III. Урванъ II, двигатель крестовыхъ походовъ, былъ также питомцемъ С. Венедикта, и съ его аббатами переписывался Императоръ Алексій Комнинъ, когда волны крестоносцевъ наводнили Востокъ; всѣ тѣ, которые шли чрезъ Италію, подымались на гору Кассинскую, для благословенія своему ратному подвигу. Папа Геласій II, Венедиктинецъ, пострадалъ за Церковь, отъ гоненій Императора Генриха V, и много потерпѣла обитель отъ его жестокостей, при завоеваніи королевства Неаполитанскаго. Однако, только съ помощію ея аббата Рофрида, водворилось въ Сициліи владычество Германское и отрокъ Фридрихъ укрѣпился на тронѣ; но

и онъ, возмужавъ, нанесъ многія скорби наслѣдію Св. Венедикта, во время своихъ междоусобій съ Папою, ибо обитель переходила отъ одного къ другому. Въ эту бѣдственную для нея эпоху процвѣталъ, въ стѣнахъ ея, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ Запада, Ѳома Аквинскій, отъ котораго, какъ предполагаютъ нѣкоторые, осталась намъ душеспасительная книга: о подражаніи Христу. Но уже нравственная сила ордена упала, потому что новые монашествующіе, ордена Франциска и Доминика, сдѣлались главными двигателями умовъ, болѣе сообразуясь съ грубыми потребностями своего вѣка, и слава горы Кассинской стала примѣтно увядать, посреди бѣдствій внѣшнихъ, ее одолѣвавшихъ.

Въ виду славнаго аббатства, у подножія горы Кассинской, произошла жестокая битва Короля Карла, съ юнымъ Конрадиномъ, которая передала наслѣдіе Императора Фридриха династіи Ангевинской, и стоила потомъ жизни царственному юношѣ. Аббатъ Бернардъ принялъ сторону пришельцевъ Франціи и былъ

употребленъ ими, въ дѣлахъ государственныхъ; Папою же Григоріемъ X посыланъ, для переговоровъ о соединеніи Церкви, съ Императоромъ Михаиломъ Палеологомъ. Вскорѣ страшное землетрясеніе опрокинуло соборъ и стѣны аббатства, въ 1349 году, и надобны были всѣ усилія ревностнаго Папы Урвана V, для возстановленія обители изъ ея развалинъ. Онъ заботился о возобновленіи прежняго благоговѣйнаго житія иноковъ, утраченнаго въ бурѣ протекшихъ бѣдствій. Папа Григорій XI послѣдовалъ его примѣру, съ помощію аббата Петра; но это былъ послѣдній изъ знаменитыхъ настоятелей обители, до ея преобразованія. Внутреннія смятенія въ королевствѣ Неаполитанскомъ и вражда дома Аррагонскаго противъ Ангевинскаго, которому оставались вѣрными аббаты, подвергли новымъ бѣдствіямъ обитель. Завоеватель Альфонсъ, овладѣвъ престоломъ, уничтожилъ избраніе настоятелей, изъ числа иноковъ Венедиктинскихъ, и испросилъ у Папы обитель Кассинскую, въ видѣ аренды, для заочнаго управленія, своему пріятелю, бывшему Па-

тріарху Аквилейскому. Вслѣдъ за нимъ, другіе державные блюстители, овладѣли достояніемъ Св. Венедикта, въ числѣ ихъ самъ Папа Павелъ II, и малолѣтній сынъ Короля Неаполитанскаго, и Медицисъ, будущій Папа Левъ IX. Съ трудомъ могли умолить его иноки, за большую сумму денегъ, отказаться отъ правъ своихъ въ пользу аббатовъ, когда взошелъ онъ на Римскую каѳедру, и возстановить прежній порядокъ.

Нашествіе Карла VIII, Короля Франціи, подвергло аббатство осадѣ знаменитаго вождя, Гонзальва Кордубскаго, который опять завоевалъ королевство дому Аррагонскому. Но, въ началѣ XVI вѣка, произошло коренное преобразованіе во внутреннемъ устройствѣ обители. Всѣ монастыри ордена Венедиктинскаго соединены были въ одну конгрегацію Св. Іустины, воспріявшую имя свое отъ монастыря Падуанскаго, и уже аббаты перестали быть пожизненными, но смѣнялись каждые три года, избираясь изъ числа братіи. Перемѣна сія, спасительная для чистоты нравовъ, уронила однако вліяніе настоятелей, по крат-

кости ихъ управленія. Не смотря на то, шестнадцатый вѣкъ, прославленный именемъ Медицисовъ, ознаменовался и въ древней обители Св. Венедикта, возрожденіемъ наукъ и искуствъ, и всѣ лучшія зданія аббатства носятъ отпечатокъ сей щастливой эпохи. Словесность Латинская и Греческая и богословіе сдѣлали тамъ большіе успѣхи, и лучшіе изъ богослововъ Тридентинскаго собора были изъ числа иноковъ Венедиктинскихъ. Толпа богомольцевъ хлынула опять на гору Кассинскую. Многимъ обязана обитель, во внѣшнемъ украшеніи своемъ, аббатамъ Скварчіалупѣ, Сангрину и Квезадѣ, которые совершенно обновили ея зданія. Въ 1637 году, при перестройкѣ главнаго собора, обрѣтены были, подъ главнымъ олтаремъ, мощи Св. аввы Венедикта и сестры его Схоластики; но освященіе храма совершилось только въ 1727 году; самъ Папа Венедиктъ XIII хотѣлъ въ немъ участвовать, по примѣру одного изъ своихъ предшественниковъ Александра II, освятившаго первоначальную церковь, въ XI вѣкѣ. Это было послѣднее тор-

жество обители, достойное первыхъ дней ея. — Въ исходѣ того же столѣтія оружіе Французовъ опять расхитило ея сокровища, какъ во дни варварскіе Лонгобардовъ, Сарациновъ и Норманновъ, и съ тѣхъ поръ, хотя изглажены слѣды опустошенія, но уже не возставала прежняя слава обители; она лишилась всѣхъ своихъ земель и преимуществъ, и даже стояла многіе годы въ запустѣніи. Теперь не болѣе двадцати иноковъ ее населяютъ, слабый остатокъ древней славы горы Кассинской.

На слѣдующее утро я воспользовался, для осмотра обители, краткимъ временемъ, которое могли мнѣ удѣлить иноки Венедиктинскіе, спускавшіеся на соборъ въ Санъ-Жермано, и какое самъ я могъ употребить, чтобы ночь не застигла меня дорогою, прежде назначеннаго ночлега, въ городкѣ Ферентино. Мы взошли опять въ базилику, которая хотя и не сохранила древняго своего образа, ибо послѣ землетрясенія перестроена была въ новѣйшемъ вкусѣ, однако изумительна обширностію и

красотою. Десять пиластръ, съ гранитными столбами, поддерживаютъ ея раззолоченные своды, и десять придѣловъ или капеллъ, углубляются по обѣимъ сторонамъ, не стѣсняя собою величественнаго храма. Одинъ изъ нихъ, по обычаю, посвященъ Св. тайнамъ, другой царственному иноку Карломану, съ мощами его подъ олтаремъ. Лучшіе художники, школы Неаполитанской, расписали своды подвигами Св. Венедикта. Коризій, жестокій гонитель своихъ соперниковъ, и Солименъ, состязались другъ передъ другомъ, но ихъ одолѣлъ Жіордано, великолѣпною своей картиной, освященія базилики Кассинской, Папою Александромъ II, которая занимаетъ всю заднюю стѣну. Мѣсто хора, или главнаго олтаря, возвышено надъ мраморнымъ помостомъ и осѣнено отдѣльнымъ куполомъ, блистающимъ золотомъ и фресками. Подъ спудомъ великолѣпнаго престола почиваютъ мощи Св. аввы Венедикта и сестры его Схоластики, которыя чудесно сохранились посреди столькихъ разрушеній аббатства. Мы опять преклонили съ умиленіемъ колѣна у олта-

ря; священникъ подходилъ къ нему для начатія литургіи, и сѣдой старецъ, невѣдомый отшельникъ, посвятившій всю свою жизнь на молитву, стоялъ на колѣняхъ у престола, какъ тѣнь его минувшихъ иноковъ.

По обѣимъ сторонамъ главнаго престола устроены въ самомъ хорѣ, двѣ великолѣпныя гробницы, весьма однако неумѣстныя, подлѣ святыхъ мощей. Одна изъ нихъ сооружена, по волѣ Папы Льва X, въ честь брата его Петра Медициса, убитаго на сраженіи недалеко отъ обители; она не пощадила своихъ сокровищъ, чтобы удовлетворить требованію главы церковной, который былъ нѣкоторое время и ея настоятелемъ. Художникъ Санъ-Галло, одинъ изъ зодчихъ базилики Св. Петра, былъ творцемъ сего роскошнаго мавзолея. Другой памятникъ, напротивъ его, устроенъ, въ честь послѣдняго изъ рода Капуановъ, Гвидона Фіерамоски, вдовою его, изъ владѣтельнаго дома Кастріотовъ: не смотря на изящность ваяній, странно видѣть два тлѣнныхъ праха, вознесенными по сторо-

намъ главнаго престола, выше святыхъ мощей, почіющихъ подъ спудомъ въ томъ отдѣленіи храма, которое собственно посвящено на совершеніе безкровной жертвы; но это безпрестанно встрѣчается въ церквахъ Римскихъ. Изящною, хотя и миѳологическою рѣзьбою, изваяно все сопрестоліе горняго мѣста; посреди него стоялъ столь же витіеватый налой, орѣховаго дерева, съ колоссальнымъ на немъ служебникомъ, который написанъ золотыми буквами и украшенъ драгоцѣнною живописью по пергаменту; такими писменами особенно славится обитель. Великолѣпный органъ ея поставленъ надъ горнимъ мѣстомъ, и мы еще успѣли услышать до литургіи его гармоническіе звуки; потомъ спустились, въ подземную церковь, посвященную святымъ брату и сестрѣ, подъ самымъ ихъ гробомъ, и блаженнымъ ученикамъ аввы, Плацидію и Мавру: но къ сожалѣнію сырость испортила ея замѣчательныя фрески, которыя приписываютъ Марку Сіенскому.

Рядомъ съ церковью находится библі-

отека, знаменитая своими рукописями и граматами, хотя она менѣе той, которая собрана въ Венедиктинской обители Кавы. Самая древняя рукопись принадлежитъ шестому вѣку: это толкованія Оригена на посланіе къ Римлянамъ, 563 года, писанная въ Неаполѣ пресвитеромъ Донатомъ. Древнѣйшій дипломъ, 884 года, данъ обители Лонгобардскимъ Княземъ Беневента, Аіономъ. Есть и замѣчательный списокъ божественной комедіи Данта, XIII вѣка, ему современный, весь исчерченный варіянтами и справками, какъ будто сама рука великаго поэта его коснулась. Есть и два мало извѣстныхъ письма: одно Султана Магомета II къ Папѣ Николаю V, въ которомъ онъ величаетъ себя царемъ царей, и государемъ государей, а Папу намѣстникомъ Іисуса Христа, распятаго Евреями, и проситъ его не возбуждать противъ него ополченія Христіанъ, обѣщая сдѣлаться Христіаниномъ, когда подступитъ съ войсками къ Риму; другое — отзывъ Папы, который, называя себя рабомъ рабовъ Божіихъ, привѣтствуетъ Магомета, владыку Турокъ и князя невѣрныхъ,

и объясняетъ ему, что долгъ пастыря защищать свое стадо. Викарій аббата, принадлежавшій къ знаменитой фамиліи Шотландской Дугласовъ, которой отрасль переселилась въ Миланъ, показывалъ мнѣ рѣдкости архива Кассинскаго, и далъ мнѣ новую ея замѣчательную исторію, писанную однимъ изъ ея иноковъ.

Мы прошли опять черезъ соборъ, въ его величественное преддверіе, и здѣсь, въ полной славѣ, открылась вся красота обители, вознесенной какъ орлиное гнѣздо, на дикой вершинѣ Апенина. Наружный портикъ напомнилъ мнѣ новѣйшіе портики базиликъ Римскихъ; но то, чего я не видѣлъ въ Римѣ, и что по истинѣ великолѣпно,— это широкая паперть, о сорока ступеняхъ, ведущая въ преддверіе храма, и три обширные двора, обнесенные арками, съ терасами поверхъ ихъ, которые широко раскинулись предъ входнымъ портикомъ; средній еще простирается далѣе боковыхъ, подъ иныя аркады, образуя другую площадь, которая кончается обрывомъ скалы Апенинской. Такъ строились, въ

древніе вѣка Христіанства, всѣ базилики, чтобы пространство предъ храмомъ могло служить мѣстомъ народныхъ собраній, которыя старались отстранять отъ языческихъ торжищь, и это называлось парадисисъ или рай, какъ бы преддверіе царства небеснаго. Парадисы Ватикана, Латерана и базилики Павловой, уничтожены новѣйшими зодчими, но Кассинскій удержалъ древнюю форму и самое имя. Пріятно смотрѣть, изъ самой глубины двора, на стройныя линіи перекрестныхъ аркадъ, и на высокую паперть и крыльце самаго преддверія, у подножія коихъ стоятъ два мраморныя изваянія: святаго аввы Венедикта и сестры его Схоластики; кругомъ всего портика поставлены статуи Папъ, благодѣтельствовавшихъ обители или изшедшихъ изъ ея лона: Александра II, освятившаго первый храмъ, Григорія VII, Виктора III, бывшаго аббата Дезидерія, двухъ Урвановъ, II и V, который возстановилъ ее изъ развалинъ, Григорія X, Венедикта XIII, и еще другихъ, имена коихъ не помню. — По срединѣ двора, такъ же по примѣру первобыт-

ныхъ преддверій Христіанскихъ, ископанъ въ камнѣ глубокій колодезь, украшенный двумя Коринѳскими столбами, и источаетъ живыя воды для обители. Все это чудное зданіе, аркадъ и портиковъ, носитъ отпечатокъ лучшей эпохи возрожденія искуствъ, и принадлежитъ геніальному Браманте, первому зодчему базилики Петровой; ему поручилъ дѣло сіе знаменитѣйшій между новыми аббатами Кассинскими, Игнатій Скварчіалупа, напитавшійся самъ духомъ изящнаго, на своей родинѣ Флоренціи, въ золотой вѣкъ Медицисовъ.

Когда мы взошли, на верхъ крайней терасы рая Кассинскаго, и обратили взоры, отъ зрѣлища обители, въ открывшуюся предъ нами долину: роскошное твореніе рукъ человѣческихъ забыто было, предъ дивнымъ созданіемъ Божіимъ. Вся глубокая необъятная долина, между двумя хребтами Апеннинскими, раскинулась предъ нами, въ недосягаемой глубинѣ, испещренная рыцарскими башнями, городами и селеніями и зелеными рощами или садами: по истинѣ она была достойна своего наз-

ванія, Campania felice, или блаженныхъ полей, и того рая, съ вершины коего она представлялась; ибо конечно это одинъ изъ очаровательныхъ видовъ, которые могли открываться восхищеннымъ взорамъ, съ выспренней горы Эдема, на цвѣтущую его невинностію землю. Величественныя вершины дальнихъ горъ, застилавшихъ поморіе Неаполя, раскинулись вдали грядою облаковъ, и сосѣднія скалы Апеннина, прилегавшія къ самой обители, смиренно склонялись къ ея подножію, какъ каменистая каѳедра Св. Венедикта, гдѣ онъ ступилъ на иноческую проповѣдь всему Западу. Видѣнъ былъ, въ развалинахъ, убогій скитъ одного изъ царственныхъ его послѣдователей, Короля Лонгобардскаго Ратхиса, недалеко отъ того креста, который водрузилъ самъ блаженный авва, при начальномъ основаніи обители, въ знаменіе того, что восприялъ онъ дикую гору сію, въ свое мирное обладаніе. Существуетъ еще малая церковь, съ древними мозаиками, и самая келлія, гдѣ обиталъ Св. Венедиктъ въ башнѣ; она и доселѣ служитъ един-

ственнымъ входомъ въ его обитель, ибо только, подъ сѣнію Св. аввы, можно въ нее проникнуть, и нельзя изъ нее выдти безъ его благословенія.

Благосклонный викарій, проводивъ меня за врата аббатства, предложилъ вмѣстѣ спуститься съ каменистой горы, до городка Санъ-Жермано и, удовлетворивъ сперва моему любопытству о Венедиктинскомъ орденѣ, въ свою очередь, сталъ предлагать мнѣ вопросы о Востокѣ. Онъ изумился, услышавъ отъ меня, что я не принадлежу къ Церкви Римской. «Я бы ни какъ не могъ этого подумать, сказалъ онъ, видя съ какимъ благоговѣніемъ вы покланялись всему, что для насъ священно, и святымъ тайнамъ, и мощамъ нашего аввы, и кресту имъ водруженному».—«Но развѣ вы не почитаете насъ за Христіанъ? отвѣчалъ я. Основатель вашей обители въ ликѣ Святыхъ нашихъ, а таинство тѣла и крови Христовой, и крестное его знаменіе, мы чтимъ одинаково съ вами».— «Въ чемъ же разница?» спросилъ опять викарій, и около насъ собралось нѣсколько иноковъ, предъ

которыми мнѣ вовсе не хотѣлось вступать въ прѣніе, чтобы не испортить тѣхъ благопріятныхъ впечатлѣній, съ которыми мы разставались. По щастію мы стояли уже надъ самымъ городомъ и тутъ раздѣлялись наши дороги; я имѣлъ только время отвѣчать: «первоначальная разница состоитъ въ главенствѣ Папы, который превозгласилъ себя намѣстникомъ Христовымъ и вселенскою главою Церкви, когда православная Церковь признаетъ въ немъ только Епископа Римскаго и Патріарха всего запада; но время не позволяетъ намъ разсуждать объ этомъ предметѣ. — Вы видите, стезя наша раздѣляется предъ нами: каждый пусть идетъ своею и молитъ о спасеніи другаго; мнѣ же всегда останется сладкое впечатлѣніе моего краткаго пребыванія въ обители Св. Венедикта.» — Такъ мы разстались, и я поспѣшилъ оставить Санъ-Жермано, потому что солнце уже было высоко, а намъ предстоялъ еще продолжительный путь до ночлега.

Въ городкѣ Чепрано, въѣхали мы опять въ папскія владѣнія, и подверглись непрі-

ятному осмотру таможни. Ѣзда съ ветуриномъ довольно спокойна, но утомительна медленностію; при малѣйшей горѣ, а ихъ много по этой дорогѣ, онъ спускается и подымается шагомъ и, если продолжаются нѣсколько горъ сряду, впрягаетъ воловъ, которые ожидаютъ гдѣ нужно путешественниковъ, съ своими полудикими погоньщиками. Мѣста живописны, горы и долины покрыты виноградниками, вдали на высотахъ раскинуты бѣлые города и селенія, и висятъ на скалахъ Лонгобардскіе и Норманскіе замки, теперь уже упраздненные съ упадкомъ феодальнаго быта. При захожденіи солнца достигли мы красиваго городка Фрозиноно, на вершинѣ горы, и любовались его живописною мѣстностію и патріархальною сценою его горожанокъ, возвращавшихся отъ фонтана, съ водоносами на головѣ, въ своихъ оригинальныхъ одеждахъ, которыя придаютъ имъ много красоты; нѣчто Римское, напоминающее древнія статуи, отзывалось въ ихъ гордой осанкѣ и смѣлой поступи, и стройные водоносы, поверхъ ихъ бѣлаго покрывала, дѣлали поэтическими

самыя обыкновенныя лица. Совершенно смерклось когда мы достигли города Ферентино, укрѣпленнаго древнимъ замкомъ.

Рано утромъ опять пустились въ путь и привалъ нашъ былъ въ очаровательномъ мѣстечкѣ, Валь-монтоне, которое представляется, какъ цвѣтущій оазисъ, посреди пустыни Римской, ибо по мѣрѣ приближенія къ вѣчному городу, все замираетъ вокругъ и предѣлы его знаменуются опустошеніемъ. Напротивъ того Валь-монтоне, весь въ оврагахъ и рощахъ, напоминающихъ наши Подольскія и Волынскія урочища. Мѣсто принадлежитъ фамиліи Доріа; ихъ опустѣвшій дворецъ съ придворною церковью, на вершинѣ холма, свидѣтельствуетъ доселѣ о феодальномъ величіи сего рода. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онъ былъ оживленъ своими княжескими владѣльцами; потолки расписаны лучшею кистію, но стѣны обнажены и нѣтъ рамъ въ окнахъ, изъ которыхъ открываются во всѣ стороны дальніе виды, къ Палестринѣ, Ананьи и Ферентино; это одна изъ лучшихъ окрестностей Римскихъ. Послѣ гу-

стаго лѣса Вальмонтоне, раскинулась опять передъ нами необъятная пустыня и показался вдали Римъ, уже на этотъ разъ не чуждый мнѣ, какъ при начальномъ моемъ въѣздѣ, потому что вся его поэтическая древность и святыня были мнѣ знакомы, и сердце мое довольно наслаждалось ими. Я вспоминалъ поэтическія строфы Байрона:

«О Римъ! моя страна, градъ для души! осиротѣвшіе должны идти къ тебѣ, пустынной матери умершихъ царствъ, и горе мелкое подавить въ своей груди! — Что наши бѣдствія и горе? — здѣсь взгляни на кипарисы, слушай крики совъ, и пролагай себѣ стезю, по мраморнымъ ступенямъ храмовъ и престоловъ, — ты, котораго всѣ муки, только злоба одного дня. Здѣсь цѣлый міръ у ногъ твоихъ, міръ столь же бренный какъ и ты!

«Народовъ Ніобея здѣсь стоитъ, безъ чадъ и безъ вѣнца, въ безмолвномъ горѣ! Пустая урна въ высохшихъ рукахъ, которой прахъ давно уже разсѣянъ! Нѣтъ больше пепла въ гробѣ Сципіона; героями могилы оскудѣли, и праздны нынѣ! Древній

Тибръ, тебѣ ль еще сквозь мраморную течь пустыню?—встань, желтою волной покрой ея позоръ!

«И Готѳъ и Вандалъ, время, мечь, огонь и воды, натѣшились надъ семихолмной славой! Гасла слава, какъ за звѣздой звѣзда, и кони варварскихъ Царей топтали стезю побѣдныхъ колесницъ на Капитолій; капища и башни, все широко уравнялось въ хаосѣ развалинъ! — Кто мракъ его разсѣетъ луннымъ свѣтомъ? кто, сквозь ночь сію, отважно скажетъ: здѣсь иль тамъ!»

Вратами Латеранскими, мы выѣхали въ Неаполь, и ровно чрезъ три недѣли возвратились въ Римъ, дорогою Палестринскою, чрезъ врата Великія; но уже на сей разъ я остановился, не на высотахъ Квиринальскихъ, а у самой подошвы Пинчіо, близь воротъ Народныхъ, въ великолѣпной гостинницѣ Россія, которая манитъ къ себѣ единоземцевъ нашихъ, именемъ своимъ и роскошнымъ устройствомъ. Все готовилось въ Римѣ къ празднику тѣла Господня; это одно изъ самыхъ великихъ торжествъ духовной столицы Запада, и съ чрезвычай-

ною пышностію продолжается цѣлую недѣлю, ибо Первосвященники хотѣли какъ можно сильнѣе, внѣшними обрядами, вкоренить въ народѣ уваженіе къ Св. тайнамъ, которое начинала потрясать ересь. Урванъ IV установилъ, въ 1264 году, ежегодное празднованіе тѣла Господня, въ первый четвертокъ послѣ недѣли всѣхъ Святыхъ, и поручилъ лучшему изъ богослововъ западныхъ, Ѳомѣ Аквинскому, составить для него приличные гимны, а преемники его, обильными индульгенціями, возбуждали усердіе Христіанъ къ сему торжеству; но оно не всегда совершалось въ Римѣ одинаковымъ образомъ, и не въ однихъ и тѣхъ же храмахъ: базилика Петрова была избрана въ послѣдствіи, какъ самая великолѣпная и удобная, по своей обширной площади, для крестнаго хода. Самые Папы участвовали въономъ сперва, каждый по своему произволу; иные несли Св. таины пѣшкомъ, ради большаго смиренія, другіе, весьма неприлично, верхомъ. Съ половины же XVII вѣка ихъ носятъ, на такъ называемомъ thalamo или одрѣ, и одинъ только смирен-

ный Венедиктъ XIII, изъ числа всѣхъ своихъ преемниковъ и послѣдователей никогда не позволялъ себѣ носить Св. тайны иначе какъ пѣшкомъ.

Такъ силенъ однако деспотизмъ обрядовъ и обычаевъ въ Римѣ, что нынѣшній Папа, который не можетъ переносить сего церемоніала, страдая на носилкахъ какъ бы на кораблѣ, долженъ былъ скорѣе отказаться отъ участія въ торжествѣ, подъ предлогомъ болѣзни, нежели позволить себѣ идти пѣшкомъ со святыми дарами, противъ узаконеннаго порядка; по сей причинѣ мнѣ не случилось видѣть процессіи во всемъ ея блескѣ, ибо группа папская, съ тѣмъ что ее окружаетъ, составляетъ для глазъ лучшее украшеніе хода. Я слышалъ однако что весьма странно положеніе Папы на выспреннемъ одрѣ его: предъ нимъ поставленъ великолѣпный налой, на которомъ утвержденъ потиръ со св. агнцемъ. Папа долженъ стоять на колѣняхъ у налоя, съ обнаженною главою, и руками будтобы держать потиръ, по выраженію обрядовыхъ книгъ: такъ все театрально въ Римѣ, (Pre-

cis des ceremonies papales p. 213). Руки его поддержаны крѣпкими ремнями, но въ сущности онъ сидитъ на потаенной скамьѣ, которая закрыта широкою его мантіею, и сзади даже сдѣланы подложныя ноги, чтобы казалось народу, будто пастырь его стоитъ на колѣняхъ, предъ тѣломъ Господа Іисуса Христа. Кого же хотятъ тутъ обманывать? — страшно подумать до чего завлекается представительность обрядовая въ Римѣ! Но тамъ это необходимая потребность; надобно удовлетворить пышностію обрядовъ, не только народъ, который этимъ держится въ повиновеніи, но и чужестранцевъ, для сего стекающихся, которые питаютъ своими деньгами народъ, ибо одни ѣздятъ для климата, другіе для искуствъ, но большая часть для церемоній папскихъ, и Римъ безъ Первосвященника опустѣетъ,

На другой день нашего пріѣзда, все народонаселеніе устремилось, какъ въ первый день Пасхи, на площадь Ватиканскую, чтобы заблаговременно занять для себя мѣста, ибо въ Римѣ, не такъ какъ у насъ, идутъ на крестный ходъ; тамъ ходятъ смотрѣть

его и покупаютъ мѣста по билетамъ; всѣ окна на площадь отдаются въ наймы. Крытая деревянная галлерея, убранная цвѣтами, устроена вдоль домовъ, ограждающихъ нижнюю часть площади, и въ этой галлереи стоятъ въ три ряда стулья, ибо тутъ долженъ идти ходъ, отъ царскаго крыльца Ватиканскаго, сперва подъ каменнымъ портикомъ и колоннадою, а потомъ подъ симъ навѣсомъ опять до портика: такимъ образомъ Св. дары, поднятыя съ олтаря церкви Сикстовой въ Ватиканѣ, переносятся торжественно на олтарь горняго мѣста базилики Петровой, гдѣ потомъ совершается литургія однимъ изъ Кардиналовъ. Здѣсь можно видѣть всѣ монашескіе ордена западные и все духовенство черное и бѣлое; потому что всѣ они участвуютъ въ крестномъ ходѣ, и такимъ образомъ полная картина среднихъ вѣковъ и всеоружія папскаго, постепенно умножавшагося, въ самую могущественную эпоху власти ѳеократической, внезапно представляется взорамъ.

Отрядъ войскъ, по обыкновенію Римскому, и открывалъ собою крестный

ходъ сопровождаемый церемоніймейстерами; вслѣдъ за предносимымъ крестомъ шли попарно, при своихъ хоругвяхъ, воспѣвая гимны воспитанники страннопріимнаго дома Архангела Михаила, что за Тибромъ, въ черной одеждѣ, и за ними въ бѣлой, сироты воспитываемые на счетъ правительства; потомъ потянулся безконечный рядъ орденовъ монашескихъ, разнообразныхъ по своей одеждѣ, каждый съ крестомъ и хоругвью, и хотя они пѣли церковные гимны, относившіеся до торжества Св. тайнъ, зрители какъ бы не участвовали въ ономъ, потому что никто не вставалъ съ своего мѣста; только нѣкоторые, при появленіи крестовъ или иконъ на хоругвяхъ, прилагали руку къ шляпѣ, иные же слегка ее приподнимали. — Я просилъ сидѣвшаго подлѣ меня аббата, называть мнѣ ордена монашескіе, по мѣрѣ ихъ прохожденія мимо насъ, и онъ благосклонно исполнилъ мою просьбу; я былъ пораженъ ихъ множествомъ и пестротою, потому что Православная Церковь привыкла къ одному только ордену Св. Василія великаго, и долго Западная

держалась въ скромныхъ предѣлахъ одного Венедиктинскаго; но средніе вѣка открыли широкое поле иночеству и, съ разрѣшенія папскаго, стали возникать орденъ за орденомъ, одинъ передъ другимъ состязуясь въ своихъ различныхъ направленіяхъ. Замѣчательно однако, что Іезуиты, по ихъ сильному вліянію въ Римѣ и какъ ученое общество, болѣе нежели духовный орденъ, слишкомъ озабоченные своими занятіями, одни только имѣютъ исключительное право не присутствовать ни на какихъ процессіяхъ или церемоніяхъ.

Первые явились братія ордена покаянія, въ темномъ шерстяномъ хитонѣ и въ сандаліяхъ вмѣсто сапоговъ; за ними пустынные Августинцы, въ той же обуви и въ черной широкой одеждѣ, и босые Капуцины, опоясанные веревкою, съ длинною бородою, отличавшею ихъ отъ всѣхъ прочихъ. Слѣдовавшіе за ними Іеронимиты, которые возводятъ начало свое до блаженнаго отшельника Виѳлеемскаго, и Францискане, многообразная семья возлюбившаго убожество Франциска, имѣли уже обыкновен-

ную обувь и носили треугольныя шляпы вмѣсто капишоновъ; но Кордильеры, такъ названные отъ опоясывавшей ихъ веревки, опять шли босыми въ однихъ сандаліяхъ; другіе Августинцы, почитающіе начальникомъ своего ордена блаженнаго Августина Епископа Иппонскаго, всѣ въ черномъ, и Кармелиты, поселившіеся на горѣ Пророка Иліи, съ бѣлыми капишонами поверхъ черной рясы; Сервиты, посвятившіе себя исключительно служенію пречистой Дѣвы, и за ними бѣлые Доминикане, преимущественно занимающіеся проповѣдію по духу отца своего Доминика, съ черными мантіями, заключали первый разрядъ, такъ называемаго подуставнаго духовенства, которое живетъ подъ уставами орденовъ въ обителяхъ. Потомъ шли ордена собственно монашескіе: Оливетане, отъ горы Элеонской получившіе свое имя, и пустынные Камальдулы, самые строгіе изъ иноковъ въ бѣломъ; послѣдователи Бернарда, двигателя крестовыхъ битвъ, и Св. Венедикта, истиннаго отца монашества на Западѣ, въ черномъ, и каноники Латеранскіе, въ бѣлыхъ

рясахъ съ черными мантіями. Тогда начало показываться и мірское духовенство столицы: воспитанники Римской семинаріи въ лиловыхъ рясяхъ, священники и клиръ пятидесяти четырехъ приходовъ Римскихъ, въ подризникахъ съ эпитрахилью, каноники девяти коллегіяльныхъ церквей, капитулы четырехъ меньшихъ базиликъ, трехъ старшихъ или собственно Патріаршихъ, между коими Петрова уступала шагъ Латеранской.

Каждая изъ сихъ базиликъ имѣла, вмѣсто хоругви, родъ остроконечнаго разноцвѣтнаго шатра, который знаменовалъ ея куполъ или колокольню, и подъ нимъ ударяли въ малые колокола. Хоръ Папскій слѣдовалъ за Патріаршими капитулами и весь штатъ, придворный и домашній, Первосвященника, какъ я описалъ его въ день торжества Пасхальнаго, съ членами и предсѣдателями палатъ, почетными камергерами и прелатами, аббатами, Епископами, Патріархами и соборомъ Кардинальскимъ, окруженнымъ своею обычною свитою и Швейцарскою гвардіею. Охранители горо-

да Рима, его губернаторъ и сенаторъ, со стражею собственно Капитолійскою, предшествовали великолѣпному балдахину, подъ которымъ старшій изъ Кардиналовъ, Микара, пѣшій несъ Св. дары, въ драгоцѣнномъ потирѣ. Воспитанники семинарій Германской и Англійской и пропаганды, съ депутатами Флорентинскими и Сіенскими, попеременно поддерживали балдахинъ, около котораго клирики несли зазженныя свѣчи, и хотя не было Папы, на его пышныхъ носилкахъ, мнѣ кажется, такое смиренное ношеніе освященнаго Агнца, болѣе говорило сердцу. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и повернувъ стулья, стали на нихъ на колѣна: это была только одна минута истиннаго благоговѣнія, все прочее было ничто иное какъ зрѣлище; когда же пронесены были Св. тайны, оно обратилось въ воинскій парадъ, потому что вслѣдъ за окончательною свитою папскою, явился на конѣ великій знаменосецъ церкви съ ея хоругвью, и потянулись конныя и пѣшія войска, сперва карабинеры и драгуны на прекрасныхъ вороныхъ лошадяхъ, въ своихъ па-

рядныхъ мундирахъ, а за ними національная гвардія, пѣшіе карабинеры, и Швейцарскіе полки, которые не надобно смѣшивать съ готическою стражею. Всѣхъ войскъ было до 15000 человѣкъ и ихъ воинская музыка раздавалась по всей площади. Достойно замѣчанія, что благородная гвардія, составленная изъ княжескихъ фамилій Римскихъ, не хотѣла участвовать въ торжествѣ, потому что самъ Папа не присутствовалъ, воздавая такимъ образомъ болѣе почести лицу Первосвященника, нежели Св. тайнамъ: это показываетъ, до какой степени, въ Римѣ личность папская увлекаетъ къ себѣ то, что подобаетъ одной святынѣ!

Громъ пушекъ, изъ замка Св. Ангела, и гулъ колоколовъ, ознаменовалъ минуту внесенія Св. даровъ во врата базилики, которая не была полна народомъ во время богослуженія, ибо всѣ разошлись послѣ церемоніи. Такого рода крестные ходы, но въ умаленномъ видѣ, повторялись два раза въ день въ теченіи цѣлой недѣли, по всѣмъ частямъ Рима, потому что каждый приходъ обносилъ Св. тайны вокругъ сво-

его квартала. Всѣхъ величественнѣе была процессія Латеранская, въ которой опять участвовали ордена монашескіе и Кардиналы, какъ по своей мѣстности, такъ и по величинѣ самаго храма; но признаюсь все это торжество тѣла Господня, о которомъ мнѣ столько говорили и для коего я нарочно поспѣшилъ изъ Неаполя, не произвело на меня желаннаго впечатлѣнія, и хотя я былъ доволенъ, что дополнилъ для себя церковный кругъ Римскихъ празднествъ, однако пожалѣлъ и о тѣхъ мѣстахъ южной Италіи, которыя не могъ посѣтить, оттого только что спѣшилъ къ въ Римъ.

ПИСЬМО XVIII.

Колизей, Альбано, базилика креста, последнее явленіе Папы, прощаніе съ Римомъ.

Мнѣ оставалось не болѣе недѣли пробыть въ Римѣ, и я употребилъ все это время, на повтореніе осмотра главныхъ его памятниковъ, священныхъ и не священныхъ, чтобы они болѣе напечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, предчувствуя, что уже никогда болѣе не случится мнѣ ихъ видѣть. Отраденъ съ одной стороны Римъ, по той святынѣ, которою онъ преисполненъ, такъ что стопа ваша безпрестанно нападаетъ на слѣды Апостольскіе, и отовсюду васъ окружаютъ остат-

ки святыхъ мужей; но съ другой стороны тяжело для сердца враждебное чувство, съ которымъ ревнители Римскіе на васъ смотрятъ, исполненные, вмѣсто христіанской любви, невѣжественнымъ презрѣніемъ или укорительнымъ состраданіемъ къ иновѣрцу, котораго исповѣданія не знаютъ. Для того, кто не равнодушенъ къ своей вѣрѣ, больно видѣть такое о ней невѣдѣніе и чувствовать свое отчужденіе, посреди цѣлаго города, занятаго по внѣшности, одною религіею. Я утѣшался только внутри храмовъ, надъ гробами Апостоловъ, одинаково принадлежащихъ Западу и Востоку, и Святителей, которые болѣе ему близки, по духу своихъ писаній и правилъ отеческихъ, православно соблюдаемыхъ нами. Съ любовію посѣтилъ я опять семь главныхъ базиликъ Рима и, какъ прежде, отраднѣе молился въ уединенномъ соборѣ Латерана и въ пустынныхъ базиликахъ Павла и Лаврентія, нежели посреди великолѣпія Петровой.

Церковь Св. Климента привлекла меня также подъ мирный кровъ свой, и подлѣ нее мученическій Колизей, отъ попри-

ща страданій и неистовыхъ игрищь обращенный теперь къ воспоминанію крестныхъ подвиговъ Спасителя. Съ прошедшаго столѣтія воспрещены въ немъ всякія ристанія, Папою Венедиктомъ XIV, и поставлены, кругомъ обрушенныхъ ступеней, двѣнадцать каменныхъ олтарей, съ изображеніемъ на нихъ крестнаго пути Господа и всѣхъ его умилительныхъ встрѣчь съ присными, и тяжкихъ паденій изнуреннаго тѣла его; посреди же арены господствуетъ одинокій крестъ и около него, всякую пятницу, собирается народъ слушать проповѣдь Капуцинскихъ иноковъ, о крестѣ. Они съ процессіею идутъ, черезъ пустынный форумъ, подъ врата побѣдныя Тита, чтобы огласить, словомъ спасенія, разбитыя стѣны амфитеатра, внутри коихъ долго казалось слово сіе безуміемъ, по выраженію Апостола Павла (1. Коринѳ. 1.) Какая странная судьба Колизея! — Плѣнники Еврейскіе строили его, по волѣ своего побѣдителя Тита, какъ нѣкогда отцы ихъ сооружали пирамиды Фараоновъ, и пострадали въ утѣшеніе великаго народа, на звѣрскихъ игри-

щахъ сего амфитеатра, гдѣ человѣческихъ жертвъ не щитали, потому что плѣнники и гладіаторы дешевле были Африканскихъ чудовищь. Когда-же, съ разореніемъ Рима Готѳами, прекратились игрища, другое воинственное назначеніе получилъ Колизей, потому что долго не могъ выпа́риться изъ него духъ обильно пролитой въ немъ крови. По мѣрѣ того, какъ Епископы Римскіе сдѣлались независимыми, отъ власти Императоровъ Гре́ческихъ и Германскихъ, стали своевольствовать противъ нихъ вельможи бывшей всемірной столицы; они раздѣлили между собою древніе ея памятники вмѣсто замковъ, точно также какъ мавзолей Адріановъ былъ предпочтительно избранъ Папами, для своей придворной бойницы. Въ XII вѣкѣ, сильный родъ Франгипани возгосподствовалъ надъ частію города, прилегавшею къ Латерану, и укрѣпился въ Колизеѣ, который хотя и былъ поврежденъ, во время нашествія Норманскаго завоевателя Роберта, однако уцѣлѣлъ еще своею исполинскою массою. Но Франгипани имѣли себѣ жестокихъ соперниковъ

въ могущественной фамиліи Аннибальди, и уступили ей во владѣніе сперва часть Колизея, а потомъ и все его зданіе, когда уже не въ силахъ были бороться съ нею, на древней аренѣ гладіаторской. На ложахъ и ступеняхъ амфитеатра надстроены были чертоги и бойницы; тамъ, посреди непрестаннаго звука оружія, шумно протекала феодальная жизнь бароновъ, доколѣ оба враждующіе дома принуждены были совершенно уступить права свои, на Колизей Титовъ, законному наслѣднику Кесарей, Императору Генриху VII, а онъ передалъ его торжественно во владѣніе сената и народа Римскаго; это обладаніе запечатлѣлось опять кровью многихъ благородныхъ юношей Римскихъ, которые сражались тамъ противъ разъяренныхъ быковъ, во вкусѣ игрищъ Испанскихъ.

Долгое отсутствіе Папъ, въ Авиньонѣ, обрекло великолѣпнѣйшій изъ памятниковъ Римскихъ, на конечное разрушеніе. Легатъ папскій назначилъ камни его въ продажу, и предоставилъ третью часть ихъ братству Латеранскому. Съ тѣхъ поръ, чудное зда-

ніе лучшихъ временъ имперіи, обратилось въ обширную каменоломню. Папа Павелъ II выстроилъ изъ него мрачный замокъ Венеціянскій, у подошвы Капитолія, а Павелъ III, роскошный дворецъ Фарнезовъ, на холмѣ Палатинскомъ, не щитая другихъ подобныхъ же огромностію зданій; Сикстъ V хотѣлъ обратить Колизей въ суконную фабрику, но не успѣлъ; Климентъ XI сдѣлалъ запасъ селитры, въ нижнихъ его ярусахъ, и въ его правленіе пала отъ землетрясенія часть Колизея, обращенная къ холму Целійскому. Наконецъ Венедиктъ XIV освятилъ олтарями опустѣвшую арену, и Пій VII далъ примѣръ своимъ преемникамъ, къ поддержанію падающаго Колизея, дабы сохранился и для будущихъ вѣковъ сей древній памятникъ Римской славы.

120 сажень длины и 100 ширины, въ эллиптическомъ кольцѣ Колизея, и стѣна его, уцѣлѣвшая со стороны холма Эсквилинскаго, имѣетъ еще высоты до 30 сажень: такъ огромны были размѣры сего зданія, которое возвышалось въ четыре яруса и украшено

было Дорическими, Іоническими и Коринѳскими столбами, промежду внѣшнихъ стройныхъ аркадъ своихъ: видны и доселѣ мѣста для статуй, потому что ничего не щадила роскошь Кесарей, для украшенія любимаго своего амфитеатра. Два главные входа существуютъ понынѣ, съ обѣихъ его оконечностей, и были еще два малые съ боковъ, откуда входили одни Императоры; ложи ихъ и почетныя мѣста для сената находились въ самой нижней галлереи, чтобы они могли лучше наслаждаться кровавыми битвами; однако желѣзная рѣшетка отдѣляла ихъ возвышенныя сѣдалища отъ арены, и костяной валикъ вращался поверхъ нее, изъ предосторожности, чтобы разъяренные звѣри, устремляясь на стѣну амфитеатра, не могли ухватиться когтями за рѣшетку и падали бы опять въ арену. Скромныя весталки имѣли мѣста свои на ряду съ сенаторами; второй ярусъ принадлежалъ сословію всадниковъ Римскихъ, третій и четвертый народу; они подымались, одинъ надъ другимъ, широкими уступами, въ видѣ огромнаго крыльца, раздѣленнаго ка-

менными преградами для удобства входовъ, и кругомъ всего зданія были еще крытые переходы, гдѣ также толпился народъ. Въ случаѣ непогоды или слишкомъ яркаго солнца, обширное пурпурное покрывало простиралось поверхъ цѣлаго амфитеатра, ибо все было придумано для нѣги зрителей. Остались еще, на разбитыхъ ступеняхъ, самые нумера ложъ и отдѣленій отъ XXIII по LIV: прочіе уже не существуютъ. Императоръ Августъ, желая отклонить женщинъ отъ кровавыхъ зрѣлищъ, назначилъ для нихъ самое невыгодное мѣсто, на верху, какъ бы въ райкѣ амфитеатра, но это не препятствовало, даже почетнымъ матронамъ Римскимъ, сидѣть тамъ промежду черни. Подъ нижними аркадами были покои для гладіаторовъ, гдѣ они отдыхали и куда сносили трупы и еще дышущія тѣла; а подъ самою ареною находились клѣтки хищныхъ звѣрей, которые внезапно являлись изъ-подъ земли, дѣйствіемъ машинъ, какъ бы по волшебному мановенію. Говорятъ, что зрѣлище сего амфитеатра внушило первую мысль Данту, о преисподнемъ расположе-

ніи адскихъ круговъ его, одного въ другомъ, которые такимъ образомъ, все тѣснѣе и уже, проникаютъ въ сердцевину земли. Такъ представляется и Колизей, когда смотришь во глубину его, съ вершины уцѣлѣвшей стѣны, и я постигаю, что при воспоминаніи о всѣхъ его ужасахъ, могла родиться такая мысль, въ геніальной душѣ пѣвца ада.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе, о сихъ неистовыхъ зрѣлищахъ, заимствую краснорѣчивое описаніе одного изъ новѣйшихъ писателей Французскихъ, который, кистію Тацита, представилъ намъ очерки жизни Римской. —Амфитеатръ открытъ, народъ толпится на мраморныхъ ступеняхъ, травля и бой гладіаторскій начнутся, во славу Діаны и Юпитера, ибо Римляне давали своимъ страшнымъ потѣхамъ оболочку вѣры. Всякое разнообразіе истощено въ этой дикой травлѣ, или лучше сказать, въ борьбѣ звѣрей между собой и съ человѣкомъ, и кровожадное участіе зрителей умножается по мѣрѣ опасности жертвъ. Сперва возбуждаютъ звѣрей, другъ противъ друга, потомъ

предаютъ имъ осужденныхъ, привязанныхъ къ столбу: левъ и тигръ и разъяренный быкъ, сражаются съ коннымъ или пѣшимъ бестіаріемъ, т. е. бойцемъ звѣринымъ, иногда изъ числа рабовъ, иногда же свободнымъ, и даже патриціемъ Римскимъ. Однажды, по волѣ Помпея, 600 львовъ явилось въ аренѣ и 480 леопардовъ, по манію Августа. При кроткомъ Титѣ погибло до 5000 звѣрей, въ одинъ день; при Траянѣ продолжались сто двадцать дней травли амфитеатра, на которыхъ убивалось отъ 1000 до 10,000 звѣрей, и они стали такъ рѣдки, что строго запрещено было убивать въ Африкѣ львовъ; ихъ должны были ловить и доставлять въ Римъ, для потѣхи народной; числа же гладіаторовъ не щитали, они были дешевле звѣрей, и на игрищахъ Траяна ихъ погибло до 10,000. Однажды 400 плѣнныхъ Гетуловъ сражались противъ 20 слоновъ, и все участіе было въ пользу послѣднихъ, ради ихъ рѣдкости.

Но вотъ бой человѣческій заступилъ мѣсто звѣриной травли; ланистъ или содержатель гладіаторовъ выводитъ товаръ свой,

приготовленный и откормленный имъ для амфитеатра; они всѣ или куплены или наняты имъ, и дали ему клятву биться до послѣдней капли крови, подъ угрозою самой страшной казни, если не выполнятъ своего обѣщанія, и между ними были даже патриціи и сенаторы: до такой степени доходила неистовая страсть къ симъ боямъ! Здѣсь опять утонченное разнообразіе, въ искуствѣ убивать другъ друга, или умирать съ приличіемъ посреди арены. Одни преслѣдуютъ плѣнныхъ, съ сѣтями въ рукахъ, и опутавъ ихъ закалаютъ трезубцемъ; другіе сражаются съ завязанными глазами, возбуждая общій смѣхъ слѣпыми, но смертельными ударами; народъ Римскій, присутствуя ежедневно на такихъ бояхъ, судитъ о нихъ какъ совершенный знатокъ, и сдѣлавъ себѣ изъ смерти потѣху, освистываетъ неловкое паденіе, рукоплещетъ удачному убійству, и холодно разсуждаетъ о предсмертной мукѣ, какъ бы о тѣлодвиженіяхъ комедіянта. Вокругъ сей кровавой арены только и слышны радостные клики, смертные приговоры, выигранные или проигранные

заклады, одобрительныя рукоплесканія хорошо умерщвляющимъ и хорошо умирающимъ, и ярость бойцевъ переходитъ иногда къ самымъ зрителямъ; они бьются между собою, за успѣхъ или неудачу своихъ жертвъ.

Наступилъ полдень и прекратилось зрѣлище: все, что взошло въ арену, вышло изъ нее, вратами живой плоти, sanavivaria, или вратами гробовъ, въ которыя извлекались крючьями трупы и съ ними полумертвые; менѣе любопытные зрители удалились на полдникъ; болѣе ревностные остались для новыхъ зрѣлищъ. Уже ихъ не тѣшатъ Меркурій и Плутонъ, которые, подъ видомъ сихъ боговъ, приходятъ испытать горячимъ желѣзомъ, живы ли еще простертыя на аренѣ тѣла? и докончить ихъ молотомъ, если еще дышатъ. — Между тѣмъ Кесарь велитъ биться частнымъ гладіаторамъ, или собственной своей прислугѣ, которою недоволенъ, или уцѣлѣвшимъ отъ утренняго боя, уже безъ всякаго щита и шлема, чтобы нельзя было имъ спастись. Карлы выходятъ на сцену и бьются на

смерть: эта кровавая пародія бывшей трагедіи, еще болѣе безчеловѣчна, по свидѣтельству философа Сенеки; ибо тутъ уже не бой но рѣзня: что дѣлать? народу скучно; ему надобно смотрѣть, какъ течетъ кровь, какъ умираютъ, и Кесари его тѣшатъ.

Но эти поединки еще ничего, въ сравненіи цѣлыхъ битвъ и навмахій: внезапно пустѣетъ циркъ и хлынувшія, изъ тайныхъ протоковъ, воды обращаютъ его въ озеро, гдѣ плаваютъ крокодилы и гипопотамы; люди на лодкахъ вступаютъ въ бой съ чудовищами Египта; но травля звѣрей, и на водахъ, служитъ только началомъ болѣе жестокихъ битвъ между людьми; два флота выступаютъ другъ противъ друга, по тридцати судовъ съ каждой стороны наполнены жертвами, обреченными на смерть, и малыя лодки, которыя въ настоящихъ битвахъ служатъ для спасенія раненыхъ, здѣсь напротивъ отталкиваютъ ихъ отъ берега, чтобы не могли спастись. Едва окончился морской бой, опять изсякаютъ воды и тамъ, гдѣ состязались два флота,

еще на влажномъ пескѣ, выступаютъ биться двѣ фаланги. Римляне, царственный народъ! еще ли недовольно?—пресытился ли ты всѣми образами убійства и смерти?

Благодаря нашему божественному Искупителю, для насъ всегда останется ужасною задачею, эта конечная порча душъ, эта дикая радость, въ томъ собственно, что насъ отталкиваетъ и страшитъ! Мы никогда не поймемъ яростнаго вопля 80,000 зрителей, когда имъ кажется, что слабѣетъ боецъ, или что одна, изъ ихъ безчисленныхъ жертвъ, можетъ спастись! Малодушіе гладіатора, какъ бы личная обида для цѣлаго народа: зачѣмъ боится онъ желѣза? зачѣмъ лѣниво разитъ, или медленно умираетъ? надобно возбудить его розгами къ смерти! Такіе вопли въ устахъ народа, и даже въ устахъ женщинъ и скромныхъ весталокъ: онѣ первыя подаютъ рукою знакъ смерти, когда падшій проситъ пощады и уже надъ нимъ занесенъ мечь соперника, который равнодушно ожидаетъ сего приговора, чтобы потомъ понести его въ свою чреду, и умереть, по всѣмъ правиламъ страшнаго при-

личія амфитеатровъ. Нѣтъ, мы не можемъ постигнуть такихъ ужасовъ! и еслибы не свидѣтельствовали о томъ многія писанія современниковъ и еще уцѣлѣвшіе цирки, со всѣми ихъ жестокими подробностями, мы бы не могли сему повѣрить!—И все это совершалось, при звукѣ пѣсней и мусикійскихъ орудій, со всею утонченною роскошью тогдашняго свѣта: пурпурное златошвейное покрывало волновалось надъ головами зрителей, чтобы защитить ихъ отъ палящаго солнца, ибо все было придумано для амфитеатра; прекрасные невольники выходили на арену, чтобы сейчасъ загрести пролитую кровь; благовонная роса текла изъ потаенныхъ трубъ, чтобы освѣжить воздухъ, сгустившійся отъ дыханія и пота и запаха крови! а подлѣ самой пещеры, гдѣ добивали полумертвыхъ, въ нижнихъ аркадахъ амфитеатра, самыя грубыя страсти могли находить себѣ удовлетвореніе! Таково было языческое общество Римское, въ высшей степени его величія и образованія, въ ту минуту, когда проповѣдь Христова огласила вселенную, и она проникла въ ам-

фитеатръ, при страшныхъ вопляхъ: «львовъ на Христіанъ!»

Кто же первый пострадалъ изъ ихъ лика, на сихъ звѣрскихъ игрищахъ?—это ты богоносецъ Игнатій, который жаждалъ столь страшнаго образа смерти, какъ бы наслажденія. Обреченный Кесаремъ Траяномъ, еще въ Сиріи для Римскаго Колизея, Святитель Антіохійскій писалъ заблаговременно Христіанамъ Римскимъ, которые хотѣли спасти его: «я добровольно умираю за Христа; молю васъ только, не возбраните мнѣ сего безвременною любовію; позвольте мнѣ быть снѣдію звѣрей, которыми могу достигнуть къ Богу; я Божія пшеница, зубами же звѣрей сотренъ буду въ чистый хлѣбъ Богу. Лучше научайте звѣрей, дабы они мнѣ были гробомъ и ничего бы не оставили отъ моего тѣла, чтобы по смерти не быть мнѣ въ тягость другимъ! О еслибы я усладился звѣрями въ Римѣ, и они бы не убоялись меня коснуться, какъ многихъ другихъ! если же не захотятъ, я раздражу ихъ насильно противъ себя: простите мнѣ, ибо я знаю, что мнѣ на пользу! — Нынѣ

только начинаю быть ученикомъ Христовымъ, когда ничего отъ видимыхъ и невидимыхъ не желаю, кромѣ Христа!» Исполнилось желаніе святаго мужа: едва только явился онъ въ амфитеатръ, посреди воплей народныхъ, какъ два яростныхъ льва, выпущенные противъ старца, разтерзали его на части и пожрали все тѣло, оставивъ только однѣ кости, которыя отнесены были въ Антіохію, къ его паствѣ, а теперь почиваютъ недалеко отъ того поприща, гдѣ мученически пострадалъ.

Кто назоветъ всѣхъ безчисленныхъ страдальцевъ, засвидѣтельствовавшихъ слово истины на кровавомъ поприщѣ Колизея?— Одинъ изъ канониковъ сосѣдней базилики Латеранской, Марангони, потрудился однако въ минувшемъ столѣтіи, собрать имена тѣхъ, которые сохранились въ мартирологіи или мученическомъ спискѣ Римскомъ, и тѣмъ, оказалъ истинную услугу Церкви. Но какъ съ востока пришелъ первый священномученикъ сихъ неистовыхъ игрищъ, такъ опять съ востока пришелъ и послѣдній, заключившій ихъ своею смертію, что выра-

жаетъ и самое его имя Телемаха, или конца битвъ. — Это было въ началѣ пятаго столѣтія: уже давно просвѣщенъ былъ христіанствомъ Римъ и благочестивые Кесари управляли вселенной, но еще продолжались жестокія зрѣлища. Однажды пустынный инокъ явился въ амфитеатръ, мужественно взошелъ на средину арены, и сталъ между гладіаторовъ, воспрещая имъ взаимное убійство. Изумился народъ смѣлому поступку странника и его обличительной рѣчи; но жажда крови превозмогла, и раздраженная чернь побила камнями проповѣдника мира: однако кровь Телемаха послѣдняя обагрила амфитеатръ. Съ того дня прекратились бои гладіаторовъ, указомъ царскимъ Гонорія, а, въ исходѣ того же вѣка, перестали являться въ Колизей и страшныя чудовища Африки. Такъ сильно было слово одного святаго мужа, засвидѣтельствованное его вѣрою и запечатлѣнное кровію!

Прежде нежели оставить Римъ, мнѣ хотѣлось посѣтить еще одну изъ его окрестностей, Альбано, чтобы тамъ проститься съ тѣми, которые руководили меня

по его священнымъ древностямъ. Передъ вечеромъ достигнулъ я живописныхъ высотъ Албанскихъ и, воспользовавшись остаткомъ дня, посѣтилъ глубокое волканическое озеро, изъ котораго Римляне спустили нѣкогда воду, по гласу оракула, для взятія Веій. По длинной аллеѣ каштановъ дошелъ я, вдоль по берегу, до готическаго замка Castel Gandolfo, гдѣ нынѣшній Папа любитъ проводить нѣсколько лѣтнихъ дней, въ тишинѣ сельской, когда душною становится его столица. Роскошный Павелъ V, изъ дома Боргезе, первый поселился въ этомъ замкѣ, а между нимъ и Альбано лежитъ великолѣпная вилла другаго Папы, Урвана VIII, изъ дома Барберини, которая основана на развалинахъ загородныхъ палатъ Помпея и Кесаря Домитіана: оттолѣ открывается обширный видъ къ морю, на всю пустыню Римскую и на державный Римъ. Царственныя, хотя и развѣнчанныя лица, и доселѣ любятъ уединяться въ окрестностяхъ Альбано: тамъ устроилъ себѣ богатую виллу Донъ Мигуель, бывшій Король Португальскій, и

посреди чудной природы утѣшается объ утраченномъ величіи. Дѣйствительно Альбано и вся его окрестность есть одна изъ лучшихъ около Рима, и не напрасно вельможи его, и самъ Первосвященникъ, избрали ее для лѣтняго времени. Альбано и Фраскати, съ многочисленными городками, обителями и виллами, разсѣянныя по скату Латинскихъ горъ, принадлежатъ къ одному горному оазису Паплаціума, который возстаетъ какъ островъ, изъ среды облегающей его пустыни, и окруженъ отовсюду широкими равнинами. Палестринская отдѣляетъ его отъ Сабинскаго хребта, и въ этомъ оазисѣ самая роскошная растительность, и обильные источники водъ и глубокія озера, образовавшіяся изъ провалившагося жерла прежнихъ волкановъ, потому что вся сія окрестность отзывается еще своимъ огненнымъ началомъ, поборовшимъ влажную стихію морей. Monte Cave, древній Папладіумъ, господствующій мрачнымъ челомъ своимъ надъ пустынею, равно какъ и гора Цирцеи, обрывомъ взошедшая въ море Тирренское, суть ничто иное, какъ угасшіе вол-

каны: о томъ свидѣтельствуетъ ихъ внутреннее образованіе и почва земли, и даже самыя ихъ произведенія.

Густой туманъ, облегавшій сумрачное чело горы Cave, воспрепятствовалъ мнѣ подняться утромъ, на ея одинокую вершину, гдѣ теперь обитель иноческая заступила мѣсто древняго храма Юпитера Латинскаго; оттолѣ открывается обширнѣйшій видъ на предѣлы Римскіе и Неаполитанскіе. Но я могъ объѣхать, по густому лѣсу, очаровательный берегъ озера Альбанскаго, которое мирно спитъ въ своей глубокой чашѣ, какъ недополненный сосудъ кристальной воды. Напротивъ Кастель Гондолфо возвышается, на крутомъ обрывѣ, древняя Альба, основанная сыномъ Энея, Асканіемъ, и разоренная еще при Царяхъ Римскихъ. Нынѣшняя Палацола стоитъ, какъ говоритъ преданіе, на самомъ мѣстѣ дворца прежнихъ властителей долгой Альбы: теперь это обитель иноковъ, которые вступили во всѣ многоразличныя наслѣдія завоевателей Римскихъ. Мы не продолжали далѣе нашего пути, къ друго-

му городку, Рока ди Папа, но поворотили въ чащу лѣса, къ живописному озеру Неми, которое по своей прозрачности названо зеркаломъ Діаны, и возвратились въ Альбано, гдѣ опять наслаждались видами изъ саду Капуцинской обители. Обратный путь нашъ въ Римъ лежалъ, по горной дорогѣ, чрезъ живописную рощу, осѣняющую феодальный городъ Марино, съ его замкомъ, и опять мимо монастыря Базиліянскаго, Грота Феррата, и между роскошныхъ виллъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ Фраскати, которыя мнѣ еще разъ хотѣлось увидѣть.

Я спѣшилъ возвратиться въ Римъ къ урочному часу, потому что тамъ обѣщали допустить меня наконецъ до поклоненія святыни, хранящейся въ базиликѣ Св. креста, и этимъ я былъ опять обязанъ тому же аббату, который ввелъ меня впервые въ Латеранъ. Съ большимъ затрудненіемъ сопряжено сіе благоговѣйное чествованіе, даже и для людей, принадлежащихъ къ Римской церкви: необходимо надобно писменное позволеніе самаго Папы и не иначе, какъ для лица епископскаго, при кото-

ромъ и другіе пользуются даннымъ разрѣшеніемъ. По счастію, Епископъ горы Ливанской, съ племянникомъ Архіепископа Парижскаго и нѣсколькими Французскими аббатами, Римской обители Св. Людовика, испросили себѣ позволеніе папское и, будучи предваренъ о томъ, я ожидалъ ихъ прибытія въ базилику. Но прежде нежели поклониться честному кресту Господню, мнѣ хотѣлось еще однажды взойти на колѣняхъ, по ступенямъ бывшаго преторія Пилатова, откулѣ понесенъ былъ сей тяжкій крестъ, за грѣхи наши, потому что я уже прощался съ этой частію Рима. Я заглянулъ также въ окно малой церкви, Святая святыхъ, на вершинѣ священнаго крыльца, и помолился тамъ древней иконѣ Господа, о которой такъ различны преданія въ самомъ Римѣ. Одни утверждаютъ, что она писана Евангелистомъ Лукою, и во время разоренія Іерусалимскаго Титомъ, перенесена была Христіанами въ Римъ, вмѣстѣ съ трапезою вечери тайной, которая хранится доселѣ въ Латеранскомъ соборѣ. Другіе же, съ большимъ вѣроятіемъ,

толкуютъ, что сія древняя икона, быть можетъ писанная Евангелистомъ, стояла на патріаршемъ дворѣ въ Царьградѣ, и во время гоненія иконоборцевъ, при Императорѣ Львѣ Исаврѣ, была тайно послана Св. Германомъ, Патріархомъ Константинопольскимъ, Папѣ Григорію II, вмѣстѣ съ прочею святынею, которой такъ много перешло въ сію бурную эпоху, изъ Царьграда въ Римъ. Еще нѣкоторые полагаютъ, что икона сія есть тотъ самый нерукотворенный образъ, который послалъ отъ себя на убрусѣ Спаситель, Царю Эдесскому Авгарю; но Кардиналъ Бароній, въ лѣтописи своей пишетъ, что чудотворная икона сія была перенесена въ Римъ, послѣ взятія Царьграда невѣрными, или во время завоеванія его крестоносцами, при Папѣ Иннокентіѣ III, и чествуется донынѣ въ древней церкви Св. Сильвестра, in Capite, такъ названной отъ главы Предтечевой, которая въ ней хранится. Столько различныхъ преданій о нерукотворенной иконѣ, что не знаешь, на чемъ остановиться, ибо хотя могло случиться, что крестоносцы унесли съ собою

сію святыню, но странно опять, чтобы ее поставили въ церкви, столь мало извѣстной, какова Сильвестрова въ Римѣ. Неужели базилика Петрова, или Латеранская, уступили бы такое сокровище убогой церкви Сильвестра? Чтоже касается до той иконы, которая чествуется въ Генуи, мудрено также повѣрить, чтобы Императоръ Іоаннъ Палеологъ уступилъ такую святыню Дожу Генуезскому Монтальту, за его ратные подвиги въ Азовскомъ морѣ.

Я имѣлъ еще время осмотрѣть и священную базилику Св. Елены, сооруженную, по ея желанію, великимъ сыномъ, которая однако мало что сохранила отъ своей древности, потому что была нѣсколько разъ перестроена, въ средніе вѣка, и окончательно въ минувшемъ столѣтіи, Папою Венедиктомъ XIV. Соименный ему Венедиктъ VII, изъ сильнаго дома графовъ Тускуланскихъ, присоединилъ зданіе монастырское къ базиликѣ, въ X вѣкѣ, гдѣ и самъ погребенъ; но обитель сія была долгое время въ запустѣніи и переходила въ руки различныхъ орденовъ иноческихъ; те-

перь ею владѣютъ послѣдователи Бернарда. Самая святыня креста, въ ней хранившаяся со времень Св. Царицы Елены, нечаянно опять обрѣлась, въ 1492 году, при обновленіи горняго мѣста, въ стѣнѣ коего она была закладена, вѣроятно въ смутную эпоху среднихъ вѣковъ. Преддверіе базилики украшено шестью гранитными столбами, и восемь колоссальныхъ столбовъ, краснаго гранита, раздѣляютъ святилище на три части; богатая сѣнь главнаго престола опирается на порфировыхъ колоннахъ, и подъ нимъ почиваютъ, въ базальтовой урнѣ, тѣлеса мучениковъ Анастасія и Кесарія; но я не знаю, какого Кесарія? діакона ли Римской церкви, утопленнаго въ морѣ, или брата Св. Григорія Богослова, въ память коего сказалъ онъ свое краснорѣчивое слово? этотъ былъ только исповѣдникомъ. Своды, надъ горнимъ мѣстомъ расписаны изящною кистію Пинтуричія, а какъ нѣкоторые полагаютъ Гвидомъ-Рени, и на нихъ представлено обрѣтеніе честнаго креста святою Еленою; найденная же ею святыня хранится, въ верхнемъ при-

дѣлѣ, съ правой стороны, который выдается въ видѣ балкона. Съ лѣвой стороны олтаря спускаются въ остатокъ древней базилики, подземный придѣлъ Царицы, котораго помостъ усыпанъ землею, привезенною изъ Іерусалима; тамъ хранится и памятникъ, найденный въ ея виллѣ, съ современною надписью, въ честь благочестивой матери великаго Константина.

Между тѣмъ, пока я осматривалъ базилику, пріѣхалъ Епископъ Ливанскій съ аббатами Французскими, и мы взошли къ настоятелю обители, который ввелъ насъ въ придѣлъ честнаго креста. Самъ онъ облачился, чтобы вынуть съ молитвами, изъ драгоцѣннаго ковчега, еще болѣе драгоцѣнную святыню, которую поставилъ на престолъ: онъ постепенно давалъ намъ цѣловать каждое сокровище, съ назидательнымъ словомъ, проливавшимъ благоговѣніе въ сердце. Сперва приложились мы къ тремъ большимъ частямъ честнаго креста, присланнаго Еленою въ Римъ, какъ извѣстно изъ современныхъ лѣтописей; потомъ къ двумъ тернамъ вѣнца Господня и гвоз-

дю, пригвоздившему ноги его ко кресту, и наконецъ къ титлу, надъ нимъ повѣшенному по просьбѣ Іудеевъ. Дерево титла сего уцѣлѣло только отчасти, и вырѣзанныя на немъ буквы не всѣ сохранились; верхняя надпись Еврейская не существуетъ, отъ Греческой же и Римской видно только слово Назорей, даже неправильно написанное на Греческомъ, и что весьма странно: буквы сіи писаны на оборотъ, отъ правой руки къ лѣвой, по образцу писанія Еврейскаго. Нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть и лобызать части животворящаго креста, и священные гвозди, но зрѣлище титла поразило меня благоговѣйнымъ ужасомъ, ибо оно внезапно напомнило собою всѣ ужасы Голгоѳы. Я не хотѣлъ вникать археологически въ его подлинность, потому что сердцу хотѣлось только вѣрить. Всѣ присутствующіе, казалось, раздѣляли мои чувства и торжественна была эта минута, когда, посреди всеобщаго молчанія и тайнаго шопота молитвы, каждый произносилъ только надпись ему подносимую, на титлѣ: «Nasarenus, Nasarenus.»— Въ той же церкви хра-

нится и домашній кіотъ великаго Папы Григорія, съ малою иконою Господа посрединѣ,и многими частицами Св. мощей по сторонамъ.

Мнѣ удалось, до моего отъѣзда, еще однажды видѣть служеніе церковное, на которомъ присутствовалъ Папа: это было въ день памяти нищелюбиваго Флипипа Нери, котораго особенно уважаетъ нынѣшній Первосвященникъ, въ обширной церкви, основанной самимъ Филиппомъ, въ царствованіе Григорія XIII. Она слыветъ новою и принадлежитъ братству Ораторія, имъ учрежденному въ Римѣ. Я обязанъ былъ, свободнымъ входомъ въ церковь, любезности одного изъ числа братій, ученому отцу Т*, съ которымъ имѣлъ прежде нѣсколько преній духовныхъ. Всякій разъ я убѣждалъ его, столько же прибѣгать къ источникамъ восточнымъ, сколько и къ западнымъ, потому что книги его направленныя противъ Церкви Православной, отзываются невѣденіемъ нашего духа и быта, не смотря на обширныя свѣденія автора; а такой недостатокъ можетъ быть

еще болѣе чувствителенъ, въ новой книгѣ, которую теперь пишетъ онъ объ Уніи, отъ того что слишкомъ увлекается граматами Ватиканскими, часто не сходными съ истиною.

Что сказать о послѣднемъ участіи, или присутствіи папскомъ, при богослуженіи? оно не оставило во мнѣ утѣшительнаго впечатлѣнія, ибо свѣтская пышность, окружавшая Первосвященника, еще непріятнѣе поражала взоры посреди храма, который не имѣлъ размѣровъ базилики Петровой, чтобы по крайней мѣрѣ прикрыть, великолѣпіемъ святилища, несвойственное церкви Божіей смѣшеніе, обрядовъ дворскихъ съ духовными и стражи воинской съ клиромъ. Особенно неумѣстнымъ показалось здѣсь ношеніе Папы, промежду тѣсныхъ аркадъ и подъ низкія двери ризницы; но строгій церемоніялъ не могъ быть измѣненъ, не смотря ни на какія препятствія, и потому все то, что могло еще нѣсколько занимать взоры въ базиликѣ, представлялось здѣсь мелкимъ и ничтожнымъ, какъ бы произвольная пародія того, что сами хотѣли

возвеличить, на пышныхъ торжествахъ Ватиканскихъ. Однако, съ чувствомъ любви и уваженія, видѣлъ я въ послѣдній разъ Первосвященника Римскаго, и съ чувствомъ благоговѣнія ему поклонился, когда по окончаніи литургіи онъ осѣнилъ народъ, съ высоты своего трона, съ громкимъ произношеніемъ имени Пресвятыя Троицы. Мысленно пожелалъ я исполненія сего мира, какой преподавалъ онъ, не только для одной его паствы, но и для всей Церкви, молясь внутренно, дабы съ очей Римскихъ спало то покрывало, которое препятствуетъ имъ видѣть единственное средство примиренія т. е. возвращеніе къ древнимъ канонамъ вселенскимъ, и отложеніе всякой надмѣнности, отъ коей раздѣляется Церковь, по словамъ великаго Папы Григорія. Если же, быть можетъ, меня спросятъ: почему, оставивъ все прочее, я преимущественно указываю на это вселенское главенство, какъ на камень преткновенія и вину разрыва? — буду отвѣчать опять словами того же святаго Папы, который лучше новѣйшихъ своихъ преемниковъ разумѣлъ, въ чемъ един-

ственно состоитъ союзъ Церкви вселенской: «отъ того, что если невозбранно допустить дабы одинъ Епископъ присвоилъ и поработилъ себѣ, посредствомъ надмѣнности пышныхъ словъ, всѣ члены Христовы, сопряженные съ сею единою и единственною главою, то лишатся чести всѣ Патріархи; и если случится, что впадетъ въ заблужденіе называющій себя вселенскимъ, то уже не найдется ни одного Епископа въ состояніи истины.» (Кн. IV пис. 36.) И поелику Св. Григорій умолялъ «сохранить отъ сей заразы Церковь» то она и должна блюсти себя отъ нея.

Вотъ почему все, что дѣлается въ Римѣ, какъ во главѣ угла, не можетъ казаться ничтожнымъ, или какимъ либо частнымъ безпорядкомъ, но напротивъ того заражаетъ всю подчиненную ему Церковь, и потому весьма неправильно судятъ тѣ, которые отзываются собственно о Римѣ, что встрѣчаемые тамъ соблазны, и особенно при служеніи папскомъ, не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго:—нѣтъ, если Папа есть исключительный намѣстникъ

Господа Іисуса Христа и земная глава его Церкви, то уже нельзя смотрѣть равнодушно на сіи соблазны: ибо здѣсь отъ главы страждетъ все тѣло, и никто не устоитъ въ истинѣ, по словамъ великаго Григорія. Не искать возможнаго на землѣ совершенства, у заступающаго мѣсто и лице Господне, значило бы не думать обрѣсти оное и у самаго Господа, а это уже было бы святотатно!

Что за странный городъ этотъ старый Римъ, и какъ понятно, что онъ такъ дѣйствуетъ на воображеніе, разнообразіемъ своихъ представленій, безпрестанно смѣняющихъ другъ друга, посреди вѣковыхъ его развалинъ и воспоминаній! Утромъ торжественное служеніе Первосвященника, со всемъ блескомъ его готическаго двора и церемоніала, а вечеромъ того же дня, другая духовная процессія, тѣла Господня, и гдѣ же?—почти у подножія Капитолія, около Венеціянскаго замка и собора Св. Марка, гдѣ участвуютъ лица собственно Капитолійскія, какъ бы возставшія изъ вѣковъ минувшихъ. Вслѣдъ за духовенствомъ идутъ

Сенаторъ и три охранителя Римскихъ, въ золотыхъ мантіяхъ, опушенныхъ горностаемъ, которыхъ хвосты несутъ позади ихъ молодые пажи, въ своей нарядной готической одеждѣ, а вокругъ ихъ стража Капитолійская, съ древними знаменами Римскими. Какое смѣшеніе языческаго Рима съ Христіанскимъ, весьма пріятное однакоже для глазъ, и классически, если не духовно, говорящее сердцу!

Наканунѣ моего отъѣзда, мнѣ хотѣлось еще однажды взглянуть на Римъ, съ какой либо сосѣдней высоты, обнять его взорами весь, и проститься съ нимъ навсегда.— Я предпочтительно избралъ для сего гору Маріо, противъ Ватикана, которая была ознаменована явленіемъ лучезарнаго креста Великому Константину, и гдѣ сооружена церковь въ память сего событія.— Прекрасная вилла, вся въ кипарисахъ, вѣнчаетъ самое темя горы: оттолѣ насладился я послѣднимъ Римскимъ вечеромъ: Майское солнце, во всей своей славѣ, склонялось по яркому небосклону, въ дальнія пучины, и заревомъ его былъ облитъ Римъ;

горѣлъ священный куполъ базилики Петровой, горѣлъ и державный Ватиканъ, замѣнившій своими громами громы Капитолія, и Ангелъ на вершинѣ замка Адріанова. Высоты Пинчіо и Квиринала, съ другимъ дворцомъ Первосвященниковъ, багровыми возставали, надъ свѣтлой массою зданій Рима, который постепенно обращался, изъ новаго въ старый, и начинаясь палатами, кончался развалинами: за башнею Капитолія и подъ сѣнію Латерана, господствовалъ одинъ разбитый, но пурпурный Колизей.

Горы Лаціума и горы Сабины, съ дальнимъ амфитеатромъ Аппенина, волнообразными вершинами, обрисовали вокругъ радужный горизонтъ, на которомъ выросталъ и поэтическій Соракть Гораціевъ, какъ лирическій восторгъ великаго пѣвца; а подъ навѣсомъ горы Маріо, старый Тибръ быстро катилъ свои желтыя воды, по обилію полей и луговъ, усѣянныхъ стадами; онъ отвлекалъ взоры, сельскою картиной, отъ грознаго величія древней всемірной столицы, которая мирно отходила къ по-

кою, какъ будтобы никогда не бывало все ея былое!

Италія страна могилъ,
Развалинъ и воспоминаній,
Италія, я полюбилъ,
Младенцемъ, гулъ твоихъ преданій!

Твой мертвый Римъ меня сковалъ,
Окостенѣвшею рукою;
Въ толпѣ тѣней я возрасталъ,
Роднился я съ твоей семьею....

И вотъ онъ Римъ!— въ потокѣ лѣтъ
Сбылись мечты мои златыя;
Но въ Римѣ стерся Рима слѣдъ!

Лишь тѣни тамъ, и тѣ нѣмыя!
Былому отголоска нѣтъ,—
Въ гробахъ, о Римъ, твои живые!

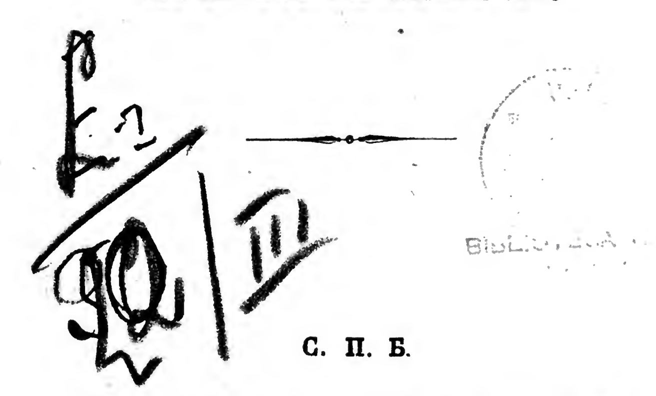
ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

РИМСКИМЪ

ПИСЬМАМЪ.

С. П. Б.

Въ типографіи III. отдѣл. соб. Е. И. В канцеляріи.

1847.

От Комитета Санктпетербургской Духовной Цензуры, печатать дозволяется. Августа 4 дня 1846 года.

Цензор, Казанскаго Собора Протоіерей

Тимоѳей Никольскій.

СОБОРЪ СВ. МАРКА.

«Миръ тебѣ, Марко, Евангелисте мой.»

Такія слова прочелъ я высоко надъ вратами собора, въ златой книгѣ, которую держалъ крылатый левъ, и сею книгою раскрылась для меня первая страница Италіи! — Но ничего еще не являло мнѣ благословенной природы юга: по темному небу носились снѣговыя тучи, площадь Св. Марка покрыта была Русскимъ саваномъ снѣга. — Изумленнымъ взоромъ окинулъ я то, что стѣснилось вокругъ меня на этой очаровательной площади, гдѣ сошлись столько вѣковъ и народовъ, какъ бы окаменѣв-

шіе здѣсь, въ лицѣ своихъ зданій; я взглянулъ на легкую Арабскую колокольню, отколѣ звучитъ еще родной голосъ Венеціи къ ея сирымъ дѣтямъ, и на готическую башню, которая уже сосчитала, боемъ часовъ своихъ, время ея славы; я посмотрѣлъ на чудный дворецъ Дожей, зерцало Венеціи, весь на столбахъ какъ и она на сваяхъ, воздушный снизу, громадный сверху, Мавръ по наружности, Отелло и по тому что происходило внутри его; на все это взглянулъ я, какъ бы въ нѣкоемъ волшебномъ снѣ, и погрузился въ созерцаніе одной базилики Св. Марка.

Тутъ все, и Кремль и Св. Софія, Цареградская, Кіевская, Новогородская; здѣсь борется Западъ съ Востокомъ, на ихъ Адріятической грани, въ преддверіи храма, который обличаетъ своей Византійской красою, всю суету готическихъ прикрасъ; и вотъ крылатый левъ Св. Марка, похищенный самъ изъ Египта, уже во дни Халифата, привлекъ съ собою еще новую стихію, Арабскую, къ двумъ первымъ. Мощными когтями разрылъ онъ пустынный Востокъ, со-

бралъ обломки всѣхъ племенъ и столѣтій, и, какъ мраморнымъ дождемъ, осыпалъ ими любимый храмъ свой. — Непонятная, но вмѣстѣ и неподражаемая громада, съ пятью стами разнородныхъ столбовъ своихъ, стала на поприщѣ всемірной торговли! — Но при этой роскоши мраморовъ, какое совершенство мозаиковъ плѣняетъ взоръ, въ золотыхъ поляхъ пятивратнаго притвора: — посрединѣ, Господь славы, совершающій на облакахъ судъ надъ вселенной, пріемлетъ ходатайство своей божественной Матери и Предтечи, а по сторонамъ изображено перенесеніе мощей Евангелиста изъ Египта, и чествованіе ихъ въ Венеціи, съ начертаніемъ первобытнаго ея собора. — Я поднялъ глаза выше и смутился: четыре бронзовыхъ коня стремились на меня съ высоты фронтона, — странное украшеніе для святилища! — Но мнѣ пришло на память, какъ темный Западъ, въ средніе вѣка, сокрушая варварскою рукою Востокъ, все собиралъ безразлично въ свои храмы, и я узналъ въ сихъ бронзовыхъ коняхъ, выходцевъ ипподрома Римскаго, отъ

Нерона до Наполеона, впрягаемыхъ во всѣ побѣдныя колесницы; они обтекли уже многія столицы и горько отплатили Венеціи позоръ Византіи и славу слѣпаго вождя Дандоло! — Но на другомъ крылатомъ животномъ успокоился взоръ мой: это былъ опять тотъ же позлащенный левъ, и онъ указывалъ на тѣ же слова развернутой передъ нимъ книги:

«Миръ тебѣ, Марко, Евангелисте мой.»

Когда взошелъ я въ самую папертъ, чтобы идти далѣе внутрь храма, искать у гроба Евангелиста, обѣтованнаго ему мира, — я встрѣтилъ надъ главными вратами собора молитвенный ликъ его, съ воздѣтыми къ небу руками: кругомъ его стояли Апостолы и Пророки; но эти двери были заключены. — Рядомъ съ ними отворились другія съ правой стороны, мѣдныя, всѣ въ изваяніяхъ, которыя похитилъ Дожъ Дандоло у Св. Софіи, и мнѣ показалось, что я дѣйствительно взошелъ ими въ Св. Софію: мозаиками сіяли позлащенные своды, поверхъ волнистаго мрамора стѣнъ и пиластръ, расположенныхъ въ видѣ Греческа-

го равноконечнаго креста. Драгоцѣнные столбы между ними поддерживали легкіе хоры, по образцу Софійскихъ: не напрасно чудная сія базилика носила названіе Златой. Радостно подвигался я къ олтарю, ожидая родныхъ звуковъ православнаго богослуженія, ибо внутреннее ея устройство совершенно казалось нашимъ; но вмѣсто иконостаса представилась мнѣ легкая колоннада съ изваяніями Апостоловъ, далѣе, подъ сѣнію рѣзныхъ Византійскихъ столбовъ, стоялъ самый престолъ Софійскій, похищенный Крестоносцами; священникъ Латинскій совершалъ тайную литургію, посреди безмолвнаго клира и нѣсколькихъ молитвенниковъ, сидѣвшихъ на пустыхъ скамьяхъ. — Сердце мое стѣснилось, какъ будто бы чуждая рука внезапно сжала его въ моей груди и подавила первоначальный восторгъ. Душа жаждала звуковъ и словъ, надъ гробомъ благовѣстника Слова: мнѣ же видѣлись только условныя тѣлодвиженія, какъ буквы безъ духа, поднятіе рукъ и паденіе на колѣна; небыло никакого единства въ сей разобщенной молитвѣ, лишенной того

словеснаго достоинства, которое есть лучшее украшеніе человѣка. — Съ нетерпѣніемъ дождался я окончанія службы, чтобы проникнуть за престолъ, гдѣ положены подъ спудомъ мощи Евангелиста, съ такою надписью: «здѣсь лежитъ тѣло божественнаго Евангелиста Марка». — Только тамъ, простершись ницъ на мраморныя ступени, могъ я успокоить, въ уединенной молитвѣ, душу мою, потрясенную впечатлѣніями чуждыми, надъ родственною ей святынею! — Такъ представился мнѣ впервые соборъ Св. Марка.

Съ чего начать описаніе сей чудной базилики, которая присвоила себѣ такъ много нашего роднаго? — Начну съ того сокровища, которое послужило ей самой основаніемъ, хотя также похищено на Востокѣ: скажу о мощахъ Евангелиста. Преданіе мѣстное утверждаетъ, что Св. Маркъ первый проповѣдалъ слово Божіе на берегахъ Адріатики и, посылаемый Апостоломъ Петромъ въ Александрію, оставилъ вмѣсто себя ученика своего Гермагора, который поставленъ былъ Епископомъ древней Ак-

вилеи. Посему сердце новой республики, возникшей на островахъ Адріатическихъ, всегда лежало къ Евангелисту, и однимъ изъ первыхъ ея подвиговъ, упрочившихъ на долгіе вѣка ея славу, священнымъ именемъ Св. Марка, было перенесеніе мощей его изъ Александріи.

Это событіе случилось уже во дни Халифата, въ первыхъ годахъ девятаго столѣтія (828), когда владычество Арабское и ересь Монофизитовъ, отторгшая всѣхъ туземныхъ жителей Египта, Коптовъ, отъ славной нѣкогда каѳедры Александрійской, совершенно ослабили власть Патріарховъ. Непонятно однако какъ могли похитить у Грековъ такое сокровище, основаніе ихъ церкви, хотя извѣстно, что теперь уже нѣтъ мощей Св. Марка въ Александріи? тамъ не отрицаютъ, что онѣ въ Венеціи; и вмѣстѣ съ нетлѣнными останками Евангелиста, самое его знаменіе, крылатый левъ, доселѣ сохранившійся въ печати Патріаршей, сдѣлалось въ то же время гербомъ республики и хоругвію, подъ сѣнію коей одержала она столько побѣдъ. Страннымъ обра-

зомъ расказываетъ лѣтопись о похищеніи тѣла Евангелиста. Обладатель Египта хотѣлъ разрушить храмъ, въ которомъ оно хранилось, чтобы изъ камней его выстроить себѣ палаты: это побудило двухъ иноковъ, блюстителей гроба, согласиться на предложеніе купцовъ Венеціянскихъ, перенести мощи въ ихъ отечество, и даже содѣйствовать имъ въ похищеніи. Но первый изъ нихъ, именемъ Ѳеодоръ, не рѣшился сопутствовать пришельцамъ, а второй Ставракій послѣдовалъ за мощами на корабль, и ему явился, во время плаванія Евангелистъ, повелѣвая спустить вѣтрила, чтобы не разбился корабль бѣжавшій на утесъ. Каково же было тогда состояніе церкви Александрійской, когда отъ двухъ иноковъ зависѣло выдать такое сокровище, хотя и таіно было оно вынуто изъ подъ соборнаго престола! — Большая опасность предстояла отъ Сарацынъ, нежели отъ Христіанъ, по словамъ лѣтописи. Купцы Венеціянскіе воспользовались отвращеніемъ Магометанъ, отъ запрещеннаго имъ по закону животнаго, покрыли священное тѣло въ

корзинѣ, свинымъ мясомъ, и такъ поставили его между парусовъ: — какое не благоговѣйное средство! оно изображено однако на фронтонѣ базилики, и такимъ образомъ сокровище Египта перешло въ Венецію, гдѣ съ великимъ торжествомъ встрѣтили оное Дожъ и весь синклитъ, свѣтскій и духовный республики.

Іустиніянъ Партиципатій былъ тотъ щастливый Дожъ, при коемъ совершилось перенесеніе мощей Евангелиста: чтобы воздать имъ должную почесть, онъ немедленно разрушилъ, смѣжную дворцу своему церковь Св. Ѳеодора Ираклійскаго, почитавшагося дотолѣ покровителемъ города, (которая была построена въ шестомъ вѣкѣ, знаменитымъ полководцемъ Императора Юстиніяна Нарзесомъ), и положилъ основаніе новому собору. Братъ и наслѣдникъ Дожа, Іоаннъ, довершилъ начатое имъ зданіе и перенесъ туда Св. мощи; но сто лѣтъ спустя, въ 976 году, храмъ Св. Марка сгорѣлъ отъ возмущенія народа, предавшаго пламени дворецъ Дожей. Петръ Урзеулъ, причтенный къ лику Святыхъ Римскихъ, избранный на престолъ тотчасъ послѣ

возмущенія, рѣшился соорудить храмъ, въ болѣе великолѣпномъ видѣ, и вызвалъ для сего искусныхъ зодчихъ изъ Царьграда; по сей причинѣ внутреннее и внѣшнее расположеніе собора носитъ на себѣ совершенно отпечатокъ Византійскій и напоминаетъ Св. Софію. — Ни Дожъ, облекшійся потомъ въ рясу иноческую, ни его преемники, не щадили сокровищь республики, для окончанія и украшенія сего великолѣпнаго храма, который строился не менѣе ста лѣтъ; но во время сего строенія утрачена была память о мощахъ Евангелиста, такъ что никто болѣе изъ властей и клира, не зналъ гдѣ они сокрыты внутри храма. Преданіе говорило, будто бы спасенныя отъ пожара, были закладены Дожемъ Петромъ, въ одномъ изъ столбовъ новаго храма, или что при его строеніи Дожъ не коснулся того столба, въ которомъ хранились мощи. Такое невѣдѣніе, о лучшемъ своемъ сокровищѣ, погрузило всю республику въ чрезвычайное уныніе: народъ боялся, чтобы не оставилъ Венеціи избранный ею покровитель; наложенъ былъ всеобщій постъ и

совершались крестные ходы. Дожъ Орделафъ Фаліеръ и Епископъ Генрихъ Контарини усердно молились въ храмѣ, о явленіи имъ мощей Апостольскихъ. Тогда внезапно, изъ того столба или пиластра, съ правой стороны главнаго олтаря, противъ коего обыкновенно становился Дожъ, выпали камни и къ общему восторгу открылась священная рака съ останками Евангелиста. Благодарственныя хвалы вознесены были Господу, открывшему потаенное сокровище; оно было поставлено посреди храма для общаго поклоненія; день обрѣтенія, 25 Іюня 1094 года, сдѣлался оттолѣ торжественнымъ для Венеціянской церкви. Гонитель Папы Григорія VII, Императоръ Генрихъ IV, бывшій тогда въ сосѣднемъ городѣ Тревизѣ, поспѣшилъ на поклоненіе святынѣ, и воспріялъ отъ купели дочь владѣтельнаго Дожа. Но спустя нѣсколько дней, изъ опасенія чтобы не похитили сего сокровища, Дожъ, Примикирій церкви и старшій Прокураторъ Св. Марка, скрыли опять, втайнѣ отъ всѣхъ, мощи Евангелиста подъ главнымъ престоломъ, и тай-

на ихъ погребенія передавалась, до конца дней республики, сими тремя сановниками, только своимъ преемникамъ.

Такъ гласятъ лѣтописи и преданіе, но чрезъ семь столѣтій, опять возобновилась молва о утратѣ мощей Св. Марка. Правительство Французское, въ 1811 году, приступило къ строгому изслѣдованію, и не подъ доскою престола, а подъ сводами базилики, гдѣ доселѣ существуетъ древняя исподняя церковь, (какія всегда устроялись для храненія мощей подъ главнымъ олтаремъ), они обрѣтены были въ каменной ракѣ, на подземномъ престолѣ, окруженномъ водою. По случаю наводненія церковь сія заключена была въ XVI вѣкѣ: теперь можно въ нее спуститься нѣсколькими ступенями, позади собора; своды ея поддерживаются массивными столбами въ древнемъ Римскомъ вкусѣ, и она имѣетъ болѣе видъ цистерны. потому что наполнена водою. Опять странная вещь! какъ могли оставить такъ равнодушно церковь сію, съ 1563 года, и въ ней драгоцѣннѣйшее сокровище Венеціи, если дѣй-

ствительно оно тамъ хранилось и это было извѣстно Дожу. Не Французская ли политика обрѣла тамъ нѣкія мощи, и они были положены торжественно, 7 Мая, подъ главный престолъ верхней церкви, для успокоенія народа? И какимъ же образомъ Дожъ Фаліеръ скрылъ ихъ, подъ симъ престоломъ въ XI вѣкѣ, если рака открыто найдена была посреди воды, на престолѣ подземной церкви? Всѣ сіи преданія, о разновременномъ обрѣтеніи мощей Евангелиста, такъ сбивчивы, что уже не знаешь чему вѣрить, хотя несомнѣнна вѣра народная, о сохраненіи ихъ въ Венеціи, и сердце желаетъ сему вѣрить.

Самый престолъ, подъ которымъ положены теперь священные останки Св. Марка, достоинъ особеннаго вниманія, по своему великолѣпію; мнѣ говорили будто порфировая доска его похищена изъ Св. Софіи. Но это должно относить не къ мрамору, а къ такъ называемой золотой паллѣ, или златокованной напрестольной иконѣ, которая теперь, по случаю обновленія, хранится въ ризницѣ, обыкновенно же стоитъ

на престолѣ во всю длину его, подъ прикрытіемъ другой иконы, писанной на деревѣ, въ XIV вѣкѣ, первыми живописцами Венеціянскими. Одна лишь третья часть этой драгоцѣнной паллы конечно похищена съ престола Софійскаго, когда крестоносцы овладѣли Царьградомъ и его Латинскимъ Патріархомъ избранъ былъ Венеціянецъ Ѳома Морозини; она присоединена была къ прежней, Венеціянской паллѣ, которую заказывалъ въ Константинополѣ обновитель храма Петръ Урзеулъ, вѣроятно по образцу Софійской, ибо въ ней повторяются отчасти тѣ же лица и она была потомъ трижды обновляема, художниками Византійскими, въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, потому что только на Востокѣ умѣли дѣлать такія изящныя вещи. На золотомъ полѣ изображенъ эмалью сидящій Спаситель; по сторонамъ его Божія Матерь и Предтеча, а вокругъ Херувимы и Серафимы, Апостолы, Евангелисты, Пророки, нѣкоторыя таинства Церковныя и наконецъ дѣянія Св. Марка; по этому драгоцѣнному полю разсѣяно до 1300 зе-

ренъ крупнаго жемчуга, 400 гранатъ, 300 сафировъ, 100 изумрудовъ, 100 аметистовъ и топазовъ и 15 яхонтовъ. По сему можно судить о великолѣпіи златой паллы, къ которой Венеціяне постепенно присоединяли похищенныя ими съ Востока сокровища, какъ они мало по малу украшали, его драгоцѣнными колоннами, свою базилику.

Четыре рѣзныя колонны, такъ называемаго восточнаго алебастра, поддерживаютъ высокую сѣнь надъ престоломъ, изваянную изъ древняго зеленаго мрамора, съ четырьмя Евангелистами по угламъ и Спасителемъ посрединѣ; но самыя колонны, которыя вѣроятно похищены также изъ Св. Софіи, представляютъ верхъ искуства Греческаго: каждая раздѣлена на девять поясовъ и въ нихъ изображена вся Евангельская исторія, самымъ утонченнымъ рѣзцемъ художника, или лучше сказать художниковъ, потому что многіе годы нужны были, дабы, на полупрозрачномъ мраморѣ, изваять нѣсколько тысячь малыхъ фигуръ, съ мелкими надписями вокругъ. Не менѣе роскошенъ своими алебастровыми колоннами,

другой малый престолъ, стоящій на яшмовыхъ ступеняхъ горняго мѣста, гдѣ обыкновенно выставляются для поклоненія Св. дары. Колонны сіи такъ прозрачны, что лучи солнца ударяя въ нихъ, проходятъ какъ бы на сквозь, и тогда можно судить о чрезвычайной красотѣ сего мрамора. Въ самомъ углубленіи горняго мѣста изображенъ мусіею сидящій Спаситель, съ Евангеліемъ въ рукахъ и съ такою надписью, по краямъ свода, очерченнаго самыми изящными арабесками: «Я есмь Царь всѣхъ, содѣлав«шійся плотію, ради любви къ грѣшни«камъ, не отчаявайтесь въ прощеніи доколѣ «имѣете время.» По ниже Спасителя, подобно тому какъ у насъ, въ Софійскомъ соборѣ Кіева, лики Святителей расположены на горнемъ мѣстѣ подъ иконою Св. Дѣвы, и здѣсь начертаны также мусіею четыре покровителя Венеціи: Апостолы Петръ и Маркъ и Святители Николай и Ирмагоръ, съ надписью, въ которой выразился патріотическій духъ Венеціянъ: «Праведно было олицетворить здѣсь заботы пастырскія сихъ четырехъ, ибо тѣлесами ихъ просіяла сла-

ва Венетовъ, дѣйствуетъ и растетъ и наполняетъ моря и земли, и никогда не будетъ у нихъ похищена.»

Какъ горько должно быть, для нынѣшняго сына Венеціи, читать это свидѣтельство ея минувшей славы, если только онъ обращаетъ вниманіе на сію надпись и можетъ разобрать ее на такой высотѣ. Если же покажется страннымъ: почему, въ числѣ своихъ особенныхъ покровителей, почитала республика Святителя Николая, и хвалилась даже обладаніемъ святыхъ его мощей: то надобно знать, что въ лѣтописяхъ Венеціи есть свое сказаніе о ихъ пріобрѣтеніи; трудно согласить оное съ болѣе достовѣрнымъ преданіемъ, о перенесеніи мощей Чудотворца изъ Миръ-Ликійскихъ въ городъ Бари, которое совершилось полувѣкомъ прежде. Лѣтопись говоритъ, что въ 1094 году флотъ Венеціянскій, вмѣстѣ съ Пизанскимъ, на пути въ Палестину, остановился противъ острова Родоса, и нѣкоторые изъ Венеціянъ, отправились на родину Чудотворца въ Миры-Ликійскія, чтобы тамъ поклониться мощамъ его (которыя

однако уже взяты были Калабрійцами). Они нашли гробницу Святителя, безъ всякой стражи, и воспользовались такою оплошностію, чтобы похитить изъ нее честныя мощи на свои суда. Пизане, приплывшіе также на поклоненіе, нѣсколько позже, хотѣли силою отнять у нихъ святыню и были отражены съ большею потерею. Торжествующіе Венеціяне принесли на родину добытое ими сокровище и положили оное, во вновь устроенной церкви во имя Святителя, на островѣ Лидо, у самаго устья своего великаго канала, дабы сею святынею оградить городъ со стороны моря. Должно предполагать однако, что они пріобрѣли только нѣкую часть мощей, или прежнюю ихъ раку, а не всѣ священные останки Чудотворца.

Куполъ, возвышающійся надъ сѣнію главнаго престола, одинъ изъ пяти, которые вѣнчаютъ крестообразную базилику, украшенъ какъ и всѣ прочіе мозаиками, премудрому расположенію коихъ надобно особенно удивляться на сводахъ храма. Въ этомъ куполѣ изображена, между оконъ, Божія Ма-

терь, съ Давидомъ и Соломономъ и двѣнадцатью Пророками, возвѣстившими пришествіе Христово, а въ самой вершинѣ представленъ Господь Вседержитель, и начертана надпись: «исполненіе закона Христосъ.» Кресло Патріаршее стоитъ по лѣвую сторону такъ называемаго хора, или по нашему олтаря, напротивъ ложи принадлежавшей Дожу и мѣста главныхъ сановниковъ республики. Около сей ложи выставлены два порфировыхъ столбика, принадлежащіе какъ говорятъ, къ той аркѣ Іерусалимской, съ которой Пилатъ, показывая народу истерзаннаго Спасителя, произнесъ горькое слово: «се человѣкъ!» — Титулъ Патріаршій не ранѣе XV вѣка перешелъ къ Архіепископамъ Венеціи, когда желая возвысить ихъ достоинство, Папы уничтожили въ ихъ пользу древній Патріархатъ Аквилейскій, признаваемый однако подъ симъ титуломъ только на Западѣ, а не на Востокѣ; первымъ изъ Патріарховъ Венеціянскихъ былъ Лаврентій, изъ знаменитаго рода Іустиніани, причтенный къ лику Святыхъ Римскихъ. Около Патріаршаго

кресла расположены орѣховыя скамьи, для капитула базилики, искусной рѣзьбы, которая совершенно соотвѣтствуетъ богатству олтаря, равно какъ и великолѣпная бронзовая дверь, ведущая въ ризницу, вся изваянная рѣзцемъ славнаго художника Сансовино, надъ которою, трудился онъ 30 лѣтъ.

Богатѣйшая ризница пристроена уже въ позднѣйшія времена, позади главнаго олтаря, съ лѣвой его стороны, за рѣзною дверью Сансовино, и она замѣчательна также изящностію своихъ мозаиковъ по сводамъ, гдѣ изображены Евангелисты и Пророки, вокругъ распятаго Господа; особенно роскошна такъ называемая деревянная мозаика на орѣховыхъ шкафахъ, въ которыхъ хранится утварь. Всѣ дѣянія Евангелиста Марка начертаны тутъ, утонченнымъ расположеніемъ разноцвѣтныхъ деревъ, какъ легкою кистію художника. Устройство главнаго олтаря Св. Марка ясно свидѣтельствуетъ о Византійскомъ образцѣ, по которому сооружена базилика, потому что и горнее мѣсто возвышается, въ крайнемъ его углубленіи, и

существуютъ доселѣ жертвенникъ и діакониконъ, обращенные теперь въ отдѣльныя капеллы или придѣлы, Петра Апостола и Климента Папы Римскаго. Подъ ихъ престолами много частицъ мощей Апостольскихъ и Святительскихъ. Всѣ три, то есть главный олтарь и оба придѣла, возвышены пятью мраморными ступенями надъ помостомъ церкви, какъ это бываетъ въ древнихъ соборахъ, и двѣ каѳедры стоятъ впереди ихъ, для чтенія Евангелія и для проповѣди, а иногда для бесѣды Дожа къ народу. Самыя колонны, драгоцѣннаго Африканскаго мрамора, которыя поставлены на ступеняхъ олтаря, числомъ до 16, съ изваяніями Апостоловъ на своемъ фронтонѣ, имѣютъ совершенно видъ иконостаса, и стоило бы только для полноты его вставить иконы между столбовъ.

На лицевой аркѣ главнаго олтаря начертано молитвенное воззваніе къ Евангелисту, которымъ также выразилась лучшая эпоха славы Венеціянской: «Италію, Ливію, Венетовъ, подобно льву, о Марко, учені-

емъ своимъ, гробомъ, упокоеніемъ и рыканіемъ, да охраняешь.» Если же, имѣя въ виду планъ и описаніе чудной базилики, стать въ самомъ ея центрѣ, подъ главнымъ куполомъ, и окинуть взоромъ правильное крестообразное ея расположеніе, и всѣ мозаики купола и перекрестныхъ сводовъ, и красоту помоста испещреннаго мраморами: то здѣсь откроется удивительная гармонія всѣхъ ея частей, которыя сливаются въ одно стройное цѣлое, и глубокое знаніе символики восточной, руководившей художниковъ въ распредѣленіи мозаическихъ картинъ. Взгляните во глубину купола, который подымается на 60 футовъ поверхъ помоста: тамъ вознесеніе Христово съ горы Элеонской, изображаемой самою формою купола, и Ангелъ взывающій къ Апостоламъ: «Мужи Галлилейскіе, что стоите здѣсь зряще?» и всѣ лики сихъ избранниковъ Божіихъ съ Пречистою Дѣвою, а подъ ними всѣ добродѣтели Христіанскія олицетворенныя здѣсь символами, потому что превыше всего возносится самый совершеннѣйшій образецъ добродѣтели. Въ углахъ

подъ куполомъ четыре Евангелиста и четыре рѣки Райскія, знаменующія изліяніе словесъ ихъ по вселенной, и четыре Ангела охранители храмовъ, а на всѣхъ сводахъ и стѣнахъ, расходящихся изъ сего центра, начертаны дѣянія и жизнь Христовы, такимъ образомъ однако, что событія младенчества начинаются отъ главнаго олтаря.

Бракъ въ Канѣ Галилейской, исцѣленіе прокаженнаго, искушеніе въ пустынѣ и входъ въ Іерусалимъ, первые представляются взорамъ; напротивъ ихъ умовеніе ногъ и тайная вечеря; въ одной изъ вѣтвей креста самое родословіе Господа, по Евангелисту Матѳею, и если постоянно слѣдовать за мозаиками вокругъ всей церкви, то многія изъ нихъ чрезвычайно умилительны. Такъ на примѣръ, троякая молитва Господа на горѣ Элеонской, гдѣ выражено усиливающееся его томленіе, и напротивъ сей горькой чаши, испитой богочеловѣкомъ, страданія его верховныхъ Апостоловъ и райская слава ожидающая вѣрныхъ. Не менѣе замѣчателенъ третій куполъ въ нижней

вѣтви креста, въ коемъ изображено сошествіе Духа Святаго на Апостоловъ и исчислены въ лицахъ всѣ народы упоминаемые въ дѣяніяхъ: Аравитяне и Мидяне, Парѳы и Эламиты и прочіе, языками коихъ внезапно заговорили ученики Христовы, когда излилъ онъ Утѣшителя своего на всю Церковь. Изъ сего купола спускается древній Греческій крестъ, служащій вмѣсто лампады. Надъ западными дверями изображенъ Господь, сѣдящій на престолѣ, съ пречистою Матерью своею и Евангелистомъ Маркомъ по сторонамъ его, вмѣсто Предтечи. Это обычная входная икона храмовъ Византійскихъ, съ такою трогательною надписью: «Я есмь дверь жизни: мною входите мои члены», а поверхъ двери на сводахъ изображены, уже новѣйшими художниками, великолѣпныя картины изъ Апокалипсиса, которыя всегда занимали мѣсто на западной стѣнѣ въ церкви Греческой; но кто изчислитъ богатство и разнообразіе всѣхъ неподражаемыхъ мозаиковъ базилики!

Такова была вѣроятно и Св. Софія Ца-

реградская, прежде нежели коснулись ея варварскія руки Оттомановъ, и не забѣлили золотистыхъ мозаиковъ, которые и доселѣ еще сквозятъ на ея стѣнахъ. Можно предполагать даже, что если соблюдена была такая строгая символика въ базиликѣ Венеціянской, то это потому, что въ расположеніи мозаиковъ слѣпо держались образца Византійскаго; иначе какъ могли бы на Западѣ такъ вѣрно передать правила Восточныя для живописи церковной? Это замѣтно не только на сводахъ храма, посвященныхъ единственно картинамъ Евангельскимъ, подобно какъ вся внѣшняя паперть предназначена для событій ветхаго завѣта, а куполы силамъ небеснымъ, но и на столбахъ и аркахъ видна таже мудрая постепенность: ибо тамъ изображены мученики и святые, послужившіе столпами церкви. Перила хоровъ Св. Марка похищены также изъ Св. Софіи и другихъ храмовъ Греческихъ, потому что они совершенно напоминаютъ еще уцѣлѣвшіе у насъ хоры, въ Кіевскомъ соборѣ Св. Софіи, и состоятъ изъ порфировыхъ и другихъ драгоцѣн-

ныхъ мраморныхъ плитъ, съ изваяніями орловъ и цвѣтовъ. Вообще роскошь мрамора, въ базиликѣ Св. Марка, превосходитъ всякое вѣроятіе, начиная отъ помоста и ступеней до безчисленныхъ колоннъ, всякихъ орденовъ и размѣровъ, поддерживающихъ своды, или разсѣянныхъ около каѳедръ и олтарей, для своенравнаго ихъ украшенія, то во вкусѣ Византійскомъ, то въ Арабскомъ или Готическомъ. Венеціяне истощили Востокъ для своей базилики и все въ нее сносили, какъ въ одну необъятную сокровищницу своихъ побѣдъ. «Что принесли вы Св. Марку?» былъ обыкновенный вопросъ республики, какой дѣлала она своимъ побѣднымъ флотамъ: «Что дадите вы Св. Марку?» спрашивала она, при каждомъ своемъ договорѣ, у притекавшихъ къ ея защитѣ. Когда же всѣ сіи сокровища, собранныя варварскою рукою, приведены были въ благолѣпный порядокъ, при возрожденіи искуствъ, и древнія мозаики обновились въ XVI вѣкѣ, геніемъ братьевъ Цукато, по чуднымъ оригиналамъ Тиціяна, Тинторета и Веронеза, — можно вообразить

себѣ, до какого совершенства достигла сія златая базилика, Chiesa aurea, какъ любили ее величать Венеціяне.

Говоря о роскоши мрамора, нельзя пройти мимо малой шестиколонной часовни, которая теперь въ нижней вѣтви креста базилики и славится своимъ чудотворнымъ распятіемъ, но стояла прежде посрединѣ площади, до совершенія чуда въ XIII вѣкѣ, когда слезы потекли отъ креста Господня, пораженнаго святотатною рукою. Между драгоцѣнными столбами сей часовни, изъ Африканскаго мрамора, есть два, бѣлаго и чернаго порфира, которымъ не знаютъ даже цѣны, и поверхъ ея купола сіяетъ, въ видѣ яблока, огромный прозрачный аметистъ, достойный царскаго вѣнца. Но есть другія сокровища болѣе близкія православному сердцу, которыя съ соболѣзнованіемъ видишь въ храмѣ иновѣрномъ, недоступными даже благоговѣйному лобызанію, поверхъ олтарей, подъ створами и замками: нѣкоторыя отворяются только однажды въ недѣлю, другія всегда заключены въ ризницѣ.

Такова чудотворная, особенно священная для насъ икона, Влахернской Божіей Матери, послужившая къ первоначальному обращенію народа Русскаго, во дни Патріарха Фотія и Князя нашего Оскольда, которая стоитъ теперь на отдѣльномъ олтарѣ съ лѣвой стороны; къ ней невозможно приложиться, и что еще непріятнѣе, складныя дверцы ея кіота, открываются только по субботамъ, день исключительно посвященный Божіей Матери. Святая икона сія, писанная Евангелистомъ Лукою, послана была изъ Іерусалима въ Царьградъ, Императрицею Евдокіею, супругою младшаго Ѳеодосія, въдаръ его сестрѣ, благочестивой Царевнѣ Пулхеріи, въ началѣ шестаго столѣтія, и поставлена въ придворной церкви Влахернской, гдѣ она всегда чествовалась, какъ защитница Царьграда, и не разъ избавляла его отъ нашествія иноплеменныхъ. Но въ 1204 году, когда крестоносцы овладѣли Константинополемъ, слѣпой Дожъ ихъ Дандоло, который зналъ всю цѣну иконы, во время долгаго своего пребыванія при дворѣ Императоровъ, похитилъ ее изъ палатъ Влахернскихъ и,

вмѣстѣ съ другими сокровищами иконъ и мощей, послалъ въ залогъ своей побѣды на родину. Достойно вниманія, что икона сія есть вѣрный образецъ нашей Печерской: Божія Матерь держитъ обѣими руками на лонѣ своемъ сѣдящаго младенца; златокованная риза покрываетъ икону, съ драгоцѣнными камнями и изображеніями Святыхъ, вычеканенными на окладѣ. Первые Святители Русскіе вѣроятно принесли въ лавру Печерскую снимокъ той иконы, которая послужила къ обращенію Руси, и вмѣстѣ съ Митрополіею перенесена она изъ Кіева въ Москву, гдѣ мы видимъ чудное ея изображеніе, въ горней часовнѣ теремовъ и на горнемъ мѣстѣ каѳедральнаго Успенскаго собора. Такъ отозвалась мнѣ Венеція Кіевомъ и Москвою!

Подлѣ олтаря, на которомъ стоитъ чудотворная икона Влахернская, отдѣльная капелла, сооруженная съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ Дожемъ Андреемъ Дандоло, заключаетъ въ себѣ другое сокровище Греціи, мощи святаго мученика Исидора. Ро-

домъ изъ Александріи, онъ служилъ воеводою въ войскахъ языческаго Императора Декія, въ половинѣ III столѣтія, и мученически окончилъ свой подвигъ на островѣ Хіосѣ, гдѣ долго покоились его нетлѣнныя мощи; но Дожъ Доминикъ Михаилъ, въ XII вѣкѣ, силою оружія перенесъ святыню сію въ Венецію: такъ мало по малу переходили въ нее сокровища Востока. — Еще двѣ Византійскія чудотворныя иконы, Спасителя и Божіей Матери, стоятъ на столбахъ въ правомъ крылѣ собора, у самаго входа въ ризницу или сокровищницу Св. Марка, которая заключаетъ въ себѣ много драгоцѣнностей Греческихъ и святыни, не смотря на частыя ея расхищенія, въ смутныя времена республики. Большая часть ихъ перевезена была изъ Царьграда, послѣ его раззоренія Крестоносцами, и отчасти сгорѣла 27 лѣтъ спустя, въ страшномъ пожарѣ, опустошившемъ базилику. Ризница раздѣлена на двѣ части, въ одной хранится собственно святыня мощей, въ другой священная древность; не могу перечислить всѣхъ, но упомяну только о главнѣйшихъ. Не много земли

обагренной кровію Господа, соблюдается въ великолѣпной дарохранительницѣ, имѣющей видъ Софійскаго собора, что называлось у насъ въ древности Сіонами. Часть столба, къ которому былъ Онъ привязанъ во время біенія, и ножъ послужившій для пасхальной вечери, тернъ Его вѣнца, и одинъ изъ гвоздей распятія, и нѣсколько кусковъ честнаго древа, въ золотыхъ кіотахъ, составляютъ сокровище страстей Его, уцѣлѣвшее для живаго о нихъ воспоминанія. Тамъ же и часть черепа Божественнаго Предтечи, и многія частицы мощей почти всѣхъ Апостоловъ, глава Тита ученика Павлова, рука побѣдоносца Георгія и перстъ Евангелиста Марка, вмѣстѣ съ Евангеліемъ имъ начертаннымъ, которое уже по ветхости не вынимается изъ оклада; но по свидѣтельству археологовъ прежнихъ столѣтій, Евангеліе сіе писано на Египетскомъ папирусѣ, Латинскими буквами; это подтверждаетъ мнѣніе церковное, что Св Маркъ изложилъ благовѣстіе свое на языкѣ Римлянъ. Есть и еще драгоцѣнная рукопись, но также мало доступная, хотя менѣе древняя: дѣ-

янія Апостольскія писанныя рукою Златоуста, въ двухъ книгахъ покрытыхъ богатѣйшими окладами. Сверхъ того много старыхъ иконъ Византійскихъ въ дорогихъ ризахъ, и богатые потиры и дискосы числомъ до сорока, золотые напрестольные подсвѣчники, самой изящной работы, кресты, панагіи и посохи, которые всѣ ясно обличаютъ Венецію въ расхищеніи Царьграда, и дышатъ родною Софійскою святынею. Все это безъ употребленія, ибо не нужно для богослуженія Латинскаго, но если бы оно явилось когда либо посреди храма, при Святителяхъ православныхъ, и раздались бы въ немъ звуки Греческой или Славянской литургіи, со всѣми величественными ея обрядами, которые наполняютъ всю церковь, а не совершаются только около престола какъ у Римлянъ, какое бы восхитительное зрѣлище открылось для взоровъ и сердца! Одно только такого рода богослуженіе совершилось въ храмѣ Св. Марка, когда Императоръ Іоаннъ Палеологъ принудилъ, послѣ Флорентинскаго собора, уже на обратномъ пути въ Грецію,

Митрополита Ираклійскаго служить литургію въ базиликѣ, но это служеніе отзывалось насиліемъ.

Есть еще двѣ капеллы или придѣла, замѣчательные по своимъ священнымъ древностямъ, съ правой стороны собора, уже въ паперти его огибающей. У входа въ первую капеллу, но еще внутри храма и недалеко отъ тѣхъ бронзовыхъ воротъ, которыя похищены были изъ Св. Софіи, показываютъ на стѣнѣ образъ, довольно грубо изваянный, Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечей по сторонамъ, (это обычный въ Греческихъ церквахъ Деисусъ, хотя Римляне называютъ Предтечу Богословомъ). Преданіе говоритъ, что въ III вѣкѣ Императоръ Діоклитіанъ приказалъ ваятелю Христіанскому, сдѣлать для него въ Аквилеи изображеніе трехъ боговъ языческихъ, Юпитера, Юноны и Меркурія; но онъ вмѣсто того смѣло исповѣдалъ предъ нимъ Господа, симъ изваяніемъ, и запечатлѣлъ вѣру свою, мученическою кончиною. Бронзовая купель, стоящая посреди придѣла крещальни, принадлежитъ геніальному

рѣзцу знаменитаго художника Сансовино, зодчаго вмѣстѣ и ваятеля; вѣнчающій ее ликъ Крестителя есть одно изъ лучшихъ его произведеній, равно какъ и дѣянія Предтечи, изваянныя по купели. Всѣ мозаики сего придѣла Греческія и самыя древнія въ базиликѣ; онѣ также изображаютъ событія изъ жизни Крестителя и младенчества самаго Господа, а въ куполѣ надъ купелью изображенъ Спаситель, повелѣвающій своимъ Апостоламъ: «идти научить всѣ языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.» Вокругъ него сонмъ дванадесяти представленъ идущимъ, каждый съ надписью того края вселенной, гдѣ проповѣдывалъ; подъ куполомъ въ углахъ четыре Святителя Греческіе и Вселенскіе, великіе Аѳанасій и Василій, Богословъ и Златоустъ.

Престоломъ сего придѣла служитъ тотъ самый камень, восточнаго гранита, на коемъ Господь проповѣдывалъ народу въ предѣлахъ Тира; онъ былъ перенесенъ оттолѣ при взятіи города въ 1126 году, Дожемъ Доминикомъ Михаиломъ, и нѣтъ сомнѣнія,

что въ народѣ должна была сохраняться память того мѣста, гдѣ бесѣдовалъ Спаситель съ женою Финикіянкой. Съ лѣвой же стороны престола вдѣланъ въ стѣну, подъ изваяніемъ усѣкновенной главы Предтечевой, другой драгоцѣнный камень, изъ грифельной доски, перенесенный изъ Самаріи, на коемъ по мѣстному преданію отсѣчена была въ темницѣ честная глава сія. Сколько такихъ сокровищь могли пріобрѣсти постепенно Венеціяне, сокрушая оружіемъ своимъ Востокъ и отыскивая въ немъ, при началѣ крестовыхъ походовъ, болѣе сокровища священныя, нежели богатства временныя! А теперь это все забыто и посѣщающіе Венецію не обращаютъ вниманія на сіи сокровища, погрузившіяся опять во мракъ неизвѣстности, посреди самаго яркаго свѣта просвѣщенія Европы.

Не менѣе драгоцѣнна древняя мраморная каѳедра, на коей возсѣдалъ въ Александріи Евангелистъ и которая, по мѣстному преданію, послана была Императоромъ Иракліемъ въ даръ Патріарху Аквилейскому, ибо въ сихъ предѣлахъ началась

проповѣдь Св. Марка. Нельзя засвидѣтельствовать удовлетворительно сего преданія, но во всякомъ случаѣ каѳедра, весьма грубой работы съ изваяннымъ на ней крестомъ, принадлежитъ глубокой древности.

Позади крещальни стоитъ гробъ знаменитаго Дожа Андрея Дандоло, скончавшагося въ 1354 году, который много украсилъ базилику, и написалъ лѣтопись своей республики. Послѣдній изъ Дожей онъ погребенъ былъ въ стѣнахъ храма; усиливающаяся аристократія Венеціи боялась оказывать слишкомъ много почестей даже и праху своихъ старѣйшинъ, имѣвшихъ только наружно весь призракъ величія царскаго, и опредѣлила, чтобы они по смерти возвращались изъ палатъ княжескихъ, не въ соборное ихъ хранилище, но въ частныя усыпальницы каждаго благороднаго племени. — Петрарка написалъ эпитафію Дандоло. Рядомъ съ придѣломъ крещальни, уже въ самой паперти, есть другой, Кардинала Зено, племянника Папы Павла II, бывшаго родомъ изъ Вене-

ціи. Онъ сооруженъ въ XV вѣкѣ и богатъ своими бронзами: фигура лежащаго Кардинала господствуетъ посрединѣ: ее стерегутъ два древнихъ льва изъ краснаго мрамора, стоявшіе прежде у входа въ базилику, какъ еще сохранились съ сѣверной ея стороны, на малой площади, два другіе базальтовыхъ льва, выходцы Египта. Съ правой стороны олтаря на стѣнѣ есть мраморное изваяніе Божіей Матери и Предвѣчнаго Младенца, съ четырьмя отверстіями въ камнѣ и Греческою надписью: что Императоръ Михаилъ, супругъ Ирины, пропустилъ ими струи водныя въ память тѣхъ, которыя нѣкогда источилъ Моисей изъ камня, по чему камень сей слыветъ Моисеевымъ въ Венеціи.

Отъ капеллы Зено собственно начинается великолѣпная паперть, огибающая съ двухъ сторонъ базилику, т. е. съ западной и сѣверной, если не включать въ нее сего придѣла и крещальни. На всѣхъ ея сводахъ, аркахъ и куполахъ, изображена мозаиками книга Бытія, начиная отъ сотворенія міра и до послѣднихъ дѣяній Іоси-

фа, которыми она кончается. Можно предполагать даже, что эта чудная паперть подала мысль Рафаилу написать фресками, въ своихъ ложахъ или галлереи Ватиканской, ту же самую Библейскую повѣсть, расположенную въ той же постепенности. Она прерывается здѣсь, только противъ главныхъ западныхъ вратъ, которыя, похищены также изъ Св. Софіи и, по своимъ изваяніямъ, напоминаютъ мѣдныя Корсунскія врата Новгорода. Если же надписи на нихъ Латинскія, то онѣ могли быть начертаны позднѣе, или какъ предполагаютъ нѣкоторые съ большимъ вѣроятіемъ, врата сіи были заказаны художникамъ Греческимъ въ Царьградѣ, во время сооруженія базилики; но меньшія двери съ правой стороны, безъ всякаго сомнѣнія похищены изъ Св. Софіи Дожемъ Дандоло. Распятіе и погребеніе Христово, успеніе Божіей Матери и воскресеніе Лазаря, изображены чудными мозаиками въ четырехъ полуаркахъ, предъ главными вратами, и здѣсь проявился во всемъ блескѣ геній мозаистовъ братьевъ Цукато. Не уступаетъ красотою отдѣлки и парящій

ликъ Евангелиста Марка, посреди Апостоловъ и Пророковъ, надъ вратами. Потомъ продолжается опять драгоцѣнная паперть, усѣянная золотомъ мозаики, по своимъ сводамъ, и гробницами Дожей вдоль по стѣнамъ, ибо здѣсь была усыпальница сихъ могущественныхъ нѣкогда обладателей Республики, между коими сохранились славныя имена Фаліери, Градениго, Михаели и Морозини.

Время оставить сію очарованную базилику, гдѣ на каждомъ шагу останавливаетъ что либо близкое сердцу, святое православное, и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкиваетъ чужбина отъ предметовъ самыхъ близкихъ и священныхъ. Прости, чудный храмъ Св. Марка, какъ бы для того отверзающій свои Софійскія врата и объятія, чтобы воспріять православныхъ молитвенниковъ подъ Византійскую сѣнь свою, а внутри твоего святилища смущающій сердце горестнымъ напоминовеніемъ, что мы не въ Царьградѣ, а въ расхитившей его Венеціи! — Но при самомъ выходѣ, предъ главными вратами, что за красная плита вдѣлана въ помостъ по

среди паперти? Этотъ камень свидѣтельствуетъ лучшую эпоху славы Венеціянской. Здѣсь на этомъ мѣстѣ, въ 1177 году, надмѣнный Императоръ Фридрихъ Барберусса, сокрушившій всѣ республики Италіи силою своего оружія, принужденъ былъ склонить надмѣнное чело свое предъ Папою Александромъ III, противъ котораго воздвигалъ долголѣтнюю бурю, когда буря сія разразилась надъ собственною главою Кесаря, побѣдою Венеціянъ. Здѣсь сидѣлъ на высокомъ тронѣ, подъ сѣнію Св. Марка, торжествующій Папа, имѣя близь себя Дожа Севастіяна Зіани и весь синклитъ республики; здѣсь поставилъ онъ ногу свою на преклоненное долу чело Кесаря и произнесъ надъ нимъ горькія для него слова псалма: «на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія.»

Не забыла сей торжественной для нее минуты гордая республика; она записана въ ея лѣтописяхъ, начертана и на стѣнахъ ея государственныхъ палатъ, гдѣ подобно царямъ честимые, но какъ узники наблюдаемые завистливымъ ея окомъ, столь-

ко вѣковъ властвовали и трепетали свѣтлѣйшіе Дожи; имя ихъ было такъ громко на Востокѣ и такъ горька ихъ мнимо свѣтлая участь! Пойдемъ въ таинственный дворецъ сей, гдѣ произошло столько славнаго и ужаснаго. Куда же идти изъ базилики Св. Марка, если не въ палаты, столь тѣсно связанныя съ нею, и событіями и самымъ зданіемъ, ибо тутъ глава и сердце Венеціи!

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ.

Описать въ точности Мавританскій обликъ сихъ очарованныхъ палатъ невозможно: но если кто только однажды взглянулъ на это необычайное зданіе, или видѣлъ оное хотя на картинѣ, тотъ уже не можетъ забыть его. Представьте себѣ широкую полосу бѣлаго и розоваго мрамора, съ италіянскими окнами и балкономъ, увѣнчанную готическими зубцами, которая всею массою лежитъ на легкой двухъярусной колоннадѣ, въ арабскомъ и византійскомъ вкусѣ, съ изящными карнизами и мрамор-

ными кружевами стрѣльчатыхъ сводовъ: такимъ представляется дворецъ Дожей, съ площади Св. Марка и съ набережной Славянской; главный упоръ всей этой громады, на одномъ угольномъ столбѣ, который только немного толще другихъ; такъ вѣрно разочтена была сила тяготѣнія мраморныхъ палатъ: отымите одинъ столбъ — и онѣ обрушатся! Два другіе фасада дворца, совершенно въ иномъ вкусѣ, обращены на внутренній дворъ Св. Марка и къ темницамъ, которыя съ нимъ соединены знаменитымъ мостомъ вздоховъ: какое страшное сосѣдство для царскихъ чертоговъ! но это въ духѣ Венеціи. — Народное преданіе, или лучше сказка, гласитъ у насъ, будто грозный Царь Іоаннъ, восхищенный зданіемъ церкви Св. Василія блаженнаго, велѣлъ выколоть глаза ея зодчему, чтобы онъ не могъ когда либо выстроить что-либо подобное. Но это преданіе отчасти сбылось въ Венеціи, не только надъ зодчимъ палатъ дожескихъ, но и надъ самымъ Дожемъ, ихъ основавшемъ въ XIV вѣкѣ. Зодчій Календаріо и Дожъ Маринъ Фаліеро, оба всту-

пившіе въ заговоръ, противъ аристократическаго своеволія республики, сдѣлались жертвою ея неумолимой мести, и когда Календаріо повѣшенъ былъ, въ виду созданныхъ имъ палатъ, внутри ихъ скатилась, по ступенямъ крыльца исполиновъ, развѣнчанная голова Дожа. И довершитель сихъ палатъ, Дожъ Францискъ Фоскари, полтораста лѣтъ спустя, долженъ былъ развѣнчаннымъ выдти изъ нихъ, опять въ частную жизнь Патриціевъ, подписавъ однако, еще внутри чертоговъ, тяжкій приговоръ своему сыну; самъ онъ умеръ внезапно, когда услышалъ колоколъ Св. Марка, заживо возвѣщавшій ему избраніе его преемника. — Такъ горьки были очарованныя палаты ихъ строителямъ!

Все что стѣснилось около сего таинственнаго дворца, собрано какъ бы нарочно, чтобы возбуждать невольный ужасъ, и свыклось съ нимъ воображеніе народное, у самаго входа въ царственное жилище своихъ Дожей. Быть можетъ правленіе республики нарочно хотѣло такъ пріу-

чить народъ, угрожая ему темницами внутри дворца и разнообразными напоминовеніями казней снаружи. Спросите: что это за порфировая группа, въ странныхъ одеждахъ, у самыхъ воротъ или башни хартій, которая такъ названа отъ судебныхъ приговоровъ, къ ней прибивавшихся? — вамъ скажутъ, что это были четыре брата, осужденные за мятежъ противъ республики; а въ сущности, это одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ мраморовъ, которые отовсюду собирала Венеція, для украшенія своей площади. Группа перенесена изъ Акры, вмѣстѣ съ двумя іероглифическими столбами, которые стояли тамъ предъ церковью Св. Саввы, а теперь предъ соборомъ Св. Марка: оттуда же похищенъ и мраморный піедесталъ, служившій для провозглашенія смертныхъ приговоровъ! — Между разнообразными украшеніями и готическими стрѣлками, которыя вѣнчаютъ соборъ, какая это бронзовая голова отдѣляется, на самомъ углу его, со стороны дворца? Это слѣпокъ съ головы знаменитаго военачальника республики Карманіолы, ко-

торый распространилъ владычество ея, въ XVI вѣкѣ, на сѣверномъ материкѣ Италіи и казненъ по подозрѣнію въ измѣнѣ республикѣ. Еще выше, что за лампада теплится предъ иконою Богоматери? — и это память незаслуженной казни: юноша, найденный съ оружіемъ около трупа, былъ приговоренъ къ смерти и призвалъ во свидѣтели своей невинности сію икону; когда же открылась истина, слишкомъ поспѣшное правительство думало очистить свою совѣсть, возженіемъ лампады. Но какіе два гранитныхъ столба стоятъ на самой пристани, предъ дворцемъ Дожей, одинъ съ крылатымъ львомъ Св. Марка, другой съ изваяніемъ Св. Θеодора Иракліискаго, который былъ сперва покровителемъ республики доколѣ не осѣнилъ ее Св. Маркъ, мощными крилами своего льва?

Эти столбы захвачены также на Востокѣ и долго лежали брошенными на пристани, пока не нашелся искусный зодчій чтобы ихъ воздвигнуть, но для чего? — Между ними вѣшали преступниковъ, пред-

почтительно благородныхъ, или, для большаго впечатлѣнія, выставляли трупы уже умерщвленныхъ въ темницѣ дворца, чтобы видѣлъ народъ, какъ гибнутъ враги республики и трепеталъ. Отчего одинъ изъ верхнихъ столбовъ дворцовой колоннады, багрянаго цвѣта? — онъ также назначенъ былъ для вывѣски смертныхъ приговоровъ. Взойдите наконецъ подъ арку Харатейныхъ воротъ, которая украшена всею прихотію вкуса Восточнаго, съ изящными изваяніями лучшихъ художниковъ: первое, что встрѣтитъ воображеніе ваше, пораженное столькими образами казней, — это горькая память Марина Фаліеро, на крыльцѣ исполиновъ.

И такъ, вотъ вы посреди двора, у подножія сего крыльца, такъ названнаго, отъ двухъ колоссальныхъ статуй Марса и Нептуна, рѣзца Сансовинова; взгляните окрестъ васъ и подивитесь, съ какою отчетливостію и разнобразіемъ отдѣланъ каждый внутренній фасадъ четвероугольнаго двора, особенно тотъ, что напротивъ васъ, и такъ называемый Сенаторскій съ лѣвой стороны.

Обратите вниманіе на самые узоры крыльца; здѣсь трудились надъ мраморомъ, какъ искусная швея прихотливо располагаетъ узоры свои по канвѣ. На вершинѣ крыльца обыкновенно вѣнчали Дожей, золотою рогообразною шапкой, унизанною перлами и драгоцѣнными камнями, которую имъ пожертвовала, еще въ IX вѣкѣ, игуменья изъ славнаго дома Морозини; шапка была истреблена во время возмущенія народнаго, при паденіи республики. Напротивъ исполинскаго восхода, надпись на стѣнѣ, сохраняетъ память торжественной встрѣчи Короля Франціи, Генриха III, въ 1574 году, когда съ Польскаго престола бѣжалъ онъ на Французскій. Дожъ Венеціи и Патріархъ шли по сторонамъ его, ради почести, ибо гордая республика блестящимъ пріемомъ вѣнчанныхъ Государей старалась выказывать предъ ними собственное достоинство. Подлѣ сей надписи сохранились еще такъ называемыя львиныя пасти, или отверстія для всякаго рода прошеній и доносовъ, которые такъ страшно разрѣшались внутри таинственныхъ палатъ.

Пройдя нѣсколько вдоль наружной галлереи двора, встрѣчаешь, одну подлѣ другой, двѣ лѣстницы: первая сенаторская, по которой сходили сановники республики къ своимъ гондоламъ, на каналъ позади дворца (rio del palazzo); другая, подъ громкимъ именемъ золотой, ведетъ въ верхніе чертоги, которые въ одинъ только ярусъ, со стороны площади и набережной славянской, и въ два жилья, со стороны двора соборнаго и канала. Знаменитый художникъ Сансовино былъ зодчимъ золотаго крыльца, такъ названнаго по блеску своихъ украшеній, при Дожѣ Андреѣ Гритти, который обновилъ царственныя палаты своихъ предмѣстниковъ и особливо первый ярусъ, бывшій собственно жильемъ ихъ, подъ присутственными залами. Отъ временъ нещастнаго Марина Фаліеро, въ половинѣ XIV вѣка, и до временѣ Пасхалія Цигоніи, въ исходѣ XVI вѣка, въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій строился великолѣпный дворецъ сей, нѣсколько разъ опустошаемый пожарами, но постоянно довершаемый, по первоначальнымъ рисункамъ зодчаго Календа-

ріо, котораго геній не спасъ отъ заслуженной казни. Теперь тѣ покои, гдѣ обитали Дожи, совершенно пусты, и только остатками роскошныхъ потолковъ и каминовъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ великолѣпіи: они предназначены для общественнаго музея. Если же, не подымаясь выше въ присутственныя залы, идти на ту половину, которая обращена къ площади и набережной, то здѣсь откроются двѣ самыя обширныя палаты всего дворца, которыя теперь заняты знаменитою библіотекою Св. Марка.

Сладкій пѣвецъ Лауры, Петрарка, положилъ въ XIV вѣкѣ первое основаніе библіотеки, гдѣ теперь считается до 70,000 печатныхъ книгъ и до 5000 рукописей, и пожертвовалъ Венеціи свои харатейныя сокровища, въ залогъ благодарности; сто лѣтъ спустя книгохранилище Св. Марка умножено было дарами другаго ученаго мужа, Кардинала Виссаріона, бывшаго Митрополитомъ Никейскимъ, котораго память для насъ прискорбна, ибо онъ измѣнилъ православію на соборѣ Флорентинскомъ, ради багряницы

Римской. Портретъ его виситъ надъ дверями перваго покоя, открывающаго входъ въ залу великаго совѣта, гдѣ теперь библіотека; но она перенесена была туда уже послѣ паденія республики, изъ противулежащаго зданія старыхъ присутственныхъ мѣстъ или прокурацій. Грустно взойти въ сію обширную палату, обставленную нынѣ шкафами вдоль по стѣнамъ, вмѣсто скамей, на коихъ возсѣдало до 500 совѣтниковъ славной нѣкогда республики; вся палата еще исполнена памятью ея побѣдъ. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояло высокое кресло Дожей, великолѣпная картина Тинторета заняла всю стѣну изображеніемъ райской славы, и въ ней просіялъ геній художника разнообразіемъ безчисленныхъ фигуръ, гармонически слитыхъ въ одно цѣлое. Живая кисть его и Павла Веронеза расписала обширный потолокъ сей залы аллегорическими картинами, въ которыхъ идолъ республики, обоготворенная Венеція, представлена со всѣми символами своихъ добродѣтелей и могущества, вѣнчанная славою, окруженная божествами Олимпа и олицетворенными изо-

браженіями покоренныхъ ею областей. Нѣкоторые изъ ея ратныхъ подвиговъ начертаны также на стѣнахъ, въ многочисленныхъ картинахъ: это смиреніе Императора Фридриха Барбарусы предъ Папою Александромъ III, чрезъ посредство оружія Венеціянъ, и завоеваніе Царьграда столѣтнимъ вождемъ ихъ Дандоло. Пальма и Бассано, художники искусные, хотя и менѣе именитые нежели три первые генія школы Венеціянской, Тиціянъ, Тинторетъ и Веронезъ, не щадили дара своего во славу отечества, чтобы передать потомству блистательнѣйшія ея эпохи, на одушевленномъ ими холстѣ. Кругомъ всей залы тянется, вмѣсто карниза, лѣтописный рядъ Дожей Венеціи, въ числѣ 115, продолжающійся и въ слѣдующую залу; онъ начинается съ 804 года девятымъ Дожемъ Антеноромъ Обеларіо и кончается въ 1797 году Людовикомъ Манини. На томъ мѣстѣ, гдѣ бы надлежало быть портрету Марина Фаліеро, пустое мѣсто и на черномъ полѣ латинская надпись, которая бросалась прямо въ глаза его преемникамъ, когда возсѣдали они во

всей славѣ накаѳедрѣ Дожей: «здѣсь мѣсто Марина Фаліеро, обезглавленнаго за преступленія.»

Посреди важныхъ государственныхъ совѣщаній, которыхъ была свидѣтельницею сія лѣтописная палата, три особенно были замѣчательны, потому что онѣ выразили духъ народный, въ различныя эпохи республики, и тѣсно сопряжены были съ ея жизнію и смертію. Когда въ началѣ XIII вѣка славный Дожъ Дандоло, оружіемъ крестоносцевъ завоевалъ Царьградъ, и Венеція стала надмѣнно величать себя въ своихъ актахъ, обладательницею трети и четверти Восточной имперіи, въ ея государственной думѣ предложено было перенести столицу, съ родныхъ ея острововъ въ покоренный Царьградъ: и чтоже? одного только голоса недостало для исполненія сего страннаго предпріятія; голосъ сей былъ названъ голосомъ Провидѣнія, ибо онъ спасъ Республику. Въ исходѣ того же столѣтія, когда флотъ Генуезскій и войска Короля Венгріи громили со всѣхъ сторонъ Венецію, и требовали самаго вѣнца Дожей съ сокро

вищами Св. Марка, опять возродилась нещастная мысль перенести правленіе республики въ недавно покоренный островъ Кандію, и опять здѣсь же любовь къ отечеству одолѣла малодушіе. Но оно одержало наконецъ верхъ, въ послѣднихъ годахъ минувшаго вѣка, когда новая республика Французская сокрушила четырнадцати вѣковую Венеціянскую. Грозный завоеватель уже стоялъ на завѣтномъ берегу, отколѣ еще никогда вражеское оружіе не досягало Венеціи, народъ возмутившійся противъ аристократическаго правленія шумѣлъ на площади Св. Марка; послѣдній Дожъ Манини собралъ здѣсь болѣе 500 Патриціевъ, для рѣшенія вопроса: быть или не быть Венеціи государствомъ свободнымъ? и послѣ трехдневныхъ совѣщаній, 512 голосовъ противъ 28 рѣшили: не быть!

Зала сія, такъ какъ и послѣдующая, одинаковой съ нею величины, гдѣ производились избранія Дожей, заключаетъ въ себѣ кромѣ историческихъ воспоминаній и сокровища древняго ваянія, ибо вмѣстѣ съ

библіотекой въ ней находится музей. Знаменитый Ганимедъ, рѣзца Фидіасова, увлекаемый орломъ Юпитера, виситъ подлѣ того шкафа, гдѣ хранится карта ученаго инока Фра-Мавро, который предугадалъ мысъ доброй Надежды, прежде его открытія Португальцами; а въ залѣ избирательной древняя статуя Улисса есть также одинъ изъ драгоцѣнныхъ остатковъ ваянія Греческаго. Опять лѣтопись Венеціи начертана на стѣнахъ, кругомъ сей залы, кистію лучшихъ ея художниковъ. Здѣсь и покореніе Зары крестоносцами, идущими въ Царьградъ, и взятіе Тира у невѣрныхъ, и побѣда Венеціянъ надъ флотомъ Халифа Египетскаго, и знаменитая битва Лепантская, сокрушившая полчища Оттоманскія, съ другими воинскими подвигами четырнадцати вѣковой республики. Обширная картина Пальмы, подобная райской славѣ Тинторета, занимаетъ здѣсь также всю стѣну надъ мѣстомъ Дожескимъ; она изображаетъ страшный судъ, предметъ весьма приличный для судебной палаты, гдѣ рѣшалась участь республики избраніемъ

ея верховныхъ вождей. Портреты ихъ продолжаются кругомъ карниза, а на противулежащемъ концѣ залы сооружена изъ мрамора тріумфальная арка завоевателю Мореи, Дожу Морозини, который пролилъ послѣдніе лучи воинской славы на ослабѣвавшее уже оружіе Венеціи, въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія. Будучи еще прокураторомъ Св. Марка едва не подвергся онъ смертной казни, за то что вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ, искупленный имъ въ послѣдствіи новыми побѣдами. Въ предыдущей залѣ совѣта происходило преніе о его казни или пощадѣ, а въ этой былъ онъ самъ избранъ большинствомъ голосовъ, на престолъ Дожей и сооруженъ ему памятникъ: такъ непостоянна въ республикѣ участь великихъ мужей! Здѣсь позволила она, во дни своей славы, Королю Франціи Генриху III принять участіе въ избраніи прокуратора Св. Марка и утвердила его выборъ; здѣсь же нещастный Дожъ Францискъ Фоскари долженъ былъ подписать жестокій приговоръ, удалявшій въ вѣчное изгнаніе его сына,

когда, для большей почести дожескаго сана, ему поднесли приговоръ сей на колѣняхъ! О суета суетствъ! — и Фоскари и Морозини — все изчезло съ лица земли, вмѣстѣ съ гордою республикою, которая потрясала Востокъ! Соорудивъ себѣ мраморный саркофагъ, на тѣхъ островахъ, гдѣ нѣкогда искала спасенія отъ бича Божія Атиллы, она заснула въ немъ, подъ шумъ адріатической волны, ей напѣвающей вѣчную память!

Если по выходѣ изъ залы великаго совѣта, пройти обратно тѣми же галлереями, и подняться во второй ярусъ, по золотой лѣстницѣ: то первая представится вамъ зала четырехъ портиковъ; она такъ названа отъ четырехъ великолѣпныхъ преддверій, украшенныхъ римскими колоннами, которыя вели въ различныя присутственныя палаты. Потолокъ ея украшенъ фресками Тинторета, изображающими славу Венеціи, которой вручаетъ Юпитеръ обладаніе Адріатикой; колоссальная фигура Вѣры начертана на одной стѣнѣ кистію Тиціяна, а напротивъ торжественная встрѣча Генриха III

Короля Франціи, и Дожъ Цигонія принимающій пословъ Персидскихъ, пришедшихъ подивиться его мудрости. Трогательно видѣть въ каждомъ предметѣ, который избирался для картинной галлереи палатъ дожескихъ, тоже стремленіе прославить свое отечество, подвигами государственныхъ мужей, и даже обоготворить Венецію, окруживъ ее всѣми символами Олимпа, чтобы только выразить, какъ высоко стояла она въ мысляхъ сыновъ своихъ. Крайняя дверь, съ лѣвой стороны этой залы, открывала входъ въ малый покой, прославленный яркою кистію Веронеза; тутъ послы иноземные ожидали пріема Дожей и могли любоваться произведеніями величайшихъ живописцевъ венеціянской школы. Похищеніе Европы, заслужившее славу европейскую, взято было завоевателемъ Венеціи и возвращено ей, когда уже не существовала республика.

Слѣдующая зала была пріемною пословъ и сохранила еще всѣ свои первобытныя убранства, вмѣстѣ съ амвономъ и каѳедрою Дожей; помостъ ея устланъ мозаикомъ изъ

драгоцѣнныхъ мраморовъ, нижняя часть стѣнъ обшита кипарисомъ, похищеннымъ изъ раззоренной Византіи: стѣны расписаны кистію Тинторета, въ память славной битвы Лепантской и другихъ побѣдъ, за которыя Дожи Моцениго и Андрей Гритти, на колѣняхъ, молятся предъ Господомъ и его Пречистою Матерью; а на потолкѣ, изпещренномъ арабесками, опять сіяетъ, подъ кистію Веронеза, обоготворенная Венеція, возсѣдающая на шарѣ земномъ, между миромъ и правдой. Драгоцѣнная ткань, изображающая любовные подвиги Юпитера, развѣшана по стѣнѣ, къ которой прислонены сѣдалище Дожа и его ближайшихъ совѣтниковъ; 27 креселъ, покрытые краснымъ поблекшимъ сафьяномъ, на коихъ еще возсѣдали послѣдніе сановники республики, уцѣлѣли послѣ ея паденія въ посольской палатѣ, гдѣ иногда нѣмѣли отъ невольнаго смятенія послы иноземные: до такой степени поражало ихъ зрѣлище царственнаго совѣта Венеціи.

Когда посолъ предъявлялъ вѣрющія грамоты свои секретарю республики, ближайшій совѣтникъ, сидѣвшій по правую руку

Дожа, уступалъ для бесѣды съ нимъ мѣсто свое послу; она казалась дружескою и тайною, но происходила подъ наблюденіемъ страшныхъ десяти членовъ верховнаго совѣта, тутъ же засѣдавшихъ. Свѣтлѣйшій вождь сильной республики не смѣлъ имѣть частнаго сношенія съ иностранцами, ни даже получать отъ нихъ наединѣ письма и, подъ своей золотой шапкою и порфирой, былъ первымъ рабомъ аристократіи Венеціянской. Къ дожескому креслу этой залы пригвоздилъ однажды дерзкій юноша, изъ числа патриціевъ, оскорбительные стихи на счетъ супруги Марина Фаліеро, и напрасно требовалъ себѣ удовлетворенія царственный старецъ. Онъ рѣшился самъ отмстить за честь свою, сокрушеніемъ власти аристократовъ, и сдѣлался ихъ жертвою, когда открылся его необдуманный заговоръ. Всѣ чертоги наполнены памятію его бѣдствія: здѣсь начало оскорбленія, въ палатѣ десяти членовъ судъ и приговоръ; горькое прощаніе съ юной супругою въ преддверіи капеллы, упраздненный портретъ

въ залѣ великаго совѣта и казнь на крыльцѣ исполиновъ.

Вотъ и другая великолѣпная зала Сената, рядомъ съ первою, также сохранившая обширный кедровый амвонъ свой и каѳедры Дожа, десяти правителей и прочихъ ближайшихъ его совѣтниковъ или обладателей, въ числѣ двадцати семи; уцѣлѣлъ и налой секретарскій, какъ будто бы еще только недавно кончилось въ ней засѣданіе трехъ сотъ приглашенныхъ (pregadi), такъ назывались Сенаторы. Много славнаго видѣла она въ стѣнахъ своихъ; здѣсь бывали торжественные пріемы Государей Запада и Востока, которыхъ любила честить гордая республика, не унижаясь однако предъ ними. Здѣсь былъ принятъ Императоръ Греческій Іоаннъ Палеологъ Дожемъ Францискомъ Фоскари, когда ѣхалъ на соборъ въ Феррару и когда возвращался изъ Флоренціи; здѣсь около тогоже времени, въ половинѣ XV столѣтія, Императоръ Римскій Фридрихъ III, проѣздомъ въ Неаполь угощаемъ былъ тѣмъ же Дожемъ, который имѣлъ рѣдкій случай принимать двухъ Им-

ператоровъ, Востока и Запада, и самъ столь бѣдственно окончилъ свое правленіе. Венеція думала угодить Императору великолѣпными хрусталями своей Муранской фабрики; но жадному Германцу хотѣлось золота и онъ велѣлъ придворному своему шуту какъ бы нечаянно разбить посуду: «золотая бы не разбилась», замѣтилъ Кесарь, и Дожъ велѣлъ принести, съ монетнаго двора, столько же грубыхъ кусковъ металла, сколько было обломковъ хрусталя.

Зала сія, гдѣ самыя важныя совѣщанія происходили большею частію по ночамъ, лишена теперь прежней своей восточной роскоши, пурпура, золота и драгоцѣнныхъ тканей; но еще сохранила богатство изящныхъ произведеній школы венеціянской. Каковы были сіи палаты, которыя расписывала кисть Тиціяна, Тинторета и Веронеза, и одушевлялъ рѣзецъ Сансовино, когда въ тоже время безсмертный зодчій Палладій заботился о внѣшней ихъ красотѣ! Въ этой залѣ изобразилъ Тинторетъ двухъ Дожей Пріули, на колѣняхъ у плащаницы, и Петра Лоредана, молящагося

Пречистой Дѣвѣ, а на потолкѣ опять обоготворенную Венецію. Замѣчательно, что здѣсь всѣ фигуры Дожей въ колѣнопреклонномъ положеніи, какъ бы для того, чтобы внушить смиреніе верховнымъ главамъ республики, а Венеція напротивъ того богинею паритъ надъ ними въ облакахъ! Ея чрезвычайная борьба съ цѣлой Европою, которая соединилась противъ нее въ одинъ Камбрезійскій союзъ, символически изображена кистію Пальмы: левъ Св. Марка, стремится на тельца Юпитерова, уносящаго Нимфу Европу, по баснословнымъ преданіямъ Греціи. Напротивъ сей картины избраніе Св. Лаврентія, изъ знаменитаго дома Юстиніани, въ первые Патріархи Венеціи. Позади залы Сената малая придворная церковь Дожей, украшена фресками Тинторета и Тиціяна; въ ея преддверіи образцы трехъ картинъ, которыя выполнены мозаикомъ на паперти соборной: перенесеніе изъ Александріи мощей Евангелиста, а на главномъ олтарѣ ея поставлено изящное изваяніе Божіей Матери, рѣзца Сансовино.

Возвратясь изъ придворной церкви, чрезъ залы Сената и четырехъ портиковъ, входишь въ самое страшное отдѣленіе дворца, въ палату десяти таинственныхъ правителей республики и трехъ Инквизиторовъ, изъ числа ихъ, которые наводили всеобщій ужасъ, тайными и явными средствами своего владычества. Въ началѣ XIV вѣка была установлена, только на пять дней, диктаторская власть десяти Патриціевъ, въ минуту опасности республики, при открытіи заговора двухъ изъ благороднѣйшихъ фамилій венеціянскихъ. Децемвиры сами себя продлили на пять лѣтъ, а потомъ навсегда; до такой степени, при самомъ основаніи, утвердилась деспотическая власть ихъ. Сперва одни только Патриціи, а потомъ и сановники и самые Дожи, подверглись ихъ строгому наблюденію. Когда же, чрезъ два столѣтія, избрали они еще изъ среды своей трехъ Инквизиторовъ, для верховнаго надзора за всѣми дѣлами республики, то всякая власть изчезла предъ ихъ могуществомъ, и Дожъ сдѣлался только тѣнію, представителемъ внѣшняго блеска

республики. А междутѣмъ, быть можетъ этому жестокому, но вмѣстѣ таинственному правленію, обязана Венеція своимъ долгимъ существованіемъ, посреди всеобщаго упадка прочихъ знаменитыхъ республикъ, которыя изчезали одна за другою, на материкѣ Италіи.

Зала десяти утратила свое первобытное убранство, и ее уже успѣли обратить въ музей: уничтоженъ обширный амвонъ съ каѳедрами Дожа, десяти членовъ и пятнадцати ихъ совѣтниковъ, гдѣ въ страшную ночь суда надъ Фаліеро, обнаженный мечь заступилъ его мѣсто на креслѣ Дожей, и гдѣ прочли смертный приговоръ славному вождю Карманіолѣ; его воинскій подвигъ, взятіе Бергама, еще доселѣ написанъ въ преддверіи залы Децемвировъ. Потолокъ ея былъ украшенъ кистію Веронеза, но лучшая картина увезена въ Парижъ: Юпитеръ, карающій четыре уголовныя преступленія, надъ коими особенно изливалось мщеніе десяти судей. Еще остались на стѣнахъ: встрѣча Папою Александромъ III Дожа Зіани, послѣ его побѣды надъ Императоромъ Фридрихомъ,

и свиданіе Карла V, съ Папою Климентомъ VII въ Болоніи, для умиренія Италіи, подъ вліяніемъ республики. Въ преддверіи залы, гдѣ сидѣли письмоводители и обвиненные ждали суда, а осужденные приговора, сохранились еще львиныя пасти или отверстія для пріема доносовъ, какъ у крыльца исполиновъ. Дубовая дверь, въ родѣ шкафа, ведетъ въ небольшую комнату, которую избрали для своихъ совѣщаній три Инквизитора, и одна только уцѣлѣвшая на стѣнѣ картина, съ фантастическими изображеніями всякаго рода казней, прилично украшаетъ это страшное средоточіе управленія республики.

Около покоя Инквизиторовъ есть нѣсколько тѣсныхъ проходовъ и келлій, гдѣ хранились архивы и совершались иногда пытки; въ одномъ углу роковая дверь, которая изъ одного мѣста, въ тоже время, вела и на горькоименитый мостъ вздоховъ, въ темницу что за каналомъ, и въ глубокія подземелья дворца или колодези, какъ ихъ назвало испуганное воображеніе народа, и подъ свинцовую крышу, въ пломбы, гдѣ

томились жаромъ узники. Однако последнее заключенiе не было столь ужасно, какъ его привыкли описывать, и назначалось для менѣе важныхъ преступниковъ; ибо хотя въ жаркiе дни томительна была металлическая крыша палатъ, но за то тамъ дышали чистымъ воздухомъ и изъ высокихъ оконъ представлялась очаровательная Венецiя. Но надобно сойти на дно колодцевъ, чтобы тамъ постигнуть весь ужасъ сихъ темницъ, гдѣ въ сырости и совершенномъ мракѣ изнывали жертвы мщенiя Децемвировъ и гдѣ пропадали безъ вѣсти навлекшiе на себя ихъ подозрѣнiе. Еще видно каменное кресло, на которое сажали осужденныхъ, чтобы удавить ихъ накинутою со спинки петлею, и то отверстiе сводовъ, куда подплывала гондола, чтобы принять трупъ, или иногда еще живаго, и везти его въ дальнiй каналъ Орфано для утопленiя. Сохранились на стѣнахъ подземныхъ келлiй нѣкоторыя надписи, начертанныя въ минуты сердечной тоски, уже не чаявшими спасенiя:

«Не вѣрь никому, думай самъ и молчи,

если хочешь избѣжать козней наушниковъ; признаніе ничего не поможетъ, а только послужитъ обличеніемъ твоей вины.»

Вотъ и другая надпись, выражающая таинственный ужасъ сей адской темницы:

«Отъ того, кому вѣрю, да спасетъ меня Богъ; отъ того же, кому не вѣрю, спасуся самъ.»

БОЛЬШОЙ КАНАЛЪ.

Съ Мавританскаго балкона дворца Іустиніяни, надъ самымъ устьемъ большаго канала, любовался я великолѣпною картиною Венеціи въ лунную ночь. Легкимъ туманомъ подернутъ былъ дальній берегъ Лидо, но яркими огнями горѣла набережная Славянская, начиная отъ дворца Дожей и до ея чуть виднаго края, почти на взморьи. Передо мною возставали изъ волнъ два изящныхъ храма Венеціи: Св. Георгія, на маломъ островѣ, противъ самой пристани, геніальное созданіе великаго зодчаго Палла-

дія, и Св. Маріи (della Salute), съ необычайной роскошью сооруженной на память избавленія отъ моровой язвы. Рядомъ съ нею морская таможня, замѣчательная также по своему зодчеству, образовала собою остроконечный мысъ, между большимъ каналомъ и рукавомъ Жіудеки; а вдали, за симъ широкимъ протокомъ, еще мелькала въ туманѣ женская обитель.

Полная луна проливала обильный свѣтъ на тихія воды и на мраморные берега, какъ давній другъ, прикрывая серебристымъ покровомъ померкшую славу Венеціи. Нѣсколько судовъ, убогій остатокъ всемірной ея торговли, колебались на своихъ якоряхъ въ обширной пристани, жаждавшей цѣлаго флота, но на нихъ не было звука! Слышался только пронзительный крикъ морскихъ чаекъ, часто нырявшихъ, какъ бы въ ожиданіи труповъ, изъ подъ моста вздоховъ, словно голуби, прикормленные на площади Св. Марка! — А теперь сама Венеція уже одинъ изъ тѣхъ бездушныхъ или еще живыхъ труповъ, которые столь щедро метала она въ свои каналы, во дни

республики! — Подъ моимъ легкимъ балкономъ слышался, посреди ночнаго безмолвія, живой разговоръ гондоліеровъ, причалившихъ къ мраморному крыльцу свои черныя гондолы, и только говоръ сей напоминалъ, что есть еще живыя существа въ этой полумраморной, полуводяной пустынѣ!

Мнѣ хотѣлось взглянуть, при лунномъ сіяніи, на площадь Св. Марка, съ ея дивнымъ соборомъ, и на прилегавшую къ ней площадку, съ волшебнымъ дворцемъ Дожей. Ослѣпительный свѣтъ газа, зазженнаго кругомъ всей площади, отражался на ея лоснящихся камняхъ и на безчисленныхъ аркадахъ старыхъ и новыхъ прокураторій, или присутственныхъ мѣстъ; онѣ, вмѣстѣ съ новымъ дворцемъ Наполеона, облегаютъ съ трехъ сторонъ площадь и даютъ ей видъ огромной залы, которой одно только небо достойно быть покровомъ, по словамъ сего великаго завоевателя! — Не смотря однако на обильные лучи мѣсяца, соборъ Св. Марка не довольно ясными чертами обозначался на синевѣ неба, отъ столкновенія свѣ-

та небеснаго съ земнымъ; но его арабская колокольня чернымъ призракомъ расла въ небо, и тамъ, высоко надъ землею, одѣвалась лунными лучами ея остроконечная глава. Казалось все очарованіе старой отжившей Венеціи, вмѣстѣ съ нею, возстало опять изъ замогильной области минувшаго, и великія тѣни, бывшія людьми державной республики, величаво выйдутъ изъ воротъ соборныхъ, или спустятся съ крыльца исполиновъ, подъ харатейную башню дожескихъ палатъ, рѣшать судьбы Востока, на многонародной площади Св. Марка!

Еслиже кто хочетъ еще, и при дневномъ свѣтѣ, взглянуть въ поблекшее лице очаровательной нѣкогда дочери Св. Марка: пусть пробѣжитъ при яркомъ солнцѣ, па легкой гондолѣ, по влажному пути ея единственной улицы, отъ устья великаго канала къ Ріальто и далѣе за мостъ, до великолѣпной обители босыхъ братій (scalzi); пусть полюбуется призраками палатъ, которыя еще выростаютъ съ обѣихъ сторонъ, изъ голубыхъ водъ Венеціи, какъ мраморные

жизненные остовы, отъ коихъ давно отлетѣла патриціянская душа ихъ; пусть читаетъ онъ четырнадцати вѣковую лѣтопись Венеціи, на лицѣ ея мавританскихъ и готическихъ дворцевъ, въ ихъ надмѣнныхъ гербахъ и легкихъ колоннадахъ, если только будетъ умѣть разбирать сію узорочную грамоту; ибо тамъ смѣшались между собою, въ одной чудной массѣ, разнородные эпохи и народы, Западъ и Востокъ, Христіанство и Халифатъ. Палаты цѣлы снаружи, какъ бы во дни славныхъ своихъ владѣльцевъ; только не должно спрашивать, кто ихъ населяетъ нынѣ? и не надобно заглядывать въ пустыя окна и отверстыя двери балконовъ и терасъ, какъ не хорошо смотрѣть въ свинцовые глаза усопшему, если еще не успѣли закрыть ихъ. Съ иныхъ терасъ еще вѣетъ благовоніе цвѣтовъ и померанцовъ: глотайте ароматы и плывите мимо, запахъ цвѣтовъ отраденъ и на могилѣ. Въ другихъ чертогахъ, изъ среды самой роскоши мраморныхъ изваяній, спущена къ великому каналу, какая нибудь домашняя убогая утварь и сушится на родномъ солнцѣ: — что

же, развѣ вы никогда не видали разбитаго бурею корабля, котораго изорванныя снасти и паруса развѣваются по вѣтрамъ? — Отвратите взоры къ другимъ какимъ-либо палатамъ; ихъ много на большомъ каналѣ, есть чѣмъ полюбоваться въ мраморной раковинѣ этой очарованной царицы водъ: а между тѣмъ, по изгибамъ ея главнаго протока, во всѣ стороны открываются вамъ другія водяныя жилы Венеціи: онѣ также обставлены опустѣвшими палатами и великолѣпными храмами, которые одни сохранили внутреннюю красоту свою, подъ сѣнію святыни, когда пало наружное величіе ихъ строителей. Хотите ли слышать нѣсколько громкихъ именъ, которымъ уже нѣтъ болѣе эха въ Адріатикѣ, хотя онѣ отзывались нѣкогда на всемъ поморіи Востока? Покамѣстъ ловкой гондольеръ, стоя позади васъ, длиннымъ весломъ плавно движетъ свою легкую гондолу, по тихимъ водамъ великаго канала, прислушайтесь къ тщетнымъ звукамъ сихъ именъ, по мѣрѣ того какъ будутъ мелькать

мимо васъ мраморные призраки ихъ бывшихъ палатъ.

Вотъ, противъ великолѣпной церкви Св. Маріи Спасительницы, дворецъ послѣдняго Адмирала республики, Эмо, и мавританскія палаты Юстиніани, которые вели родъ свой отъ Императора, обладая многими островами Архипелага и дали перваго Патріарха Венеціи Св. Лаврентія: посмотрите на вывѣску ихъ, это теперь гостинница Европы. Почти рядомъ съ нею великолѣпный дворецъ Корнаро, сооруженный славнымъ зодчимъ Сансовино, для потомковъ Королевы Кипрской: теперь тамъ Австрійскія присутственныя мѣста; а напротивъ обширное основаніе неоконченныхъ палатъ патриція Веніера, хотѣвшаго состязаться съ роскошью Корнаровъ. Подлѣ малый дворецъ Даріо, весь одѣтый мраморомъ, который посвященъ былъ своимъ патріотическимъ владѣльцемъ генію города: — гдѣ же онъ нынѣ? Съ той же стороны академія художествъ помѣщается въ богоугодномъ заведеніи. Она была собрана уже послѣ паденія республи-

ки и заключаетъ въ себѣ лучшія сокровища школы венеціянской, которая не уступаетъ Римской. Тиціянъ и Веронезъ, Тинторетъ, Бордоне, два Пальма, два Бассано и Вичентино, одушевили своею безсмертною кистію залы академіи, предназначенныя для христіанскихъ подвиговъ милосердія. Все измѣнилось въ Венеціи: даже и то, что служитъ къ ея славѣ, стоитъ не на прежнемъ основаніи; но не здѣсь мѣсто говорить о сокровищахъ живописи. Если же на другомъ берегу, за домомъ консульства Французскаго, взойти немного въ узкій каналъ, васъ изумятъ своею громадою два нависшіе надъ водами дворца, самые громкіе по своему имени и грустные по запустѣнію.

Первый, ближайшій дворецъ принадлежалъ славному Адмиралу республики Пизани, который будучи заключенъ въ темницу, за малую неудачу, освобожденъ былъ народомъ въ минуту опасности, и спасъ Венецію отъ осады Генуезской. Тамъ еще недавно, одинъ изъ владѣльцевъ сего славнаго рода, угощалъ Короля Шведскаго Густава; нынѣ же совершенно пусты чертоги,

окна и двери забиты, внутреннiй дворъ поросъ травою. Рядомъ съ ними дворецъ, еще обитаемый, послѣднею изъ славнаго рода Морозини, который считалъ четырехъ Дожей въ числѣ своихъ членовъ и двухъ Королевъ, Венгерскую и Сербскую. — Славный воитель, украшенный титломъ Пелопонисскаго, погребенъ въ сосѣдней церкви Св. Стефана; его ратные доспѣхи и морскiе трофеи украшаютъ нижнюю входную залу, къ которой пристаютъ гондолы; портреты вѣнчанныхъ Дожей и Королевъ еще развѣшаны по стѣнамъ, въ память минувшей славы; но когда послѣдняя Морозини приложится къ отцамъ своимъ, и эти палаты заглохнутъ, вмѣстѣ съ сосѣдними чертогами Пизани.

Горько памятное имя несчастнаго Дожа, Марино-Фалiеро, встрѣчается также между зданiй великаго канала, подлѣ дворца Пизани, хотя не совсѣмъ вѣрно преданiе, чтобы ему принадлежалъ небольшой домикъ, близъ недоконченныхъ палатъ Герцога Феррарскаго. Завистливая республика запретила Герцогу довершить слишкомъ

роскошно предпринятое зданіе, но ему сохранилось однако названіе Casa del Duca. Вотъ два великолѣпные дворца, одинъ противъ другаго: Гросси, купленный за безцѣнокъ купеческимъ обществомъ, и Рецонико съ тремя ярусами колоннъ дорическихъ, іоническихъ и коринѳскихъ, который принадлежалъ Папѣ Клименту XIII и обращенъ теперь въ продажную галлерею картинъ. Вотъ опять три дворца Іустиніани, одинъ подлѣ другаго въ мавританскомъ вкусѣ, одинъ Контарини и три Моцениго, которые болѣе всѣхъ другихъ родовъ надѣлили Дожами республику; еще держится благосостояніе послѣднихъ. Въ одномъ изъ сихъ дворцовъ обиталъ Байронъ, когда писалъ онъ свои венеціянскія трагедіи Марино-Фаліеро и Фоскари, ибо Венеція, со временъ Шекспира, сдѣлалась достояніемъ драмы англійской, какъ и ея владычество надъ морями перешло къ Альбіону. Байронъ писалъ своихъ двухъ Фоскари, въ виду великолѣпныхъ палатъ, уже опустѣвшихъ, гдѣ доживаютъ въ убожествѣ двѣ послѣднія графини Фоскари, съ которыми

умретъ ихъ славное имя. Это былъ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ дворцовъ Венеціи. — Франциск Фоскари, который 35 лѣтъ правилъ республикою и довершилъ царственныя палаты своихъ предмѣстниковъ соорудилъ и себѣ жилище, со всевозможнымъ великолѣпіемъ; знаменитый художникъ Парисъ Бордоне расписалъ фресками стѣны. Въ сихъ палатахъ останавливался Генрихъ III, Король Франціи, Короли Польскіе и Богемскіе и всѣ вѣнчанные посѣтители Венеціи; и на этомъ балконѣ собственнаго дома, бѣдственно окончилъ дни свои самъ развѣнчанный Фоскари, когда услышалъ колоколъ св. Марка, возвѣстившій избраніе ему преемника; онъ устремился на балконъ повѣрить слухъ свой, и упалъ мертвый при повтореніи того же звука. — Теперь его двѣ убогія наслѣдницы, которыхъ за деньги показываетъ старый служитель, чтобы содержать ихъ на этотъ малый сборъ, влачатъ горькую жизнь, посреди обветшавшихъ подобно имъ палатъ, въ забытой комнатѣ верхняго жилья, гдѣ ихъ домашнія куры гнѣздятся

вмѣстѣ съ ними, подъ сѣнію портретовъ царственныхъ посѣтителей дома Фоскари; онѣ выжили изъ памяти и лѣтъ и потому только могутъ еще жить: — Венеція, вотъ твоя слава!

Рядомъ съ домомъ Фоскари великолѣпный дворецъ Бальби, гдѣ любилъ останавливаться Наполеонъ; далѣе дворецъ Пизани, еще уцѣлѣвшій въ рукахъ сего славнаго рода, гдѣ показываютъ знаменитую картину Веронеза, семейство Дарія, и дворецъ Барбариго, гдѣ творилъ Тиціанъ безсмертныя произведенія своей кисти. Кто назоветъ, одинъ за другими, всѣ сіи палаты, съ роскошью зодчества соединившія въ себѣ столько безсмертныхъ именъ? Кто бы узналъ въ обширныхъ палатахъ Гримани, съ правой стороны канала, которыя теперь заняты главнымъ управленіемъ почтъ, мѣсто вакханалій Лукреціи Борджіа, обезславившей себя дочери Папы Александра VI? а за дворцемъ Лоредановъ, сихъ неумолимыхъ враговъ Дожа Фоскари, подъ вывѣскою гостинницы Франція, убогое жилище безсмертнаго Дандоло завоевателя Царьграда? Вотъ наконецъ, ра-

домъ съ палатами славнаго въ литературномъ мірѣ Кардинала Бембо, у самаго моста Ріальто, дворецъ Людовика Манини, который имѣлъ горькую знаменитость, быть послѣднимъ Дожемъ республики. — И такъ, у выспренняго Ріальто, кончается лѣтопись ея славы, тамъ же гдѣ и началась!

Здѣсь, на двухъ островахъ, которые долго соединялъ между собою убогій деревянный мостъ, основалась, по обѣимъ сторонамъ большаго канала, рыбарская Венеція, когда бѣжали жители сосѣдняго поморія отъ нашествія страшнаго бича Божія Атиллы: здѣсь подъ сѣнію своего смиреннаго покровителя, Св. Өеодора Ираклійскаго, начала процвѣтать Адріатическая республика. Еще существуетъ, съ лѣвой стороны канала, на островѣ Ріальто, малая церковь, прежде посвященная Св. Өеодору, и около нея прежнія присутственныя мѣста, которыя перешли, уже во дни славы Венеціи, на великолѣпную площадь Св. Марка, въ нынѣшнія прокураціи. Но еще дворецъ Камерлинговъ, или казенная палата,

и такъ называемыя новыя зданія Ріальто, всѣ въ аркадахъ, построенныя славнымъ зодчимъ Сансовино, свидѣтельствуютъ, что Венеція не хотѣла совсѣмъ разстаться съ колыбелью своей славы. — Легкая, смѣлая арка высокаго моста Ріальто, сооружена въ томъ видѣ, какъ она теперь, при Дожѣ Цигоніи, который окончилъ, въ исходѣ XVI вѣка, дворецъ дожескій; она стоила до двухъ милліоновъ рублей, сумма огромная по тому времени. Двѣнадцать тысячь свай положено въ основаніе сему выспреннему мосту, который такъ живописно вѣнчаетъ, своею каменною діадимой, царственный влажный путь Венеціи; сладкое имя Ріальто звучитъ въ ея пѣсняхъ, повторяемое во всѣхъ вдохновенныхъ твореніяхъ кисти и пера, которыя только внушила волшебная Царица Адріатики. Кто не знаетъ Ріальто и моста вздоховъ, безъ которыхъ не можетъ олицетворить себя, ни въ какомъ воображеніи, очаровательная Венеція?

Еще ли плыть черной гондолѣ дальше за Ріальто? или мало воспоминаній и палатъ, по сю сторону моста? — Кто прошелъ

однажды сквозь ихъ мраморный строй, уже довольно исполненъ впечатлѣніями славными и горькими, жизнію и смертію Венеціи! — Но нѣтъ, еще манитъ волшебница, новыми призраками чертоговъ и храмовъ, въ своенравные изгибы своего канала. Она еще хочетъ показать вамъ мавританскія палаты славнаго Дожа Михаели Колонна, такъ названнаго отъ двухъ колоннъ, привезенныхъ имъ изъ Сиріи на площадь Св. Марка, и еще болѣе роскошныя палаты Кадоро, гдѣ дышетъ Востокъ, въ стройномъ смѣшеніи вкуса греческаго, арабскаго, мавританскаго. — Далѣе опять громкое имя: дворецъ Корнаро (della Regina) Королевы, хотя онъ построенъ гораздо позже сей вѣнчанной и развѣнчанной Патриціянки, которую признала республика за дочь Св. Марка, когда праздновала бракъ ея съ Королемъ Кипра; когда же потомъ, посредствомъ нее вступила она въ наслѣдіе угасшаго рода Лузиньяновъ, бывшая Королева окончила дни свои подъ блистательною стражею, въ безвыходныхъ островахъ Венеціи. Послѣдній изъ Корнаро, умирая, завѣщалъ

дворецъ сей Папѣ Пію VII, избранному въ Венеціи, изъ уваженія къ его высокой добродѣтели. Рядомъ съ бывшимъ дворцемъ Карнаро обширныя палаты Пезаро, заняты Армянскимъ училищемъ: но не здѣсь надобно наблюдать неутомимые труды ученаго братства Лазаристовъ, а въ главной ихъ обители, на одномъ изъ острововъ поморія около Лидо, отколѣ стараются они распространить просвѣщеніе западное между своихъ единовѣрцевъ. — Напротивъ училища Армянскаго опять великолѣпный дворецъ Вендрамини, украшенный драгоцѣнными мраморами и порфировыми колоннами. Строителемъ его былъ знаменитый зодчій Ломбардо, а нынѣшнею обладательницею мать царственнаго юноши, который носилъ бы имя Генриха V, если бы вступилъ на престолъ предковъ. Герцогиня Беррійская, въ виду развѣнчанной Королевы Кипра, на большомъ каналѣ Венеціи, уже отжившей,— какъ много думъ можетъ внушить такое странное сближеніе! о суета суетъ и всяческая суета! И вотъ напротивъ опять арабское зданіе, слывущее страннопріимницей

Турокъ, потому что здѣсь они останавливались во времена цвѣтущей торговли республики. Кто хочетъ видѣть драгоцѣнный музей или картинную галлерею, пусть причалитъ, на лѣвомъ берегу, къ мраморной пристани двухъ роскошныхъ палатъ Корреръ и Манфринъ; кто хочетъ насытить взоры роскошью мрамора, который принялъ всѣ разнообразные виды ковровъ и занавѣсъ, цвѣтовъ и карнизовъ, въ самыхъ изящныхъ изваяніяхъ, пусть взойдетъ, на противуположномъ берегу, въ обитель босыхъ братій (scalzi), которая славится въ Венеціи, какъ одна изъ великолѣпныхъ. Но дальше не зачѣмъ плыть, гондола ваша можетъ встрѣтить, на концѣ большаго канала, каменный мостъ, перекинутый черезъ море, чтобы связать вольную дочь Адріатики съ давно оставленнымъ ею материкомъ: скоро вся поэзія изчезнетъ и прозою паровозовъ помрачится четырнадцати-вѣковая слава. Нѣтъ, по быстрому каналу спѣшите обратно къ поэтическому Ріальто и къ площади Св. Марка, подъ сѣнь дожескихъ палатъ и византійскаго собора. Здѣсь Ве-

нецiя всегда останется тѣмъ, чѣмъ была, здѣсь никогда не можетъ умереть дочь Св. Марка: она только дремлетъ, усыпленная вѣками на своемъ мраморномъ морѣ, подъ упоительный плескъ адрiатической волны, которая напѣваетъ ей ея минувшую славу. На синемъ зеркалѣ водъ, раскинутомъ вокругъ, она тѣшится чудными призраками покореннаго нѣкогда Востока, какъ обольщается жаждущiй путникъ въ пустынѣ, обманчивымъ видѣнiемъ мечтательныхъ озеръ, обѣщающихъ утолить его жажду.

ЦЕРКОВЬ ПРАВОСЛАВНАЯ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Что сказать о состояніи Православной Церкви въ Венеціи и вообще въ Италіи?— Оно покажется довольно печальнымъ приходящему изъ нашего отечества; потому что взоры и сердце его привыкли къ иному порядку вещей. — Если смотрѣть на зданіе церкви Св. Георгія, единственной въ цѣлой Венеціи, то она болѣе чѣмъ прилична; можно сказать великолѣпна, такъ какъ она была строена знаменитымъ зод-

чимъ Сансовино, въ ту эпоху, когда процвѣтала торговля Грековъ въ этомъ средоточіи средиземной торговли; но все ограничивается изяществомъ зодчества, мраморовъ и мозаиковъ, украшающихъ внутри и снаружи церковь; хотя есть Архіепископъ, но богослуженіе убого, и духовенство притѣснено ревностію Латинскою.

«Христу Спасителю и Св. великомученику Георгію, переселенцы въ Венецію, дабы прославлять Бога по обрядамъ отеческимъ, собственнымъ иждивеніемъ соорудили храмъ сей, въ 1561 году.» Такова греческая надпись на дорическомъ фронтонѣ; но сколь многое съ тѣхъ поръ измѣнилось и противорѣчитъ словамъ ея. Республика Венеціянская, по своимъ торговымъ видамъ, никогда не подчинявшаяся слѣпо своеволію Папъ, вопреки имъ покровительствовала иновѣрцамъ, и въ началѣ XVI вѣка испросила Грекамъ, у просвѣщеннаго Папы Льва X Медициса, свободное исповѣданіе вѣры, безъ всякой зависимости отъ Рима. Желая сохранить однако хотя нѣкоторую тѣнь господства, дворъ

Римскій потребовалъ себѣ, въ качествѣ дани отъ Православныхъ, ежегодное приношеніе нѣсколькихъ пудовъ бѣлаго воска, но и эта дань никогда не была взносима. Съ самаго основанія церкви, Православные учредили при ней двухъ пресвитеровъ, призываемыхъ изъ Греціи, и Епископа, который съ титломъ Филадельфійскаго и Примата Далматскаго, долженъ былъ управлять дѣлами церковными, въ полной зависимости однако отъ Патріарха Цареградскаго: имя патріаршее доселѣ возносится на эктеніяхъ. Первымъ блюстителемъ новой церкви былъ Митрополитъ Гавріилъ-Северъ, мужъ высокой добродѣтели и глубокихъ познаній богословскихъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ книга его о таинствахъ и о различіи Церквей Востока и Запада: онъ скончался послѣ 37 лѣтняго правленія и былъ съ почестію погребенъ внутри церкви; мраморный памятникъ его поставленъ поверхъ южнаго ея входа, и въ этомъ болѣе соображались Греки съ обычаями западными. Послѣдній Митрополитъ Софроній перешелъ въ Венецію съ эпархіи Ке-

ѳалонійской, по просьбѣ народа и согласію Патріарха, въ 1782 году, съ титломъ Экзарха, и такимъ былъ онъ признанъ республикою, доживавшею свои послѣдніе годы. Церковь Венеціянская служила иногда пристанищемъ и обуреваемымъ Патріархамъ Царьграда; ибо одинъ изъ нихъ Мелетій числился между ея блюстителями, послѣ своего сошествія со вселенскаго престола. Съ паденіемъ республики Венеціянской, престало Епископство, потому что церковь была жестоко ограблена Французами и уже не въ состояніи содержать Архіереевъ, хотя сохранились политическія права ея подъ владычествомъ Австріи, но они мало по малу стѣсняются. Во времена республики, священники Латинскіе обязаны были торжественно нести по улицамъ каждаго покойника Православнаго, своего прихода, съ пѣніемъ гимновъ погребальныхъ, и такимъ образомъ передать его, въ притворѣ церкви Св. Георгія, духовенству Греческому; оно же раздѣляло съ ними доходы по сему случаю, и этотъ обычай продолжался многія столѣтія, для того чтобы не

произошло какого либо оскорбленія, отъ безпокойной черни, иновѣрному духовенству и не нарушались мирныя отношенія съ Греками: до такой степени была предусмотрительна республика. Но въ 1811 году, одинъ изъ священниковъ Латинскихъ, въ оскорбленіе православнымъ, положилъ на крыльцѣ ихъ церкви, безъ всякихъ обрядовъ, умершаго младенца; Греки испросили себѣ у правительства Французскаго дозволеніе выносить самимъ, изъ домовъ своихъ усопшихъ, лишь бы только везти ихъ въ церковь водою, хотя и съ облаченіемъ духовенства. Нынѣшній Патріархъ Венеціянскій, особенный ревнитель Римскаго преобладанія, притѣсняетъ по мѣрѣ возможности церковь Православную. Въ 1843 году одинъ изъ священниковъ Греческихъ, по принятому искони обычаю, въ полномъ облаченіи везъ на лодкѣ Св. тайны, для умирающаго единовѣрца въ общественномъ госпиталѣ. У самой пристани хотѣли принудить его разоблачиться, по новому повелѣнію Патріарха, запрещавшему всякое наружное изъявленіе исповѣданія Православ-

наго; однако на сей разъ онъ не послушалъ запрещенія и мужественно довершилъ предпринятое святое дѣло. Жалоба, принесенная о томъ правительству Австрійскому, не увѣнчалась успѣхомъ: оно подтвердило волю Патріарха, и Православные, умиравшіе въ больницахъ, не рѣдко были совращаемы мѣстными капелланами; но усердіе одного протестанта Эдуарда Пикеринга, который обратился въ Православіе и оставилъ по завѣщанію большую сумму для сооруженія больницы Греческой, спасло теперь недугующихъ отъ обольщеній Латинскихъ. Правительство духовное излило свое мщеніе надъ гробомъ умершаго Пикеринга, ибо оно не позволило даже на кладбищѣ греческомъ написать на гробовой доскѣ его слово: православный. Въ другихъ мѣстахъ Италіи, еще большая строгость. Въ Ниццѣ, гдѣ столько умираетъ Русскихъ, ихъ не позволяютъ носить мимо церквей, даже безъ всякихъ церемоній, и на вратахъ кладбища православнаго не дозволено поставить креста, какъ будто бы крестъ не есть общее достояніе всѣхъ Христіанъ: и

послѣ этого Римляне еще могутъ жаловаться на гоненія! Что касается до бракосочетанія Православныхъ съ Римлянами, духовное ихъ правительство требуетъ необходимо, не только крещенія дѣтей въ исповѣданіи Латинскомъ, но даже чтобы и брачущіеся предварительно оное приняли, безъ чего не разрѣшаетъ брака; самыя оглашенія и свадьбы, которыя обязано дѣлать по своимъ приходамъ, провозглашаетъ ради большаго пренебреженія не въ церкви, но на паперти, и часто отказываетъ въ пріобщеніи служителямъ исповѣданія Римскаго, за то только, что находятся въ услуженіи у православныхъ: вотъ какова терпимость Латинская!

Два іеромонаха и одинъ діаконъ составляютъ теперь весь клиръ церкви Православной въ Венеціи. — Старшій изъ нихъ отецъ А. Мазараки, который вмѣстѣ и ректоръ малаго училища при церкви, человѣкъ весьма замѣчательный по своему уму и обширнымъ познаніямъ. Есть и Архіепископъ, также съ титломъ Далматскаго, Венедиктъ, живущій при церкви Св. Георгія, но только

на пенсіи правительства Австрійскаго и не управляя дѣлами церковными, а иногда лишь участвуя въ богослуженіи. Судьба его весьма замѣчательна: въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ онъ назначенъ Архіепископомъ въ Боснію, и принужденъ бѣжать оттолѣ, во время смутныхъ обстоятельствъ Оттоманской имперіи, претерпѣвъ жестокія мученія отъ Паши Сарайскаго, узы, голодъ и біенія, по его алчности къ деньгамъ. Мучитель привязызывалъ его, по нѣсколько часовъ сряду, за ноги, головою внизъ, и грозилъ смертію, если не откроетъ своихъ сокровищь, которыхъ у него не было; по особенному щастію нашелъ онъ средство бѣжать изъ темницы и, достигнувъ береговъ Далмаціи, хотѣлъ отплыть въ Царьградъ къ Патріарху. — Это случилось въ то самое время, когда Французы овладѣли бывшимъ поморіемъ Венеціянскимъ и Наполеонъ искалъ привязать къ себѣ жителей Славянскихъ, покровительствуя вѣроисповѣданію Православному. Маршалъ Мармонъ, Герцогъ Рагузскій, услышавъ о прибытіи Архіепископа

Сарайскаго, удержалъ его противъ воли и испросилъ у Наполеона повелѣніе назначить его Архіепископомъ всей Далматіи. Умный пастырь умѣлъ пріобрѣсти любовь своей новой паствы и уваженіе самаго Маршала, съ которымъ встрѣтился онъ весьма дружески, въ бытность мою въ Венеціи. Онъ удержался на своей каѳедрѣ, послѣ удаленія Французовъ, и только старость побудила его испросить себѣ увольненіе у правительства Австрійскаго, съ пенсіей и дозволеніемъ жить при церкви Св. Георгія въ Венеціи. Отеческая любовь его къ Православнымъ утѣшительна для каждаго Русскаго, посѣщающаго Венецію; назидательно видѣть въ церкви осьмидесятилѣтняго маститаго старца, доселѣ бодраго и неутомимаго для молитвы, стоящаго на своей боковой каѳедрѣ и читающаго въ слухъ символъ вѣры и «Отче нашъ» на языкѣ Славянскомъ. Не рѣдко приглашаетъ онъ путешественниковъ, за свою гостепріимную трапезу, и радушіемъ своимъ невольно привязываетъ къ себѣ каждаго; многаго лишит-

ся послѣ него Церковь Православная въ Венеціи.

Что касается собственно до богослуженія православнаго въ Венеціи: оно не можетъ произвести благопріятнаго впечатлѣнія; я наблюдалъ его въ Вѣнѣ и Тріестѣ, Венеціи и Ливурнѣ, въ церквахъ Греческихъ и Славянскихъ, и вездѣ оставался неудовлетвореннымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что видѣлъ въ отечествѣ. Хотя нѣтъ никакого существеннаго измѣненія, но есть нѣкоторыя опущенія и вообще небрежность, весьма чувствительная.

Такъ напримѣръ, всенощная, которая столь величественна у насъ, тамъ напротивъ того чрезвычайно убога и, наканунѣ большихъ праздниковъ, весьма мало усердствующихъ приходитъ на всенощное бдѣніе; оно бываетъ съ утра, предъ самою литургіею, и совершается внѣ олтаря; два священника станутъ другъ друга, по обѣимъ сторонамъ церкви, на клиросахъ, и читаютъ, а иногда поютъ въ полголоса службу, которая продолжается не болѣе часа. Только во время полiелея, чередной изъ нихъ облачается,

чтобы прочесть въ олтарѣ евангеліе, и послѣ «славы въ вышнихъ Богу,» прямо начинается литургія безъ часовъ. Это опущеніе чрезвычайно разительно; но еще больнѣе видѣть, что самая проскомидія, съ тѣми же молитвами, производится иначе; вмѣсто пяти просфоръ, совершается она на одномъ большомъ хлѣбѣ, на коемъ пять крестообразныхъ печатей, и никто изъ богомольцевъ не приходитъ къ жертвеннику вынимать части за живыхъ и усопшихъ: даже клирики не понимали меня, когда я просилъ вынуть части, а вмѣсто того, по окончаніи литургіи, священнослужившій вышелъ на краткую литію для поминовенія тѣхъ, коихъ имена я далъ для проскомидіи. Это уже дышетъ близостію Запада, гдѣ она вовсе опущена. Еще одинъ обычай западный довольно рѣзко вкрался въ церковь: предъ евангеліемъ и Св. дарами идутъ нѣсколько мальчиковъ, со свѣчами въ рукахъ, въ стихаряхъ съ орарями, перевязанными крестообразно, какъ у иподіаконовъ, хотя вѣроятно не приняли они

посвященія иподіаконскаго въ этомъ возрастѣ.

Евангеліе читается съ боковой каѳедры; вмѣсто царскихъ дверей задергивается занавѣсъ, и большая икона, стоящая предъ ними, на высотѣ клиросовъ, заслоняетъ видъ ихъ. Каждый изъ входящихъ въ церковь необходимо долженъ приложиться къ сей иконѣ, прежде нежели стать на свое мѣсто. Діаконовъ почти никогда нѣтъ, также по обычаю западному, и безпрестанное «киріе элейсонъ» совершенно заглушаетъ эктенію, ибо клирики не ожидаютъ окончанія возгласовъ, и пѣніе, особенно греческое, такъ пронзительно, что оно невыносимо для русскаго слуха; славянское нѣсколько лучше. Архіепископъ Далматскій старается завести малый хоръ, по образцу нашихъ напѣвовъ, а нѣкоторые главные гимны поются довольно изрядно. Символъ вѣры и «Отче нашъ» не поются, но предстоятель или старшій въ церкви читаетъ въ слухъ молитву Господню и Символъ, какъ бы отвѣчая предъ церковію за правое исповѣданіе своей паствы, и это весьма на-

зидательно. Трогательно также пѣніе Трисвятаго, весьма медленное и чинное, какъ таинственное славословіе Пресвятыя Троицы, свыше намъ дарованное и съ благоговѣніемъ повторяемое на землѣ, безъ всякой поспѣшности, какъ это иногда бываетъ у насъ въ нѣкоторыхъ церквахъ. Всѣ сходятъ съ своихъ мѣстъ и съ деревянныхъ ступеней, которыя тянутся вдоль стѣнъ, и становятся съ глубокимъ благоговѣніемъ посрединѣ храма. Еще со временъ отеческихъ и вселенскихъ соборовъ, высокая пѣснь сія сохранилась на Востокѣ въ чрезвычайномъ уваженіи, какъ основный догматъ вѣры Православной и охраненіе противъ ереси. Точно тоже вниманіе бываетъ во время Херувимской пѣсни, и особенно при освященіи даровъ, хотя нѣтъ колокольчика, какъ у Римлянъ. Видно что народъ, и при заключенныхъ дверяхъ олтаря, разумѣетъ сколь страшное дѣйствіе производится внутри онаго, и когда священникъ возгласитъ: «Тебѣ отъ твоихъ приносяще о всѣхъ и за вся,» шопотъ молитвы, оглашается по всей церкви, ибо всѣ знаютъ,

что въ эту минуту, осѣненіемъ Св. Духа, пресуществляется безкровная жертва тѣла и крови Христовыхъ; опять всѣ преклоняются долу предъ Св. дарамъ когда священникъ, послѣ своего пріобщенія, призываетъ приступить къ нимъ, со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію.

Представляя недостатки въ отправленіи богослуженія греческаго, я долженъ отдать справедливость единовѣрцамъ нашимъ въ томъ, что сохранили они истинно хорошаго отъ православныхъ отцевъ своихъ: чрезъ бурю столькихъ столѣтій, опустошившихъ ихъ древнюю святыню, родину и бытъ гражданскій, они оставили имъ вѣру Православную, залогомъ единства церковнаго и гражданскаго. Между утваріею церкви Православной въ Венеціи, довольно богатою, есть и приношенія благочестивыхъ Государей нашихъ: паникадило присланное Императоромъ Павломъ, и сосуды Императрицы Екатерины; но самая драгоцѣнная святыня хранится надъ южными и сѣверными дверями олтари, за древними иконами письма Византій-

скаго: это частицы Св. мощей, вывезенныхъ пришельцами Греческими изъ Царьграда, послѣ его разоренія, и между ними десная рука Василія великаго, которою начерталъ онъ столько богодухновенныхъ писаній.

Есть и еще нетлѣнныя тѣлеса великихъ угодниковъ Божіихъ, къ сожалѣнію уже не въ рукахъ Православныхъ, а въ трехъ церквахъ Римскихъ, весьма близкихъ къ Греческой Св. Георгія. Римляне мало о нихъ заботятся, хотя они, противъ ихъ обыкновенія, открыто почиваютъ поверхъ олтарей, а не подъ спудомъ, какъ всѣ прочія; но и Греки и Славяне, и наши соотечественники, вовсе о нихъ не знаютъ и никогда имъ не покланяются, хотя они только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ греческаго прихода. Кто же сіи великіе угодники, къ которымъ такъ равнодушны самые чтители ихъ памяти въ торжествахъ церковныхъ? Это Савва освященный, основатель великой лавры близь Іерусалима, въ плачевной юдоли, уставу коего доселѣ держатся всѣ обители иноческія, почитая его за своего чиноположителя. Это Аѳана-

сій, великій Патріархъ Александрійскій, который защищалъ православное исповѣданіе вѣры на первомъ вселенскомъ соборѣ и потомъ поддерживалъ оное, въ теченіи 46 лѣтъ труднаго своего святительства, сквозь всю бурную эпоху Аріянства, доколѣ не возсіяли великіе учители Василій и Григорій. Наконецъ это нищелюбивый Патріархъ Іоаннъ Милостивый, исполнившій своими добродѣтелями каѳедру великаго Аѳанасія, питатель убогихъ, обновитель храма Іерусалимскаго, послѣ перваго его разоренія Царемъ Персовъ Хозроемъ; туда посылалъ онъ всѣ свои сокровища и самъ желалъ быть въ числѣ каменьщиковъ, для сооруженія святилища. Сіи три, похищенные въ различныя времена Венеціянами, доселѣ находятся въ рукахъ ихъ и никто о томъ не знаетъ. Говорятъ, что во время нашествія Французовъ и бунта народнаго, сокрушившаго аристократическую республику, можно было, за весьма малую сумму, легко пріобрѣсти сіи сокровища, но никто изъ Грековъ не отважился на такой подвигъ; а между тѣмъ больно видѣть, какъ мало внима-

нія обращаютъ сами Римляне на столь великую святыню, ибо вообще на Западѣ нѣтъ такого чествованія св. мощей, какъ на Востокѣ.

Прочитавъ, въ путешествіи ко Св. мѣстамъ Барскаго, что въ Венеціи онъ поклонился мощамъ Саввы освященнаго, я просилъ отца А. Мазараки указать мнѣ, гдѣ они находятся. Съ большимъ радушіемъ вызвался онъ вести меня не только къ мощамъ Св. Саввы, но и двухъ Патріарховъ Александріійскихъ, о коихъ я не зналъ; всѣ, сколько было Русскихъ въ Венеціи, пошли вмѣстѣ съ нами, равно и прочее духовенство Греческое, никогда не ходившее на поклоненіе столь близкой къ нему святыни. — Мы сперва взошли въ церковь блаженнаго Антонія Падуанскаго, на востокъ отъ Греческой: тамъ, на одномъ изъ придѣльныхъ олтарей съ лѣвой стороны, покоится св. Савва, подъ стекломъ, весь уцѣлѣвшій, въ древней фелони пресвитерской, но уже въ латинской митрѣ, ибо Римляне слышали, что онъ былъ архимандритъ, и потому надѣли на него свою митру вмѣсто

шапки, которую впрочемъ никогда не носили архимандриты въ Палестинѣ. О, съ какою радостію, увидѣлъ я предъ собою сего освященнаго основателя лавры Плачевной юдоли, праздному гробу коего я тамъ покланялся! Черты лица его не сохранились, одинъ только черепъ; но руки и ноги еще покрыты кожею и видно по костямъ, что это старецъ, согбенный годами, каковымъ дѣйствительно онъ скончался.

Мнѣ хотѣлось приложиться къ нетлѣннымъ останкамъ великаго аввы, но положеніе его поверхъ олтаря и стекло препятствовали это исполнить. Я просилъ однако клириковъ доставить мнѣ какую либо возможность приложиться: сперва отзывались они, что ключи находятся у того благороднаго семейства Тіеполо, предки коего перенесли угодника Божія съ Востока; потомъ одинъ изъ нихъ хотѣлъ отвернуть замокъ безъ ключа, и для этого влѣзъ ногами на олтарь; я ужаснулся, но въ послѣдствіи увидѣлъ, что это вещь весьма обыкновенная на Западѣ, потому что тамъ иначе не зажигаютъ напрестольныхъ под-

свѣщниковъ; однако старанія наши остались тщетными, замокъ не отпирался: мнѣ хотѣлось, хотя сквозь стекло, приложиться къ рукѣ угодника и я просилъ подставить себѣ лѣстницу, чтобы только опереться на олтарь въ то время, какъ буду прикладываться: такая предосторожность показалась весьма странною Римлянамъ, хотя они исполнили мою просьбу; между тѣмъ духовенство Греческое читало тропарь и кондакъ святому Саввѣ. По выпискѣ изъ лѣтописи Венеціянской, доставленной мнѣ отцемъ А. Мазараки, оказывается, что тѣло великаго Саввы похищено было 1090 года Патриціемъ Петромъ Центранико, который былъ въ послѣдствіи Дожемъ, а семейство Тіеполо, отъ него происходящее, устроило благолѣпный престолъ во имя угодника. И такъ это происходило еще прежде крестовыхъ походовъ; странно однако, какъ допустили братія лавры такое похищеніе; не случилось ли это во время какого-либо временнаго ея опустѣнія? быть можетъ вскорѣ послѣ разоренія храма Іерусалимскаго Халифомъ Фатимитовъ, когда жестокое го-

ненie Сарацынъ тяготѣло на Христiанахъ? иначе трудно объяснить такую уступчивость въ православныхъ, до крестовыхъ походовъ.

Изъ церкви Св. Антонiя перешли мы въ церковь Предтечи, что близъ набережной Славянской, на югъ отъ Св. Георгiя, и тамъ поклонились мощамъ Св. Iоанна Милостиваго, Патрiарха Александрiйскаго, почiющаго также поверхъ олтаря, совершенно открыто. Нетлѣнное тѣло облечено въ схиму иноческую, и видно, что похитившiе его не коснулись одежды, ибо она совершенно древняго греческаго покроя и очень ветха. Св. мощи перенесены были изъ Царьграда въ Венецiю, въ 1249 году, при Дожѣ Маринѣ Морозини, когда крестоносцы владѣли столицею греческою; первое покушенiе похитить мощи въ 1207 году, Резидентомъ республики въ Царьградѣ, Iаковомъ Тiеполо, не имѣло успѣха, хотя онъ, по вступленiи своемъ на престолъ Дожей, опять поручалъ дѣло сiе начальнику морскихъ силъ республики, зна-

менитому Брагадину. Мощи великаго Аѳанасія похищены были также изъ одной церкви Цареградской, въ 1454 году, тотчасъ послѣ его завоеванія Турками, капитаномъ Венеціянскихъ судовъ Доминикомъ Зотарелло, и событіе сіе подробно описано Епископомъ Веронскимъ Ермолаемъ Барбаро, въ латинскомъ его сочиненіи, которое я однако не могъ имѣть въ рукахъ. (Translatio corporis St. Athanassi tom. VIII p. 125. 127). Они находятся теперь въ великолѣпной церкви Св. Захаріи, которая привлекаетъ вниманіе большей части посѣтителей, изяществомъ своего зодчества и стѣннаго писанія; но никто не приближается къ великому защитнику Церкви вселенской, чтобы воздать ему должное поклоненіе. Онъ почиваетъ также на боковомъ престолѣ, открыто подъ стекломъ, но уже въ одеждѣ Епископской латинскаго покроя, ибо Римляне, желая себѣ присвоить совершенно вселенскаго учителя, облачили его по своему, какъ будто когда либо носилъ онъ такія ризы. Съ благоговѣніемъ, издали поклонился я великому Аѳанасію,

потому что нельзя было приступить къ олтарю, и горько вздохнулъ, что церковь Православная лишена сего сокровища.

Нѣтъ сомнѣнія, что есть и другіе великіе угодники, почивающіе гдѣ-либо въ иныхъ церквахъ Венеціянскихъ, ибо много святыни похитили Венеціяне при разореніи Царьграда; но гдѣ искать ихъ, при равнодушіи и невѣжествѣ самихъ похитителей? Я благодарилъ Бога, что сподобился воздать чествованіе симъ тремъ свѣтильникамъ Церкви и священнымъ долгомъ считаю сообщить о томъ моимъ соотечественникамъ, дабы они, при посѣщеніи Венеціи, не лишены были духовнаго утѣшенія.

МИЛАНЪ.

СОБОРЪ МИЛАНСКІЙ.

Когда кто либо изъ путешественниковъ посѣщаетъ Миланъ, первый шагъ его всегда направленъ въ чудный соборъ, который, какъ драгоцѣнное перло въ вѣнцѣ древней Ломбардской столицы, привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. — И дѣйствительно кого не поразитъ эта великолѣпная громада мрамора, своими готическими стрѣлами стремящаяся къ небу. Герцогъ Милана, Іоаннъ Галеасъ Висконти, столь роскош-

ный во всѣхъ своихъ зданіяхъ, (который соорудилъ и Картезіянскую обитель близь Павіи), началъ соборъ сей въ исходѣ XIV вѣка, и только Наполеонъ, во всей славѣ своего могущества, увѣнчанный желѣзною короною Королей Лонгобардскихъ, могъ довершить огромное зданіе Галеаса. — Надъ нимъ трудилось, въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій, болѣе 150 зодчихъ, и несмотря на то еще не окончаны всѣ его прихотливыя украшенія; недостаетъ многихъ мраморныхъ стрѣлъ, которыя изсѣкаются изъ бѣлаго Карарскаго мрамора, съ тою же отчетливостію въ своихъ узорахъ, какъ и статуи ихъ вѣнчающія. Пятьсотъ ступеней ведутъ на мраморную крышу храма; болѣе ста стрѣльчатыхъ изваяній ее украшаютъ, какъ мраморный лѣсъ насажденный на сихъ Вавилонскихъ терасахъ; онъ сбѣгаетъ правильными аллеями, съ обѣихъ сторонъ остраго гребня къ узорочнымъ краямъ, выточеннымъ также изъ камня; а поверхъ всей этой своенравной массы статуй, листьевъ и цвѣтовъ, выростаетъ надъ главнымъ куполомъ еще одна исполинская

стрѣла, обставленная сотнею малыхъ статуй и увѣнчанная колоссальнымъ изваяніемъ Божіей Матери. Витая прозрачная лѣстница ведетъ туда, на высоту шестидесяти сажень: по этому можно судить о красотѣ и огромности необычайнаго храма, посвященнаго пречистой Дѣвѣ, по обѣту своего основателя.

Поразительна лицевая сторона его: она возвышается на семи гранитныхъ ступеняхъ, съ пятью величественными вратами и окнами въ римскомъ вкусѣ, увѣнчана также готическими стрѣлами, съ колоссальными на нихъ статуями, и украшена тремя стами малыхъ изваяній и лѣпными картинами, которыя изображаютъ различные предметы священной исторіи. Еще поразительнѣе внутренность собора: пятьдесятъ колоннъ его, всѣ въ своенравныхъ изваяніяхъ, на подобіе пальмъ, распустили съ своей вершины вѣтви, для образованія стрѣльчатыхъ сводовъ; таинственный полусвѣтъ разноцвѣтныхъ оконъ, яркими пятнами падаетъ на мраморный помостъ, обращая его въ роскошный цвѣтникъ, подъ сѣнію сихъ мраморныхъ пальмъ.

Трудно выразить какое впечатлѣніе производитъ на васъ, въ первую минуту, внутренность собора Миланскаго, но во всякомъ случаѣ благоговѣйное; вы не привыкли однако молиться въ такомъ домѣ молитвы, гдѣ развлекаетъ васъ самое зданіе, столь неопредѣленное въ глазахъ вашихъ. — Это олицетворенная мечта воображенія готическаго и вмѣстѣ восточнаго, какой-то очарованный садъ, внезапно окаменѣвшій предъ вами, будто бы съ живыми существами, которыя притаились между его вѣтвей, или мраморный чертогъ, который нечаянно разцвѣлъ листьями и цвѣтами; чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ живѣе пускаетъ онъ изъ себя, во всѣ стороны, новые отпрыски съ цвѣтами и ангельскими головками; а надъ вами кружевная ткань прозрачнаго мрамора, какъ сѣтка легко наброшена на все это волшебное созданіе.—Тогда только, когда остановятся взоры и мысли ваши въ углубленіи храма, на главномъ престолѣ, и привыкнетъ зрѣніе къ яркой пестротѣ огромнаго окна, проливающаго радужные лучи свои на горнее мѣсто, и къ мечтательнымъ очеркамъ сво-

довъ и колоннъ, — тогда глубокое, скажу больше, восторженное чувство, овладѣетъ сердцемъ посреди сего мраморнаго Эдема: каждый радужный лучь пригласитъ васъ на молитву, какъ бы въ небесныя сѣни; все, что въ началѣ казалось страннымъ и дикимъ, сольется въ одну дивную гармонію красокъ, образовъ и цвѣтовъ, гдѣ ни въ чемъ нельзя дать себѣ отчета, но гдѣ все стройно дѣйствуетъ на душу и, самымъ величіемъ дѣлъ человѣческихъ, невольно повергаетъ въ прахъ предъ величіемъ дѣлъ Божіихъ.

Я сравнивалъ сладкое родственное впечатніе, которое произвелъ на меня соборъ Св. Марка, и мое изумленіе при видѣ строгихъ греческихъ формъ, классическаго зданія Св. Петра, съ тѣмъ необычайнымъ чувствомъ, которое овладѣло мною внутри собора Миланскаго, и долженъ сознаться что всего болѣе былъ я пораженъ въ этомъ святилищѣ: — это быть можетъ потому, что кромѣ его изящности я не видалъ дотолѣ ничего подобнаго, и не ожидалъ встрѣтить такіе причудливые образы въ церковномъ зодчествѣ. Но, высказавъ впечатлѣнія, не

буду входить въ подробности изящной отдѣлки самаго храма, и живописныхъ украшенiй главнаго престола и боковыхъ олтарей; не буду говорить о великолѣпной подземной церкви, гдѣ въ богатѣйшей ракѣ почиваетъ блаженный Карлъ Борромей, Кардиналъ Архiепископъ Милана, исполнившiй всю Италiю славою своихъ Христiанскихъ добродѣтелей, въ XVI вѣкѣ. Безъ всякаго благоговѣнiя сводятъ клирики соборные въ сiю драгоцѣнную капеллу, чтобы открыть за условленную цѣну мощи ихъ святаго, и показать все богатство утвари, обилiе золота и дорогихъ камней: больно для сердца такое равнодушiе даже и для чуждой святыни. — Нѣтъ, въ другое святилище буду я звать съ собою путника, изъ великолѣпнаго собора Миланскаго. — Есть на краю города древняя базилика, которая носитъ имя Св. Амвросiя, потому что имъ основана и хранитъ въ себѣ его священные останки. Но многимъ ли изъ посѣтителей новаго собора Миланскаго, приходитъ на мысль спросить надъ гробомъ Кардинала Борромея: гдѣ покоится великiй свѣтиль-

никъ Церкви Западной и Вселенской? А можетъ быть нѣкоторые не слыхали о его подвигахъ; для нихъ предлагаю я вкратцѣ главныя черты жизни великаго мужа, который былъ отцемъ не только Церкви, но и Государей западныхъ, другомъ великаго Императора Ѳеодосія и охранителемъ его сыновей.

Амвросій великій происходилъ отъ знаменитыхъ предковъ въ Римѣ и, по личнымъ достоинствамъ, пользовался уваженіемъ Императора Валентиніяна, который назначилъ его въ молодыхъ лѣтахъ правителемъ Медіолана. Распря, возникшая въ семъ городѣ между православными и Аріанами, по случаю избранія новаго Епископа, указала народу истиннаго пастыря въ лицѣ своего правителя; Амвросій, будучи только оглашеннымъ, взошелъ въ храмъ и говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, что обѣ враждующія стороны единодушно воскликнули: «Амвросія въ Епископа!» Испуганный неожиданнымъ зовомъ, онъ поспѣшилъ изъ церкви на судилище, чтобы въ свою чреду испугать народъ своею жестокостію, и при-

казалъ пытать при себѣ осужденныхъ, но народъ слѣдовалъ за нимъ взывая: «грѣхъ твой на насъ!» Онъ бѣжалъ изъ города ночью, и утромъ былъ найденъ у воротъ, потомъ опять скрылся въ помѣстьи друга, и другъ вынужденъ былъ выдать его народу, указомъ царскимъ; ибо Валентиніянъ радовался столь щастливому выбору. Въ теченіе осьми дней окрестили Амвросія и, по порядку, провели по всѣмъ степенямъ клира; новый Епископъ роздалъ большую часть своего имущества убогимъ и посвятилъ себя изученію Св. писанія и проповѣди слова Божія, краснорѣчиво излагая съ каѳедры сокровища, внимательно собираемыя въ келліи; въ теченіе долгаго его святительства сокрушилось Аріянство во всей Италіи.

Когда угасли на Востокѣ два великіе свѣтильника Василій и Григорій Богословъ, и еще медлилъ явиться третій, Златоустъ, на Западѣ, въ полномъ блескѣ, возсіяла слава великаго Амвросія, который былъ данъ ему не только наставникомъ, строителемъ дѣлъ церковныхъ, но и гражданскихъ, и умиротворителемъ Кесарей, при-

бѣгавшихъ къ его защитѣ. Отъ его духовной мудрости просилъ назиданій юный Императоръ Гратіянъ, противъ лести аріянской, называя его отцемъ своимъ, и благой пастырь написалъ для царственнаго сына пять книгъ, о истинной вѣрѣ; потомъ, по просьбѣ сестры своей, инокини Римской Маркеллины и другихъ благочестивыхъ дѣвъ посвятившихъ себя Богу, собралъ для нихъ свои проповѣди, о дѣвствѣ и вдовствѣ и о должностяхъ Христіанина. Скоро оплакалъ онъ раннюю кончину Гратіяна, убіеннаго въ Ліонѣ мятежнымъ военачальникомъ Максимомъ; державная забота пала на рамена великаго мужа Церкви: охраненіе отрока Валентиніяна, котораго руководила мать Іустина, закоснѣлая въ Аріянствѣ, а Максимъ покушался низвергнуть съ престола. Амвросій не убоялся идти въ Галлію, ибо почиталъ себя истиннымъ отцемъ сираго Царевича. Въ Тревирѣ предсталъ онъ Максиму, провелъ съ нимъ цѣлую зиму, но не сообщался въ церкви при совершеніи Св. таинъ, какъ съ убійцею законнаго своего Государя; однако, не смотря на такую стро-

гость, склонилъ его къ миру съ Валентиніаномъ.

Успѣшно дѣйствовалъ Амвросій и въ Медіоланѣ противъ язычниковъ и Аріанъ, предъ лицемъ юнаго Императора. Симмахъ, префектъ Римскій и знаменитый риторъ, вмѣстѣ со многими сенаторами, которые еще держались служенія идольскаго, по любви къ древности, думали воспользоваться отрочествомъ Валентиніяна, чтобы сдѣлать послѣднее покушеніе въ пользу устарѣвшей религіи. Они подали краснорѣчивое прошеніе на имя Императоровъ, какъ бы отъ лица древняго Рима, о возстановленіи въ сенатѣ алтаря побѣды, снятаго сперва Константиномъ, потомъ Гратіяномъ, и приписывали бѣдствія имперіи презрѣнію ветхой святыни. Смутились сенаторы Христіанскіе; Папа Дамазъ отправилъ ихъ жалобы къ Св. Амвросію, умоляя его ходайствовать предъ Кесаремъ въ пользу православныхъ. Тогда написалъ онъ сильное опроверженіе противъ всѣхъ жалобъ Симмаха и самъ вручилъ грамату Валентиніану.

«Тебѣ служатъ твои подданные, ты же самъ служишь Богу и не долженъ дозволять служенія богамъ ложнымъ. Кто жалуется? — язычники, которые проливали кровь нашу, разоряли храмы, требуютъ преимуществъ, за то ли, что запрещали намъ даже учить и проповѣдывать при отступникѣ Іуліанѣ? Никто да не воспользуется твоею юностію! Сенаторы Христіанскіе не могутъ присутствовать предъ олтаремъ языческимъ. Какъ Епископъ и именемъ всѣхъ Епископовъ, которые бы соединились со мною, если бы позволяло время, требую отъ тебя остановиться и прежде всего спросить отца твоего, Императора Θеодосія. Если же поступишь иначе и придешь въ церковь, не найдешь въ ней Епископа, или найдешь такого, который тебѣ воспротивится и не приметъ твоего дара.» Императоръ отвергнулъ просьбу Симмаха и язычество не смѣло болѣе подымать главы.

Амвросій побѣдителемъ вышелъ и изъ тяжкой брани, которую противъ него воздвигла Императрица Іустина, пользуясь ма-

лолѣтствомъ сына. Рожденная между Готѳами и воспитанная въ ихъ ереси, она потребовала у Святителя, для празднованія Пасхи съ своими Аріянами, одну изъ церквей Медіоланскихъ, но получила твердый отвѣтъ, что Епископъ не можетъ выдавать храмовъ Божіихъ. Въ Лазареву субботу самъ Префектъ города пришелъ еще разъ спросить о томъ Амвросія, во время богослуженія, и услышалъ изъ устъ его тотъ же отзывъ. На другой день, проповѣдующему въ соборѣ сказали, что служители царскіе уже заняли требуемую церковь и что раздраженный народъ схватилъ на улинѣ одного пресвитера Аріанскаго; Амвросіи спокойно продолжалъ свое дѣло и послалъ только діаконовъ освободить узника, чтобы не было крови на совѣсти православныхъ, когда Аріане, не смотря на великіе дни страстной недѣли, наполнили темницы благочестивыми, требуя отъ нихъ богатаго выкупа, будто бы за непокорность властямъ. Комиты и трибуны опять явились въ церковь къ Амвросію. «Чего требуетъ Кесарь? спросилъ ихъ мужественный Епи-

скопъ, земель моихъ или денегъ? — пусть возметъ, хотя они принадлежатъ нищимъ, достояніе же Божіе не въ его власти! Нужно ли тѣло мое, — иду съ вами; руки мои готовы для узъ, и самъ я на смерть; не окружу себя народомъ; не припаду къ олтарямъ для спасенія жизни, лучше умру за олтари!» — Съ ужасомъ помышлялъ добродушный пастырь о невинной крови, которая могла пролиться, и кротко отвѣчалъ сановникамъ, приступившимъ къ нему, чтобы усмирить гражданъ: «отъ меня зависитъ только не возбуждать ихъ, но усмиреніе въ рукахъ Божіихъ; если думаете, что я виновникъ смятенія, сошлите меня въ какую хотите пустыню.»

Сказалъ и нарочно удалился изъ храма въ собственный домъ, чтобы служители царскіе могли взять его ночью, утромъ же возвратился спокойно въ храмъ, ибо воины православные объявили Императору, что они въ такомъ только случаѣ будутъ сопровождать его, если пойдетъ въ собраніе вѣрныхъ къ Амвросію. Они добровольно окружили церковь, гдѣ проповѣдывалъ Свя-

титель, и когда смутился сею вѣстію народъ, взошли въ толпу его, громогласно объявляя, что хотятъ молиться, а не воевать съ вѣрными. Амвросій изъяснялъ книгу Іова, примѣняя къ Церкви его страданія и уподобляя ему похвальное терпѣніе народа; ибо тогда, какъ и теперь, чтеніе Іова занимало первые дни страстной седмицы. Еще онъ говорилъ съ каѳедры, когда возвѣстили ему, что отнятая церковь уже возвращена православнымъ и народъ въ ней собравшійся, требуетъ своего пастыря, — онъ послалъ туда пресвитеровъ, и воздалъ хвалу Богу, обратившему сердце Кесаря. Однако еще разъ пришелъ къ нему въ храмъ сановникъ царскій, съ укоромъ за его самовластіе. «Какое? спросилъ опять Амвросій, я даже не выходилъ изъ церкви, и только вздыхалъ, а не сражался; если же кажусь вамъ мятежникомъ, что медлите поразить? вмѣсто оружія вотъ глава, которую кладу на плаху! Тиранъ Максимъ не обвиняетъ меня въ притѣсненіи Валентиніяна, а напротивъ жалуется, что я помѣшалъ ему наступить на Италію.»

Годъ спустя и въ тотъ же праздникъ Пасхи повторилось гоненіе. Императоръ издалъ нѣсколько законовъ благопріятныхъ Аріанамъ и призвавъ ихъ Епископа въ Медіоланъ, велѣлъ Амвросію явиться къ себѣ вмѣстѣ съ нимъ на судъ. Амвросій не рѣшился подвергать догматы вѣры приговору мірскому, но обличилъ писменно неправильность исповѣданія Аріанскаго. Бдительный пастырь сталъ проводить дни и ночи великой седмицы въ храмѣ, поучая непрестанно народъ, который стерегъ своего Епископа, опасаясь воиновъ, ходившихъ около, чтобы исторгнуть его изъ среды вѣрныхъ. Онъ старался успокоить народъ, строго воспрещая подымать за себя оружіе, чтобы не мѣшать ему сдѣлаться жертвою ради Іисуса Христа, потому что слышалъ о многихъ покушеніяхъ противъ своей жизни. Желая развлечь собраніе вѣрныхъ, въ теченіе долгаго дня, онъ ввелъ въ церковь Медіоланскую, по примѣру Восточныхъ, попеременное пѣніе антифоновъ на обѣихъ клиросахъ, которое и до нынѣ въ ней сохранилось подъ названіемъ Ам-

вроеіянскаго. Господь утѣшилъ его, посреди скорбей, открытіемъ нетлѣнныхъ останковъ мучениковъ Гервасія и Протасія, которые обрѣтены были у стѣнъ созданной имъ церкви: удостовѣрясь въ ихъ святости множествомъ исцѣленій, онъ положилъ мощи подъ основаніе престола. «Положимъ, говорилъ Амвросій, торжественныя жертвы сіи туда, гдѣ жертвою самъ Христосъ; но онъ, за всѣхъ пострадавшій, да будетъ на престолѣ, они же, имъ искупленные, подъ престоломъ. Тамъ хотѣлъ бы возлечь и я, ибо справедливо іерею покоиться на мѣстѣ священнодѣйствія, но я уступаю лучшее мѣсто болѣе достойнымъ».— Многочисленныя чудеса заградили уста Аріанамъ; скоро прекратилось и гоненіе, по вмѣшательству тирана Максима, который писалъ Валентиніяну, чтобы оставилъ въ покоѣ Амвросія и православныхъ, если хочетъ пребывать съ нимъ въ мирѣ.

Не смотря на гоненія Императрицы, великодушный пастырь не отказался еще однажды, съ опасностію собственной жизни, перейти Альпы, и ходатайствовать

въ Галліи за ея малолѣтнаго сына, предъ суровымъ Максимомъ. Съ гордостію принялъ его тиранъ въ своемъ совѣтѣ, а не наединѣ, какъ подобало принимать Епископа; онъ всталъ однакоже, чтобы привѣтствовать Амвросія, но Святитель не хотѣлъ дать ему лобзанія мира. «Зачѣмъ привѣтствіе, когда не признаешь санъ мой? ибо здѣсь не мѣсто Епископу,» сказалъ Амвросій. Раздраженный Максимъ сталъ упрекать его, что уже разъ воспрепятствовалъ ему взойти въ Италію; обвиняемый спокойно отвѣчалъ: «вотъ я самъ предъ тобою, и пришелъ лично оправдаться, хотя для меня славно получить такой укоръ, ради спасенія сироты; но скажи, какіе легіоны противопоставилъ я твоимъ? или собственнымъ тѣломъ заградилъ тебѣ Альпы? слабый же отрокъ могъ ли въ зимнюю погоду идти къ тебѣ на встрѣчу?» — Тогда, обличивъ его за смерть Гратіяна, просилъ возвратить хотя тѣло убіеннаго, и исполнивъ долгъ пастырскій возвратился въ Италію.

Императоръ Θеодосій поселился въ Меді-

олань, и тамъ состязался съ великимъ Амвросіемъ; равны были души обоихъ, Кесаря и Епископа, какъ будто вылитыхъ въ одну колоссальную форму. Малая синагога Еврейская, созженная на Востокѣ Христіанами, которую приказалъ Ѳеодосій выстроить на счетъ ихъ Епископа, была первымъ предметомъ ихъ пренія. Амвросій, изложивъ сперва въ почтительной граматѣ, несообразность такой пѣни для Христіанъ и число церквей, истребленныхъ Евреями, вступилъ потомъ на каѳедру, чтобы сказать истину самому Ѳеодосію, и до тѣхъ поръ не приступалъ къ совершенію литургіи, доколѣ не испросилъ у него отмѣны позорнаго для Церкви указа.

Скоро явилъ онъ другой, необычайный примѣръ твердости, прославленный во всѣхъ лѣтописяхъ, съ которымъ могло сравниться одно только необычайное смиреніе Императора. Мятежъ вспыхнулъ въ Ѳессалоникѣ; народъ, раздраженный на ристалищѣ, заключеніемъ одного изъ лучшихъ возницъ, бросился на градоправителя и умертвилъ его, съ нѣкоторыми другими санов-

никами. При сей вѣсти закипѣла гнѣвомъ пылкая душа Ѳеодосія; однако Амвросій укротилъ первое движеніе гнѣва и даже испросилъ обѣщаніе простить виновный городъ. Но приближенные Кесаря, и наипаче старшій изъ сановниковъ Руфинъ, опять раздражили его и, втайнѣ отъ Епископа, испросили кровавый приговоръ на Ѳессалонику. Воины царскіе окружили народъ въ циркѣ и вторгшись на средину ристалища, умертвили безъ разбора до семи тысячь невинныхъ и виновныхъ, всякаго возраста и пола.

Ужаснулся Амвросій, и въ первую минуту удалился изъ Медіолана, чтобы дать мѣсто гнѣву царскому. Онъ только написалъ ему своеручно сильное письмо, въ которомъ упрекая за то, что отъ него одного таятся совѣщанія палаты, говорилъ, что совѣсть принуждаетъ его сказать истину; потому что по словамъ Пророка: «священникъ не обличающій грѣшника, согрѣшающаго къ смерти, виновенъ въ его грѣхѣ.» Амвросій изобразилъ ему весь ужасъ кровопролитія Ѳессалоникійскаго и предлагалъ

покаяніе церковное, умоляя не закоснѣть въ невинной крови, но принести въ жертву Богу духъ сокрушенный и сердце смиренное. «Я люблю тебя, и молюсь за тебя, такъ заключилъ письмо свое святой Епископъ: если вѣришь мнѣ, признай истину словъ моихъ, если же нѣтъ, не осуди, что предпочту тебѣ Бога.» Возвратясь въ Медіоланъ, онъ воспретилъ Θеодосію входъ въ церковь, и когда Императоръ приводилъ въ примѣръ преступленіе Давида, Амвросій отвѣтствовалъ: «ты подражалъ винѣ, подражай и покаянію;» Императоръ покорился и восемь мѣсяцевъ не входилъ въ церковь.

Насталъ праздникъ Рождества Христова, Θеодосій горько плакалъ внутри своихъ чертоговъ; Руфинъ, виновникъ его преступленія, спросилъ о причинѣ слезъ: «ахъ, отвѣчалъ онъ, послѣднему изъ нищихъ и рабовъ открытъ нынѣ Божій храмъ, мнѣ же закрыты храмъ и небо!» когда же Руфинъ предложилъ ему идти умолить Амвросія: «напрасный трудъ, сказалъ Θеодосій, чувствую правильность наказанія и знаю,

что изъ подобострастія не преступитъ онъ заповѣди Божіей.» Однако Руфинъ поспѣшилъ къ Епископу и вслѣдъ за нимъ пошелъ медленно Кесарь, въ надеждѣ на помилованіе. Но Амвросій объявилъ вельможѣ, что онъ самъ станетъ въ преддверіи храма и съ радостію пожертвуетъ собою. Испуганный царедворецъ бѣжалъ на встрѣчу Ѳеодосію, чтобы остановить его; но кающійся, исполненный лучшихъ чувствъ, продолжалъ путь съ намѣреніемъ принять заслуженный позоръ. Не входя въ церковь онъ приступилъ къ Епископу, сидѣвшему въ притворѣ и молилъ о разрѣшеніи. «Ты возстаешь на Бога и попираешь его законы,» мужественно сказалъ пастырь; «нѣтъ отвѣчалъ Кесарь, я уважаю ихъ и прошу эпитиміи, ибо дверь Господня не закрыта кающимся.» Епископъ наложилъ на него всенародное покаяніе и потребовалъ указа, чтобы въ теченіе тридцати дней не было смертныхъ казней; тогда впустилъ его въ преддверіе. Но Ѳеодосій, сложивъ съ себя всѣ украшенія царскія, не смѣлъ даже стоять въ преддверіи; съ горькими слезами про-

стерся онъ на помостъ и, ударяя себя въ перси, непрестанно повторялъ псаломъ кающагося Царя Пророка: «прильпе земли душа моя, живи мя по словеси твоему; благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ.» Вокругъ него молился народъ, видя смиреніе своего Владыки, и Святитель поспѣшилъ разрѣшить его, прежде опредѣленнаго срока, церковной эпитиміи.

Не много времени оставалось великому Амвросію до блаженной кончины, и сіе краткое время употребилъ онъ на устройство своей и окрестныхъ церквей, потому что онъ почитался пастыремъ не одного Медіолана, но всего Запада, и къ его мудрости притекали сосѣдніе и дальніе Епископы: многіе изъ учениковъ его рукоположены были имъ самимъ, или послѣ него, на окрестныя каѳедры. Не въ однѣхъ близкихъ странахъ гремѣло имя Амвросія, но и изъ дальнихъ краевъ притекали насладиться его мудростію, и варвары имѣли къ нему довѣренность. Два именитые Перса, изъ числа Маговъ, нарочно предприняли дальнее странствіе въ Медіоланъ, чтобы

только бесѣдовать съ Амвросіемъ: Короли Франковъ приписывали побѣды Римлянъ его святымъ молитвамъ: Королева Маркомановъ отправила къ нему пословъ съ богатыми дарами, прося наставленія въ вѣрѣ Христіанской; получивъ же огласительное письмо, убѣдила мужа и народъ принять Христіанство и покориться Римлянамъ.

Рукоположивъ Епископа въ Павіи, онъ занемогъ и долго лежалъ на одрѣ болѣзни. Испуганный сею вѣстію правитель Италіи, Стиликонъ, послалъ къ нему искреннихъ друзей его умолять, чтобы еще не оставлялъ міра имъ благодѣтельствуемаго, но просилъ бы Бога о продолженіи своей жизни. — Кроткій пастырь отвѣчалъ плачущимъ: «не такъ я жилъ между вами, чтобы мнѣ стыдиться еще пожить; но не боюсь и умереть, потому что имѣю добраго Владыку.» Діаконы, далеко отъ одра его, бесѣдовали между собою: кто бы могъ заступить его мѣсто? и тихо назвали его учителя Симплитіяна; умирающій, уразумѣвъ духомъ ихъ бесѣду, три раза воскликнулъ, какъ бы отвѣчая имъ: «старъ но добръ!»

Симплитіянъ точно былъ его преемникомъ. Еще за нѣсколько дней до кончины, небесный свѣтъ осіялъ внезапно лице святаго, въ видѣ огненныхъ языковъ, сошедшихъ нѣкогда Апостоловъ; онъ увидѣлъ самаго Господа, къ нему грядущаго, съ лицемъ радостнымъ, и послѣдніе часы временной жизни пребылъ въ безмолвной молитвѣ, простерши крестообразно руки. Въ самую минуту его преставленія, Епископъ Веркелинскій, Оноратъ, услышалъ во снѣ внезапный голосъ: «встань онъ отходитъ,» и успѣлъ еще однажды пріобщить великаго Амвросія. Это было на канунѣ великой субботы, горькимъ плачемъ народа исполнилась церковь въ торжество Пасхи; многіе болящіе пріяли исцѣленіе отъ святыхъ мощей его; многимъ новокрещеннымъ являлся пастырь, какъ бы пріемлющій ихъ изъ купели въ свѣтлой одеждѣ; малыя дѣти указывали его, какъ бы сѣдящаго на каѳедрѣ, и въ самый день кончины явился онъ на молитвѣ нѣкоторымъ святымъ мужамъ въ Палестинѣ.

БАЗИЛИКА СВ. АМВРОСІЯ.

Рано утромъ, въ день Св. Троицы, пошелъ я въ дальнюю базилику Амвросіянскую, чтобы поклониться гробу великаго пастыря Медіоланскаго, и отслушать тамъ литургію. Привыкшему, въ православной родинѣ, всегда присутствовать въ сей радостный праздникъ на торжественной служ-

бѣ, мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ насытить душу святынею мѣста, и помолиться надъ ракою Св. Амвросія. Но здѣсь, по особенному случаю, вполнѣ утѣшилось сердце мое, и я могъ насладиться молитвою церковною надъ мощами угодника Божія.

Пустынное положеніе базилики въ самой оконечности города, на краю обширной зеленой площади, уже располагало къ молитвѣ. Здѣсь были прежде домъ святаго и дворецъ Императоровъ, мимо коего онъ всегда проходилъ въ церковь, какъ самъ выражался о томъ въ своихъ письмахъ. Доселѣ сохранился близь ветхой ограды базилики древній столпъ, предъ коимъ Кесари принимали присягу; площадь сія была въ послѣдствіи мѣстомъ народныхъ собраній и турнировъ, когда Кесари Германскіе вступили въ наслѣдіе Римскихъ. Атріумъ или преддверіе базилики, хотя не восходитъ далѣе XIII столѣтія, однако сооружено было Архіепископомъ Анспертомъ, совершенно въ древнемъ массивномъ вкусѣ Римскомъ, съ аркадами и столбами, которые об-

разуютъ четыреугольный дворъ и портики, или какъ это называлось въ древности рай базилики. Надобно спуститься нѣсколькими ступенями въ сію паперть, обставленную кругомъ гробницами первыхъ вѣковъ Христіанства, на которыхъ уже нельзя разобрать надписей; такое углубленіе въ нѣдра земли, свидѣтельствуя о древности самаго зданія, внушаетъ благоговѣніе. Двѣ башни или колокольни среднихъ временъ, полуразбитыя, подымаются съ обѣихъ сторонъ преддверія; трехъугольный фронтонъ представляется съ лицевой стороны базилики, въ которую входятъ тремя вратами. Среднія покрыты теперь бронзовою сѣткою, чтобы сохранить древнія кипарисовыя ихъ доски, съ полустертыми изваяніями, которыя какъ полагаютъ представляютъ дѣянія Царя Давида; не возможно разобрать надписей іероглифическихъ, смѣшанныхъ изъ буквъ Римскихъ и Лонгобардскихъ, на двухъ медаліонахъ пригвожденныхъ къ симъ вратамъ.

Остановимся съ благоговѣніемъ на этомъ порогѣ; здѣсь, по мѣстному преданію, остановилъ великій Амвросій великаго Ѳео-

досія, когда хотѣлъ онъ взойти въ церковь, безъ разрѣшенія церковнаго; оба были достойны другъ друга: смиреніе Кесаря соотвѣтствовало его величію, а твердость пастыря ревности подобавшей его духовному сану. Если точно дѣянія Давида вырѣзаны на кипарисѣ сихъ замѣчательныхъ вратъ, то нельзя было приличнѣе избрать предмета, ибо въ ту минуту великій Ѳеодосій не уступалъ блаженному Царю Пророку, который изъ глубины сокрушеннаго сердца произнесъ вдохновенный псаломъ: «помилуй мя Боже, по велицѣй милости твоей.» Въ самыхъ вратахъ, гдѣ съ такою славою просіяло смиреніе древняго Кесаря Римскаго, съ сердечнымъ умиленіемъ вспомнилъ я о другомъ, болѣе близкомъ намъ смиреніи благословеннаго Монарха, который при сооруженіи соборнаго храма сѣверной столицы, велѣлъ поставить противъ своего царскаго мѣста образъ великаго Амвросія, приносящаго молитвы за кающагося Ѳеодосія, и начертать на царскомъ мѣстѣ сію краткую но выразительную молитву: «сердце Царево въ руцѣ Божіей.»

Невольное благоговѣніе проникаетъ въ душу, если отъ священныхъ вратъ Ѳеодосіевыхъ и Амвросіевыхъ, погрузиться взорами подъ низменные своды базилики, отъ гнета вѣковъ вросшіе въ землю: во глубинѣ ея, подъ великолѣпнымъ престоломъ, почиваетъ ея великій основатель. Она раздѣлена на три части, двумя рядами столбовъ, по подобію всѣхъ древнихъ базиликъ, и уже во дни Амвросія называлась Амвросіянскою, хотя смиренный пастырь посвятилъ ее мученикамъ Протасію и Гервасію. Со дня пасхи 397 года, когда погребено было его нетлѣнное тѣло подъ олтаремъ, оно осталось тамъ неприкосновеннымъ, не смотря на всѣ гражданскіе перевороты, совершившіеся около его гроба, и на обновленіе самой церкви. Она была распространена какъ полагаютъ въ VIII вѣкъ, при Архіепископѣ Петрѣ, а въ XII вѣкѣ обрушилась часть ея купола и сокрушила стоявшій подъ нимъ амвонъ съ частію иконостаса; базилику обновляли въ два послѣдующіе столѣтія но ей сохранился совершенно характеръ первыхъ временъ. Это особенно замѣтно въ священ-

ныхъ памятникахъ, которые если и пострадали отъ руки времени, но по крайней мѣрѣ, рукою человѣческою, приведены по возможности въ первобытное состояніе. Такимъ образомъ великолѣпная сѣнь надъ престоломъ, которую поддерживаютъ четыре порфировыхъ столба, взятые изъ капища Юпитерова, сохранила всѣ свои изваянія: сидящій Спаситель, изображенъ дающимъ съ правой стороны евангеліе Апостолу Павлу а съ лѣвой ключи Апостолу Петру; на противоположномъ фронтонѣ Св. Амвросій стоитъ, между двухъ прославленныхъ имъ мучениковъ, а на боковыхъ, Божія Матерь, съ сестрою великаго Амвросія Маркеллиною, и другою невѣдомою женою, и опять Святитель, уже въ облаченіи, вѣнчаемый свыше; онъ осѣняетъ двухъ Лонгобардовъ, которые простерты у ногъ его, и двухъ строителей надгробной сѣни и престола, Архіепископа Ангильберта и Волвонія. Ангильбертъ, 25 лѣтъ управлявшій церковью Медіоланскою въ первой половинѣ IX вѣка, освидѣтельствовалъ лично мощи Св. Амвросія подъ алтаремъ и нашелъ ихъ совер-

шенно цѣлыми. Соорудивъ надъ нимъ великолѣпную сѣнь, поручилъ онъ искусному художнику Волвонію, изваять золотыя престольныя доски съ драгоцѣнными камнями, по подобію олтаря Софійскаго: эта богатая утварь доселѣ облекаетъ престолъ Амвросіевъ, и открывается только во дни большихъ празднествъ.

Есть еще драгоцѣнный памятникъ временъ Св. Амвросія, который не могли въ точности опредѣлить археологи: мраморный амвонъ на столбахъ, устроеный для чтенія Евангелія, и весь въ изваяніяхъ весьма странныхъ, птицъ, цвѣтовъ и звѣрей; на одной сторонѣ его изображена тайная вечеря; недостаетъ только двухъ Апостоловъ, но лице Спасителя ясно обозначено. Подъ амвономъ древній саркофагъ также покрытъ изваяніями: часть ихъ за однимъ изъ тяжелыхъ столбовъ базилики, къ которому прислоненъ амвонъ, но еще видны изображенія трехъ отроковъ Вавилонскихъ, поклоненіе волхвовъ, жертвоприношеніе Исаака, пророкъ Илія восходящій на небо,

праотцы у древа искушенія, Ной предъ ковчегомъ и Моисей со скрижалями; тутъ же и божественный младенецъ въ ясляхъ, и Спаситель сидящій между двѣнадцатью Апостоловъ и потомъ возносящійся предъ ними на небо: при каждомъ изъ нихъ агнецъ, какъ на древнихъ мозаикахъ Римскихъ. На лицевой сторонѣ двѣ фигуры мужа и жены, въ одеждѣ царской, держащія другъ друга за руку, съ двумя крылатыми Славами, даютъ поводъ предполагать что это мавзолей юнаго Императора Гратіана, убіеннаго въ Галліи, котораго тѣло испросилъ великій Амвросій у тирана Максима; женская фигура можетъ быть Императрицы Леты его супруги, или это надгробный памятникъ знаменитаго вождя Стиликона и жены его Серены, который управлялъ самовластно всемъ Западомъ, послѣ кончины великаго Ѳеодосія, при его слабомъ сынѣ Оноріи, и заблаговременно устроилъ себѣ гробницу.

Напротивъ амвона и саркофага изваянъ на сводѣ весьма древній образъ Св. Амвросія, который гораздо старше своей

готической надписи и можетъ восходить далѣе VIII вѣка. Святитель изображенъ въ облаченіи, фелони и омофорѣ, но безъ митры и бороды и съ короткими волосами; подъ изваяніемъ начертаны Латинскіе стихи въ честь его. У одной изъ пиластръ стоитъ гранитная колонна, съ мѣднымъ на ней змѣемъ, который свитъ кольцемъ и подымаетъ голову, по подобію Египетскихъ ваяній. Преданіе мѣстное, вопреки текста св. Писанія, говоритъ, будто это тотъ самый змѣй, который слитъ былъ Моисеемъ въ пустынѣ, хотя извѣстно что Царь Езекія его сокрушилъ, дабы не служилъ предметомъ поклоненія народу. Историкъ XI вѣка Ландольфъ пишетъ, что Архіепископъ Миланскій Арнульфъ, посланный Императоромъ Оттономъ III въ Царьградъ, въ 1001 году, за его невѣстою, сестрою Императоровъ Греческихъ Константина и Василія, привезъ съ собою сего змѣя, который былъ ему уступленъ, будто бы за великое сокровище, дворомъ Византійскимъ. Это изваяніе внушило однако нашему славному художнику Бруни странно изобразить змѣя Моисеева, по образцу

Миланскаго, въ своей великолѣпной картинѣ Израильтянъ, исцѣляемыхъ змѣемъ въ пустынѣ.

Съ обѣихъ сторонъ базилики позади столбовъ, отъ Ѳеодосіевыхъ дверей до престола, расположено по семи придѣловъ; мало замѣчательны они съ лѣвой стороны, кромѣ перваго, ибо подъ его алтаремъ хранятся мощи Св. Савины, мучениковъ Феликса и Фортуната, и Епископовъ Каія и Матерна. Съ правой стороны, въ первомъ придѣлѣ, стоитъ на алтарѣ драгоцѣнный ковчегъ для святыхъ даровъ; четвертый придѣлъ посвященъ блаженной Маркеллинѣ, сестрѣ великаго Амвросія, и туда перенесена была ея рака въ 1812; надъ олтаремъ поставлено изящное ея изваяніе въ молитвенномъ положеніи. Въ придѣлѣ, ближайшемъ къ главному престолу, чествуется древняя икона Богоматери, скорой помощницы, какъ она слыветъ въ Миланѣ, Отселѣ вела дверь въ малую крещальню, гдѣ Св. Амвросій окрестилъ блаженнаго Августина. — И его гробъ случилось мнѣ

видѣть, въ древнемъ соборѣ Павійскомъ, сооруженный въ видѣ великолѣпной пирамиды, однимъ изъ Королей Лонгобардскихъ, который успѣлъ перенести тѣло сего блаженнаго учителя Церкви Западной изъ Африки, въ VII столѣтіи, какъ бы предчувствуя скорое запустѣніе его каѳедральнаго города Иппоны, подъ державою Сарацынскою.

Правая сторона базилики Амвросіевой прилегала къ болѣе древнимъ церквамъ: базиликѣ Порціевой или Св. Виктора, которую усиливалась отнять Императрица Аріанская у великаго Амвросія, и къ Фавстовой, основанной на усыпальницѣ первыхъ Христіанъ Миланскихъ; она носила имя Фавсты дочери благочестиваго ихъ погребателя Филиппа. Теперь только нѣкоторая часть ихъ взошла въ правое, почти отдѣльное крыло базилики Амвросіевой, гдѣ теперь церковь брата его Сатира; въ этой сторонѣ находились собственныя келліи святителя, и древняя обитель иноческая прилегавшая къ собору; новѣйшая

упразднена была только въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія.

Весьма древняя мозаика, какъ полагаютъ V вѣка, украшаетъ своды церкви Св. Сатира: мученикъ Викторъ изображенъ съ крестомъ въ рукахъ въ золотомъ небѣ, которое дало прозваніе церкви (in coelo aureo), а подъ аркою, съ одной стороны Св. Амвросій, между обрѣтенныхъ имъ мучениковъ Гервасія и Протасія, съ другой Епископъ Матернъ, съ другими мучениками Феликсомъ и Наворомъ. Желѣзная дверь, въ помостѣ церковномъ, сводитъ въ подземелье, гдѣ погребенъ былъ блаженный Сатиръ, великимъ братомъ своимъ, подлѣ мученика Виктора, на усыпальницѣ прежнихъ Христіанъ, и тамъ сооруженъ алтарь надъ уцѣлѣвшимъ гробомъ. Въ той же церкви есть надгробіе Королевы Берты, бабки Короля Италіянскаго Лотарія, погребеннаго также въ соборѣ; въ темной палаткѣ видѣнъ памятникъ Короля Бернарда, племянника Императора Карла великаго, который покушался похитить вѣнецъ Кесарей у своего двоюроднаго брата

Людовика, и былъ ослѣпленъ имъ въ наказаніе за честолюбіе, не смотря на ходатайство Архіепископа Миланскаго Ансельма. Царственный юноша не вынесъ жестокой казни и погребенъ въ одномъ гробѣ съ своимъ кроткимъ ходатаемъ; оба найдены были въ 1638 году, одинъ въ бѣлой царской одеждѣ со скипетромъ въ рукахъ, другой съ посохомъ и въ митрѣ, и опять положены на томъ же мѣстѣ.

По описаніямъ базилики мѣста клириковъ, или такъ называемый хоръ, находились прежде впереди главнаго престола и были отдѣлены отъ церкви преградою, въ родѣ иконостаса съ тремя дверьми. Теперь же хоръ занимаетъ горнее мѣсто весьма обширное, которое нѣсколькими ступенями выше алтаря и было отдѣлено отъ него глухою стѣною, по причинѣ распрей между канониками базилики и монахами прилегавшей къ ней обители. Мудрено однако предполагать, чтобы горнее мѣсто могло быть въ древности отдѣлено отъ престола, ибо тамъ и доселѣ стоитъ каѳедра святителя. Эта та самая, на которой яв-

лялся онъ вѣрующимъ, нѣсколько дней спустя послѣ своей кончины; она мраморная и двѣ ступени служатъ ей подножіемъ; два льва изваяны по сторонамъ, символами твердости возсѣдавшаго на ней. Около нея стояли осмьнадцать каѳедръ Епископовъ подчиненныхъ Медіоланскому, какъ то городовъ Веркелліи, Новары, Лоди, Тортоны, Асты, Аквы и Генуи съ правой стороны; а съ лѣвой Бресціи, Бергамы, Вентимиліи, Савоны, Албенги, Павіи, Піаценціи и Комо. Теперь уже нѣтъ болѣе каѳедръ и эпархіи сдѣлались независимыми. Замѣчательно однако какую степень занималъ Медіоланъ въ іерархіи западной, какъ столица сѣверной Италіи и мѣсто пребываніе Императоровъ, со времени обращенія ихъ въ Христіанство: Митрополія Медіоланская имѣла подъ собою осмьнадцать Епископовъ, когда Митрополія Римская считала у себя только семь, такъ называемыхъ подгородныхъ Епископовъ, прямо и собственно отъ нее зависѣвшихъ. Равенна, во время Экзархата Греческаго, и Аквилея въ Иллирикѣ, пользовались также обширными правами, доко-

лѣ не покорило ихъ единоначаліе Римское. Даже имя Папъ не возносилось на литургіи въ Миланѣ и не находится въ служебникахъ Амвросіянскихъ, ранѣе исхода XV вѣка.

На сводахъ горняго мѣста, надъ каѳедрою великаго Амвросія, еще сохранилась древняя мозаика, едва ли не современная ему. Спаситель сидитъ на престолѣ, благословляющій правою рукою, въ лѣвой держитъ евангеліе, отверстое на сихъ словахъ: «Азъ есмь свѣтъ міру.» — Два Архангела Михаилъ и Гавріилъ парятъ по сторонамъ его, съ кадиломъ и рипидомъ, а подлѣ стоятъ мученики Протасій и Гервасій Имена Архангеловъ написаны по Гречески и кругомъ арки также Греческая надпись: «Іисусъ Христосъ Царь славы.» Прочая мозаика изображаетъ чудо великаго Амвросія, при погребеніи Епископа Туронскаго Мартина, и лики брата его и сестры, Сатира и Маркеллины, но она принадлежитъ конечно къ позднѣйшему времени.

Съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія сталъ я на колѣна у подножія каѳедры,

гдѣ возсѣдалъ великій мужъ церкви, и желалъ помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ молился. Когда же сошелъ, въ исподнюю церковь или крипту, которая по обычаю древнихъ базиликъ находится подъ главнымъ престоломъ, желаніе мое внезапно исполнилось. Епископъ города Сузы, пришедшій также поклониться гробу великаго Амвросія, предложилъ отслужить литургію на подземномъ алтарѣ, и хотя обѣдня сія была такъ называемая тайная, однако, къ чрезвычайному моему утѣшенію, я могъ слѣдовать за всѣми тайнодѣйственными словами, ибо ихъ громко и съ чувствомъ произносилъ Епископъ, будучи проникнутъ святостію мѣста. Эта подземная церковь вся въ столбахъ бѣлыхъ и розовыхъ, исписанная по стѣнамъ подвигами святителя, уже сама по себѣ располагала къ умиленію, и я забылъ сиротство свое на чужбинѣ, потому что чувствовалъ себя очень близко къ великому Амвросію.

Послѣ литургіи Епископъ пожелалъ видѣть драгоцѣнную утварь верхняго алтаря и, видя мое усердіе, пригласилъ меня съ со-

бою; я изумился изящности и богатству сей утвари, которая напомнила мнѣ Венеціянскую Св. Марка. На передней доскѣ литаго золота изваянъ Спаситель, въ серединѣ креста, съ символами Евангелистовъ и съ двѣнадцатью Апостолами около вѣтвей креста, а по сторонамъ шесть праздниковъ Господскихъ. На задней доскѣ престола вылитой изъ серебра, но позлащенной и съ драгоцѣнными на ней камнями, представлены въ двѣнадцати отдѣленіяхъ дѣянія и чудеса Св. Амвросія, а по срединѣ онъ самъ пріемлетъ, отъ Архіепископа Ангильберта и художника Волвонія, рисунокъ сѣни и алтаря. На боковыхъ серебренныхъ доскахъ изваяны Ангелы, возносящіе молитвы святыхъ къ престолу Божію, мученики пострадавшіе въ Миланѣ и святители почіющіе подъ тѣмъ алтаремъ, гдѣ сами приносили безкровную жертву. Говорятъ, что до половины XII столѣтія, растворялись сіи позлащенные доски и можно было видѣть подъ престоломъ раку святителя, которая висѣла на цѣпяхъ надъ глубокою могилою. Такъ устроилъ Архіепископъ Ан-

гильбертъ въ IX вѣкѣ, чтобы сохранить сокровище св. мощей неприкосновеннымъ отъ ревности поклонниковъ; но теперь должно довольствоваться однимъ поклоненіемъ при верхнемъ и нижнемъ престолѣ, хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи мощей святителя; ибо еще весьма недавно блаженная сестра его Маркеллина обрѣтена была въ той же подземной церкви и перенесена въ верхнюю.

При посѣщеніи ризницы, которая утратила большую часть своихъ сокровищь въ концѣ минувшаго столѣтія, но еще сохранила часть ризы святителя Амвросія, мнѣ хотѣлось узнать отъ каноииковъ, въ чемъ собственно состоитъ разница между литургіею Римскою и такъ называемою Амвросіянскою, совершаемою только въ Миланѣ? Но, изъ словъ канониковъ, я ни какъ не могъ распознать существеннаго различія обѣихъ литургій, хотя и самъ присутствовалъ нѣсколько разъ на богослуженіи соборномъ. Только въ послѣдствіи, изъ ученыхъ сочиненій касающихся сего предмета, увидѣлъ я разность служебниковъ Рим-

скаго и Миланскаго. Достойно вниманія, какимъ образомъ Римъ усиливался ввести по всему Западу свою литургію, начало коей относитъ къ Апостолу Петру, но которая была значительно измѣнена Папами Гелясіемъ и Григоріемъ великимъ, въ V и VII вѣкѣ. Можно сказать, что она приняла окончательно свою форму на Базельскомъ и Тридентинскомъ соборахъ: ибо конечно, во времена великаго Григорія, всѣ вѣрные пріобщались подъ обоими видами, тѣла и крови Господней, и нельзя не почесть сего за весьма важное измѣненіе самой существенной части литургіи.

Въ Галліи, куда пришло Христіанство съ Востока, съ первыми Епископами Ліонскими, Поѳиномъ и Иринеемъ, учениками блаженнаго Поликарпа Смирнскаго, долго существовала своя литургія, болѣе сродная Восточной, и только съ чрезвычайнымъ усиліемъ могли ее уничтожить Папы въ IX вѣкѣ, пользуясь всемогуществомъ своего покровителя Императора Карла великаго. Такъ успѣшно было вліяніе Римское, что не сохранилось даже полнаго служебника

Галликанскаго, и только изъ нѣкоторыхъ отрывковъ можно видѣть, сколько общаго было между сею литургіею и Восточною: ибо тутъ есть и пѣніе Трисвятаго, и молитва оглашенныхъ, и малый и великій входы съ евангеліемъ и дарами. Самыя молитвы освященія даровъ, хотя не вполнѣ сохранились, однако отчасти сходны съ нашими и даютъ поводъ предполагать, что было и призываніе Св. Духа надъ приносимыми дарами, а не освящались они, какъ у Римлянъ, только словами Господними «пріимите и ядите.»

Въ Испаніи гораздо продолжительнѣе была борьба между богослуженіемъ Западнымъ и Восточнымъ, ибо Готѳы, овладѣвшіе ею въ V вѣкѣ, принесли съ собою и чинъ литургіи Восточной, которую сами приняли въ предѣлахъ Греческихъ, стараніемъ Златоуста. Папа Вигилій, первый сталъ домогаться, чтобы одна только литургія Римская была совершаема по всей Испаніи и соборъ Брагантскій, въ VI столѣтіи, подтвердилъ волю Папы; но не смотря на то, обычаи Восточные одолѣвали въ коро-

левствѣ Готѳскомъ, и благочестивые Епископы Леандръ и Исидоръ исправили свои служебныя книги, по образцу Восточныхъ и Галликанскихъ, ибо Леандръ самъ былъ въ Царьградѣ и старался дать имъ твердость соборную. Сей чинъ богослуженія, принятый въ Толедѣ, гдѣ святительствовалъ Исидоръ, получилъ названіе Мозарабскаго, въ ту бѣдственную эпоху, когда Христіане были перемѣшаны съ Маврами, подъ ихъ тяжкимъ игомъ. Но въ XI вѣкѣ, Папа Григорій VII и его преемники, до такой степени старались, съ помощію свѣтской власти, ввести литургію Римскую въ церковь Испанскую, что мало по малу совершенно истребился служебникъ Мозарабскій. Однако нововведенія Римскія не обошлись безъ возмущенія народнаго и, странная вещь! прибѣгали даже къ огненному испытанію и къ поединку, чтобы узнать который служебникъ пріятнѣе Богу; но хотя защитникъ Готѳскаго умертвилъ Римскаго; однако воля Короля Кастильскаго Альфонса, преданнаго Папѣ, одержала верхъ надъ негодованіемъ его подданныхъ, и уже въ

XV вѣкѣ нигдѣ болѣе не совершалось сіе богослуженіе. Знаменитый правитель Испаніи, во время малолѣтства Карла V, Кардиналъ Ксименесъ, съ большимъ трудомъ могъ возстановить литургію Мозарабскую, только въ одномъ придѣлѣ соборной церкви Толедской, чтобы сохранить о ней память; ибо всѣ ея списки были уже истреблены ревностію Римскою. Но служебникъ Кардинала перемѣшанъ былъ съ молитвами литургіи Западной; по сему нельзя имѣть совершенно яснаго понятія о чистой Мозарабской; даже въ самыхъ словахъ освященія даровъ, замѣтно измѣненіе, по свидѣтельству ученаго собирателя всѣхъ литургій, священника Французскаго Петра Лебрюна.

Въ Иллирикѣ и Славянскихъ земляхъ, гдѣ богослуженіе, по чину Восточной Церкви, производилось на природномъ нарѣчіи, доступномъ понятію каждаго, Папы усиливались ввести языкъ Латинскій, дабы съ нимъ вмѣстѣ водворить свою литургію, и много имъ способствовало оружіе Императоровъ Западныхъ, для подчиненія племенъ

непокорныхъ ихъ уставамъ. Но по странному стеченію обстоятельствъ, такъ близко отъ Рима, не смотря на всѣ усилія Первосвященниковъ, въ Миланѣ сохранилось богослуженіе, почти въ томъ видѣ, какъ передалъ оное великій Амвросій своей церкви. Чего не дѣлали Папы для его уничтоженія? Напрасно Адріанъ I-й и Карлъ великій, который только что сокрушилъ королевство Лонгобардовъ, хотѣли въ немъ уничтожить богослуженіе Амвросіянское. Преданіе говоритъ: будто бы оно сохранилось чудомъ, предъ лицемъ самаго Императора, когда оба служебника, запечатанные, положены были на олтарь храма Петрова: оба сами собою открылись, во свидѣтельство того, что одинъ не уступаетъ другому. Григорій VII, имѣвшій столько успѣха въ Испаніи, противъ литургіи Мозарабской, не смотря на свое могущество не могъ одолѣть Амвросіянской. Въ XV вѣкѣ, въ эпоху Флорентинскаго собора, Кардиналъ легатъ Папы Евгенія IV вздумалъ насильственно ее уничтожить; онъ велѣлъ торжественно отслужить Римскую литургію въ

соборѣ Миланскомъ, и взялъ къ себѣ служебникъ, который какъ полагали принадлежалъ самому великому Амвросію; но взволновался народъ, граждане обступили дворецъ Легата и грозились сжечь его, если немедленно не выдастъ имъ драгоцѣнной книги. Испуганный Легатъ выбросилъ изъ окна служебникъ и бѣжалъ; съ тѣхъ поръ церковь Миланская осталась покойною въ исправленіи древняго чина своего богослуженія. Папа Александръ VI подтвердилъ оное буллою и Кардиналъ Борромей поддержалъ преимущества своей церкви, по тому вліянію и уваженію, коими пользовался въ Римѣ.

Не смотря однако, на неуступчивость церкви Миланской, важныя измѣненія непримѣтно вкрались въ ея литургію; ибо одно то, что міряне теперь пріобщаются въ ней подъ однимъ только видомъ таинства, уже показываетъ какъ отступила она отъ первобытной чистоты Амвросіевой. По книгѣ Лебрюна, о обрядахъ, видно также, что въ древней литургіи Миланской, освященіе даровъ, совершалось особенною молитвою,

которая называлась тайнодѣйствіемъ, а не одними словами Господа Іисуса, какъ это теперь въ ней дѣлается по обычаю Римскому. Самыя тайны были закрыты отъ мірянъ завѣсами, и оглашенные предварительно удаляемы были изъ церкви, по гласу діаконовъ; какъ это и доселѣ у насъ существуетъ. Надобно очень подробно знать служебникъ Римскій, чтобы теперь замѣтить, во время обѣдни, различіе съ Миланскимъ. Каноники говорили мнѣ, что одно изъ главныхъ есть воспоминаніе святыхъ, не общее но частное, на каждый день во время проскомидіи, и болѣе пространное ея совершеніе, подходящее ближе къ чину Восточному, хотя она взошла въ составъ самой литургіи, и помѣщена, какъ и въ Римѣ, послѣ чтенія евангелія. Есть нѣкоторая разность и въ молитвахъ канона, или существенной части обѣдни, при совершеніи даровъ, хотя какъ я уже говорилъ, и тутъ превозмогъ обрядъ Римскій; но вотъ замѣчательная разница: священникъ раздробляетъ освященный Агнецъ, прежде произношенія молитвы Господней: «Отче нашъ,»

а не послѣ, какъ это ввелъ въ Римѣ св. Папа Григорій великій, соображаясь съ тѣмъ, что онъ самъ видѣлъ въ церкви Константинопольской.

Этимъ можно бы заключить замѣчанія о разностяхъ намъ мало доступныхъ, развѣ присоединить еще къ тому, что священникъ говоритъ: «миръ вамъ!» лицемъ къ алтарю а не къ народу, какъ у Римлянъ. Пѣніе антифоновъ, которое ввелъ Св. Амвросій по образцу Греческому, продолжается съ нѣкоторою отмѣною противъ Римскаго, хотя Римъ заимствовалъ ихъ въ свою чреду у Милана. Что касается до постовъ, то хотя Св. Амвросій соблюдалъ субботу тогда только, когда бывалъ въ Римѣ, потому что это противно древнимъ правиламъ, какъ видно изъ его писемъ, однако постъ субботній непримѣтно вкрался въ его церковь. Но одно изъ странныхъ ея преимуществъ составляетъ то, что великій постъ начинается въ Миланѣ, не съ среды первой недѣли, какъ вообще на Западѣ, а съ перваго воскресенія четыредесятницы, для точности сорокадневнаго числа, и многіе

пріѣзжаютъ въ Миланъ пользоваться такою льготою. Трудно однако предполагать, чтобы во времена великаго Амвросія, первая великая седмица поста не была ознаменована особыми молитвами и подвигами воздержанія. Многое бы можно было сказать еще о церкви собственно Миланской, но я боюсь касаться предмета столь важнаго, съ малою моею опытностію въ обрядахъ западныхъ.

ПИСЬМО ОБЪ АНГЛІИ.

Digitized by Google

ПИСЬМО ОБЪ АНГЛІИ.

Вамъ угодно было, послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя я сообщилъ о состояніи Римской Церкви, узнать въ какомъ положеніи находится теперь Англиканская? ибо она возбудила, въ недавнемъ времени, общее вниманіе, религіознымъ движеніемъ умовъ своихъ. Для насъ это было тѣмъ болѣе замѣтно, что одинъ изъ представителей новаго направленія своей Церкви, благочестивый діаконъ Пальмеръ, дважды въ короткое вре-

мя, посѣтилъ наше отечество и старался ознакомить насъ съ своими единовѣрцами, очищая ихъ, по мѣрѣ возможности, отъ нареканія въ протестантствѣ. Чтобы яснѣе понять движеніе умовъ въ Англіи, надобно собственными глазами видѣть, что такое Англія! Нельзя довольно надивиться сему нравственному колоссу: все огромно до высшей степени, какой только могло достигнуть человѣчество, и потому утѣшительно, для чувства человѣческаго достоинства вообще; но сами люди, т. е. каждый человѣкъ, взятый отдѣльно, какъ бы теряются и подавлены громадностію цѣлаго ихъ быта: ибо они, личностію своею, представляются слишкомъ ничтожными, въ сравненіи того, что сами создали, и это чувство бываетъ тягостно для сердца. Послѣ колоссальныхъ развалинъ мертваго Рима видѣлъ я живой колоссъ Лондона, и мнѣ казалось, что туда перешла всемірная жизнь великаго народа, хотя и съ нѣкоторыми оттѣнками Карѳагенскими; ибо гордый Британецъ, съ своего неприступнаго острова, какъ съ форума Римскаго, простираетъ взо-

ры и руки во всѣ концы вселенной, но только жезлъ Меркуріевъ, въ рукахъ его, неразлученъ съ мечемъ Марса.

Войдите въ Парламентъ, не въ тотъ однако великолѣпный дворецъ, изсѣченный изъ мрамора, въ самомъ прихотливомъ вкусѣ готическомъ, на мѣсто старинныхъ службъ аббатства Вестминстерскаго, гдѣ прежде собирались мужи совѣта; нѣтъ, войдите во временное убогое его помѣщеніе, въ ожиданіи новыхъ чертоговъ, которые уже теперь стоили до тридцати милліоновъ: вы невольно скажете тоже, что и посланные Пирра о сенатѣ Римскомъ: «это совѣтъ Царей!» — Невыразимое чувство благоговѣнія, не смотря на внѣшнюю простоту обѣихъ палатъ, овладѣетъ вами, когда вамъ назовутъ дѣйствующія предъ вами лица, уже принадлежащія потомству, и вы вспомните, что тутъ рѣшаются не судьбы Англіи, но цѣлой вселенной, ибо Индія и Америка, Китай и Австралія, какъ тѣни проходятъ, одна за другою, предъ вселенскою думою сановниковъ, столь глубоко проникнутыхъ важностію своихъ преній. А кажется все

такъ просто дѣлается и говорится, будто люди знакомые сошлись потолковать между собою и сей-часъ готовы разъѣхаться, потому что верховыя лошади Лордовъ ожидаютъ ихъ у подъѣзда, для прогулки въ Гейдъ-паркѣ. — Только тронъ королевскій въ верхней палатѣ и дубовое кресло президента въ нижней, съ черными одеждами нотаріевъ и строгими формами древле учрежденнаго церемоніала, свидѣтельствуютъ, что тутъ происходитъ нѣчто болѣе обыкновеннаго; а когда цѣлые дни и даже ночи протекаютъ иногда въ непрерывномъ засѣданіи, можно убѣдиться, что не что либо маловажное озабочиваетъ совѣщающихся. — Что же, когда въ урочные дни, открытія и закрытія парламента, являются въ верхней палатѣ Королева, въ вѣнцѣ и порфирѣ, со всемъ своимъ готическимъ дворомъ, всѣ Епископы Англіи, въ митрахъ и мантіяхъ, и всѣ Лорды, Герцоги, Маркизы и Графы, имѣющіе голосъ въ палатѣ, вмѣстѣ съ своими супругами, также въ мантіяхъ и свойственныхъ каждому коронахъ, во всемъ очарованіи среднихъ вѣковъ? — не есть ли это

царственный совѣтъ? — Изъ парламента загляните въ мрачное аббатство, уцѣлѣвшее во всей своей готической красѣ, гдѣ предъ ракою Короля исповѣдника Эдуарда доселѣ вѣнчаются его преемники, на камнѣ древнихъ владыкъ Шотландскихъ: — вы прочтете тамъ мраморную лѣтопись всего царства, на гробовыхъ плитахъ его Королей, полководцевъ, министровъ, поэтовъ, философовъ, однимъ словомъ всего, что только сіяло геніемъ своимъ благодарному отечеству; вы увидите, что оно собирало вѣками всю свою народную славу въ сію единственную, неподражаемую сокровищницу, которая есть лучшій источникъ богатствъ, ибо возбуждаетъ къ подражанію великихъ подвиговъ тамъ, гдѣ ни одинъ изъ нихъ не утраченъ. Кто обойдетъ это чудное аббатство, съ глубокою думою останавливаясь надъ гробами Елисаветы и Маріи, всего славнаго дома Плантагенетовъ и горькаго Стуартовъ; кто прочтетъ весь рядъ эпитафій; такъ называемаго крыла поэтовъ, тотъ обойметъ однимъ полетомъ мысли: что была и есть ве-

ликая земля, ихъ воспитавшая и упокоившая подъ одною сѣнію, на память будущимъ поколѣніямъ! А между тѣмъ какая твердость въ соблюденіи преданій! — самое аббатство и парламентъ и сосѣдній дворецъ, стоятъ на землѣ одного частнаго человѣка, Маркиза Вестминстерскаго, сохранившаго имя свое урочищу, которое никогда не выходило изъ рукъ его! Не надобно однако искать блеска царскаго, въ дворцахъ St. James и Букингамѣ, гдѣ только временно пребываетъ Королева при засѣданіяхъ парламента: — въ Виндзорѣ вся ея слава! Виндзоръ, вмѣстѣ замокъ и дворецъ, какихъ нѣтъ въ Европѣ; тамъ все еще дышетъ временами Генриховъ, какъ будто бы средніе вѣка не прекращались для Англіи, въ рыцарскихъ залахъ Виндзора.

Теперь посмотрите на мимотекущую Темзу, этотъ великій каналъ новой Венеціи, затмившей прежнюю, который кипитъ жизнію обладательницы уже не морей, но океановъ. Арка за аркой, одна другой смѣлѣе и изящнѣе, переброшены черезъ бы-

струю рѣку, усѣянную судами: между сихъ великолѣпныхъ мостовъ, связывающихъ исполинскій городъ двухъ милліоновъ жителей, дымятся и скользятъ безчисленные пароходы, безпрестанно причаливающіе и отчаливающіе, посреди шума и крика толпы народной и сигнальныхъ свистковъ. Страшно смотрѣть на это непрестанное движеніе неизсякающей никогда толпы, которая пестро движется передъ вами во всѣхъ направленіяхъ, такъ что голова можетъ закружиться отъ постояннаго вниманія къ мимоидущимъ. «Какая жизнь!» сказалъ я однажды Пальмеру, бросаясь съ нимъ на отчаливающій пароходъ. «Въ адѣ еще больше!» спокойно отвѣчалъ онъ, и это глубокое слово запало мнѣ въ сердце, когда я подумалъ: многіе ли изъ всей этой необъятной массы, которая такъ торопится дѣйствовать и жить, многіе ли, помышляютъ въ сію минуту о томъ, что единственно на потребу, по словамъ Спасителя?

Спуститесь по царственной Темзѣ, подъ всѣ каменные гребни ея мостовъ, мимо рос-

кошныхъ дворцевъ ея и общественныхъ зданій, и храма Павлова, который созданъ былъ чтобы состязаться съ Петровымъ въ Римѣ, но только громадностію а не красотою; плывите мимо исполинской таможни и доковъ, куда стекается всемірная дань Англіи, мимо мрачныхъ бойницъ или башни, (Tower) гдѣ произошло столько лѣтописныхъ ужасовъ: — вамъ покажутъ наконецъ подземный и вмѣстѣ подводный проходъ, который изобрѣлъ и совершилъ, безъ всякой пользы, предпріимчивый геній человѣка, только ради одной славы; васъ непріятно обвѣетъ смрадная атмосфера дыма, которая сдѣлалась природнымъ воздухомъ Лондона, отъ его безчисленныхъ заводовъ. — Хотите ли плыть далѣе, чтобы видѣть гдѣ строятся эти неистощимыя суда, обтекающія вселенную, съ миромъ и войною, и вы не найдете достаточно словъ, чтобы выразить свое изумленіе. До такой степени поразятъ и подавятъ васъ исполинскіе размѣры всего, что представится вашимъ взорамъ, и вы тогда только поймете, почему такія страшныя изверженія прорываются, изъ

жерла сего морскаго Везувія, во всѣ концы земнаго шара.

Хотите ли заглянуть въ такъ называемый Сити, или какъ бы у насъ сказали на Москвѣ, въ городъ? — Имѣйте терпѣніе, или идите пѣшкомъ, потому что здѣсь на каждомъ шагу вашъ экипажъ будетъ останавливаться, въ тѣснотѣ улицъ, непрерываемою цѣпью исполинскихъ колесницъ, влекомыхъ исполинскими лошадьми, какихъ вы только встрѣчаете въ Англіи; да и пѣшкомъ часто будетъ задерживать васъ волна народная, текущая къ биржѣ и къ банкамъ, ибо тутъ сердце всемірной торговли. Здѣсь царствуетъ надъ городомъ Лордъ Меръ, засѣдающій въ своихъ палатахъ также подъ прикрытіемъ готическихъ формъ; Королева должна испрашивать у него позволеніе вступить въ его область, послѣ своей коронаціи. Вотъ кажется небольшой домъ Индѣйской компаніи, а въ немъ нѣсколько купцевъ даютъ законы, не менѣе какъ двумъ стамъ милліонамъ подвластныхъ имъ жителей Индіи, Гвебровъ, Браминовъ и Маго-

метанъ, для коихъ назначаемый сими купцами намѣстникъ замѣнилъ великаго Могола! Страшно давать тутъ просторъ своему воображенію. Вотъ, на краю Сити, обширныя палаты сословія адвокатовъ, ибо въ Англіи все дѣлается общественными средствами и потому такъ огромно: — это бывшій замокъ ордена Храмовниковъ, столь жестоко истребленнаго въ средніе вѣка. Еще уцѣлѣла рыцарская великолѣпная зала, гдѣ теперь собираются власти адвокатовъ: какое странное наслѣдство! Недавно общество ихъ употребило болѣе милліона рублей, на отдѣлку древней церкви Храмовниковъ, строенной по образцу мечети Омаровой въ Іерусалимѣ. Одно общество расходуетъ милліонъ для отдѣлки своей домовой церкви: — какъ это выражаетъ характеръ Англіи! Но куда въ ней ни обратитесь, все такіе же размѣры.

Взойдете ли въ музей Британскій: — тамъ, кромѣ остатковъ изящной древности Эллинской и Египетской, вы пройдетесь по тремъ царствамъ природы, въ такомъ обиліи и разнообразіи предметовъ, что уже ка-

жется ничего болѣе нельзя желать отъ нее, ибо для вашей любознательности истощена вся ея область, и даже допотопный міръ предстанетъ вамъ, въ страшныхъ оставахъ своихъ исполинскихъ гадовъ и животныхъ: вы разгадаете тутъ всѣ легенды, о чудовищахъ моря и суши, съ коими боролись древніе гиганты. Естьли же васъ занимаетъ животный міръ, въ нынѣшнемъ его бытѣ, посѣтите паркъ Регента: тамъ отъ морскаго тюленя до тигра и слона, отъ высокой пестрой жирафы до страуса и носорога, вы увидите все что создала рука Божія для человѣка. Съ изумленіемъ ходите вы посреди всѣхъ сихъ животныхъ, искуственно собранныхъ съ концевъ вселенной въ одномъ саду, для потѣхи человѣка, какъ бы нѣкогда въ Эдемѣ, когда человѣкъ еще не утратилъ своего образа: и чудно, и дико, и назидательно!

Многое бы еще можно сказать, но я хотѣлъ только набросать нѣсколько очерковъ, хотя и несвязныхъ, чтобы въ самомъ разнообразіи предметовъ дать слабое понятіе

о ихъ исполинскихъ объемахъ, и о чрезвычайности общаго впечатлѣнія Англійской столицы. Тотъ, кто однажды видѣлъ Лондонъ и то, что въ немъ, уже не можетъ быть ничѣмъ пораженъ въ другихъ городахъ, исключая искуствъ, развалинъ и природы, и весьма понятно, почему такъ надмѣнны Британцы, вездѣ встрѣчающіе одно слабое и часто смѣшное подражаніе тому, что у нихъ такъ просто и огромно. Даже самая любовь ихъ ко всему родному, отечественному, которая заставляетъ ихъ пренебрегать чуждые обычаи и языки, и не терпитъ у себя ничего, что не свое, не должна внушать имъ уваженія къ тѣмъ, которые ищутъ неловко подражать имъ; но за то они чрезвычайно радушны и любезны въ своихъ предѣлахъ, ибо чувство ихъ народной гордости утѣшено невольнымъ изумленіемъ всякаго иностранца предъ тѣмъ, что у нихъ встрѣчается. Они сами, свято соблюдая свои преданія, готовы уважать ихъ и у другихъ, будучи особенно проникнуты чувствомъ самобытной народности, которая составляетъ основную черту ихъ

характера, частнаго и общественнаго, правленія и самой религіи.

Съ такимъ стремленіемъ къ предпріятіямъ исполинскимъ, съ такими стихіями самобытности народной, не могла удержаться Англія, и въ отношеніи церковномъ, на цѣпи Римской, какъ домогались сего Папы, хотя она могла всегда занимать почетное мѣсто въ союзѣ вселенской Церкви, но безъ напряженій самодержавія Римскаго. Если въ эпоху раздѣленія еще и не были развиты всѣ ея народные элементы и болѣе дѣйствовало своеволіе Генриха VIII, то послѣ ужасовъ жестокаго правленія Королевы Маріи и вооруженныхъ угрозъ ея супруга Филиппа Испанскаго, въ пользу Рима, и особенно послѣ блестящаго вѣка Елисаветы, при которой Англія устремилась на свое широкое поприще, уже невозможно было ожидать отъ нея безусловной покорности Папамъ. Слишкомъ долго они почитали ее своею феодальною собственностію, по акту подданства Короля Іоанна Беземельнаго. Время первыхъ двухъ Стуартовъ, Іакова и Карла, можно почитать самымъ

цвѣтущимъ для Церкви собственно Англиканской, потому что тогда еще, при болѣе стройномъ правленіи Епископскомъ, сохраняла она свои древніе обряды и правила, но уже въ ней кипѣло внутреннее зло либерализма духовнаго, которое вырыжалось подъ формами республиканскими; жертвами его сдѣлались всѣ представители первоначальнаго правленія Епископскаго: добродѣтельный Архіепископъ Лаудъ и лучшіе министры Королевскіе, а наконецъ и самъ нещастный Карлъ I, котораго память мученическая доселѣ совершается въ Церкви Англинской, особенными молитвами и постомъ.

Хотя послѣ смерти Кромвеля, съ возвращеніемъ Стуартовъ, возстановился опять прежній порядокъ церковный, но слабое правленіе развратнаго Карла II не могло утвердить Церкви на прежнемъ основаніи, въ землѣ, потрясенной мятежами и расколами, особенно въ Шотландіи, гдѣ со временъ нещастной Королевы Маріи, уже возгосподствовала секта Пресвитеріанская. Низложеніе Короля Іакова II, зятемъ его Виль-

гельмомъ Оранскимъ, положило тамъ конецъ законному правленію Епископскому. Вильгельмъ, будучи раздраженъ противъ Епископовъ Шотландскихъ, за то что они не хотѣли признать его законнымъ Государемъ, по своей привязанности къ родной имъ династіи Стуартовъ, призналъ, государственнымъ актомъ, Пресвитеріанскую секту господствующею въ Шотландіи, потому что она болѣе благопріятствовала его протестантскимъ мнѣніямъ. Епископы остались при своихъ эпархіяхъ, но только безъ доходовъ и покровительства гражданской власти, и стали на ряду съ сектами. Изъ сего произошла странная аномалія, или лучше сказать нелѣпость, non sense, какъ выражаются Англичане: Король ихъ, признаваемый, вопреки церковныхъ правилъ, главою Церкви, есть вмѣстѣ глава Епископальной въ Англіи и Пресвитеріанской въ Шотландіи, хотя онѣ совершенно враждебны одна другой, а между тѣмъ Епископы Шотландскіе, которые по духу церкви своей находятся въ общеніи съ Англійскими, отринуты какъ секта

правительствомъ, и чрезъ это пользуются большею свободою въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели господствующая Церковь, связанная постановленіями государственными и вполнѣ зависящая отъ королевской власти. Епископы Шотландскіе, отринутые правительствомъ, чувствуя однако свое право, обратились къ Вселенскимъ Патріархамъ и къ Синоду Россійскому, во дни Петра Великаго, чтобы возстановить древнее общеніе Христіанское, но старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ, потому что много протестантскихъ мнѣній проявлялось въ ихъ условіяхъ мира церковнаго, не смотря на благонамѣренность.

Между тѣмъ и въ Англіи постепенно измѣнился прежній церковный порядокъ, когда совершенно протестантская династія Ганноверская возсѣла на тронъ Стуартовъ. Георгъ I., въ смутныя времена претендентовъ или искателей престола, изъ числа сыновей изгнаннаго Короля Іакова, уничтожилъ ежегодныя собранія духовенства (convocations), которыя раздѣлялись по примѣру парламента, на верхнюю и нижнюю

палаты, (т. е. Епископовъ и низшаго клира), и вмѣстѣ съ распредѣленіемъ податей, занимались дѣлами церковными. Такимъ образомъ, каждый Епископъ остался при своихъ правахъ, во ввѣренной ему эпархіи, и Приматъ или Архіепископъ Кантербурійскій сохранилъ нѣкоторое вліяніе надъ всѣми: но Епископы избираются по произволу министровъ и Короля, а управленіе церковное смѣшалось съ гражданскимъ въ парламентѣ, и сосредоточилось въ маломъ совѣтѣ, составленномъ изъ свѣтскихъ лицъ при особѣ королевской. Англія, занятая войнами въ минувшемъ столѣтіи, наполненная сектами и проникнутая, вмѣстѣ, со всею Европою, духомъ вольнодумства, мало обращала вниманія на столь странный порядокъ управленія церковнаго въ государствѣ, гдѣ свыше всего домогаются законности, и въ такомъ положеніи Церковь Англиканская, безъ собственнаго представительнаго правленія, дошла до нашихъ временъ, какъ бы не чувствуя, чего ей недостаетъ. Объявленіе свободы всѣхъ вѣроисповѣданій для засѣданія въ парла-

ментѣ, гдѣ рѣшаются и духовныя дѣла, впервые ее пробудило, ибо здѣсь была потрясена ея національность, когда уже не только міряне, но даже иновѣрцы, дѣлались рѣшителями ея участи.

Мудрено сказать опредѣлительно, какъ и когда началось новое направленіе умовъ въ Церкви Англиканской, которое весьма неправильно носитъ названіе Пьюсеизма, отъ одного изъ своихъ представителей, ибо это не секта а мнѣніе. Оно возникло и послѣдовало за общимъ движеніемъ религіознымъ, которое внезапно обнаружилось по всей Европѣ, послѣ ея гражданскихъ переворотовъ, указавшихъ перстъ Божій невѣровавшимъ. Движеніе сіе столь сильно и повсемѣстно, что даже вопросы политическіе облекаются, для большаго успѣха, въ формы церковныя, а вопросъ о Церкви, совершенно замолкшій въ теченіе минувшаго столѣтія, ожилъ еще съ большею силою нежели прежде. Тоже случилось и въ Англіи, и весьма естественно, что чувство религіозное проснулось скорѣе въ уединенномъ Оксфордѣ, нежели въ шум-

номъ Лондонѣ, занятомъ своею торговлею и политическою жизнію. Еще одна причина болѣе благопріятствовала Оксфорду: знаменитый его университетъ состоитъ собственно изъ коллегій болѣе духовныхъ, нежели мірскихъ, которыя были нѣкогда монастырями и, по особенной привиллегіи, зависѣли прямо отъ Папы, мимо своего Епископа и Кантербурійскаго. Когда монастыри были упразднены Генрихомъ VIII, они удержали однако, подъ видомъ ученыхъ братствъ или коллегій, свои церковныя формы и богатыя имущества, вмѣстѣ съ независимостію отъ мѣстнаго Епископа. Такимъ образомъ ихъ ученіе и вмѣстѣ религіозное мнѣніе не имѣетъ надъ собою никакого высшаго суда; а такъ какъ всѣ занятія сихъ полуиноковъ направлены къ предметамъ историческимъ и богословскимъ, то невольнымъ образомъ возникъ между ними вопросъ, о нынѣшнемъ бѣдственномъ состояніи Церкви Англійской, отъ которой отдѣлилась большая ея половина, разбитая на безчисленныя секты, остальная же коснѣетъ въ глубокомъ равнодушіи и, вопре-

ки своего начальнаго образованія, стремит-къ протестантству. «Въ церковныхъ молитвахъ мы называемъ себя Католиками, а въ актахъ парламента слывемъ Протестантами!» говорили представители новаго движенія, Ньюманъ, Пьюсей, Гопъ и другіе, которые умѣли возбудить тоже соревнованіе въ своихъ послѣдователяхъ, и непримѣтнымь образомъ, въ теченіе десяти лѣтъ, значительная часть университета пристала къ ихъ мнѣнію. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ двигателей былъ діаконъ Пальмеръ, изъ коллегіи Св. Маріи Магдалины, который хотя и не далъ своего имени послѣдователямъ, но болѣе всѣхъ потрудился для Церкви.

Исполненный къ ней пламенной, сыновней любви, и направленный чтеніемъ Св. Отцевъ на путь православія, онъ ясно видѣлъ, что не могутъ новые поборники древняго благочинія, устоять одни противъ господствующаго мнѣнія Англиканской Церкви въ пользу протестантства и противъ обольщеній Римской, которая силится всѣхъ опять привлечь къ своему союзу. Для сего

старался онъ взойти у себя въ сношеніе съ болѣе благонамѣренными и свободными Епископами Шотландіи, и съ грамотою одного изъ нихъ прибылъ въ Россію, чтобы возобновить прежнія ихъ покушенія союза церковнаго; онъ желалъ такимъ образомъ утвердить возникающее вновь православіе своей Церкви, на прочномъ основаніи Вселенскомъ; если же и не достигъ своей цѣли, потому что Церковь Православная не могла видѣть въ одномъ лицѣ діакона, частно прибывшаго въ Россію, представителя цѣлой Церкви и принять его объясненія за удовлетворительныя, однако Пальмеръ много сдѣлалъ пользы для своей Церкви, потому что ознакомилъ съ нею Православную. Онъ отличилъ въ нашихъ понятіяхъ Англиканскую отъ Протестантской, съ которою часто ее смѣшивали по мнѣніямъ, не смотря на ея Епископальный характеръ, и, полезными переводами Русскихъ догматическихъ книгъ, ознакомилъ своихъ соотечественниковъ съ православнымъ ученіемъ, дабы оно не казалось имъ чуждымъ и не оскорбляло ихъ предразсудковъ,

По возвращеніи въ отечество, сердце ревностнаго діакона огорчено было новымъ нарушеніемъ уставовъ церковныхъ, По соглашенію съ Пруссіею, Архіепископъ Кантербурійскій, вмѣстѣ съ Епископомъ Лондонскимъ, поставили Епископа въ Іерусалимъ, на такихъ условіяхъ, чтобы и протестанты могли имѣть его своимъ пастыремъ, такъ что это какъ будто сливало между собою оба исповѣданія. Пальмеръ протестовалъ публично противъ поступка своего Примата; въ то же время Пьюсей написалъ ему трогательное посланіе, коимъ убѣждалъ обратить вниманіе на современныя духовныя потребности своей Церкви, дабы предохранить ея неопытныхъ членовъ отъ обольщеній Римскихъ; ибо повсюду пробуждается духъ благочестія, а ревнители церкви не находятъ себѣ удовлетворенія таинствами и молитвами; между тѣмъ Римляне разсыпаютъ своихъ миссіонеровъ, которые дѣйствуютъ на сердца, жаждущія сблизиться съ церковію. — Вторичное путешествіе Пальмера въ Россію осталось также безъ успѣха, по тѣмъ же причинамъ, но принесло туже пользу.

Мнѣ желательно было видѣть сего достойнаго служителя церкви, въ его домашнемъ и церковномъ бытѣ, и тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, поспѣшилъ я съ нимъ вмѣстѣ въ его родной городъ.

Поздно почью пріѣхали мы въ Оксфордъ и достигли, на самомъ краю его, обширной коллегіи Св. Магдалины. — Пустынный городъ, освѣщенный луною, съ своими готическими зданіями, изъ коихъ многія были нѣкогда монастырями, имѣлъ характеръ совершенно церковный. При входѣ въ обитель Пальмера, мнѣ казалось, что я вступаю въ какое либо древнее аббатство и оно дѣйствительно было нѣкогда аббатствомъ. Когда же онъ ввелъ меня, по длиннымъ переходамъ, въ свои покои, обитые дубовымъ тесомъ, съ нашими православными иконами и съ цѣлою библіотекою Русскихъ и Славянскихъ книгъ, я какъ будто бы перенесся въ одну изъ нашихъ иноческихъ келлій; такъ утѣшительно и вмѣстѣ необычайно было встрѣтить преподобнаго Сергія и Святителей Димитрія и Тихона Задон-

скаго въ Англиканскомъ аббатствѣ. — Послѣ долгой бесѣды, когда я уже хотѣлъ отойти ко сну, благочестивый діаконъ подалъ мнѣ Славянскій молитвенникъ: тронутый его вниманіемъ, я предложилъ ему прочитать вмѣстѣ молитвы, но онъ упорно отказывался. «Церковь ваша запрещаетъ молиться съ еретиками, сказалъ онъ, и покамѣстъ не будетъ удостовѣрена въ православіи нашей, я не хочу нарушать правъ гостепріимства, позволивъ вамъ нарушить у меня въ келліи правила церковныя.» Говоря это, онъ обнялъ меня такъ дружески, что невольно у насъ обоихъ навернулись слезы на глазахъ. Я заснулъ въ Русской келліи, подъ сѣнію отечественной святыни; когда же проснулся рано утромъ и открылъ окно, передо мною разстилался великолѣпный паркъ Англійскій и стадо оленей паслось на широкомъ лугу.

Пальмеръ пригласилъ къ утреннему завтраку нѣсколько изъ своихъ товарищей по коллегіи, которые всѣ безбрачны, а иные облечены подобно ему въ степени церковныя. Самымъ пріятнымъ изъ всѣхъ пока-

зался мнѣ священникъ Мозлей, съ особенною любовію занимающійся тѣмъ, что относится до Церкви Восточной. Потомъ мы всѣ пошли въ готическую церковь коллегіи, гдѣ совершалось съ большимъ благоговѣніемъ богослуженіе утреннее: хоръ мальчиковъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, отвѣчалъ на эктеніи священнослужителей и пѣлъ псалмы и антифоны. По странному порядку нынѣшней Церкви Англиканской, въ ней ежедневно совершаются утренни и вечерни, но литургіи не бываетъ, кромѣ какъ для причастниковъ, а по воскресеньямъ говорятъ проповѣди. Пальмеръ, хотя и діаконъ по степени, занималъ въ церкви настоятельское мѣсто, какъ вице-призидентъ коллегіи.

Послѣ службы онъ повелъ меня по другимъ коллегіямъ, которыя сохранили тотъ же монастырскій и вмѣстѣ готическій характеръ, и съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ иконы Богоматери и Святыхъ, коимъ онѣ были посвящены, и еще сохранившіяся надъ вратами. Въ одной изъ нихъ погребенъ знаменитый Архіепископъ Лаудъ,

почитаемый за мученика въ своей Церкви. Университета, какъ я уже говорилъ, нѣтъ собственно въ Оксфордѣ, но въ немъ сосредоточено главное управленіе шестнадцати коллегій и происходятъ торжественные акты. Потомъ Пальмеръ угостилъ меня постною трапезою въ готической залѣ коллегіи, по случаю Петрова поста, и никому изъ братій не казалось это страннымъ, хотя довольно оригинально было видѣть соблюденіе православнаго поста англійскими клириками, для угощенія пришельца. Уваженіе ихъ къ постановленіямъ церковнымъ, какъ своимъ такъ и чужимъ, весьма замѣчательно. Съ нѣкотораго времени благочестіе особенно проникло въ высшій классъ аристократіи, какъ оно всегда держалось въ среднихъ: никакой отецъ семейства не станетъ завтракать, не прочитавъ прежде утреннихъ молитвъ въ кругу своего семейства, не сядетъ обѣдать безъ молитвы и не ляжетъ спать безъ вечерняго семейнаго молитвословія. Никто не пропуститъ воскреснаго богослуженія, равно утренняго и вечерняго, и во время онаго, не только

церкви запираются изнутри, чтобы опоздавшіе не развлекали болѣе усердныхъ, но даже преграждаются улицы, ведущія къ церкви, чтобы стукъ экипажей не заглушалъ словъ проповѣдника и пѣнія гимновъ. Театровъ и собраній нѣтъ по воскреснымъ днямъ; пусто великолѣпное гульбище Гайдъ-паркъ, гдѣ можно встрѣтить ежедневно всю аристократію англійскую, въ роскошныхъ экипажахъ, молодыхъ Леди на ихъ легкихъ коняхъ, и всѣхъ государственныхъ мужей, отдыхающихъ на конной прогулкѣ отъ преній парламента. Тамъ гуляетъ только одна чернь, послѣ недѣльныхъ работъ, но и то безъ шумныхъ увеселеній, помня день субботній. Такое уваженіе къ законамъ церковнымъ и божественнымъ есть необходимое слѣдствіе и вмѣстѣ основаніе уваженія къ законамъ гражданскимъ, ибо нельзя отдѣлять одно отъ другаго.

Мнѣ не случилось видѣть въ Оксфордѣ самаго доктора Пьюсея, потому что онъ былъ въ это время въ университетѣ Кембриджскомъ; но я воспользовался приглаше-

ніемъ Пальмера, чтобы посѣтить еще болѣе знаменитаго доктора Ньюмана, который почитался, по своему духу и сочиненіямъ, истиннымъ начальникомъ новаго мнѣнія. Онъ жилъ уединенно за пять верстъ отъ Оксфорда, въ маломъ селеніи, для котораго выстроилъ на свое иждивеніе церковь, и посвятилъ себя единственно богомыслію. Мы нашли его въ церкви у вечерни и вмѣстѣ съ нимъ взошли въ его скромное жилище; но казалось онъ былъ не весьма радъ нашему посѣщенію и болѣе молчалъ, коротко и неясно отвѣчая на вопросы и не предлагая своихъ: я не хотѣлъ обременять его долѣе нашимъ присутствіемъ. Уже въ то время Ньюманъ возбуждалъ сомнѣніе въ своихъ приверженцахъ, склонностію къ Римской Церкви, въ которую скоро послѣ перешелъ и даже весьма странно: будучи священникомъ, онъ согласился принять второе крещеніе, хотя Вселенская Церковь всегда признавала правильнымъ всякое крещеніе, совершенное во имя трехъ лицъ Святыя Троицы. Нетерпимость Римская и здѣсь обнаружилась въ полной

силѣ, такимъ явнымъ пренебреженіемъ правилъ церковныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылся промыслъ Божій, о возраждающейся Церкви Англійской. Еслибы новые искатели древняго православія приняли имя Ньюмана, какъ болѣе подвизавшагося вначалѣ, а не Пьюсея, занимавшаго только второстепенное мѣсто и имя коего, дано имъ было случайно: то, съ отпаденіемъ Ньюмана, совершенно упало бы и его мнѣніе; теперь же оно было только потрясено и кроткое обличительное письмо Пьюсея ободрило духъ его послѣдователей. Вообще должно сказать о такъ называемомъ Пьюсеизмѣ, что это не какая либо секта, рѣзко отдѣляющая своихъ членовъ отъ прочей массы, какъ обыкновенно бываетъ въ расколахъ, но только мнѣніе, весьма скромное и тихое, мало по малу распространяющееся по всей Англіи, потому что оно основано на внутреннемъ сознаніи недостатковъ ея церковнаго управленія и подаетъ благія надежды для будущаго.

Церковь Англійская приняла участіе въ общемъ движеніи, и уже собрано

чрезъ подписку, съ пособіемъ Королевы и всего высшаго духовенства, болѣе двухъ милліоновъ рублей, для основанія коллегіи миссіонеровъ, подъ особеннымъ покровительствомъ Архіепископа въ Кантербюри, на развалинахъ древней обители блаженнаго Августина, перваго проповѣдника Англіи. Оттолѣ будутъ разсылаемы, по образцу пропаганды Римской, образованные священники во всѣ концы обширныхъ владѣній Англійскихъ, для обращенія язычниковъ, и это уже сильно обнаруживаетъ возрожденіе церковной жизни Англіи.

По возвращеніи въ Лондонъ, Пальмеръ познакомилъ меня съ двумя изъ главныхъ представителей своего мнѣнія, Гладстономъ и Гопомъ. Первый занималъ важное мѣсто въ совѣтѣ королевскомъ и оставилъ его за противурѣчіе Сиру Роберту Пилю, потому что не одобрялъ мѣры правительства, о воспитаніи иновѣрнаго духовенства на счетъ государства. Съ тѣхъ поръ онъ получилъ еще болѣе значительную должность Министра колоній, и въ немъ ожидаютъ со временемъ достойнаго преемника

Пилю. Онъ служитъ твердою опорою Пьюсеизму, заботится о учрежденіи Шотландскаго духовнаго училища, въ духѣ древняго православія, и написалъ глубокую книгу объ отношеніи правительства къ церкви. Второе лице, Гопъ, адвокатъ весьма извѣстный и богатый, изъ главныхъ дѣлателей въ основаніи миссіонерской коллегіи, ибо онъ одинъ пожертвовалъ до 100,000 рублей и самое мѣсто, гдѣ строится теперь зданіе въ Кантербюри. Мнѣ казалось однако, что недавняя поѣздка его въ Римъ подѣйствовала на его образъ мыслей: и онъ и Пальмеръ сильно защищали Церковь Римскую, когда я жаловался на соблазны, встрѣчаемые на каждомъ шагу въ Римѣ, и особенно при служеніи Папы. «Надобно закрыть глаза и не искать тамъ особеннаго благочестія, говорилъ мнѣ Гопъ, а только единства». Я отвѣчалъ ему: «что не надѣяться обрѣсти благочестія у Намѣстника Христова, было бы оскорбительно для религіи, если Папа дѣйствительно представляетъ лице Господа и почитается видимою главою Церкви; иначе

зачѣмъ же такое мѣстоблюстительство? Самые соблазны Римскіе не доказываютъ ли его невозможность? ибо не дано на землѣ человѣку заступать мѣсто Господа.»

Мнѣ случилось также быть въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ Пальмеромъ, у одного изъ Епископовъ Шотландскихъ, нечаянно туда прибывшаго по дѣламъ. Почтенный старецъ, весьма бѣдный и скромный, говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ своей убогой эпархіи, Росской и Аржильской, только семнадцать священниковъ, при своемъ назначеніи, и умножилъ ихъ до ста. Я утѣшилъ его тѣмъ, что Патріархъ Александрійскій не имѣетъ, въ своей древней области, даже и сего числа пресвитеровъ, и пожелалъ ему столько же успѣха, сколько имѣлъ Св. Григорій чудотворецъ, который нашелъ при своемъ поступленіи на каѳедру Неокесарійскую только 17 Христіанъ, а оставилъ послѣ своей смерти только 17 невѣрныхъ. Съ любовію и участіемъ бесѣдовалъ онъ о состояніи Церкви Шотландской, и я вручилъ ему исторію нашей Церкви, переведенную на Англійскій языкъ,

дабы онъ имѣлъ понятіе о состояніи православія въ нашемъ отечествѣ.

Два раза, вмѣстѣ съ Пальмеромъ, хотѣлъ я посѣтить Епископа Лондонскаго и въ городѣ и на дачѣ, но оба раза не заставалъ его; онъ прислалъ ко мнѣ зятя своего священника, съ привѣтливымъ извиненіемъ, но я уже не имѣлъ времени въ третій разъ къ нему ѣхать. Мнѣ занимательнѣе было представиться примату Англіи, Архіепископу Кантербюрійскому, и я его посѣтилъ въ великолѣпныхъ палатахъ Ламбетъ, на берегу Темзы, противъ парламента. Этотъ готическій замокъ подаренъ былъ еще Генрихомъ VIII, своему любимцу Кардиналу Вольсею, дабы онъ могъ чаще съ нимъ видѣться, нежели въ отдаленномъ Кантербюри, гдѣ настоящая каѳедра Архіепископовъ. Я увидѣлъ почтеннаго старца, въ черной духовной одеждѣ и въ напудренномъ парикѣ, какой носятъ всѣ духовныя лица, судьи и адвокаты въ Англіи. Онъ принялъ меня очень милостиво; но я не могъ съ нимъ долго бесѣдовать, потому что не свободно объясняюсь по Англійски, а онъ не хорошо разу-

мѣлъ Французскій языкъ: однако Архіепископъ съ участіемъ распрашивалъ меня о Россійской Церкви, говорилъ, что читалъ ея исторію и съ утѣшеніемъ видѣлъ нашего Государя въ Лондонѣ.

При отпускѣ приказалъ онъ капеллану показать мнѣ весь свой замокъ, придворную церковь и библіотеку, и башню, гдѣ прежде заключались обвиненные въ ереси. Все зданіе великолѣпно и убрано въ древнемъ вкусѣ, рѣзною дубовою работою, корая такъ изящна въ Англіи. Но признаюсь меня смутили внутренніе покои, гдѣ супруга Архіепископа принимаетъ своихъ гостей. Мы не можемъ привыкнуть къ той мысли, чтобы высокая духовная особа обязывалась узами брака; это служило сильнымъ соблазномъ и на Востокѣ, когда новый Епископъ Іерусалимскій, съ беременною своей женою, ѣхалъ торжественно къ правителю Св. града, по тому горькому пути, по коему Спаситель влачилъ тяжелый крестъ свой. Неприличіе брачнаго состоянія для Епископовъ, совершенно противнаго уставамъ церковнымъ, чувствуется и въ Англіи, потому

что ея Лорды духовные, т. е. Архіепископы Кантербюри и Іорка, и прочіе Епископы, занимающіе старшія мѣста въ верхней палатѣ парламента, не могутъ передать своего громкаго титла супругамъ; жена Архіепископа не называется Миледи, а просто Мистрисъ, какъ не раздѣляющая высокаго званія своего мужа и только терпимая по слабости человѣческой. Странно было также сравнить чрезвычайное богатство Архіепископа, роскошно живущаго въ своемъ феодальномъ замкѣ, съ убожествомъ Епископа Шотландскаго, принадлежащаго къ той же Церкви, хотя и отверженной правительствомъ, который смиренно помѣстился въ домѣ одного изъ соплеменныхъ ему Лордовъ, и самъ провожалъ меня до послѣдней ступени, отворяя двери вмѣсто швейцара.

Вотъ все что могу изложить вамъ въ краткомъ письмѣ, о моемъ краткомъ пребываніи въ Лондонѣ. Присовокуплю только, что Пальмеръ продолжаетъ трудиться и еще недавно, извѣщая меня, что собирается ѣхать въ Шотландію для совѣщанія съ

ея Епископами, прислалъ мнѣ новую свою книгу, подъ заглавіемъ: гармонія Церкви Англиканской и Россійской. Онъ перевелъ въ ней весь нашъ пространный катихизисъ, чтобы его соотечественники могли узнать исповѣданіе вѣры Православной, а дабы и насъ примирить съ ними, и имъ самимъ указать, какъ отступили они отъ прежняго образа мнѣнія отцевъ своихъ онъ извлекъ изъ отеческихъ писаній своихъ Епископовъ, старыхъ и новыхъ, тѣ догматическія мѣста о седми таинствахъ, пресуществленіи, исхожденіи Св. Духа, поклоненіи Св. иконамъ, призываніи Святыхъ и проч. которыя наиболѣе служатъ камнемъ преткновенія. Изъ сихъ отрывковъ видно, что послѣдователи древней Англиканской Церкви разумѣли, гораздо ближе къ православному ученію, о сихъ предметахъ вѣры, нежели нынѣшнія ея чада.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ
„А. С. Семеновъ и Сынъ“ Симеоновск. соб. д. № [illegible]

